

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Харьковское областное историко-археологическое общество

LAUREA

К 80-летию профессора

Владимира Ивановича Кадеева

Харьков
Константа
2007

УДК 94(100)+902/904](082)

ББК 63.3(0)я4+63.4я4

Л28

Главный редактор *С. И. Посохов*

Редакционная коллегия: *К. Ю. Бардола, С. В. Дьячков* (отв. редактор),
А. П. Мартемьянов, И. П. Сергеев, С. Б. Сорочан,
Ю. И. Цитковская.

Художник *С. Э. Кулинич*

Издается по решению правления

Харьковского областного историко-археологического общества
(протокол № 1 от 20.01.2007 г.).

Л28 **LAUREA.** К 80-летию профессора Владимира Ивановича Ка-
деева. (Сб. науч. трудов) — Харьков: Константа, 2007. — 264 с.
ISBN

В сборник вошли работы друзей, коллег и учеников В. И. Кадеева из Украины, России и Болгарии. Рассматривается широкий круг актуальных проблем античной, византийской и средневековой истории, археологии, историографии, а также истории культуры, музейного дела, развития исторической науки. Значительное место занимают исследования разнообразных археологических памятников и публикации новых археологических находок. Сборник отражает современные тенденции развития антиковедения, византистики, исторической науки в целом.

Для историков, археологов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов университетов, всех интересующихся историей и археологией.

УДК 94(100)+902/904](082)

ББК 63.3(0)я4+63.4я4

ISBN

- © Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2007
- © Харьковское областное историко-археологическое общество, 2007

К 80-летию профессора
Владимира Ивановича Кадеева

К 80-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА КАДЕЕВА

Вот уже 102 СЕМЕСТРА готовит студентов-историков в Харьковском университете замечательный педагог, авторитетный ученый-антиковед и археолог, бессменный заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, доктор исторических наук, профессор В. И. КАДЕЕВ. 8 июня 2007 г. Владимиру Ивановичу исполняется 80 ЛЕТ!

В небольшом очерке, разумеется, не отразить все грани яркой, неординарной личности юбиляра, но можно попытаться представить основные вехи его творческого пути *.

Путь Владимира Ивановича в науку не был гладким и простым, хотя интерес к изучению истории у него проявился еще в детские годы, в 5 классе. Но — в жизнь страны ворвалась война... Вместе с другими харьковчанами В. И. Кадееву пришлось пережить все тяготы оккупационного режима,

Профессор В. И. Кадеев
в рабочем кабинете

послевоенной разрухи. И учиться ему довелось сперва не в университете, а в машиностроительном техникуме при заводе им. В. А. Малышева. Затем — несколько лет работы в конструкторском бюро этого промышленного гиганта. И только в 1951 г., уже будучи квалифицированным инженером, Владимир Иванович поступил на исторический факультет Харьковского университета, где специализировался по кафедре древней истории и археологии.

---

* Более полно биография В. И. Кадеева и его научно-педагогическая деятельность освещены в следующих изданиях: *Владимир Иванович Кадеев* — профессор Харьковского университета: Библиогр. указ./Сост. С. В. Дьячков, А. П. Мартемьянов. — Харьков, 1996; *Мещеряков В. Ф.* Профессор Харьковского государственного университета Владимир Иванович Кадеев//*Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева (Сб. науч. трудов)*. — Харьков, 1997. — С. 6–16; *Кадеев Владимир Иванович*//*Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. К 25-летию основания*. — Харьков, 2003. — С. 17–27.

Стремясь получить действительно фундаментальное историческое образование, В. И. Кадеев прекрасно успевал по всем дисциплинам, но основное внимание уделял археологии — принимал активное участие в раскопках на Харьковщине и Полтавщине, успешно совмещал учебу на стационаре с работой в Археологическом музее университета, был в числе главных инициаторов проведения первой Всесоюзной археологической студенческой конференции. Энтузиазм начинающего археолога вскоре был отмечен: по рекомендации декана исторического факультета МГУ проф. А. В. Арциховского в 1955 г. В. И. Кадеев одним из первых студентов в стране получил Открытый лист на проведение самостоятельных археологических разведок. Их результатом стало обнаружение нескольких десятков новых памятников эпохи бронзы и салтовской культуры в бассейне Северского Донца.

С 1956 г., после окончания с отличием университета, В. И. Кадеев работал в Археологическом музее ХГУ и, одновременно, — преподавателем археологии и истории первобытного общества на историческом факультете. Основным предметом его исследований становятся история и археология античных центров Северного Причерноморья. В 1963 г., после обучения в аспирантуре под руководством видного археолога-антиковеда проф. К. Э. Гриневича, В. И. Кадеев защищает в Харьковском университете

Экспедиция 1982 г. в Херсонесе

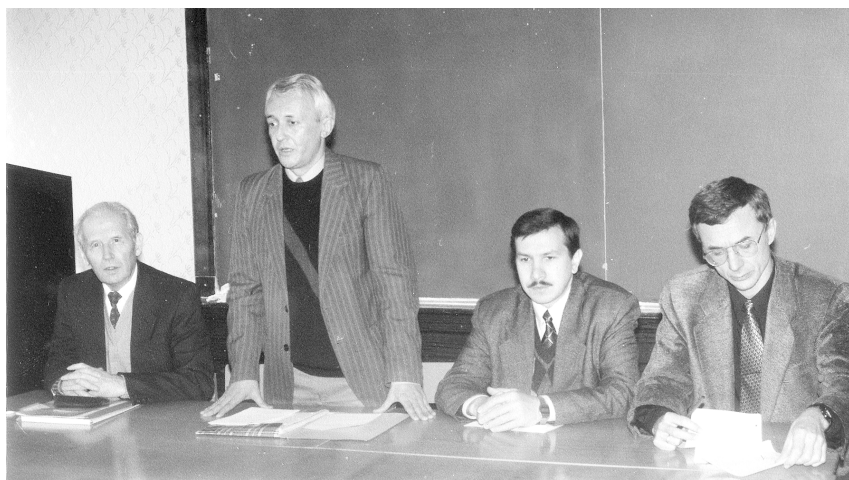
кандидатскую диссертацию «Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I–IV вв. н. э.» Тогда же им была создана действующая поныне Херсонесская археологическая экспедиция, которой Владимир Иванович руководил более 20 лет. Основная ее работа проходила в портовой части Херсонесского городища. В результате многолетних раскопок был получен обильнейший материал, позволяющий судить о хозяйстве и повседневном быте, экономических и культурных связях античного и средневекового Херсонеса. Наряду с этим, экспедиция В. И. Кадеева принимала участие в раскопках могильника у совхоза «Севастопольский» в долине реки Черной, также существенно расширивших представления о материальной культуре херсонеситов в первых веках н. э. Руководил Владимир Иванович и подводными археологическими исследованиями — в Круглой, Карантинной и Песочной бухтах, где удалось обнаружить следы древних и средневековых кораблекрушений, найти остатки оборонительных сооружений ранне-средневекового времени. Глубокое и всестороннее знание источников позволило Владимиру Ивановичу приступить к написанию обобщающего исследования по истории античного Херсонеса. В 1973–1974 гг. он проходит докторантуру при Институте археологии АН СССР (научный консультант проф. В. Д. Блаватский) и в мае 1975 г. там же защищает докторскую диссертацию «Херсонес Таврический в I в. до н. э.—III в. н. э.». В 1979 г. В. И. Кадеев был утвержден в ученом звании профессора.

В 70–80-х гг. В. И. Кадеев активно участвует в республиканских, всесоюзных и международных научных конференциях. Особо следует отметить его доклады на XIV и XV Международных конференциях антич-

В. И. Кадеев и С. Б. Сорочан.
Раскопки склепа на западном
некрополе Херсонеса

ников «Эйрене» в Ереване (1976) и Софии (1978), на Международном семинаре «Античная балканская керамика» в Велико Тырново (1979) и на VI Международном конгрессе по изучению Юго-Восточной Европы в Софии (1989). А в 1980 г. В. И. Кадеев стал инициатором проведения в Харьковском университете Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии». В ней приняло участие целое созвездие ведущих историков, археологов и филологов-классиков, причем многие из них вспоминают прекрасную организацию

На заседании правления ХИАО.

В. И. Кадеев, А. П. Мартемьянов, С. И. Посохов, С. В. Дьячков и высочайший научный уровень конференции и сейчас, четверть века спустя. В течение последних 15 лет Владимир Иванович неизменно входит в состав оргкомитетов Международных научных конференций, проводимых в Харькове областным историко-археологическим обществом и Межреспубликанской ассоциацией болгаристов.

Разумеется, наиболее полно результаты научных исследований В. И. Кадеева представлены в его многочисленных статьях* и монографиях. Изданная в 1970 г. первая научная монография Владимира Ивановича «Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э.» по сей день остается «настойной книгой» археологов-практиков, ведущих раскопки античных центров Северного Причерноморья. В 1981 г. выходит в свет монография В. И. Кадеева «Херсонес Таврический в первых веках нашей эры», посвященная социально-политическому развитию Херсонеса, проблемам этнического состава населения города в римское время. Результаты исследований различных аспектов торговли Херсонеса с населением Юго-Западного Крыма, Причерноморья и Средиземноморья составили вклад Владимира Ивановича в опубликованную им в 1989 г. в соавторстве с С. Б. Сорочаном монографию «Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.—V в. н. э.». Наряду с вопросами социально-экономического и этнополитического характера, В. И. Кадеева всегда интересовали проблемы истории

---

* Значительная часть их вошла в сборник: *Кадеев В. И.* История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. — Харьков, 2000.

культуры и повседневной жизни, воспитания и образования в античном Херсонесе. Им посвящена вышедшая в 1996 г. еще одна книга ученого — «Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н. э.)». В последнее время Владимир Иванович активно занимается изучением истории антиковедения и археологии в Харьковском университете. Среди его публикаций по этой проблематике следует особо выделить биобиблиографические справочники и статьи, посвященные В. П. Бузескулу, Е. Г. Кагарову и А. С. Федоровскому, а также большой раздел о научной деятельности университетских преподавателей, написанный для юбилейного издания «Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років» (2004).

Владимир Иванович не только много пишет сам, но и ежегодно рецензирует большое количество работ других авторов, постоянно занят редакторской работой. В разные годы он являлся главным редактором исторической серии «Вестника Харьковского университета», «Болгарского ежегодника» и историко-археологического ежегодника «Древности», членом редколлегии журнала «Археологія» (Киев), рецензентом центральных российских академических журналов «Вестник древней истории» и «Советская археология».

Ознакомление с внушительным списком научных трудов Владимира Ивановича может породить представление о нем, как о типично «кабинетном» ученом, который отрывается от письменного стола только ради очередных раскопок. На самом же деле трудно встретить человека, уделявшего бы столько времени различного рода организационной работе. В 1978–1982 гг. В. И. Кадеев

Кафедра истории древнего мира и средних веков (1987 г.)

был деканом исторического факультета ХГУ. С 1978 г., когда там была создана кафедра истории древнего мира и средних веков, он является бессменным ее руководителем, в полной мере проявляя качества прекрасного педагога-организатора. О том, насколько эффективно работает под руководством Владимира Ивановича его кафедра, свидетельствует уже тот факт, что ныне ее выпускники плодотворно трудятся на научном и педагогическом поприще не только в Украине и России, но и в Болгарии и Австралии, в Израиле и на Кипре. Кроме того, с 1978 г. на кафедре подготовлено 15 кандидатских диссертаций (11 из них — под руководством В. И. Кадеева) и две докторские (научным консультантом автора одной из них также был проф. В. И. Кадеев).

Участие В. И. Кадеева в подготовке историков и археологов высшей квалификации не ограничивается руководством аспирантами и консультированием докторантов. В 1978–1981 гг. он был председателем специализированного совета ХГУ по защитах кандидатских диссертаций, в 1978–1993 гг. — членом специализированного совета Института археологии Академии наук Украины по защите докторских диссертаций, а с 1982 г. до самого недавнего времени — членом специализированного совета Харьковского университета по защите докторских диссертаций.

Даже в кратком очерке нельзя не упомянуть о той во многом определяющей роли, которую сыграл Владимир Иванович в создании Харьковского историко-археологического общества, объединившего в своих рядах многих отечественных и зарубежных историков и археологов. В 1994 г. он стал одним из главных инициаторов учреждения этой организации, а с 1995 по 2001 гг. был ее сопредседателем. Временами же научно-организационная деятельность В. И. Кадеева выходила далеко за рамки Харькова: в 1978–1993 гг. он был членом координационного совета «Археологические исследования на Украине» при Институте археологии Украинской Академии наук, а с 1979 по 1989 г. — членом секции истории Научно-технического совета Минвуза СССР, причем последние пять лет исполнял в ней обязанности заместителя председателя комиссии по археологии и этнографии.

Научно-педагогическая деятельность В. И. Кадеева неоднократно отмечалась различными наградами. В 1993 г. ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки и техники Украины», а в 1999 г. — «Заслуженный профессор Харьковского государственного университета». В 2002 г. В. И. Кадеев был награжден знаком «Відмінник освіти України», а в 2004 г. — знаком Министерства образования и науки Украины «Антон Макаренко».

Конечно, все эти высокие награды абсолютно заслужены. Однако есть среди заслуг Владимира Ивановича и нечто, не поддающееся воплощению в почетные знаки и звания. Со временем бывший студент может забыть многое из того, что с ним происходило в годы учебы. Но, думается, если

спросить любого выпускника нашего истфака последних десятилетий, кто преподавал ему историю древней Греции и Рима, тот и через 30 лет после окончания университета без запинки ответит, что это был Кадеев. Лекции Владимира Ивановича забыть просто невозможно, а успешная сдача ему итогового экзамена всегда наполняет студента гордостью и даже как-то выделяет его из среды сокурсников. Именно Владимир Иванович вводит начинающих историков в прекрасный мир античных идей и образов, и многие остаются благодарными ему за это навсегда. Наверное, это и есть главная награда Преподавателю, посвятившему университету свою жизнь. И, может быть, символично, что книгой профессора Кадеева, вышедшей в свет в преддверии его юбилея стал именно его курс лекций «История Древней Греции и Рима» (Харьков, 2006)!

*Доброго Вам здоровья, благополучия
и новых творческих свершений, дорогой наш Учитель!*

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ В. И. КАДЕЕВА

1. Славянские гончарные клейма на Харьковщине//Итоговая студ. науч. конф.: Тез. докл. — Харьков, 1954. — С. 45–47.
2. К истории обработки цветных металлов у племен салтовской культуры//Итоговая студ. конф.: Тез. докл. — Харьков, 1956.
3. Археология в ХГУ за 40 лет: Путеводитель по выставке. — Харьков, 1956. — 47 с.: ил.
4. Економіка античного Херсонеса в радянській історіографії//Уч. зап. Харк. ун-ту. — 1961. — Т. 117: Тр. іст. фак. — Т. 8. — С. 19–33.
5. Соляний промисел в пізньоантичному Херсонесі (I—IV ст. н. е.)//Археологія. — 1961. — Т. 13. — С. 89–94.
6. Производство изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе//Тез. науч. конф. аспирантов каф. обществ. наук Харьк. ун-та. — Харьков, 1962. — С. 122–124.
7. Риболовний промисел в Херсонесі в перших віках н. е.//Уч. зап. Харк. ун-ту. — 1962. — Т. 124: Тр. іст. фак. — Т. 9. — С. 59–79.
8. Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. — Харьков, 1963. — 362 с.: 14 л. табл. — (Харьк. гос. ун-т).
- То же. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Харьков, 1963. — 16 с.
9. Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса//СХМ. — 1963. — Вып. 3 — С. 32–44.
10. О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе//СА. — 1963. — № 1. — С. 43–48 (*соавторы Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.*).
11. Раскопки в Херсонесе Таврическом//Красное знамя. — 1963. — 17 ноября.
12. Реф.: Соляной промысел в позднеантичном Херсонесе//Bibliotheca classica orientalis. Н. 6. — Berlin, 1963. — S. 337 (на немецком языке).
13. Нові нумізматичні надходження Археологічного музею Харківського державного університету//Наук.-інф. бюл. Архів. управління УРСР. — 1964. — № 3. — С. 110–111 (*соавтор Зайцев Б. П.*).
14. Реф.: О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе//Bibliotheca classica orientalis. Н. 3. — Berlin, 1964. — S. 179 (*соавторы Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.*) (на немецком языке).
15. Подводные исследования в районе Херсонеса 1964 г.//Материалы сессии, посвящ. итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР: Тез. докл. — Баку, 1965. — С. 106–107.

16. Новое открытие в Херсонесе//Красное знамя. — 1964. — 22 сент.
17. Аланские надписи: новые находки харьковских археологов//Красное знамя. — 1965. — 26 июня.
18. В поисках затонувших кораблей: [Подводные археол. исследования у берегов Херсонеса]//Красное знамя. — 1965. — 10 окт.
19. Подводные археологические исследования в районе Херсонеса 1964–1965 гг.//Пленум Ин-та археологии (АН СССР) 1966 года: Тез. докл. — М., 1966. — С. 11–12.
20. 75-річчя К.Е. Гріневича//УІЖ. — 1966. — № 9. — С. 136–137.
21. Технологія виготовлення «бронзових прикрас» з могильника II–IV ст. н. е. біля радгоспу «Севастопольський»//ВХУ. — 1966. — № 17: Іст. сер. — Вип. 1. — С. 99–105: рис. (соавторы Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.).
22. Новые открытия под водой: [О подводных исслед. у берегов Херсонеса археолог. экспедиции Харьк. ун-та]//Красное знамя. — 1966. — 13 окт.
23. Херсонес раскрывает тайны//Красное знамя. — 1966. — 20 дек.
24. К 75-летию К. Э. Гриневича//СА. — 1967. — № 4. — С. 187–189: портр.
25. Некоторые результаты петрографических исследований античной керамики из Херсонеса//ЗООА. — 1967. — Т. 2 (35). — С. 271–276: ил. (соавтор Шуменко С. И.).
26. Подводные исследования у берегов Херсонеса//АО 1966 года. — М., 1967. — С. 257–258 (соавтор Вишневский В. И.).
27. Український краєзнавець і археолог В. О. Бабенко//УІЖ. — 1967. — № 12. — С. 104.
28. Археологія на дні моря//Знання та праця. — 1968. — № 5. — С. 25–26: фото.
29. Нові джерела для вивчення етнічного складу середньовічного Херсонесу//Архіви України. — 1968. — № 1. — С. 42–44: іл.
30. О времени появления токарного металлорежущего станка в Херсонесе //Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — Л., 1968. — С. 149–153: ил.
31. Поиски древних кораблей//Спортсмен-подводник. — 1968. — Вып. 19. — С. 52–58: ил.
32. Средневековые граффити из Херсонеса//СА. — 1968. — № 2. — С. 288–290.
33. Сокровища древнего города: [Об исследовании Херсонеса Таврического]//Красное знамя. — 1968. — 28 янв.
34. Торговля Херсонеса Таврического в I–IV веках н. э. — Харьков, 1969. — 46 с.

35. Импортные светильники I—IV вв. н. э. из Херсонеса//СА. — 1969. — № 3. — С. 159–170.
36. Исследования в портовой части Херсонеса//АО 1968 года. — М., 1969. — С. 286–287: ил.
37. Косторізне виробництво у пізньоантичному Херсонесі I—IV ст. н. е.//Археологія. — 1969. — Т. 22. — С. 236–240.
38. Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964–1965 гг.//Морские подводные исследования. — М., 1969. — С. 342–353.
39. Находки археологов: [Исследования Херсонеса]/Красное знамя. — 1969. — 16 янв.
40. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э. — Харьков, 1970. — 164 с.: ил.
41. Про торгівлю Херсонеса з населенням Південно-Західного Криму I—IV ст. н. е.//Питання історії народів СРСР. — 1970. — Вип. 9. — С. 151–155.
42. Про торгівлю Херсонеса з Середземномор'ям у I—IV ст. н. е.//ВХУ. — 1970. — № 45: іст. сер. — Вип. 4. — С. 62–68.
43. Раскопки в портовом районе Херсонеса//АО 1969 года. — М., 1970. — С. 282–283 (соавторы Даниленко В. Н., Романчук А. И.).
44. Штурм далекого минулого: [Дослідження Херсонеса Таврійського] //Веч. Харків. — 1970. — 27 берез.
45. К вопросу о составе херсонесского совета в первых веках н. э.//ВДИ. — 1971. — № 3. — С. 127–130.
46. Костянтин Едуардович Гріневич: 1891–1970. [Некролог]//Археологія. — 1971. — № 3. — С. 104.
47. Про державний лад Херсонеса в перших століттях н. е.//УІЖ. — 1971. — № 9. — С. 23–31.
48. Раскопки в портовом районе Херсонеса//Археологические исследования на Украине в 1968 году. Вып. 3. — К., 1971. — С. 253–256 (соавтор Даниленко В. Н.).
49. Раскопки в Херсонесе//АО 1970 года. — М., 1971. — С. 268–269: ил.
50. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе объединенной экспедиции в 1963–1964 гг.//АДСВ. Сб. 7. — Свердловск, 1971. — С. 7–61. — (Уч. зап. Урал. ун-та; № 112: Сер. ист.; вып. 22) (соавторы Даниленко В. Н., Токарева Р. Н., Суров Е. Г., Колесникова Л. Г.).
51. Средневековые амфоры Херсонеса//АДСВ. Сб. 7. — Свердловск, 1971. — С. 81–101. — (Уч. зап. Урал. ун-та; № 112: Сер. ист.; Вып. 22) (соавторы Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Романчук А. И.).
52. Новое открытие в Херсонесе//Красное знамя. — 1971. — 21 янв.

53. О скорченных погребениях Херсонесского некрополя//Тез. докл. на секциях ИА АН СССР, посвящ. итогам полевых исследований 1971 года. — М., 1972. — С. 101–102.
54. Раскопки в портовом районе Херсонеса//АО 1971 года. — М., 1972. — С. 373–374 (*соавтор Романчук А. И.*).
55. Раскопки в портовом районе Херсонеса в 1970–1971 гг.//Тези пленарних і секційних доповідей XV наук. конф. Ін-ту археології. — Одеса, 1972. — С. 237–239.
56. Нова рибозасолювальна цистерна у Херсонесі//Археологія. — 1973. — Вип. 12. — С. 76–80: іл. (*соавтор Рыжов С. Г.*).
57. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя//ВДИ. — 1973. — № 4. — С. 108–116.
58. Раскопки в «центре участка» [портового района Херсонеса]/АДСВ. Сб. 9. — Свердловск, 1973. — С. 13–27.
59. Деревоперерабатывающее производство Херсонеса в I–IV вв. н. э. //Херсонес Таврический: Ремесло и культура. — К., 1974. — С. 34–39: ил.
60. До питання про римських вільновідпущеників у Херсонесі в перших століттях н. е.//ВХУ. — 1974. — № 4. Історія. — Вип. 8. — С. 83–88.
61. Об этнической принадлежности носителей имени ΣΚΥΘΑΣ в Херсонесе Таврическом//СА. — 1974. — № 3. — С. 56–63.
62. Херсонес Таврический в I в. до н. э.—III в. н. э.: Дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1975. — 510 с.: ил. — (ИА АН СССР).
То же. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1975. — 40 с.
63. Херсонес раскрывает тайны: Экспедиции харьковчан//Красное знамя. — 1975. — 19 окт.
64. Вольноотпущенники и их потомки в античных государствах Северного Причерноморья//XIV Междунар. конф. античников соц. стран: Тез. докл. Ереван, 1976, 18–23 мая. — Ереван, 1976. — С. 171–172.
65. До питання про вільновідпущеників з грецькими іменами в Херсонесі Таврійському//ВХУ. — 1976. — № 145. — С. 98–102.
66. К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе//КСИА АН СССР. — 1976. — Вып. 145. — С. 9–13.
67. Раскопки в портовом районе Херсонеса//АО 1975 года. — М., 1976. — С. 380–381: фото (*соавтор Романчук А. И.*).
68. О рабстве в Херсонесе Таврическом в первых веках н. э.//История и культура античного мира. — М., 1977. — С. 57–61.
69. Малоазійські написи з Херсонеса//ВХУ. — 1978. — № 167: Історія. — Вип. 10. — С. 93–96.

70. Статус Херсонеса Таврического во время римской оккупации (II—III в. н. э.)//XV Conference internationale d'études classiques des Pays socialistes «Eirene»: Res. des Communications. — Sofia, 1978. — S. 34–35.
71. Вольноотпущенники и их потомки в античных государствах Северного Причерноморья//Проблемы античной истории и культуры. — Ереван, 1979. — С. 359–365.
72. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э.//ВДИ. — 1979. — № 2. — С. 55–76.
73. Развитие истории древнего мира в Харьковском университете за 175 лет//Проблемы античной истории и классической филологии: Тез. докл. — Харьков, 1980. — С. 16–17.
74. Ред.: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Проблемы античной истории и классической филологии», 6–8 февр. 1980 г. — Харьков, 1980. — 206 с.
75. Историчний факультет: учора, сьогодні, завтра//Харк. ун-т. — 1980. — 2 лют. (соавтор Лантух В.).
76. Якщо хочеш вивчати історію//Харк. ун-т. — 1980. — 18 берез.
77. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Харьков, 1981. — 143 с.
78. Некоторые вопросы истории земледелия античного Херсонеса//ВХУ. — 1981. — № 214. — С. 90–95.
79. Правовое и социальное положение граждан Херсонеса//Авторско-читательская конф. журн. «ВДИ»: Тез. докл. — М., 1981. — С. 39–40.
80. З глибини віків: [Дослідження Херсонеса Таврійського]/Вечірній Харків. — 1981. — 8 верес.
81. Раскопки в Херсонесе//Красное знамя. — 1981. — 6 сент.
82. Винайдені скарби//Україна. — 1982. — № 1. — С. 22–23: іл. (соавтор Зубарь В. М.).
83. Золотой медальон Тихе: [Новые находки на территории Херсонеса]//Правда Украины. — 1982. — 11 нояб. (соавтор Зубарь В. М.).
84. Нові відкриття в Херсонесі//Харк. ун-т. — 1982. — 16 лют.: фото.
85. Раскопки в Херсонесе//Красное знамя. — 1982. — 9 окт.: фото.
86. Якщо хочеш стати істориком//Харк. ун-т. — 1982. — 23 берез.
87. В.П. Бузескул как историк//ВХУ. — 1983. — № 238. — С. 48–52.
88. Пам'ятки стародавнього міста: [Херсонес Таврійський]/Україна. — 1983. — 25. — С. 22: іл. (соавтор Зубарь В. М.).
89. Раскопки в портовом районе Херсонеса//АО 1981 года. — М., 1983. — С. 264–265: фото.
90. Ред.: История и культура досоциалистических формаций. — Харьков, 1983. — 126 с.: ил. — (ВХУ; № 238).

91. Армянские лучники на службе Митридата Евпатора//Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке: Тез. докл. — Ереван, 1984. — С. 12–13 (*соавтор Виноградов Ю. Г.*).
92. Историческая наука в Харьковском университете (1933–1983)//ВХУ. — 1984. — № 266. — С. 110–119 (*соавтор Журавский Ю. И.*).
93. Раскопки в портовом районе Херсонеса//АО 1982 года. — М., 1984. — С. 263–265: фото.
94. Ред: Социалистическое и коммунистическое строительство в СССР и странах социалистического содружества. — Харьков, 1984. — 120 с. — (ВХУ; № 266).
95. Египетские и сирийские светильники первых веков н. э. из Херсонеса //ВХУ. — 1985. — № 268. — С. 95–100: рис. (*соавтор Сорочан С. Б.*).
96. Новый надгробный памятник II в. н. э. из Херсонеса//КСИА АН СССР. — 1985. — Вып. 182. — С. 66–69.
97. Раскопки в портовом районе Херсонеса (1981–1984 гг.)//Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в IX пятилетке»: Тез. докл. — Баку, 1985. — С. 159–160.
98. Раскопки в районе Херсонеса//АО 1983 года. — М., 1985. — С. 279–280: рис.
99. Римские гарнизоны Ольвии и Херсонеса в I–III вв. н. э./Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. и сообщ. семинара. — Парутино, 1985. — С. 33 (*соавтор Дьячков С. В.*).
100. Находки археологов//Красное знамя. — 1985. — 10 марта: фото.
101. Правовое и социальное положение граждан античного Херсонеса//Проблемы античной культуры. — М., 1986. — С. 155–160.
102. Раскопки в Херсонесе//АО 1984 г. — М., 1986. — С. 239–240.
103. Изучение древней истории в ХГУ за годы советской власти//ВХУ. — 1987. — № 302. — С. 108–116.
104. О культурных связях Херсонеса с Мезией и Фракией в первых веках н. э./ВХУ. — 1988. — № 316. — С. 61–66.
105. Северное Причерноморье и Фракия в I–IV вв.: проблема контактов //Дриновские чтения: Тез. докл. — Харьков, 1988. — С. 60–61.
106. О дошкольном воспитании детей в античном Херсонесе//Проблемы античной культуры; Тез. докл. Ч. 3. — Симферополь, 1988. — С. 245–246.
107. Проблема римского влияния на Херсонес первых веков н. э./Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг.: Тез. докл. — Севастополь, 1988. — С. 54–55.
108. Вклад русской науки в развитие болгарской археологии в последней четверти XIX—начале XX вв./Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. — Минск, 1988. — С. 250.

109. Античные источники в серии «Древнейшие источники по истории народов СССР»//История СССР. — 1988. — № 5. — С. 185–188 (соавтор Шмалько А. В.).
110. Экономические связи античных городов Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. — Харьков, 1989. — 134 с. (соавтор Сорочан С. Б.).
111. Північне Причорномор'я і Західний Понт: проблема контактів//Археологія. — 1989. — № 4. — С. 91–102 (соавтор Сорочан С. Б.).
112. Школьное образование и воспитание в Херсонесе в первых веках н. э. //ВХУ. — 1989. — № 343. — С. 55–61.
113. Балканистика в ХГУ (1805–1917)//Sixième congrès International d'études du Sud-Est Européen. — Sofia, 1989. — P. 86–87 (соавтор Страшнюк С. Ю.).
114. О культе римских императоров в античных государствах Северного Причерноморья//Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: Тез. докл. — К., 1989. — С. 88.
115. О ветеранах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.//Античный мир и археология. — 1990. — Вып. 7. — С. 77–86 (соавтор Мартемьянов А. П.).
116. Древняя история и античная археология в Харьковском университете (1805–1990)//ВХУ. — 1991. — № 357. — С. 50–69 (соавторы Латышева В. А., Мещеряков В. Ф., Сергеев И. П.).
117. Костянтин Едуардович Гріневич//Археологія. — 1991. — № 4. — С. 119–129.
118. Балканистика в Харьковском университете (1805–1917)//Etudes Balcaniques — 1991. — № 3. — P. 38–51 (соавтор Страшнюк С. Ю.).
119. История и культура Фракии и Мезии античной эпохи в советской литературе//Болгаристика в системе общественных наук. Опыт, уроки, перспективы. — Харьков, 1991. — С. 20–21 (соавтор Мартемьянов А. П.).
120. Краткий очерк научной и педагогической деятельности К. Э. Гриневича//К. Э. Гриневич — профессор Харьковского университета. Библиографический указатель. — Харьков, 1991. — С. 3–7.
121. К вопросу о культе римских императоров в Херсонесе//ВХУ. — 1992. — № 362: История. — Вып. 25. — С. 86–90.
122. К. Э. Гриневич как ученый//ВХУ. — 1992. — № 362: История. — Вып. 25. — С. 129–134.
123. О медицине в античном Херсонесе//История и археология Слободской Украины: Тез. докл. — Харьков, 1992. — С. 120–121.
124. Новые находки римских монет на Харьковщине//История и археология Слободской Украины: Тез. докл. — Харьков, 1992. — С. 31–32 (соавтор Зайцев Б. П.).

125. История древнего мира в Харьковском университете//История древнего мира в Харьковском университете. Библиографический указатель. — Харьков, 1992. — С. 3–6.
126. О римском влиянии на материальную культуру Херсонеса в I—III вв. н. э.//ВХУ. — 1993. — № 374: История. — Вып. 27. — С. 16–24.
127. Древняя Греция в трудах ученых Харьковского университета (1805–1920)//Україна — Греція: історія та сучасність: Тези міжнар. конф. — К., 1993. — С. 60–61 (соавтор Ручинская О. А.).
128. О медицине в Херсонесе Таврическом//Древности 1994. — Харьков, 1994. — С. 63–69.
129. Ред.: Болгарский ежегодник. Т. 1. — Харьков, 1994. — 287 с.: ил.
130. От главного редактора//Болгарский ежегодник. Т.1. — Харьков, 1994. — С. 3–4.
131. Ред.: Древности 1994. Харьковский историко-археологический ежегодник. — Харьков, 1994. — 204 с.: ил.
132. От главного редактора//Древности 1994. — Харьков, 1994. — С. 2–3.
133. Благовония и косметика в античных городах Западного и Северного Понта: источниковедческий аспект//III Дриновские чтения: Тез. докл. — Харьков, 1994. — С. 18–19.
134. О календаре Херсонеса Таврического//ВХУ. — 1994. — № 385: История. — Вып. 28. — С. 31–38.
135. Фракийцы в Северном Причерноморье в первых веках н. э.//ВХУ. — 1994. — № 385: История. — Вып. 28. — С. 39–48 (соавтор Дьячков С. В.).
136. О парфюмерии и косметике в античном Херсонесе//Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины: Тез. докл. — Харьков, 1995. — С. 62–64.
137. О парфюмерии и косметике в античном Херсонесе//Древности 1995. — Харьков, 1995. — С. 98–110.
138. Ред.: Древности 1995. Харьковский историко-археологический ежегодник. — Харьков, 1995. — 198 с.: ил.
139. Еще раз об этнической принадлежности скорченных захоронений в раннем некрополе Херсонеса Таврического//Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. — Симферополь, 1995. — С. 32–37.
140. Херсонес Таврический. Быт и культура (I—III вв. н. э.). — Харьков, 1996. — 208 с.
141. Ред.: Болгарский ежегодник. — Т. 2. — Харьков; София, 1996. — 431 с.
142. Ветераны римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. //Анали. — 1996. Бр. 1–4. — С. 75–89 (соавтор Мартемьянов А. П.).

143. Воспитание и обучение граждан в Херсонесе Таврическом в первых веках н. э.//Х. Сб. — 1996. — Вып. 7. — С. 93–99.
144. Профессор Харьковского университета Е. Г. Кагаров//Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. — Харьков, 1997. — С. 41–42.
145. Украинский археолог, этнограф и краевед В. А. Бабенко//Древности 1996. — Харьков, 1997. — С. 144–146.
146. Ред.: Древности 1996. Харьковский историко-археологический ежегодник. — Харьков, 1997. — 174 с.
147. Евгений Георгиевич Кагаров — профессор Харьковского университета. Биобиблиография. — Харьков, 1997. — 32 с.
148. Владислав Петрович Бузескул — профессор Харьковского университета. Биобиблиография. — Харьков, 1998. — 42 с.
149. Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского госуниверситета. К 20-летию. — Харьков, 1998. — 95 с.
150. Ветераните от римската армия в Долна Мизия и Тракия през първите векове на новата ера//Военноисторически сборник. — 1998. — Кн. 1. — С. 7–17 (соавтор Мартемьянов А. П.).
151. Ред.: Древности 1997–1998. Харьковский историко-археологический ежегодник. — Харьков, 1999. — 230 с.
152. Профессор Харьковского университета Евгений Георгиевич Кагаров //Древности 1997–1998. Харьковский историко-археологический ежегодник. — Харьков, 1999. — С. 182–186.
153. Болгарские дневники. — Харьков, 2000. — 152 с.
154. История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. — Харьков, 2000. — 390 с.
155. Памяти А. И. Митряева//Категоріальний апарат історичної науки. Харківський історіографічний збірник. — 2000. — Вип. 4. — С. 111–113.
156. Памяти В. Ф. Мещерякова (11.I.1947–11.VII.2002)//ВХУ. — 2002. — № 566. — Історія. — Вип. 34. — С. 356–357.
157. Харківський університет у 1919–1920 роках//Університети. Наука и просвещение. — 2003. — № 1. — С. 8–15 (співавтор С. О. Наумов).
158. А. С. Федоровский как археолог//Вісник ХНУ. — 2003. — № 594. — Історія. — Вип. 35. — С. 252–261.
159. Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. К 25-летию основания. — Харьков, 2003. — 135 с.
160. Владислав Петрович Бузескул. К 145-летию со дня рождения//Университеты. Наука и просвещение. — 2003. — № 3. — С. 68–77.

161. В. П. Бузескул и «История Афинской демократии»//Идеал свободы и равноправия. История Афинской демократии. — Харьков, 2004. — С. 469–479.
162. Кафедра истории древнего мира и средних веков//Историчний факультет: від покоління до покоління. — Харків, 2004. — С. 10–19.
163. Видатний історик і історіограф. Бузескул Владислав Петрович //Реабілітовані історією. Харківська область. — К.; Харків, 2005.
164. Харківський університет наприкінці XIX століття — 1920 рік//Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років. — Харків, 2004. — С. 218–300 (*у співавторстві*).
165. Ред.: Древности 2004. Харьковский историко-археологический ежегодник. — Харьков, 2004. — 319 с.
166. Передмова//Вихованці Харківського університету. — Харків, 2004. — С. 6.
167. Алчевський Григорій Олексійович//Там само. — С. 14.
168. Алчевський Іван Олексійович//Там само. — С. 14–15.
169. Барабашов Микола Павлович//Там само. — С. 20–21.
170. Бичко Валентин Васильович//Там само. — С. 26.
171. Бузескул Владислав Петрович//Там само. — С. 35–36.
172. Водяницький Володимир Олексійович//Там само. — С. 44.
173. Воробйов Володимир Петрович//Там само. — С. 46–47.
174. Гулак-Артемівський Петро Петрович//Там само. — С. 58–59.
175. Данилевський Василь Якович//Там само. — С. 60.
176. Добровольський Володимир Анатолійович//Там само. — С. 63.
177. Дунаєвський Ісак Осипович//Там само. — С. 66–69.
178. Забіла Наталя Львівна//Там само. — С. 71–72.
179. Кешпен Петро Іванович//Там само. — С. 86.
180. Кіпріанов Андрій Іванович//Там само. — С. 87.
181. Ковалевський Максим Максимович//Там само. — С. 90–92.
182. Копиленко Олександр Іванович//Там само. — С. 97–98.
183. Кульчицький Микола Костянтинівич//Там само. — С. 107–109.
184. Кульчицький Михайло Валентинівич//Там само. — С. 109–110.
185. Кучер Василь Степанович//Там само. — С. 113.
186. Мечников Ілля Ілліч//Там само. — С. 131–133.
187. Мещеряков Валерій Федорович//Там само. — С. 133–134.
188. Палетмінський Сергій Володимирович//Там само. — С. 149.
189. Перепеляк Іван Михайлович//Там само. — С. 150.
190. Пиріг Руслан Якович//Там само. — С. 151–152.
191. Пілсудський Юзеф Клемент//Там само. — С. 152–154.
192. Полянський Радій Федорович//Там само. — С. 156–157.

193. Потебня Олександр Опанасович//Там само. — С. 159–160.
194. Савченко Володимир Захарович//Там само. — С. 165.
195. Сенченко Іван Юхимович//Там само. — С. 169–170.
196. Сказбуш Микола Йосипович//Там само. — С. 174.
197. Собко Вадим Миколайович//Там само. — С. 178.
198. Сосяра Володимир Миколайович//Там само. — С. 181–182.
199. Стеклов Володимир Андрійович//Там само. — С. 186.
200. Струве Отто Людвигович//Там само. — С. 188–189.
201. Сухомлінов Михайло Іванович//Там само. — С. 192–193.
202. Турчанинов Микола Степанович//Там само. — С. 196–197.
203. Фесенков Василь Григорович//Там само. — С. 207.
204. Халанський Михайло Георгійович//Там само. — С. 212.
205. Шестопалов Віктор Петрович//Там само. — С. 220–221.
206. Шовкоплас Юрій Юрійович//Там само. — С. 223.
207. Владислав Петрович Бузескул//Зневажена Клію. — К., 2005. — С. 75–91.
208. Ред.: Древности 2005. Харьковский историко-археологический ежегодник. — Харьков, 2005. — 388 с.
209. История Древней Греции и Рима. Курс лекций. — Харьков, 2006. — 327 с.
210. Памяти Валерия Федоровича Мещерякова//Валерий Федорович Мещеряков: человек, ученый, гражданин. — Харьков, 2007. — С. 160–164.

УЧАСТИЕ В. И. КАДЕЕВА В РАБОТЕ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ

1954

- I Всесоюзная студенческая археологическая конференция, г. Москва.

1956

- Научная конференция (Пленум) в Институте археологии АН УССР, г. Киев.

1963

- Сессия, посвященная итогам научной работы Государственного Эрмитажа, г. Ленинград.

1964

- Сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований в СССР, г. Москва.

1966

- Научная конференция Одесского Археологического общества, г. Одесса.

1968

- Научная конференция Океанографической комиссии, посвященная подводным археологическим исследованиям, г. Москва.

1972

- Республиканская археологическая конференция, г. Одесса.

- Всесоюзная археологическая конференция, г. Москва.

1975

- Научная конференция, посвященная 150-летию Одесского Археологического музея, г. Одесса.

1976

- XIV Международная конференция античников социалистических стран «Эйрене», г. Ереван.

1978

- XVII конференция Института археологии АН УРСР, м. Ужгород.
- XV Международная конференция античников социалистических стран «Эйрене», г. София–г. Несебыр (Болгария).

1979

- II Международный семинар по античной Балканской керамике, г. Велико Тырново (Болгария).
- Всесоюзная конференция по древней истории «I Сергеевские чтения», г. Москва.

1980

- Всесоюзная конференция «Проблемы античной археологии и классической филологии», г. Харьков.

- Всесоюзная конференция «Идеологические представления древнейших обществ», г. Москва.

1981

- Всесоюзная авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории», г. Москва.

1982

- Всесоюзное совещание по подводной археологии, г. Москва.

1983

- Научные чтения памяти С. Л. Утченко, г. Москва.

1984

- II Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке, г. Ереван.

1985

- Научная конференция «Проблемы исследований Ольвии», г. Одесса—Парутино.
- Всесоюзная конференция «Достижения советской археологии в IX пятилетке», г. Баку.

1986

- Научная конференция «Памяти А. Л. Якобсона», г. Севастополь.

1987

- Научная конференция в ХИАЗ, г. Севастополь.
- Всесоюзные чтения памяти профессора В. Д. Блаватского, г. Москва.

- Всесоюзная конференция «V Сергеевские чтения», г. Москва.

1988

- Научная конференция «Проблемы античной культуры», г. Симферополь.
- Научная конференция «Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг.», г. Севастополь.
- Всесоюзная конференция историков-славистов, г. Минск.
- Научная конференция «Дриновские чтения», г. Харьков.

1989

- VI Международный конгресс по истории Юго-Восточной Европы, г. София.
- Наукова конференція «Проблеми історії та археології УРСР», г. Одесса.

1991

- Научная конференция «Проблемы истории Крыма», г. Симферополь.
- II Всесоюзная конференция по болгаристике, г. Харьков.

1992

- Всеукраинская научная конференция «История и археология Слободской Украины», г. Харьков.

1993

- Міжнародна конференція «Україна—Греція: Історія та сучасність», м. Київ.

1994

Научная конференция «III Дриновские чтения», г. Харьков.

1995

- Научная конференция «Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины», г. Харьков.
- Научная конференция «Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма», г. Симферополь.

1997

- Научная конференция «Проблемы истории и археологии Украины», г. Харьков.

1999

- Научная конференция «Проблемы истории и археологии Украины», г. Харьков.

2001

- Международная научная конференция «Проблемы истории и археологии Украины», г. Харьков.

2002

- VI Астаховские чтения, г. Харьков.

2003

- Міжнародна наукова конференція «Проблеми історії та археології України», м. Харків.

2005

- Международная научная конференция «История и культура Болгарии в лицах и образах», г. Харьков.

ДИССЕРТАЦИИ, ВЫПОЛНЕННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ В. И. КАДЕЕВА

1. *Мещеряков В. Ф.* Религия и культы Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1980. — 16 с.
2. *Сорочан С. Б.* Торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э.—V в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1981. — 16 с.
3. *Сергеев И. П.* Гражданская война 193–197 гг. в Риме: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Харьков, 1982. — 14 с.
4. *Дятлов В. А.* Реформационное движение в городах Саксонии и Тюрингии в 1521–1524 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Харьков, 1983. — 24 с. (Научные руководители Ю. А. Голубкин и В. И. Кадеев.)
5. *Шмалько А. В.* Римская политика в Южном Причерноморье в I веке н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Харьков, 1985. — 23 с.
6. *Дьячков С. В.* Особенности социально-политического развития античных государств Северного Причерноморья в I—III вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Харьков, 1987. — 23 с.
7. *Гаврюшенко А. А.* Филипп Меланхтон: гуманист и реформатор (1517–1524 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Харьков, 1988. — 24 с. (Научные руководители Ю. А. Голубкин и В. И. Кадеев.)
8. *Мартемьянов А. П.* Сельское хозяйство и аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Харьков, 1990. — 24 с.
9. *Ручинская О. А.* Общественная жизнь в античных городах Северного и Западного Причерноморья (социально-культурный аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Днепропетровск, 1996. — 17 с.
10. *Монева С. Г.* Публичное слово и Афинская демократия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Харьков, 1998.
11. *Литовченко С. Д.* Римсько-армянські відносини у I ст. до н. е.—I ст. н. е.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Харків, 2003.
12. *Сергєєв І. П.* Соціально-політичний розвиток Римської імперії в III столітті н. е.: Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. — Харків, 2004. — 36 с.

ЛИТЕРАТУРА О В. И. КАДЕЕВЕ

1. *Федоров-Давыдов Г. А.* Студенческая археологическая конференция // Вопросы истории. — 1955. — № 7.
С. 179: о В. И. Кадееве.
2. *Строков Л. У* Херсонесі Таврійському [Фото В. І. Кадеєва та інших] // Прапор. — 1964. — № 8.
С. 103–104: об экспедиции В. И. Кадеева.
3. *Очерки истории комсомольской организации Харьковского университета.* — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1969.
С. 83: о В. И. Кадееве.
4. *Називаємо краших:* [Фото доп. В. І. Кадеєва та інших] // Харківський університет. — 1969. — 17 черв.
5. *Николенко Л.* Древний город Херсонес // Красное знамя. — 1970. — 10 марта. — Реч. на кн.: Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса в I–IV веках н. э. — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1970. — 164 с.
6. *Щеглов А. Н.* Вопросы античной археологии в изданиях Харьковского университета // СА. — 1972. — № 1. — С. 298–300.
С. 298–299: о работах В. И. Кадеева.
7. *Краткие аннотации работ В. И. Кадеева* // Byzantinoslavica. — 1970. — Т. 31. — № 1. — С. 134; № 2. — С. 331; 1971. — Т. 32. — № 2. — С. 388; 1972. — Т. 33. — № 2. — С. 312, 316; 1973. — Т. 34. — № 2. — С. 304; 1974. — Т. 35. — № 2. — С. 305.
8. *Крутикова И. Т.* Проблемы античной археологии // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. — 1978. — Вып. 156. — С. 3–11.
С. 8: о науч. деятельности В. И. Кадеева.
9. *Heinen H.* Neue sowjetische Veröffentlichungen zur antiken Sklaverei // Historia. Wiesbaden. — 1979. — Bd. 28. — Heft 1. — S. 125–128.
С. 128: о работах В. И. Кадеева.
10. *Харьковский государственный университет, 1805–1980: Ист. очерк.* — Харьков: Вища шк., 1980.
С. 101, 136: о В. И. Кадееве.
11. *Шиловцева В. С.* Изучение древней истории в Харьковском государственном университете им. А. М. Горького в 1950–1970 гг. // ВДИ. — 1982. — № 1. — С. 213–217.
12. *Крыжицкий С. Д.* Античность в УССР в 1972–1982 гг. // ВДИ. — 1983. — № 2. — С. 81–94.
С. 90–93: о работах В. И. Кадеева.

13. Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1984. — 392 с.
С. 24, 25, 48, 51, 52, 159, 160, 162–165, 167–170, 172–173, 182: о работах В. И. Кадеева.
14. Кадеев В. И., Журавский Ю. И. Историческая наука в Харьковском университете (1933–1983)//Вестн. Харьк. ун-та. — 1984. — № 266. — С. 110–119.
С. 116, 117: о трудах В.И. Кадеева.
15. Мещеряков В. Ф. Яка вона, «Російська Помпея»?//Веч. Харків. 1982. 16 берез.; Кузищин В. И., Гвоздева И. А., Горбатовская М. И. [Рец.] //Вестн. древн. истории. — 1983. — № 3. — С. 159–164; Николов Д. [Рец.] //Археология. София. — 1983. — Кн. 3. — С. 73–75; Мещеряков В. Ф. [Рец.]//Сов. археология. — 1984. — № 3. — С. 248–257; Зубар В. М., Мещеряков В. Ф. [Рец.]//Укр. іст. журн. — 1986. — № 3. — С. 152–153. — Рец. на кн.: Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Харьков: Вища шк., 1981. — 143 с.
16. Владимир Иванович Кадеев — профессор Харьковского университета: Библиогр. указ./Сост. В. Д. Прокопова. — Харьков, 1987. — 15 с.
17. Böttger B. [Рец.]//Klio. — 1991. — Bd. 73, 1. — S. 332–338. — Рец. на кн.: Kadejev V. I., Soročan S. B. Ekonomičeskie svjaži antičnych gorodov Severnogo Pričernomorja v I v. do n. e.—V v. n. e. — Charkov, 1989. — 134 s., 38 Abb.
18. Митряев А. И., Голубкин Ю. А., Лиман С. И. Медиевистика в Харьковском университете//Вестн. Харьк. ун-та. — 1991. — № 357. — С. 81.
19. Журавский Ю. И., Зайцев Б. П., Мигаль Б. К. Исторический факультет Харьковского университета. Очерк истории//Вестн. Харьк. ун-та. — 1991. — № 357. — С. 20, 21, 22.
20. Зайцев Б. П., Латышева В. А. Археологический музей Харьковского университета//Вестн. Харьк. ун-та. — 1992. — № 362. — История. Вып. 25. — С. 108–109.
21. Журавский Ю. И., Зайцев Б. П., Куделко С. М. Материалы к библиографическому словарю преподавателей исторического факультета Харьковского государственного университета (советский период)//Вестн. Харьк. ун-та. — 1992. — № 363. — С. 173–174.
22. Преподаватели исторического факультета Харьковского госуниверситета (1933–1991). Материалы к библиографическому словарю/Состав. Б. П. Зайцев, С. М. Куделко, С. И. Посохов. — Харьков, 1992. — С. 16, 49.
23. Журавский Ю. И., Зайцев Б. П., Куделко С. М., Посохов С. И. Материалы к биобиблиографическому словарю преподавателей исторического

- факультета Харьковского государственного университета (1933–1992) //Вестн. Харьк. ун-та. — 1993. — № 374. — С. 124.
24. *Ранюк Ю. Н.* Загадки подводного Херсонеса. — Харьков: Око, 1996. — 112 с, ил.
25. *Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского университета.* К 20-летию. — Харьков, 1998. — С. 13–21.
26. *Мезенцева Г.* Дослідники археології України. — Чернігів: Сіверянська думка, 1997. — С. 78–79, рис. 36.
27. *Михеев В. К.* Развитие исторической науки и образования в Харьковском университете: итоги и перспективы//Харківський історіографічний збірник. — 1997. — Вип. 2. — С. 31–33.
28. *Таранов И. Е.* Харьковский университет. Страницы истории. — Харьков: Фолио, 1997. — С. 11, 18, 64, 67, 182, 244.
29. *Рибалка І.* Така наша доля. Сторінки життя мого покоління. — Харків: Основа, 1999. — С. 163–164, 174–175, 181, 196.
30. *Українські історики ХХ століття.* Біобібліографічний довідник. Вип. 2. Ч. 1. — К.; Львів, 2003. — С. 126.
31. *Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.* К 25-летию основания. — Харьков: НМЦ «МД», 2003. — С. 17–27.
32. *Ручинская О. А.* [Рец.]//Проблемы истории, филологии, культуры. — М.; Магнитогорск, 2004. — С. 642–644. — Рец. на кн.: Кадеев В. И. Болгарские дневники. — Харьков: Медиа-групп, 2000. — 152 с.
33. *Ручинская О. А.* Историческая наука и повседневная жизнь Болгарии глазами харьковского ученого//Български годишник = Болгарський щорічник = Болгарский ежегодник. — К., 2004. — Вип. 5. — С. 217–220.
34. *Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років* /В. С. Бакіров, В. М. Духопельников, Б. П. Зайцев та ін. — Харків: Фолио, 2004.
С. 445, 475, 522, 558, 646–648: о В. И. Кадееве.

Б. П. Зайцев

Пятьдесят шесть лет вместе в учебе и работе

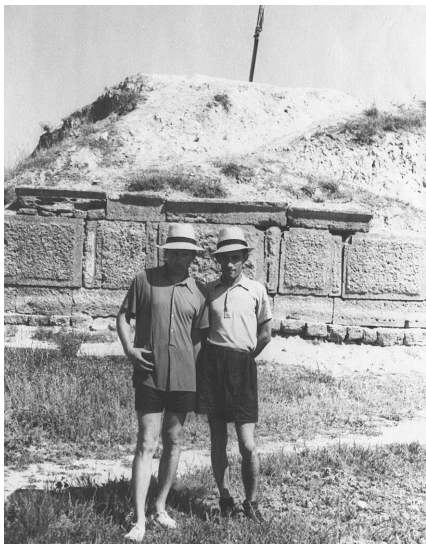
1 сентября 1951 года. В этот день произошло знаменательное событие в нашей с Владимиром Ивановичем Кадеевым жизни, которое решило дальнейшую судьбу на многие десятилетия вперед. Мы стали студентами исторического факультета Харьковского государственного университета. С тех пор вот уже более полувека мы тесными узами связаны с факультетом, который дал нам путевку в жизнь.

Уже тогда В. И. Кадеев в моей судьбе сыграл решающую роль, за что я ему искренне благодарен. Будучи студентом 3 курса, он стал заведующим Археологическим музеем университета. Его увлечение археологией передалось и мне, особенно с того момента, когда мы стали специализироваться на кафедре древней истории и археологии. Он же приобщил меня и к научной работе, что сыграло немаловажную роль в моих дальнейших исследованиях в области специальных исторических дисциплин.

На кафедре древней истории и археологии специализировалось семь студентов. Считаю уместным назвать их всех пофамильно: Б. В. Борисов, Е. А. Велигина, М. В. Воробьева, З. И. Деревянко, В. Т. Жаднова, Б. П. Зайцев, В. И. Кадеев.

1954 г., июнь. Доцент Гольденберг В. А. принимает экзамен по спецкурсу в Археологическом музее (ул. Тринклера, 6)

1954 г., июль. Ольвия.

В. И. Кадеев, Б. П. Зайцев
у «кургана Зевса»

отправлена на практику в г. Ленинград, а вторая, ядром которой были студенты нашей кафедры, под руководством доц. Шрамко Б. А. проходила практику

Мы слушали спецкурс и по античной археологии, поэтому возникла мысль ходатайствовать перед деканом разрешить нам изучать в качестве специального курса древнегреческий язык. Разрешение было получено. Так, впервые за многие годы на историческом факультете для студентов, специализирующихся на кафедре древней истории и археологии, стал преподаваться древнегреческий язык. Преподавала его нам М. С. Лапина.

С 1954 г. студенты исторического факультета ХГУ впервые после Великой Отечественной войны стали проходить музейно-археологическую практику. И это начало было положено нашим курсом. В июле этого года одна группа студентов была

Раскопки кургана бронзового века
у с. Пески-Радьковские (Харьковская обл.). 1956 г., июль.

Выпускники кафедры древней истории и археологии. 1956 г.

в с. Парутино Очаковского района Николаевской области в заповеднике «Ольвия» на месте древнегреческого города Ольвия. Эта практика еще больше сблизила меня с В. И. Кадеевым. Поэтому с октября 1955 г., будучи студентом 5 курса, я начал работать сотрудником Археологического музея университета, заведующим которого был В. И. Кадеев.

Наша совместная работа в музее продолжалась до 1959 г. В этом году он поступил на учебу в аспирантуру при кафедре древней истории и археологии ХГУ, а я стал заведующим музеем и занимал эту должность до 1964 г.

Кроме текущей работы в музее, организации выставок, проведении экскурсий и др., мы ежегодно участвовали в археологических экспедициях, которые проводились археологами Харьковского университета К. Э. Гриневичем и Б. А. Шрамко. Кроме того, вместе В. И. Кадеевым мы проводили самостоятельно археологические разведки на территории Харьковской области. А в 1963 г. я принимал участие в Херсонесской археологической экспедиции, которой руководил В. И. Кадеев. Эта экспедиция положила начало исследованиям, которые продолжаются в Херсонесе до нынешних дней.

Из выставок памятников древности, которые мы организовывали в музее, следует отметить выставку 1957 г., посвященную 40-летию Октябрьской революции. Выставка функционировала длительное время. Ее посещали студенты университета, учащиеся средних школ г. Харькова и Харьковской области, любители древностей родного края.

В свободное от работы время. В. И. Кадеев, Б. П. Зайцев со студентами В. К. Михеевым и Л. Терещенко. С. Пески-Радьковские

Информацию об этой выставке я опубликовал в газете «Харківський університет» в ноябре 1957 г.¹. А в следующем году В. И. Кадеев опубликовал в виде брошюры путеводитель по выставке².

С образованием в 1964 году на историческом факультете новой кафедры — кафедры историографии, вспомогательных исторических дисциплин и методики истории, на которой я стал работать преподавателем, мои служебные и научные связи с Владимиром Ивановичем не прервались.

В частности, в 1978–1982 гг. В. И. Кадеев был деканом исторического факультета, а я в те годы был заместителем декана по научной работе. Мы вместе решали вопросы, связанные с научными исследованиями на факультете.

В 1964 г. в журнале Архивного управления УССР было опубликовано наше совместное сообщение о новых нумизматических поступлениях в Археологический музей университета. В нем основное внимание уделено монетам, обнаруженным во время раскопок археологическими экспедициями под руководством В. И. Кадеева древнегреческого города Херсонеса в начале 60-х гг. XX в.³.

В 1992 г. мы подготовили доклад «Новые находки римских монет на Харьковщине», с которым В. И. Кадеев выступил на Всеукраинской конференции, посвященной 90-летию XII Археологического съезда⁴.

В 2000 г. мы написали статью, посвященную одному из старейших преподавателей исторического факультета Харьковского университета,

известному историку-слависту Анатолию Ильичу Митряеву, ушедшему из жизни в 1998 г.⁵.

В 2004 г. к 200-летию Харьковского университета была опубликована коллективная научная монография. В составе авторского коллектива преподаватели исторического факультета, в том числе Б. П. Зайцев и В. И. Кадеев. Авторы, с учетом достижений предшествующей историографии, новых документов и материалов, а также современных подходов к анализу фактов и событий, восстанавливают все этапы становления и развития университета⁶.

В 2001 году на историческом факультете была сформирована научно-исследовательская группа для разработки темы «История университетского образования и науки XIX—XX вв. в Украине (на материалах Харьковского университета)». В состав авторского коллектива вошли преподаватели факультета Б. П. Зайцев, В. И. Кадеев, С. М. Куделко, Б. К. Мигаль, С. И. Посохов (руководитель В. И. Кадеев). Несколько позже в состав группы была включена В. Ю. Иващенко.

В русле разработки этой темы авторский коллектив в 2002–2005 гг. сосредоточил внимание на трех основных проблемах:

- Харьковский университет XIX—начала XX века в воспоминаниях его преподавателей и воспитанников.
- Почетные члены Харьковского университета.
- Воспитанники Харьковского университета.

Книга, посвященная воспитанникам университета, опубликована в 2004 году⁷. Это биобиблиографический справочник. В нем представлены

Заседание, посвященное вручению В. И. Кадееву
диплома лауреата премии им. К. И. Рубинского
Центральная научная библиотека университета. 2001 г.

жизнеописания известных ученых, государственных, общественных и партийных деятелей, депутатов Государственной Думы России, Верховного Совета Украины, Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, литераторов, композиторов, артистов, художников.

С января 2006 г. этот коллектив под руководством В. И. Кадеева разрабатывает еще одну совершенно не исследованную тему из истории Харьковского университета «Международные связи Харьковского университета».

Такова краткая история моего сотрудничества с Владимиром Ивановичем Кадеевым за пятьдесят шесть лет нашего знакомства.

Примечания

- ¹ Зайцев Б. Ювілейна виставка//Харківський університет. — 1957. — 23 листоп.
- ² Кадеєв В. И. Археология в ХГУ за 40 лет: Путеводитель по выставке. — Харьков: ХГУ, 1958. — 47 с., илл.
- ³ Кадеєв В. І., Зайцев Б. П. Нові нумізматичні надходження археологічного музею Харківського державного університету//Наук.-інформ. бюлетень Архівного управління УРСР. — 1964. — № 3. — С. 110–111.
- ⁴ Кадеєв В. И., Зайцев Б. П. Новые находки римских монет на Харьковщине //История и археология Слободской Украины: Тезисы докладов и сообщений Всеукраинской конференции, посвященной 90-летию XII Археологического съезда. — Харьков, 1992. — С. 31–32.
- ⁵ Зайцев Б. П., Кадеєв В. И. Памяти А. И. Митряева//Харк. історіограф. збірник. — 2000. — Вип. 4. — С. 111–113.
- ⁶ Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років. — Харків: Фоліо, 2004. — 750 с.
- ⁷ Вихованці Харківського університету. Біобібліограф. довідник/Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна. — Харків: Вид-во «Авто-Енергія», 2004. — 250 с. з фото.

*Можно с уверенностью
сказать, что в душе Владимира
Ивановича Кадеєва до сих пор
горит „процетев огонь“, неуг-
асиное стремление к дос-
тижению новых успехов в
изучении истории античного
Херсонеса.*

Зайцев Б. П.

С днем рожденья, дорогой Владимир Иванович,
и — всего Вам самого-самого доброго!

А. Мартынов

Уважаемый
Владимир Иванович!
Поздравляю Вас с
летием. Желаю
выполнения всех
творческих планов,
здоровья, благополучия.
С. Г.

Дорогой Владимир Иванович,
поздравляю Вас с днем рождения,
желаю Вам всего наилучшего!
С. Литовченко

ДРЕВНИЙ МИР

Дорогой Владимир Иванович, поздравляю
Вас с 80-летием, желаю Вам самого
наилучшего!
Андрей Токарев

Дорогой Владимир Иванович,
дорогой учитель!

С искренним восхищением
поздравляю Вас с 80-летием!

Мудрость, мужество, благодар-
ность, справедливость — те ка-
чества эллинического арета, кото-
рым Вы в полной мере
обладаете. Пусть каждое мно-
вое жизни приносит Вам
радость, добро, безграничную
любовь близких и Ваших
учеников. Крепкого Вам
здоровья, оптимизма и
творческого вдохновения на
долгие годы.

Ю. А. Рудинская

С юбилеем, дорогой Владимир Иванович!
Новых Вам побед и открытий! И огромное
спасибо за настоящую науку!
М. (Медведев И. Ю.)

Уважаемый Владимир Иванович! Уважаемый учитель!
Много Вам еще много лет творчества. Я очень благодарен
Вам за то, что Вы дали мне в замечательный мир науки.
С уважением,
Андрей Геннадьевич Чернышенико.

Култ Асклепия в официальном пантеоне полисов Западного Понта в I в. до н. э.—III в. н. э.

дно из ведущих мест в официальных пантеонах западнопонтийских полисов в римский период занимал култ Асклепия. В его образе для жителей Аполлонии, Одессоса, Дионисополя, Томи, Истрии, Месембрии и Каллатиса гармонично сочетались функции врачевания, целителя, хтонические черты, ипостаси сотерического божества.

Однако эта тема до настоящего времени остается фактически мало изученной, что во многом объясняется отсутствием нарративных и отрывочностью других исторических источников. Свидетельства античных авторов, для которых западнопонтийские полисы всегда оставались далекой периферией, ограничены и фрагментарны, и это побуждает исследователей обращаться к археологическому материалу. Комплексное использование всех имеющихся источников (эпиграфических, археологических, нумизматических) и привлечение косвенных свидетельств античных авторов дает возможность воссоздать общую картину почитания культа Асклепия в греческих городах Западного Понта, выяснить его роль и характер в общественно-религиозной жизни полисов.

Култ Асклепия, как и близкий ему функционально култ Аполлона Врача, возник в западнопонтийских полисах еще в эллинистический период¹. Согласно гипотезе Д. Дечева, впервые представленной в работе «Асклепий като трако-грецко божество» в 1925 г., традиции рассматриваемого культа имеют фракийские корни, что, по мнению исследователя, подтверждается фракийской этимологией имени божества². Другой версии об индоевропейском происхождении культа придерживались М. Попов, Дж. Томпсон, предполагавшие, что култ Асклепия был принесен в античные города Западного Понта из метрополий и сохранялся на протяжении всего периода существования полисов³. Известно, что в Томи, Одессосе, Месембрии существовали храмы этого божества, которые являлись центрами поклонения верующих не только греческих полисов, но и соседних фракийских поселений⁴. Расположенные в живописных уголках Западного Понта храмы Асклепия стали центрами лечения и паломничества. Несмотря на развитие медицинской науки, античные врачи во многом были бессильны. Это заставляло больных искать помощи в храмах и святилищах Асклепия, которые славились своими чудесными излечениями. По-видимому, среди храмовых жрецов были не только священнослужители, но и врачи, оказывавшие медицинскую помощь. Возможно, что определенную роль играло психологиче-

ское воздействие, или внушение, которому подвергали пациентов после предварительных наблюдений и процедур на начальном их пребывании в храме или святилище⁵. В святилища Асклепия и Гигиен обращались больные, которым обыкновенная медицина по большей части помочь не могла. В храме пациента тщательно готовили к священному сну, в котором он получал от божества указание на то, каким образом он мог излечиться. Под руководством жрецов стремящиеся к исцелению проходили обряд очищения, состоявший из купания, окуливания, диеты и т. п.⁶.

После молитв и жертвоприношений богомольцы отправлялись в специальную часть храма, где во сне должна была произойти встреча с Асклепием или знамения, которые затем расшифровывались служителями культа. В тех случаях, когда инкубация не помогала, паломника обвиняли в недостаточной вере или нарушении обрядов⁷. Исцеленные пациенты благодарили бога, посвящая ему надписи, статуи, рельефы, выполненные из керамики, мрамора, металла, или выплачивали деньги за лечение⁸.

Использование жрецами Асклепия медицинских способов исцеления подтверждают находки медицинских инструментов (скальпеля, медицинских ложечек, каменных дощечек, используемых для приготовления лекарств, пинцетов, прижигателей) и лекарственных веществ в погребениях жрецов-врачей из Одессоса римского времени⁹. Под покровительством Асклепия находились и врачи, иногда совмещавшие свои профессиональные обязанности с функциями жрецов бога. Погребение одного из них было открыто в Дионисополе. Инвентарь погребения состоял не только из бронзовых бытовых предметов, культовых атрибутов, украшений, но и значительного количества хирургических инструментов, представляющих исключительное значение не только для истории города, но и для медицины римского периода¹⁰.

Данные о положительных результатах, достигнутых соединением психологических способов воздействия на пациентов с храмовой медициной, подтверждают посвящения из храма Асклепия, находившегося в зоне римских терм в Одессосе¹¹. Посвящения выполнены в виде рельефного изображения храма, с фасадом в ионийском стиле: на ступеньках храма высечена фигура Асклепия, его иконография исполнена в классической традиции: лицо бога обрамлено густыми волосами, невысокий лоб, глубоко посаженные глаза, нижняя часть лица закрыта бородой и усами; одежда хорошо драпирована, правая рука опирается на посох, обвитый змеей¹². Вызывает интерес фрагмент посвятельной надписи на греческом языке: «Дар за лечение Асклепию — спасителю вселенной», найденной в Одессосе¹³. Благодарил бога за покровительство в надписи на алтаре из храма Асклепия в Одессосе, выполненной на латинском языке, Тит Витрасий Полиот, консул, понтифик, августов легат. Свидетельством существования культового сооружения

Асклепия в Одессосе можно считать монументальную мраморную статую, представлявшую бога в традиционной иконографии. При раскопках в римских термах Одессоса было найдено значительное количество эпиграфического и иконографического материала, подтверждающего, что храм Асклепия находился вблизи терм или был включен в комплекс римских терм Одессоса. Это доказывает, что бани были не только центром гигиены, общественной жизни, но и лечебным центром под покровительством Асклепия¹⁴.

Типичным для западнопонтийских полисов является мраморный посвященный рельеф из Одессоса II в. н. э., на котором Асклепий изображен вместе с Гигией и Телесфором: Асклепий представлен стоящим во весь рост, опирающимся на посох, увитый змеей; Гигия изображена в венке из целебных трав и с чашей в руке; Телесфор, по преданию олицетворявший скрытые от глаз силы жизни, представлен в виде маленького мальчика, закутанного в плащ с капюшоном¹⁵.

Иконография Асклепия в западнопонтийских полисах отличается разнообразием. Однако традиционно продолжают сохраняться элементы и атрибуты, присущие божеству в классический период, которые можно разделить на общие (яйцо как символ жизни, змея, огонь, алтарь, кипарис, лавр) и используемые для выполнения лечебной функции бога (свиток папируса, чаша, мак)¹⁶. Почитание Асклепия подтверждают изображения его основного символа — змеи, олицетворявшей творческую силу природы, помощника и союзника бога-врача. Связь змеи с подземными силами представляет ее характерным атрибутом хтонического божества, одновременно символизирующего развитие жизни, природы и плодородия¹⁷. Исследователи предполагают, что первоначально образ змеи подчеркивал лечебное могущество Асклепия. В римский период змея приобретает функции помощника божества при лечении больных в качестве доброго демона, одновременно отнимающего и дающего жизнь, а ежегодная смена кожи символизирует возвращение здоровья после лечения, возрождение жизненных и духовных сил, энергии. В святилище змеи являлись неотделимой частью храмового инвентаря. Наибольшей популярностью, согласно свидетельствам античных авторов, пользовался редкий вид змеи из Эпидавра. В своем «Описании Эллады» Павсаний представляет подобный вид змеи, которая была посвящена Асклепию и объявлена священной (Paus. II, 28).

К числу предметов из Одессоса, посвященных Асклепию, относятся посвященные надписи и рельефы, статуэтки Асклепия, Телесфора и Гигии, а также керамические фрагменты рук, ног¹⁸. Подобная традиция посвящать богу выполненные в миниатюре из керамики, мрамора, металла исцеленные части тела после прохождения курса лечения при храме существовала в Эпидавре, Афинах, Коринфе¹⁹. Однако освещение этой темы осложнено тем, что

доступные сведения в западнопонтйских полисах немногочисленны и отрывочны, поэтому для дополнения источниковой базы возможно привлечение свидетельств о рассматриваемом культе из античных городов Северного Причерноморья.

В середине II—III вв. н. э. в Херсонесе культ Асклепия был официальным, о чем свидетельствуют монеты Херсонеса с изображением Асклепия и Гигиен²⁰. Это подтверждается и существованием храма Асклепия в Херсонесе²¹. Археологические источники позволяют предположить исполнение обряда благодарения божества мраморными и бронзовыми статуэтками Асклепия и Гигиен²², геммой с изображением этих божеств и, что особенно важно, votивным изображением больной руки, изготовленной из керамики²³.

Вероятно, неотделимой частью культового обряда Асклепия были религиозные угощения в честь бога-врача, что подтверждают эпиграфические данные из Карасура, где в римский период существовал храм Асклепия, при котором действовало религиозное содружество, adeпты которого приносили жертвоприношения в честь божества²⁴. В содружество «сотрапезников бога Асклепия» входило двенадцать романизированных фракийцев, которые, согласно традиции, считали, что ритуальная трапеза в храме Асклепия, в присутствии статуи или рельефного изображения божества, способствовала мистическому соединению с богом, сопричастности с целительными, охранительными силами²⁵.

О храме Асклепия в Месембрии рассказывает надпись в честь Главка Антония, которому за заслуги перед городской общиной был воздвигнут памятник в районе храма Асклепия²⁶. Г. Михайлов датировал посвящение I в. до н. э.—I в. н. э. и предполагал, что Главк Антоний был удостоен почести при жизни за храбрость, преданность народу: выполнением жреческих обязанностей в храме Асклепия, где он занимался успешным врачеванием²⁷. Среди привилегий, полученных Главком, были освобождение от налогов и гражданских обязанностей. Надпись интересна тем, что в ней определена профессия служителя культа Асклепия как «жрец» и «врач», что дает возможность предположить совмещение Главком Антонием обязанностей жреца и врача, существование храмовой медицины, которая удачно использовалась для исцеления не только горожан, но и военных, находившихся в городе²⁸. Особой заслугой жреца-врача, по мнению благодарных горожан, являлось воспитание «наследников-последователей», имевших право пользоваться привилегиями Главка Антония²⁹. Очевидно, что в Месембрии Главк Антоний стал родоначальником династии врачей, тесно связанной с жреческим аппаратом святилища Асклепия. Посвящение на фрагменте краснолакового сосуда от Александра Главка Гигиен и Телесфору подтверждает данное предположение³⁰. Важной функцией храма Асклепия в Месембрии

было еще и использование культового центра в качестве городского архива. Ведь, согласно традиции, в западнопонтийских полисах городским архивом мог быть храм только бога-эпонима полиса³¹.

Династическое объединение врачей, считавших своим покровителем Асклепия, действовало в I в. до н. э.—I в. н. э. в другом дорийском полисе Западного Понта Каллатисе, что подтверждает текст декрета народного собрания полиса³². Вероятно, что врачи в Каллатисе выполняли и жреческие функции, а система династических объединений врачей-жрецов Асклепия была традиционной для западнопонтийских полисов.

Согласно эпиграфическим источникам, в западнопонтийских полисах врачи выполняли не только жреческие функции, но и обязанности гимнасиархов. Совмещение должностей позволяло обучать молодежь и заботиться о физическом развитии граждан. III в. н. э. датируется посвящение из Дионисополя, рассказывающее о некоем уважаемом гражданине, сочетавшем обязанности булевта, жреца, врача и гимнасиарха³³. Ко II—III вв. н. э. относится рельеф Асклепиада Деметрия, привилегированного жреца и врача из Одессоса, который добровольно несколько раз занимал должность гимнасиарха, за что и заслужил эпитеты «народолюбец», «храбрейший из граждан»³⁴.

Дополнительной информацией, расширяющей представления о храмовой медицине, являются эпиграфические и археологические источники из Херсонеса Таврического о династии врачей, основатели которой были выходцами из Восточного Средиземноморья³⁵. Вероятно, как и в западнопонтийских полисах, храм бога Асклепия в Херсонесе был одним из центров храмовой медицины в Причерноморье³⁶, что подтверждают посвятительные надписи с упоминанием этого храма³⁷, мраморные рельефы с изображением Асклепия в виде фракийского всадника, найденные в соседних помещениях портового района³⁸.

Асклепий почитался в западнопонтийских полисах как индивидуально, так и вместе с второстепенными божествами, близкими ему функционально и мифологически составлявшими его свиту, семью, антураж. Второстепенные божества, сопутствовавшие Асклепию, можно разделить на две группы, имевшие функциональные особенности: здравеносные и лечебные. К первой относится мифологическая дочь бога — Гигиея³⁹, иконография которой в западнопонтийских полисах выполнена в классической традиции. Как правило, в правой руке богиня держит блюдо или чашу, а в левой — змею, которая пьет из сосуда⁴⁰. К лечебным культам-спутникам Асклепия можно отнести Телесфора, особенно популярного в рассматриваемых городах⁴¹. По предположению Г. Михайлова, мифологические корни данного божества переплетаются с фракийским демоном-хранителем здоровья⁴². По версии

В. Василева, культ Телесфора имеет фракийское происхождение и выполняет функции божества-покровителя магической медицины⁴³. Причем исследователи отмечают тождественность данных сюжетов с изображениями на реверсах бронзовых монет из Одессоса Асклепия и Гигиен III в. н. э., аверс которых занят изображением бюста Гордиана III⁴⁴. Телесфор, как правило, изображался в виде юноши, который одет в длинный плащ с остроконечным капюшоном⁴⁵.

В западнопонтийских полисах почитались и другие божества, находившиеся в мифологическом или функциональном родстве с культом Асклепия. Согласно эпиграфическим и археологическим источникам, в Аполлонии параллельно с богом — эпонимом Аполлоном почитался и Асклепий⁴⁶. Сольные свойства божеств были хорошо известны жителям Западного Понта, благодаря знаниям религиозно-философских учений, где они уподоблялись не только солнцу, свету, но и жизни⁴⁷.

Значение культа Асклепия в Аполлонии подтверждает тот факт, что рассматриваемое божество было перенесено аполлонитами в официальный пантеон своей колонии Анхиало, где на базе минеральных источников был создан культовый комплекс, в который входили храм и Анхиальские бани⁴⁸. Популярность культов Асклепия и Гигиен в Анхиало была обусловлена востребованностью лечебных минеральных источников, действовавших на территории города.

Любопытно посвящение из Истрии «Асклепию, Гигиен и Эроту», сохранившееся на ручке краснолакового сосуда III в. н. э. Сосуд, возможно, применялся в обрядах культа или пиршественных церемониях, где служил для специальных возлияний в честь богов здоровья и бога любви⁴⁹.

Официальный характер культа Асклепия в ионийском полисе Северного Понта Ольвии подтверждает фрагмент с посвящением и рельефным изображением головы Асклепия и Гигиен. Бог традиционно был изображен с пышной бородой, под его лицом помещены два плющевидных листка, внутри фронтона две змеи, поднявшие вверх головы, как сакральный символ исцеления и хтонизма. При императоре Александре Севере, Аврелий Юлиан построил в Ольвии храм верховным божествам, в их числе Асклепию и Гигиен⁵⁰. В этом святилище они почитались как сакральные божества, способствовавшие защите и спасению полиса и его граждан. Почетное место в храме занимал мраморный рельеф римского времени с изображением ритуальной сцены почитания Асклепия: слева у алтаря сидит бог или его жрец, из-под трона выползает змея, которой он подносит сосуд. К алтарю движется процессия адорантов, впереди стоит канефора с корзиной на голове, за ней мужчина и дети, одетые в праздничные одежды, ведущие жертвенного быка. Вероятно, сюжет, изображенный на рельефе, рассказывает

о сущности обряда жертвоприношения богу или его символу — змее, в культе бога врачевателя⁵¹.

Официальный статус божества подтверждают изображения Асклепия на монетах II в. н. э. из Истрии, Каллатиса, Одессоса, Томи, где вместе с божеством изображалась змея⁵². В Одессосе при Гордиане III было выпущено два вида медальонов с изображением Великого бога и Асклепия, Асклепия и Гигиен⁵³. Исследователи отмечают тождественность данных сюжетов с изображением на реверсе бронзовых монет Асклепия и Гигиен III в. н. э. из Одессоса, аверс которых занят изображением бюста Гордиана III⁵⁴. На монетах Каллатиса изображение Асклепия встречается во времена Антонина Пия. Эти монеты II в. н. э. были найдены в святилище Глава Панега. Видимо, почитатели этого божества из Каллатиса совершали паломничество в храм синкретического бога⁵⁵.

Косвенным подтверждением существования храма Асклепия в I—III вв. н. э. в Месембрии может служить изображение четырехколонного фронтона храма и статуи Асклепия на реверсе монет, на аверсе которых представлен портрет Гордиана III и Транквилины⁵⁶. Еще две эмиссии монет II—III вв. н. э. из Месембрии, на аверсах которых изображены бюсты Гордиана III и Транквилины, Филиппа Араба и Отацилии, на реверсе представляют Асклепия, опирающегося на посох, обвитый змеей⁵⁷. Спутница Асклепия Гигиеня имела официальный статус в Месембрии как самостоятельное, индивидуальное божество, что подтверждает ее изображение на нескольких типах монет II—III вв. н. э.⁵⁸

На реверсе монет из Дионисополя во II—III вв. н. э. Асклепий представлен опирающимся на посох, обвитый змеей и держащим патеру⁵⁹. Официальный статус спутницы Асклепия Гигиеня подтверждает ее образ на монетах III в. н. э. из Дионисополя, выполненный в классических традициях: богиня одета в длинный хитон, в левой руке она держит змею, в правой — чашу⁶⁰.

Вероятно, популярность рассматриваемых культов привела к почитанию божества и возникновению его святилищ в других, не только греческих поселениях Фракии и Мезии. Большую популярность как у жителей западнопонтийских полисов, так и у местных фракийских племен получило святилище Асклепия, синкретизированного с культом Фракийского всадника в Глава Панега, открытое в 1903 г.⁶¹. В связи с этим интересно предположение Т. Баласчева о происхождении названия святилища от личного греческого имени «Панацея», олицетворявшего женское здравеносное божество⁶². Однако наиболее убедительной представляется интерпретация В. Георгиева, прослеживающего этимологию от фракийского корня «панисос» или «паникос» — река, источник⁶³. Исследователь рассматривает связь между

названиями местности с целебными источниками Глава Панеги, лечебные свойства которых использовались служителями культа.

Храм имел прямоугольную форму. Рядом с ним находилось специальное помещение для богомольцев, где они могли получить необходимую помощь, лекарства. Большинство посвящений в храме относят к римскому периоду и изображают Асклепия, Гигиену и Телесфора⁶⁴. Асклепий представлен в виде бородатого фракийского всадника. В трех надписях божество имеет эпитет Всемогущий и изображен без традиционных спутников. Пять посвящений направлены Асклепию Сладоуссенскому, однако, иконографически на рельефах фракийский всадник. Надписи на греческом и латинском языках, а декантами были римляне, греки и фракийцы⁶⁵. На территории Месембрии был найден рельеф с изображением Фракийского всадника и посвящением Асклепию, который был открыт во время раскопок поселения, расположенного в среднем течении реки Хаджийка у села Горица⁶⁶. Из надписи на рельефе становится понятно, что посвящение направлено Асклепию Кемпеносу от фракийца Таруласа. «Кемпена», вероятно, название античного поселения, имеющего Асклепион, который посещали месембрийцы.

Синкретизация культа Фракийского всадника с Асклепием произошла и в религиозном центре Айтоска Баня, где находился горячий источник, считавшийся целебным с древнейших времен. Божеству-покровителю этого источника больные приносили в дар кольца, фибулы, монеты⁶⁷. Наряду с македонскими и фракийскими здесь были обнаружены монеты и западно-понтийских городов, что свидетельствует о широкой популярности святилища. Вероятно, греки почитали связанное с этим источником местное божество в его синкретизированном образе.

О том, что подобный синкретизированный культ пользовался большой популярностью и в западнопонтийских полисах, говорят эпиграфические и археологические источники из Одессоса, Месембрии, Аполлонии, Истрии⁶⁸. Из тридцати двух votivных плит римского периода из Одессоса, посвященных Асклепию-Герою, тринадцать оказались без имени посвятителем, на десяти плитах имена дарителей фракийцев и романизированных фракийцев, семь надписей содержат посвящения римлян и только на двух надписях зафиксированы имена греков⁶⁹. Религиозный синкретизм дополняется иконографическим и представляет бога в греческой одежде, лицо обрамлено густой бородой, а для изображения обычного образа Героя Всадника использовали изображения безбородого юноши⁷⁰.

Синтез культов проявился в синкретизации ипостаси Асклепия, рассматривая которые, можно выделить традиционные, использовавшиеся для определений функций божества еще в метрополиях: врач, спаситель, подающий исцеление, помощник. В римский период почитатели использовали

синкретизированные эпитеты Асклепия-Героя: Салдоусенос, Салтунсинос, Зумудренос⁷¹. Рассматривая ипостаси почитания Асклепия в греческих городах Западного Понта, И. Дуриданов среди эпиклез выделил ряд фракийских, которые употреблялись как с Асклепием, так и с Фракийским всадником: Зумудренос — водяной змей; Спитопуранос — тот, кому принадлежит священный огонь⁷². По мнению исследователя, эти эпитеты стали общими для рассматриваемых культов, ведь божества имели идентичные символы (змея, алтарь), общие функциональные особенности⁷³. Эпиграфические источники Одессоса, Томи, Месембрии подтверждают популярность синкретического культа использованием этнических имен. А то, что почитатели культа занимали ведущее положение среди элиты жителей западнопонтийских полисов, подтверждает надпись I—III вв. н. э. из Месембрии, в которой говорится о месембрийском агораноме с теофорным именем Аврелиос Асклепиадос⁷⁴.

Таким образом, почитание культа Асклепия в западнопонтийских полисах имело официальный характер. Одессос, Томи, Истрия, Месембрия, Дионисополь, Каллатис и Аполлония являлись культовыми центрами храмовой медицины, религиозной жизнью которых управляли выборные или получившие должности по праву наследования жрецы-врачи. Очевидно, популярности культа Асклепия способствовало не только сохранение традиционных функций, иконографии, но и приобретение новых ипостасей, особенности отправления культов, синкретизации с местными фракийскими божествами, которая происходила в результате тесных и длительных связей с фракийскими племенами.

Примечания

- ¹ Данов Хр. М. Западнят бряг на Черно море в древността. — София, 1947. — С. 108.
- ² Дечев Д. Асклепий като трако-гръцко божество//ИБАИ. — 1929. — № 1. — С. 131.
- ³ Попов М. Проучвания върху произхода, развитието и характера на култа към Асклепий//НТрВМИ. — 1963. — № 11. — С. 28–30; Томпсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. — М., 1958. — С. 186–189.
- ⁴ Данов Хр. М. Западнят бряг... — С. 119.
- ⁵ Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I—III вв. н. э.). — Харьков, 1996. — С. 128.
- ⁶ Жебелев С. А. Религиозное врачевание в древней Греции//ЗРАО. — 1893. — Т. 6. — С. 393–395.
- ⁷ Диль Ш. По Греции. — М., 1913. — С. 358–369.

- ⁸ *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический... — С. 135–136; *Жебелев С. А.* Религиозные врачевания... — С. 370–371.
- ⁹ *Тончева Г.* Гробни находки от Одесос//ИВАД. — 1960. — № 10. — С. 32–39.
- ¹⁰ *Балчик.* — София, 1971. — С. 17–18.
- ¹¹ *Тракийска древност.* Кратка енциклопедия. — София, 1993. — С. 27.
- ¹² *IGBR.* I², № 8, № 76 rout.
- ¹³ *Стоянов Т.* Варна през древността. — Варна, 1998. — С. 81.
- ¹⁴ *Там же.* — С. 81–82.
- ¹⁵ *Тончева Г.* Неиздадени култови паметници във Варненския музей//ИВАД. — 1960. — № 11. — С. 76.
- ¹⁶ *Василев В.* Медицина в Древна Тракия. — София, 1975. — С. 30.
- ¹⁷ *Маразов И.* Тракийският дракон//Thracia Antiqua. — 1999. — № 10. — С. 170–173.
- ¹⁸ *Дремсизова-Нелчинова Ц., Тончева Г.* Антични теракоти. — София, 1971. — С. 77; *Тончева Г.* Неиздадени култови паметници... — С. 76.
- ¹⁹ *Жебелев С. А.* Религиозно врачевание... — С. 368.
- ²⁰ *Кадеев В. И.* О культурных связях Херсонеса Таврического с Фракией и Мезией в первых веках нашей эры//Вестн. Харьк. ун-та. — 1988. — № 316. — С. 65–66.
- ²¹ *IOSPE.* I², № 376.
- ²² *Щеглов А. Н.* Скульптурные изображения Асклепия//СХМ. — 1960. — Вып. 1. — С. 16.
- ²³ *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический. Быт и культура... — С. 136; *Кадеев В. И.* О медицине в Херсонесе Таврическом//Древности. — 1994. — С. 64.
- ²⁴ *Дончева И.* Свидетелства за култа към Асклепий в Карасура//Seminarium Tracium — 1998. — № 3. — С. 147–150.
- ²⁵ *Там же.* — С. 150–151.
- ²⁶ *Данов Хр М.* Западният бряг... — С. 119.
- ²⁷ *IGBR.* I², № 315.
- ²⁸ *IGBR.* I², № 135.
- ²⁹ *Василев В.* Медицината в Древна Тракия... — С. 31.
- ³⁰ *Тракийска древност...* — С. 31–33; *Славова М.* Административна и религиозна номенклатура... — С. 355–358.
- ³¹ *Иванов Т.* Градският архив в западнопонтийските и тракийските градове през елинистическата епоха (дн. България)/Поселищен живот в Древна Тракия. — Ямбол, 1994. — С. 56–58.
- ³² *Avram Al., Bărbulescu M., Georgescu V.* Inscriptions grecques du Musée «Callatis» de Mangalia//Pontica. — 1999. — № 32. — P. 91, № 2.
- ³³ *IGBR.* I², № 15 bis.
- ³⁴ *Василев В.* Медицина в Древна Тракия... — С. 46.

- ³⁵ *Кадеев В. И.* О медицине в Херсонесе... — С. 58–64; *Соломоник Э. И.* Древние надписи Крыма. — К., 1988. — С. 54–58.
- ³⁶ *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический. Быт и культура... — С. 135.
- ³⁷ *IOSPE. I²*, № 372, № 562.
- ³⁸ *Кадеев В. И.* Раскопки в Херсонесе//АО. — 1970 года. — М., 1971. — С. 269; *Кадеев В. И.* Раскопки в портовом районе Херсонеса//АО. 1981 года. — М., 1983. — С. 264.
- ³⁹ *Costiglion A.* History of Medicine. — N. Y., 1958. — P. 192.
- ⁴⁰ *Стоянов Т.* За иконографият и семантиците на женските изображения в панкетите на Тракийски конник//Векове. — 1987. — № 1. — С. 18–19.
- ⁴¹ *Costiglion A.* History of Medicine... — P. 120, 192.
- ⁴² *Михайлов Г.* Траките. — София, 1972. — С. 235.
- ⁴³ *Василев В.* Медицина в Древна Тракия.... — С. 30–31.
- ⁴⁴ *Герасимов Т.* Принос към нумизматиката на Одесос//ИНМВ. — 1960. — № XI. — С. 8.
- ⁴⁵ *Дремсизова-Нелчинова Ц., Тончева Г.* Антични теракоти... — С. 77; *Гочева З.* Тракийски елементи в гръцката митология//Отечество. — 1976. — № 3. — С. 32–33.
- ⁴⁶ *IGBR. I*, — № 78, № 78 bis, № 79, № 80, № 399; *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I веках до нашей эры. — М., 1952. — С. 201, 210.
- ⁴⁷ *Фол А.* Проучвание върху гръцките извори за Древна Тракия//ГСУИ. — 1980. — Т. 70. — С. 5–34.
- ⁴⁸ *История на Поморие...* — С. 36.
- ⁴⁹ *Тодоров Я.* Паганизмът в Долна Мизия. — София, 1928. — С. 98.
- ⁵⁰ *Русяева А. С.* Религия и култы... — С. 79.
- ⁵¹ *Там же.* — С. 131, 135.
- ⁵² *Герасимов Т.* Антични и средновековни монети в България. — София, 1975. — С. 11.
- ⁵³ *Тодоров Я.* Паганизмът в Долна Мизия... — С. 20.
- ⁵⁴ *Герасимов Т.* Принос към нумизматика на Одесос... — С. 8.
- ⁵⁵ *Божилова Л.* Здравеносни божества върху монети градове в нашите земи//Нумизматика. — 1970. — № 3. — С. 21.
- ⁵⁶ *Карайотов И.* Месамбрийският пантеон//Сборник в чест на проф. Маргарита Тачева. — София, 2002. — С. 205.
- ⁵⁷ *Карайотов И.* Монетосеченето на Месамбрия. — Бургас, 1992. — С. 53–54, 56, 58, 60, 63.
- ⁵⁸ *Там же.* — С. 57, 63.
- ⁵⁹ *Жеков Г.* Монетосеченето на градовете в Долна Мизия I—III в. Дионисопол. — София, 2003. — Таб. № 46.
- ⁶⁰ *Там же.*

- ⁶¹ Добруски В. Тракийско святилище на Асклепий во Глава Панега//Археологически известия на Народния музей. — 1907. — Т. 1. — С. 1.
- ⁶² Баласчев Т. Старотракийска етимология и ономастика. — София, 1960. — С. 59.
- ⁶³ Георгиев В. Българска етимология и ономастика. — София, 1960. — С. 59.
- ⁶⁴ Василев В. Медицината в Древна Тракия... — С. 43–45.
- ⁶⁵ Василев В. Медицината в Древна Тракия... — С. 43–45.
- ⁶⁶ Лазаров М. Епиграфски паметници в Бургаския музей//ИИАИ. — 1964. — Кн. XVII. — С.191; *IGBR*. I, № 354 quater.
- ⁶⁷ Зограф А. Н. Находки монет в святилищах на Черноморье//СА. — 1941. — № 7. — С. 157.
- ⁶⁸ Гочева З. Особенности в иконографията на Тракийския конник в Одесос и неговата таритория//Sem. Th. 2. — 2001. — № 2. — С. 169–176.
- ⁶⁹ Соловьянов Н. И. О культах римской армии Мезии и Фракии в I—II вв. н. э. //Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. — М., 1986. — С. 54.
- ⁷⁰ Василев В. Медицината в Древна Тракия... — С. 43.
- ⁷¹ Танкова В. Епитети на Асклепий от Тракия и Долна Мизия//ИМЮБ. — 1981. — Т. 9. — С. 83–88.
- ⁷² Дуриданов И. Език на Траките. — София, 1976. — С. 41–44.
- ⁷³ Добруски В. Тракийско святилище... — С. 11.
- ⁷⁴ *IGBR*. I, — № 317.

С. Д. Литовченко

Малая Армения и каппадокийские события 90-х гг. I в. до н. э.

В одном из множества научных сборников, публиковавших работы Владимира Ивановича, в рубрике «Наши авторы» о В. И. Кадееве в частности говорится: «...специалист по истории и археологии Причерноморья». Однако продолжительное и чрезвычайно плодотворное для автора этой статьи научное руководство над кандидатской диссертацией, заботливо и терпеливо осуществляемое Владимиром Ивановичем, убеждает, что настоящего ученого невозможно ограничить узкими рамками специализации. Автору статьи неоднократно приходилось и приходится удивляться широчайшей эрудиции своего научного руководителя, сфера интересов которого охватывает большую часть истории античного мира. В этой небольшой статье хотелось бы рассказать об одном открытии В. И. Кадеева, которое, на наш взгляд, может изменить некоторые устоявшиеся представления о международных отношениях в восточной части Малой Азии в 90-е гг. I в. до н. э.

Современные исследователи лишь изредка обращались к истории Малой Армении несмотря на то, что в некоторые ключевые моменты это небольшое государство оказывало немалое влияние на развитие ситуации в регионе. Включение Малой Армении в состав державы Митридата VI Евпатора втянуло ее в политическое и военное противостояние между эллинистическими державами и Римской республикой. Скупые сообщения античных авторов о роли Малой Армении в римско-понтийском противостоянии не позволяли долгое время определить место этого государства во внешней политике Митридата Евпатора. Поэтому находка экспедицией В. И. Кадеева в 1971 г. во время раскопок в Херсонесе обломка мраморного надгробия, посвященного командиру армянских лучников Айхмону¹, проливает свет не только на важные эпизоды истории Северного Причерноморья, но и позволяет прояснить многие неясные моменты в римско-понтийско-армянском противостоянии в Каппадокии в 90-е гг. I в. до н. э.

Сложность анализа ситуации в восточной Анатолии вызвана, в первую очередь, достаточно отрывочными и противоречивыми сообщениями источников, на основе которых возникло несколько реконструкций событий «каппадокийского кризиса» 90-х гг. до н. э. Ключевым эпизодом, вокруг которого не прекращаются споры ученых, является поход наместника Киликии Луция Корнелия Суллы в Каппадокию. Исследователи предложили три даты похода². Первоначально общепринятой считалась дата 92 г. до н. э.³,

сохраняющая сторонников и по сей день⁴. Впоследствии на основе анализа биографии Суллы, было предложено отнести поход римлян к 96 г. до н. э.⁵ В 70-е гг. XX в. появилась и компромиссная дата — 94 г. до н. э.⁶

Расхождения в датировках породили множество реконструкций событий в Каппадокии 90-е г. до н. э., которые можно объединить в две схемы. По мнению сторонников более поздней датировки похода Суллы, события развивались следующим образом. В 96 г. до н. э. при поддержке римлян царем Каппадокии был провозглашен Ариобарзан I. В 95 гг. до н. э. (или 94/93 гг.) армянский царь Тигран II, по наущению своего союзника Митридата VI, изгнал каппадокийского царя и передал власть Гордию. В 94 г. до н. э. (или 92 г. до н. э.) Сулла восстановил на престоле Ариобарзана, разбив каппадокийских сторонников Гордия и армянские войска. Но в 91 г. до н. э. армия Тиграна под командованием Митраоса и Багоаса вновь изгнала Ариобарзана из его царства⁷.

По версии сторонников похода римлян в 96 г. до н. э., ситуация в Каппадокии выглядела несколько проще. Поход Суллы предшествовал вторжению армий Тиграна II. Армянский царь вмешивался в борьбу за влияние в Каппадокийском царстве только один раз около 94 г. до н. э.⁸.

Сложности в определении не только абсолютной, но и относительной хронологии похода римлян связаны, в первую очередь, с упоминанием Плутархом «множества» армян, которые пришли на помощь противникам каппадокийского царя Ариобарзана I: «...πλείονας δ' αὐτῷ Ἀρμενίων προσβοηθοῦντας ἀποκτείνοντας...» (Plut. Sulla, 5, 3). Практически все исследователи, специально занимавшиеся этой проблемой, видели в армянах, упомянутых Плутархом, войска царя Великой Армении Тиграна II, заключившего союз с Митридатом VI⁹. Таким образом, датировка похода Суллы всегда тесно связывалась с началом правления Тиграна II. Общепринятой датой воцарения Тиграна считается 95 г. до н. э.¹⁰, о чем ясно говорит Плутарх, указывая, что в 71/70 г. до н. э. Тигран II правил двадцать пять лет (Plut., Luc., 21, 6). Принимая эту дату, сторонники ранней датировки похода Суллы (96 г. до н. э.) подвергались критике со стороны оппонентов, указывавших на то, что римляне вряд ли могли столкнуться с армией Великой Армении, царь которой еще не взошел на престол¹¹. Учитывая, что Великая Армения находилась в зависимости от Парфии до 80-е гг. до н. э., действительно необъяснимо участие армянских войск в борьбе с Суллой в 96 г. до н. э.

Однако, на наш взгляд, участие Тиграна II в борьбе с Суллой не может быть признано доказанным. Нет никакого прямого указания в наших источниках на участие в сражении с римлянами именно войск из Великой Армении. Ни Юстин, ни Аппиан ничего не сообщают о борьбе Суллы с Тиграном II. Плутарх говорит об армянах, пришедших на помощь Гордию, но

не называет страну, из которой эти армяне пришли (Plut. Sulla, 5, 3). Отождествление армян, упомянутых у Плутарха, с армией Тиграна II основывается исключительно на логике повествования Юстина, который говорит о заключении понтийско-армянского союза, направленного против Каппадокии и упоминает о походе Тиграна II в Каппадокию и изгнании им Ариобарзана (Just., XXXVIII, 3, 2). В то же время существует указание Аппиана на изгнание Ариобарзана Митраосом и Багоасом (App. Mithr., 10). Действительно, представляется разумным поместить поход Суллы после событий, отмеченных Юстином, но перед походом, упомянутым у Аппиана. Однако, как уже было убедительно доказано, Юстин и Аппиан говорили об одном и том же походе, и места для вторжения Суллы уже не остается¹², так как непонятно, как был вновь изгнан Ариобарзан, восстанавливать которого римляне направили Мания Аквилія.

В то же время Плутарх совершенно четко говорит о цели миссии Суллы. Это была не борьба с Тиграном, или Гордием, а ослабление усиливавшегося влияния Митридата VI (Plut. Sulla, 5, 3). Еще более сложно объяснить отсутствие имени Тиграна в сообщении античного автора. Плутарх был прекрасно осведомлен о деятельности армянского царя и не скрывал негативного отношения к Тиграну II (Plut. Luc., 21, 4–6). Трудно представить, что греческий биограф и моралист отказался от возможности подчеркнуть недружественный шаг правителя Великой Армении. Таким образом, армяне, упомянутые Плутархом, не имели, вероятно, отношения к Великой Армении.

Не могли противники Суллы прибыть и из второго армянского царства — Софены. Это царство было зависимо от Каппадокии и, очевидно, недружественно Понту, по крайней мере, в 94 г. до н. э. Тигран II, будущий союзник Митридата VI, вынужден был изгнать софенского царя Артана и захватить царство (Strabo, XI, 14, 15). Плутарх знал и неоднократно упоминал название Софена (Plut. Luc., 24, 6; 29, 7; Rompr., 33, 4), и неясно, почему он не указал на принадлежность армян, участвовавших в борьбе с Суллой. Маловероятно, что софенцы могли предоставить значительный военный контингент, ведь это царство не обладало большой военной мощью. В 69 г. до н. э. софенцы вообще не оказали никакого сопротивления наступающей армии Лукулла (App. Mithr., 84).

Р. Каллет-Маркс предположил, правда без должной аргументации, что армяне, пришедшие на помощь Гордию, были жителями Малой Армении, входившей в состав державы Митридата Евпатора¹³. На наш взгляд, гипотеза исследователя достаточно оправдана¹⁴, но нуждается в более тщательном обосновании.

В конце II в. до н. э. последний царь Малой Армении Антипатр, как свидетельствует Страбон, передал свое царство Митридату VI Евпатору

(Strabo, XIII, 3, 28). Большинство ученых не сомневаются в добровольной передаче Антипатром своих владений понтийскому царю, так как между Малой Арменией и Понтийским царством существовали давние политические и, вероятно, династические связи¹⁵. В договоре 179 г. до н. э., которым закончилась малоазийская война, правитель Армении Митридат назван союзником Фарнака I Понтийского (Polib., XXV, 2, 11). Совершенно очевидно, что Митридат не мог быть царем Великой Армении, так как Полибий упоминает и великоармянского царя Арташеса (Артаксия) (Polib., XXV, 2, 12). Но не мог Митридат быть и сатрапом третьего армянского царства — Софены, как это утверждает Паттерсон¹⁶. В отличие от Малой Армении, античные источники практически никогда не называли Арменией Софену, а жителей Софены — армянами. Поэтому представляется логичным считать Митридата правителем именно Малой Армении. Дружественные отношения понтийской династии с Малой Арменией подтверждаются и предположением о том, что Митридат VI мог в юности скрываться от преследования во владениях царя Антипатра¹⁷.

Вхождение Малой Армении в состав державы Митридата VI Евпатора до сегодняшнего дня не удалось точно датировать¹⁸. Существует несколько версий, но наиболее вероятная относит передачу Антипатром своих владений Митридату VI к началу правления понтийского царя¹⁹. С еще большей уверенностью можно говорить о том, что поглощение Понтом Малой Армении произошло не позднее 101 г. до н. э.²⁰.

Войска из Малой Армении составляли значительную часть армии Митридата Евпатора²¹, особенно на начальном этапе завоеваний понтийского царя. Ко времени противостояния с Римом наместник Малой Армении, сын царя Понта Аркафий, командовал отрядом в 10 000 всадников (App. Mithr., 17), что можно признать достаточно грозной силой для Малой Азии.

Находка экспедиции В. И. Кадеева верхней части памятника, посвященного командиру армянских лучников, дала неопровержимые доказательства активного использования Митридатом контингентов из Малой Армении в разных частях своей державы. То, что эти лучники происходили именно из Малой Армении, не вызывает сомнений²². Так как надпись датируется периодом Диофантовых войн в Северном Причерноморье²³ (113–111 гг. до н. э.²⁴), то это исключает присутствие в понтийском гарнизоне Херсонеса контингента из Великой Армении, заключившей союз с Митридатом Понтийским около 94 г. до н. э.²⁵. Кроме того, Тигран II, вопреки сложившемуся в историографии мнению, очень осторожно относился к своему агрессивному союзнику и кроме единственного вторжения в Каппадокию в 92 г. до н. э. не принимал участия в операциях понтийцев. Тигран не оказал помощи своему тестю и во время первой войны Понтийского царства с Римом,

поэтому было бы ошибочно предполагать, что армянский царь передал своему союзнику конницу для отправки на войну со скифами.

Надпись из Херсонеса позволяет окончательно установить, что упомянутые в ольвийском декрете в честь амисенского кибернета Ἀρμένιοι не жители городка Армены возле Синопы²⁶, а такой же понтийский контингент из Малой Армении, как и в Херсонесе²⁷. Что, в свою очередь, свидетельствует о достаточно широком использовании Митридатом армянских войск для проведения специальных операций.

Эпитафия Айхмону ценна тем, что в ней он назван командиром именно армянских лучников, хотя совершенно очевидно, что они составляли подразделение армии Митридата Евпатора. Следовательно, войдя в состав Понтийской державы, воины из Малой Армении сохраняли собственное этническое название. Косвенно об этом свидетельствует и то, что Аппиан называет конный корпус из Малой Армении не в составе основной армии Митридата, но в ряду союзных войск понтийцев (App. Mithr., 17). Важно, что жителей из Малой Армении продолжали называть армянами и применительно к более поздним временам, когда царство уже вышло из состава Понтийской державы. Описывая союзные войска, пришедшие на помощь Помпею, Аппиан утверждал, что: «Армян с этой стороны Евфрата привел стратег Таксил...» (Ἀρμενίωνς δὲ ἦγε τοὺς ἐντὸς Εὐφράτου στρατηγὸς Ταξι λης...) (App. Bell. Civ., 2, 71). Армянами с «этой» стороны Евфрата могли быть именно солдаты из Малой Армении.

Таким образом, армяне, с которыми столкнулся Сулла в 96 г. до н. э. в Каппадокии, могли, с большой долей вероятности, быть отрядом из Малой Армении, пришедшим на помощь понтийскому ставленнику Гордию. Участие малоармянских войск в каппадокийском конфликте представляется наиболее логичным и обоснованным и по следующим соображениям. Именно армянская легкая кавалерия могла быть наиболее быстро переброшена Митридатом в Каппадокию для противодействия стремительному прорыву Суллы. В Малой Азии очевидно не ожидали от римлян, предпочитавших долгое время избегать открытого применения силы, столь радикального способа утверждения Ариобарзана I на престоле, как военная операция римской армии. Поэтому в Каппадокии не было войск Митридата VI²⁸, что вынудило его спешно перебросить армянские отряды на помощь пропонтийской партии. Из описания Плутарха можно сделать вывод о том, что армяне пришли только в тот момент, когда состоялось вторжение римлян (Plut. Sulla, 5, 3).

Участие армян в борьбе с Суллой может быть объяснено частью тонкой дипломатической игры, которую вел Митридат VI Евпатор с Римом. Используя именно армянские войска, Митридат мог пытаться обезопасить себя от обвинений в открытом противодействии римлянам, дружбу с которыми

он формально продолжал сохранять. Борьба Суллы с каппадокийцами и армянами, а не с собственно понтийской армией, могла быть воспринята в Риме как оправдание Митридата VI. Митридат не только в этом случае пытался избежать обвинений в агрессии, утверждая, что в изгнании Ариобарзана I в 92 г. до н. э. виновен не он, а Гордий и Тигран (Just., XXVIII, 5, 8). Однако обстоятельства не позволили понтийскому царю скрыть свое участие в конфликте.

После возведения Ариобарзана на престол Сулла встретился с послом парфянского царя Оробазом (Plut. Sulla, 5, 4; Liv. Ep., 70). Цель встречи представителей Рима и Парфии неоднократно привлекала внимание исследователей²⁹. Среди множества версий о причинах встречи существует гипотеза о том, что причиной отправки парфянского посольства к римлянам было усиление Тиграна II³⁰. Это предположение было справедливо опровергнуто в литературе³¹. Ко времени похода Суллы Тигран II еще или не стал царем Великой Армении, или только взшел на престол и не мог вызвать опасения парфянского царя. Однако, на наш взгляд, армянский вопрос все же мог обсуждаться на этой встрече. Участие войск из Малой Армении в борьбе с Суллой должно было вызвать беспокойство в Парфии, от которой зависела в это время Великая Армения (Just., XXXVIII, 3, 1). И парфянский посол мог выяснять, какие именно армяне приняли участие в конфликте. Но встреча Оробаза с Суллой должна была окончательно убедить римлян в том, что они боролись не с армией Великой Армении, а с отрядами Митридата Евпатора. Этим можно объяснить отсутствие у Плутарха упоминания о Тигране II в связи с походом Суллы и четкое указание на цель похода римлян — ограничение могущества Митридата VI.

Предположение об участии в каппадокийских событиях подразделения из Малой Армении представляется дополнительным аргументом в пользу ранней датировки похода Суллы в Каппадокию, который уже не должен связываться с действиями царя Великой Армении Тиграна II. Кроме того, представленная гипотеза проливает свет на позицию царя Великой Армении Тиграна II, который избегал прямого столкновения с римлянами вплоть до нападения армии Лукулла в 69 г. до н. э. Действительно, необъяснимая пассивность армянского царя и союзника Митридата VI в годы первой и третьей митридатовых войн может быть объяснена не недальновидностью Тиграна II, а тем, что он не вступал с римлянами в борьбу и не опасался римского возмездия, так как не участвовал в непосредственном столкновении с римскими войсками.

Точно установленное, благодаря находке экспедиции В. И. Кадеева, присутствие малоармянских гарнизонов в Херсонесе и Ольвии, позволяет с большой долей уверенности говорить о применении Митридатом VI

Евпатором войск из Малой Армении в борьбе за влияние в Каппадокии в 90-е гг. до н. э., в частности, в столкновении с отрядом Луция Корнелия Суллы и Ариобарзана I в 96/95 г. до н. э.

Примечания

- ¹ *Виноградов Ю. Г., Кадеев В. И.* Армянские лучники на службе Митридата Евпатора // Второй всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке: Тез. докладов. — Ереван, 1984. — С. 12–13. Текст надписи впервые приведен в работе: *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. — М., 1989. — С. 254, прим. 113. Публикация надписи: *Макаров И. А.* Эпитафия командира армянских лучников из Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. — 2005. — Вып. 14. — С. 239–248.
- ² Анализ проблемы см.: *Broughton T. R. S.* The Magistrates of the Roman Republic. — Atlanta, 1986. — V. 3. — P. 72; *Kallet-Marx R.* Hegemony to Empire: The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 BC. — L.-A., 1996. — P. 355–361; *Смыков Е. В.* Рим и Парфия: первые контакты (к вопросу о договорах Суллы и Лукулла) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности: В 2 ч. — Казань, 2000. — Ч. 1. — С. 317–318.
- ³ *Reinach T.* Mithridate Eupator, roi de Pont. — P., 1896. — 105; *Моммзен Т.* История Рима: В 4 т. — Ростов-на-Дону, 1997. — Т. 2. — С. 505; *Манандян Я. А.* Тигран II и Рим. — Ереван, 1943. — С. 28–29; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ: In 2 v. — Princeton, New Jersey, 1950. — V. 1.: Text. — P. 206; *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим: В 2 ч. — М., 1966. — Ч. 2. — С. 27;
- ⁴ *Sherwin-White A. N.* Roman Foreign Policy in the East: 168 B.C. to A. D. 1. — L., 1984. — P. 109–110; *Манасерян Р. Л.* Борьба Тиграна против экспансии Рима в Каппадокии в 93–91 гг. до н. э. // ВДИ. — 1985. — № 3. — С. 116. С. Ю. Сапрыкин придерживается компромиссной даты — 93/92 г. до н. э.: *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. — М., 1996. — С. 196, прим. 25.
- ⁵ *Badian E.* Sulla's Cilician Command // Studies in Greek and Roman History. — Oxford, 1964. — P. 157–178.
- ⁶ *Sherwin-White A. N.* Ariobarsanes, Mithridates and Sulla // CQ. — 1977. — V. 27. — P. 173–183.
- ⁷ *Reinach T.* Op. cit. — P. — 105; *Моммзен Т.* Ук. соч. — С. 505; *Манандян Я. А.* Ук. соч. — С. 28–29; *Дьяконов М. М.* Очерк истории Древнего Ирана. — М., 1961. — С. 192–193; *Манасерян Р. Л.* Борьба Тиграна против экспансии... — С. 114–117; *Sherwin-White A. N.* Ariobarsanes, Mithridates... — P. 182–183; *idem.* Roman Foreign Policy... — P. 109–110; *Сапрыкин С. Ю.* Ук. соч. — С. 196; *Молев Е. А.* Властитель Понта. — Н. Новгород, 1995. — С. 58.

- ⁸ *Kallet-Marx R.* Op. cit. — P. 356–357.
- ⁹ *Reinach T.* Op. cit. — P. 105; *Моммзен Т.* Ук. соч. — С. 505; *Головкин И. Д.* Римско-парфянські відносини в першій половині I століття до н. е. // Праці ОДУ. — Серія істор. наук. — 1959. — Т. 149. — Вип. 7. — С. 70; *Сапрыкин С. Ю.* Ук. соч. — С. 196; *Sherwin-White A. N.* Ariobarsanes, Mithridates... — P. 174–175; *idem.* Roman Foreign Policy... — P. 109–110.
- ¹⁰ *Манандян Я. А.* Ук. соч. — С. 26; *Badian E.* Op. cit. — P. 168; *Sherwin-White A. N.* Ariobarsanes, Mithridates... — P. 174; *Kallet-Marx R.* Op. cit. — P. 359.
- ¹¹ *Sherwin-White A. N.* Ariobarsanes, Mithridates... — P. 174; *Селецкий Б. П.* О некоторых современных исследованиях социально-политической истории Рима 90-х годов I в. до н. э. // ВДИ. — 1978. — № 3. — С. 210; *Kallet-Marx R.* Op. cit. — P. 359, n. 74.
- ¹² *Kallet-Marx R.* Op. cit. — P. 356–357.
- ¹³ *Ibid.* — P. 359.
- ¹⁴ К сходному предположению в начале XXI в. пришли и другие исследователи: *Макаров И. А.* Ук. соч. — С. 243, прим. 47.
- ¹⁵ *Молев Е. А.* Митридат Евпатор. Саратов, 1976. — С. 26; *он же.* Малая Армения и Митридат Евпатор // Проблемы античной истории и культуры: В 2 ч. — Ереван, 1979. — Ч. 1. — С. — 187; *он же.* Властитель Понта... — С. 30; *Сапрыкин С. Ю.* Ук. соч. — С. 163.
- ¹⁶ *Patterson L.* Rome's Relationship with Artaxias I of Armenia // The Ancient History Bulletin. — 2001. — № 15.4. — P. 156, n. 6.
- ¹⁷ *Молев Е. А.* Малая Армения... — С. 186.
- ¹⁸ *Макаров И. А.* Ук. соч. — С. 243–244.
- ¹⁹ *Молев Е. А.* Малая Армения... — С. 186; *он же.* Властитель Понта... — С. 30.
- ²⁰ *Сапрыкин С. Ю.* Ук. соч. — С. 164.
- ²¹ *Молев Е. А.* Малая Армения... — С. 188; *Макаров И. А.* Ук. соч. — С. 243.
- ²² *Виноградов Ю. Г., Кадеев В. И.* Армянские лучники... — С. 12–13; *Виноградов Ю. Г.* Ук. соч. — С. 254–255; *Молев Е. А.* Властитель Понта... — С. 24; *Макаров И. А.* Ук. соч. — С. 243.
- ²³ *Макаров И. А.* Ук. соч. С. 243.
- ²⁴ *Сапрыкин С. Ю.* Ук. соч. — С. 135.
- ²⁵ *Манандян Я. А.* Ук. соч. — С. 28–29; *Манасерян Р. Л.* Борьба Тиграна против экспансии... — С. 116.
- ²⁶ *Жебелев С. А.* Ольвия и Мифрадат Евпатор // Северное Причерноморье. — М.; Л., 1953. — С. 288–289.
- ²⁷ *Молев Е. А.* Малая Армения... — С. 189; *Виноградов Ю. Г.* Ук. соч. — С. 254–255; *Сапрыкин С. Ю.* Ук. соч. — С. 138.
- ²⁸ Каппадокийцы, с которыми столкнулся Сулла, не могли быть понтийскими войсками, так как Плутарх не упустил бы возможности об этом упомянуть. Ср.:

Сапрыкин С. Ю. Ук. соч. — С. 195; *Макаров И. А.* Ук. соч. — С. 243. Сообщение Фронтина о том, что Сулла в Каппадокии боролся с полководцем Митридата Архелаем (*Front. Strat.*, 1, 5, 18) не нашло подтверждения в произведениях других античных авторов и вызывает сомнение у исследователей (*Kallet-Marx R.* Op. cit. P. 249, n. 107). С другой стороны, можно предположить, что Архелай командовал именно армянским экспедиционным корпусом.

²⁹ *Смыков Е. В.* Ук. соч. — С. 317–327. В статье автор рассмотрел большинство существующих гипотез о римско-парфянских переговорах.

³⁰ *Бокщанин А. Г.* Ук. соч. — С. 27; *Манасерян Р. Л.* Процесс образования державы Тиграна II//ВДИ. — 1982. — № 2. — С. 135–136; *он же.* Борьба Тиграна против экспансии... — С. 115.

³¹ *Sherwin-White A. N.* Roman Foreign Policy... — P. 220; *Смыков Е. В.* Ук. соч. — С. 320.

К вопросу о романизации сельского населения фракийских земель в первых веках н. э.

В течение нескольких последних десятилетий круг научных интересов проф. В. И. Кадеева определяется изучением античной истории не только Северного Причерноморья, но и фракийских земель, на которых в первых веках н. э. размещались римские провинции Нижняя Мезия и Фракия. В свое время Владимир Иванович предложил заняться исследованием истории восточнобалканских провинций Рима и мне — тогда имевшему весьма смутное представление даже о том, где они находились. Хорошо помню ту растерянность, которую мне пришлось ощутить на начальном этапе работы со специальной литературой по истории Фракии и Нижней Мезии — казалось, что болгарскими учеными она исследована с исчерпывающей полнотой. А ведь Кадеев, лично знакомый со многими ведущими болгарскими антиковедами и прекрасно знавший их труды, утверждал, что именно римский период истории фракийских земель является едва ли не самым перспективным для дальнейшего изучения! Как же так? Но со временем стало ясно, насколько прав оказался в своем утверждении маститый ученый — источники по истории Нижней Мезии и Фракии обеспечат работой, думается, еще многие поколения антиковедов. А я с теплотой и благодарностью вспоминаю те первые беседы с Владимиром Ивановичем четверть века назад, которые, как позднее выяснилось, во многом определили и весь мой дальнейший жизненный путь, и, в какой-то мере, выбор сюжета для этой небольшой статьи.

Среди множества дефиниций понятия «романизация» одним из самых удачных представляется определение, в свое время предложенное О. В. Кудрявцевым во «Введении» к задуманной им, но, увы, оставшейся незаконченной монографии о балкано-дунайских провинциях ранней Римской империи: «В широком смысле романизация представляет собой распространение хозяйственных, социальных, политических и культурных форм, свойственных коренным областям римского мира, на территорию романизирующихся провинций. С этой точки зрения и изменения в хозяйственном быте новых провинций под влиянием римского завоевания, и распространение античной формы собственности, и урбанизация — все эти явления представляют собой составные части процесса романизации. В узком смысле этого слова, более общепринятом, но не охватывающем всей глубины рассматриваемого процесса, под романизацией понимается распространение латинского языка,

римских бытовых навыков и римской культуры»¹. Думается, романизацию действительно следует воспринимать как чрезвычайно многогранное явление, при изучении которого необходимо уделять внимание процессам усвоения провинциалами римско-италийских как культурных и социально-политических, так и *хозяйственных* форм. Не случайно в последнее время исследователи истории римских провинций все чаще обращаются к изучению различных проявлений *экономической* романизации населения зависимых от Рима стран. Применительно к сельским жителям, несомненно, составлявшим большинство провинциалов², она могла выражаться в различных формах, и прежде всего — связанных с техническим оснащением и организацией производственных процессов. Наглядным подтверждением этого являются материалы раскопок античных центров на территории Нижней Мезии и Фракии.

Несомненный интерес представляет вопрос о степени римского влияния на формирование во фракийских землях античной системы сельскохозяйственных орудий. Мнения ученых на этот счет существенно расходятся.

С точки зрения Ж. Н. Выжаровой³, влияние Рима на материальную культуру восточнобалканских провинций проявилось главным образом в ремесле, и нет оснований распространять его на область применения земледельческих орудий, которые в первых веках н. э., как и ранее, изготавливались местным, фракийским населением. Такое мнение возникает у исследовательницы на основании проведенного ею анализа найденных на территории современной Болгарии античных и средневековых наконечников пахотных орудий. Считая происхождение черешковых наральников фракийским, а втульчатых славянским⁴, Ж. Н. Выжарова приходит к выводу о том, что в римский период на исследуемой территории продолжали пользоваться исключительно пахотными орудиями прежних форм и никаких существенных изменений в земледелии не произошло. Дальнейшее усовершенствование сельскохозяйственных орудий труда, по ее мнению, следует связывать уже с появлением здесь славян. Однако втульчатые наральники, несомненно, получают распространение в восточнобалканских землях именно в первых веках н. э.⁵, поэтому доводы Ж. Н. Выжаровой не представляются достаточно убедительными.

Л. Дуков справедливо указывает на существование в Нижней Мезии и Фракии древних местных земледельческих традиций и подчеркивает их важную роль в аграрном развитии восточнобалканских провинций Рима⁶. Однако при этом, рассматривая античные пахотные, рыхлящие и режущие орудия⁷, он не приводит в их числе *ни одного*, определенно датированного доримским временем. Очевидно, это и позволяет исследователю говорить не только о том, что именно римская экспансия явилась решающим фактором

в формировании античной системы земледельческих орудий на фракийской территории, но и о «качественном скачке», который отмечается в этой сфере, по сравнению с предшествующим периодом, уже в I в. н. э. Подтверждение такому выводу Л. Дуков находит в «почти полном сходстве типов» сельскохозяйственных орудий труда этого времени, происходящих из восточнобалканских земель, Дакии, Центральной Европы и Северного Причерноморья, что объясняется, по его мнению, «широким восприятием италийского инструментария, принесенного римскими колонистами»⁸.

Наличие связи между изменением форм некоторых типов земледельческих орудий и римским влиянием во фракийских землях в первых веках н. э. представляется бесспорным. Говорить об этом, действительно, позволяет, в частности, сопоставление обнаруженных здесь наральников и серпов античного времени с орудиями аналогичного предназначения, происходящими из раскопок городов и поселений Северного Причерноморья⁹. Но возможность прийти к такому выводу дает не усматриваемое Л. Дуковым сходство, а, напротив, существенное различие форм земледельческих орудий первых веков н. э. В последние столетия I тыс. до н. э. и во фракийских землях¹⁰, и в Северном Причерноморье при пахоте использовали один и тот же тип черешковых наральников с относительно небольшой, как правило, листовидной рабочей лопастью, а урожай убирали серпами с плавно отогнутой внутрь задней частью клинка. В Северном Причерноморье, судя по данным археологии, эти формы остаются основными и в первых веках н. э. Известными нам исключениями являются лишь найденные в Танаисе в слоях III в. н. э. серп¹¹ и втульчатый наконечник¹², причем последний относится к совершенно иному типу, чем наральники из восточнобалканских земель. Во Фракии же и в Нижней Мезии в этот период получают широкое распространение, наряду с листовидными, черешковые наконечники с массивной подтреугольной рабочей частью¹³, появляются, как было отмечено, втульчатые наральники, а подавляющее большинство серпов имеет уже рукоятку, отогнутую наружу¹⁴. Именно эти орудия труда и обнаруживают большое сходство с наральниками и серпами из самой Италии, а также тех провинций, где римское влияние, несомненно, было значительным.

Правомерность результатов подобного сопоставления, безусловно, нуждается в подтверждении более массовым археологическим материалом, особенно из Северного Причерноморья. Но в свете современного состояния источниковой базы отмеченные различия выглядят значительными и могут быть объяснимы, в частности, разной степенью воздействия Рима на хозяйственную жизнь населения фракийских земель и античных государств Северного Причерноморья. Повсеместное использование земледельцами Нижней Мезии и Фракии римско-италийских форм сельскохозяйственных

орудий труда представляется убедительным свидетельством экономической романизации сельского населения восточнобалканских провинций.

Однако нельзя согласиться с утверждением Л. Дукова, что появление римлян во фракийских землях привело к «*качественному скачку*» в процессе формирования здесь системы земледельческих орудий, тем более, применительно к I в. н. э.¹⁵ Во-первых, в специальной литературе не упоминаются орудия труда, которые можно было бы однозначно датировать именно I в. н. э., во-вторых, подобное представление совершенно не согласуется с общей картиной состояния экономики на данной территории в начальный период римского господства. Воздействие Рима на экономическое развитие Нижней Мезии и Фракии сказывалось постепенно, по мере колонизации и урбанизации фракийских земель, и, определяя его масштабы, следует обязательно сопоставлять материал первых веков н. э. с данными, относящимися к более раннему периоду. Только при этом условии можно аргументированно говорить как о римском влиянии, так и о фракийских традициях в земледелии Нижней Мезии и Фракии.

О романизации сельской жизни свидетельствует и распространение во фракийских землях в первых веках н. э. поместий, устроенных по примеру италийских сельских вилл (*villae rusticae*). Их исследование обеспечивает возможность не только существенно расширить представление о развитии различных отраслей экономики, организации хозяйственной деятельности, аграрных отношениях в провинциальных землях, но и в ряде случаев вполне аргументированно судить о социальной принадлежности владельцев, управляющего и рабочего персонала сельских вилл. Поэтому вопрос о том, насколько типичными были такие хозяйства для тех или иных провинций, носит с точки зрения изучения социально-экономической организации общества Римской империи во многом принципиальный характер.

К настоящему времени на территории Болгарии, охватывающей основную часть древних фракийских земель, открыто около 40 сельских вилл первых веков н. э.¹⁶ На первый взгляд, это число может показаться незначительным, особенно по сравнению с такими областями Римской империи, как, например, Галлия или Испания, где количество известных вилл определяется сотнями. Однако следует учитывать, что Болгария относительно невелика, к тому же более четверти ее площади занимают горы. Кроме того, систематические раскопки в сельских районах Нижней Мезии и Фракии начались сравнительно недавно, и вполне вероятно, что со временем число обнаруженных там вилл может возрасти. Этого можно ожидать как вследствие дальнейшего исследования тех областей, где виллы уже известны, так и в результате раскопок в районах, пока недостаточно изученных в археологическом отношении, например, на Юго-Востоке Болгарии — едва ли не единственной

равнинной части страны, где виллы до сих пор не найдены. По мнению болгарских ученых, в первых веках н. э. характер исторического развития этого района во многом определялся сохранением устойчивых фракийских традиций. Данный фактор, действительно, мог существенно ограничивать возможность распространения там типично римских форм организации хозяйственной жизни. Но нужно иметь в виду, что как раз в этой части Фракии находился Деултум — единственная в пределах современной Болгарии надежно локализованная колония ветеранов римской армии¹⁷, многие из которых вполне могли устроить свои поместья именно по примеру италийских сельских вилл.

Заметим также, что определяя место сельских вилл в провинциальной экономике, необходимо учитывать и археологические материалы, свидетельствующие об их производственном потенциале. Судя по всему, многие из этих поместий не только могли играть существенную роль в обеспечении населения продовольствием, тягловой силой, некоторыми важными видами ремесленного сырья и готовыми ремесленными изделиями, но и сами предъявляли широкий спрос на те виды продукции, в которых нуждались владельцы, управляющий и рабочий персонал вилл, стимулируя таким образом активизацию городской экономики, торговли и, в результате, общий экономический подъем в восточнобалканских провинциях, характерный для II в. н. э. и особенно ощутимый в первые десятилетия следующего века. При этом показательно, что открытые на территории Нижней Мезии и Фракии виллы распределяются между этими провинциями приблизительно равномерно. Все это позволяет не только говорить о том, что сельские виллы получили там повсеместное распространение, но и усматривать в этом явлении важный фактор социально-экономического развития фракийских земель в первых веках н. э.

В заключение обратим внимание на то, что среди владельцев вилл, несомненно, были и фракийцы. Так, можно, видимо, считать доказанным, что фракийской фамилии принадлежала вилла I—V вв. н. э., открытая на месте современного водохранилища в местности Чаталка у с. Яворов Хасковской обл. (территория античного города Августа Траяна). Ее хозяевам принадлежал и раскопанный неподалеку от комплекса жилых и хозяйственных построек курганный некрополь с характерным для фракийцев обрядом погребения. Найденные в захоронениях ювелирные изделия восточного происхождения, бронзовые сосуды и светильники из Италии, оружие и различные предметы воинского снаряжения, а также материалы раскопок самой виллы позволяют видеть во владельцах усадьбы состоятельных людей, чьи вкусы и запросы формировались под влиянием не только фракийских традиций, но и знакомства с достижениями жителей других областей Империи¹⁸. Несомненное сходство

археологического материала, происходящего из раскопок сельских вилл и расположенных в непосредственной близости от них фракийских курганных некрополей, зафиксировано и в ряде других мест: у сел Невестино Софийской¹⁹ и Могилец Разградской²⁰ областей, а также в Софийском квартале «Обеля»²¹. Не исключено, что фракийцу принадлежала и вилла, раскопанная у г. Павликени, где в первых веках н. э. функционировал один из крупнейших в восточнобалканских землях керамический комплекс²².

Приведенные данные, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют об экономической романизации жителей сельских районов Нижней Мезии и Фракии, причем усвоение римско-италийских хозяйственных форм представляется характерным и для определенной части местного, фракийского населения восточнобалканских провинций Рима.

Примечания

- ¹ Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. — М., 1957. — С. 160–161.
- ² MacMullen R. Peasants, during the Principate//Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. II. Principat. Bd. 1. — В.; N.Y., 1974. — P. 253–254.
- ³ Выжарова Ж. Н. О происхождении болгарских пахотных орудий. — М., 1955. — С. 32, 50–53.
- ⁴ Там же. — С. 43, 49, 51–52.
- ⁵ Дуков Л. Земеделието и земеделските железни оръдия в българските земи през античността//Известия на Етнографския институт с музей. — 1965. — Т. 8. — С. 161–164, 167–168, табл. 4, 6; Станчев Д. Находка на железни предмети от с. Стамболово, Русенски окръг//Годишник на музеите от Северна България. — 1985. — Кн. 11. — С. 31, обр. 1.
- ⁶ Дуков Л. Земеделието... — С. 155; *сгцият*. Характерът на културно-историческото наследство от железни части на земеделските оръдия в българските земи //Етногенезис и културно наследство на българския народ. — София, 1971. — С. 94.
- ⁷ Дуков Л. Земеделието... — С. 150–175.
- ⁸ Дуков Л. Характерът... — С. 94–95.
- ⁹ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1953. — С. 105–112; Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. — М., 1975. — С. 163–176; *Античные государства Северного Причерноморья*/Отв. ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. — М., 1984. — С. 154, 242, табл. 55 и др.
- ¹⁰ Čičikova M. Au sujet du soc Thrace//Apulum. — 1968. — Vol. 7. — P. 120–121, ill. 4; Чичикова М. Тракийска могила гробница от с. Калояново, Сливенски окръг (IV в.

- пр. н. е.)//Известия на Българския археологически институт. — 1969. — Т. 31. — С. 60–61, обр. 16; *Николов Б.* Колективна находка от железни предмети от халшатската епоха до гр. Криводол//Археология. — 1970. — Кн. 1. — С. 53–54, обр. 3; *Никулицэ И. Т.* Северные фракийцы в VI–I вв. до н. э. — Кишинев, 1987. — С. 225, рис. 28 и др.
- ¹¹ *Античные государства Северного Причерноморья...* — С. 242, табл. 55, рис. 29.
- ¹² *Там же.* — С. 242, табл. 55, рис. 8. Два аналогичных узколопастных наральника найдены на черняховских поселениях Каменка-Анчекрак и Березанка в окрестностях античной Ольвии, см.: *Сельская округа Ольвии*/Отв. ред. В. А. Анохин. — К., 1989. — С. 204–205, рис. 76, 1, 2; *Никитина Г.Ф.* Земледелие в черняховской культуре//Российская археология. — 2006. — № 4. — С. 44, рис. 3.
- ¹³ *Дуков Л.* Земеделието... — С. 159–161, табл. 3; *Canarache V.* Unelte agricole pe teritoriul Republicii Populare Române în epoca veche//Studii și cercetări de istorie veche. — 1950. — Т. 2. — Р. 100–101, fig. 16; *Развитие* на земеделието по българските земи/Съст. И. Венедиков. — София, 1981. — С. 86, фиг. 13 и др.
- ¹⁴ *Дуков Л.* Земеделието... — С. 171, табл. 7 и др.
- ¹⁵ *Дуков Л.* Характерът... — С. 94.
- ¹⁶ *Мартемьянов А. П.* К вопросу о количестве сельских вилл римского времени, найденных на территории Болгарии//ВХУ. — 2003. — № 594: История. — Вып. 35. — С. 35–41. К этому числу следует добавить и villae rusticae, обнаруженные на территории северной, ныне румынской, части Добруджи, в первых веках н. э. также входившей в состав Нижней Мезии, см.: *Baumann V.* Ferma romană din Dobrogea. — Tulcea, 1983. — Р. 147–148; *Bărbulescu M.* Viața rurală în Dobrogea romană. — Constanța, 2001. — Р. 283 și tabelul de la p. 291–305.
- ¹⁷ *Балабанов П., Петрова С.* Довелт — Деултум — Девелт//Римски и ранновизантийски градове в България. — София, 2002. — С. 237–249.
- ¹⁸ *Буюклиев Х.* Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг //Разкопки и проучвания. — 1986. — Кн. 16; *Nicolov D.* Roman villa rustica near Chatalka, Stara Zagora, Bulgaria. — Oxf., 1976. — Р. 64–65.
- ¹⁹ *Геров Б.* Земевладението в римска Тракия и Мизия (I—III в.)//Годишник на Софийския университет. Факултет по класически и нови филологии. — 1977 (Вых. 1980). — Т. 72. — Кн. 2. — С. 127.
- ²⁰ *Гинев Г.* Некропол от римската епоха при с. Могилец, Търговищки окръг //Археология. — 1986. — Кн. 4. — 18–26.
- ²¹ *Станчева М.* Вила рустика в кв. Обеля в София//Археология. — 1981. — Кн. 1–2. — С. 67–68.
- ²² *Античен* керамичен център Павликени. — София, 1977. — С. 3.

Александър Минчев, Виолета Вълканова

**Североафрикански глинени лампи
с християнски символи и библейски сцени
от България (V–VI в.)**

През 1972 г., известният английски археолог и специалист по антична керамика Джон Хейс (John Hayes) отдели в своята книга «Късноримска керамика» (Late Roman Pottery), една група от отдавна известни в науката и често срещани по Средиземноморието късноантични глинени лампи, като произведени в Северна Африка¹. Те са изработени от характерна фина глина без примеси — розова или оранжева, до червена на цвят. Покрити са обикновено с блестящ оранжев, оранжевочервен или червен лак. Лампите имат кръгло или слабо овално тяло с плоски рамене и диск, с два отвора за масло и издължен широк фитилник с канал, с голям елипсовиден отвор за фитила. Дъното е плоско, с ниско пръстеновидно столче, а дръжката е езиковидна и къса. По раменете и диска имат винаги разнообразна релефна украса. Дж. Хейс разделя тези лампи на два основни типа, като всеки от тях има по два подтипа и ги датира общо между началото на IV и първата половина на VI в.² Първият тип се датира между началото на IV и началото на V в., а вторият — от началото на V в. докъм средата на VI в., като техни имитации са произвеждани изглежда и до края на този век³. През последвалите тридесет и пет години изследване на тези лампи, се предложили някои малки промени в датирането на конкретни групи, в подразделянето на типове и се открили нови места на производството им⁴, но като цяло първоначалните констатации са в сила и сега.

Тези лампи са изработвани в различни керамични производствени центрове на Северна Африка: в Тунис — в околностите на Ел Джем, Скира, Картаген и др.⁵, вероятно в Египет (Александрия и околностите ѝ), както и в други днешни североафрикански държави, където са намерени гипсови и каменни калъпи за тяхното производство⁶. През V и VI в., те получили голяма популярност в тези райони, и от там са били разпространявани из целия Средиземноморски свят⁷, и дори получили добър прием в центъра на Западната Римска империя — Италия⁸. Освен там, те са изнасяни и в Мала Азия, (където се срещат в сравнително голямо количество), а също и в балканските провинции на късната Източна Римска империя, в Панония (Унгария) и др.⁹. Откриват се също и в България — предимно от втория тип¹⁰, като тук също са били имитирани (както и в други райони) от местни производители¹¹. За целта са били снемани калъпи от качествени вносни лампи, в които се изработвали лампи от местна, предимно фина глина, покрити понякога с хубав, но по-често

с неособено качествен и доста рядък червен лак. Установено е например, че в Коринт (Гърция), един от най-известните керамични производителни центрове (особено на лампи), копирането на двата североафрикански типа е започнало още около средата на V в.¹² Възможно е, разбира се и в балканските провинции на Източната Римска империя да са били внасяни готови калъпи от северна Африка, но засега такива не са открити.

Релефната украса по оригиналните североафриканските лампи, както и по техните копия е доста разнообразна. Докато по плещите преобладават главно геометрични орнаменти и по-рядко се срещат растителни или други (отпечатъци на монети), то по дисковете им — наред с геометричните и растителни мотиви (например, палмата е доста срещана украса), много често има изображения на различни екзотични животни и някои видове птици¹³. Много характерни за тези лампи са също и различни християнски символи, както и сцени от Стария и Новия завет.

На някои от тях ще обърнем внимание тук, въз основа на намерените досега североафриканските лампи в България. Целта на тази статия не е да се «преоткриват» известни в науката и вече писани от чужди автори неща. За нас е важно да обърнем внимание на колегите археолози и изкуствоведи върху някои специфични трактовки на обикновени на вид изображения, които по принцип се пренебрегват при публикациите на подобни лампи, керамика или други археологически паметници с раннохристиянски мотиви — било поради непознаване на тази материя, било по недоглеждане. Това се среща дори и в някои обобщаващи и твърде сериозни издания, където въпреки широкото разглеждане на темата за християнските изображения в керамиката, се обръща внимание само на чисто библейските сцени, но не и отделни мотиви¹⁴.

Публикуваните досега в България цели или фрагментирани североафрикански лампи с украса, свързана с християнската религия не са много. По всяка вероятност в някои музейни сбирки лежат и други подобни находки, изцяло или отчасти запазени, които биха могли да допълнят и обогатят приложените примери. До този момент ни са известни следните публикувани и непубликувани лампи от български музеи:

1. Лампа с изображение на монограмен кръст върху диска. Изработена от бежова глина без примеси и покрита с рядък сиво-кафеникав лак, на места доста изтрит. Изображението е ясно, макар и поизтрито по ръбовете. Местна имитация — направена вероятно от оригинален вносен калъп или коринтско копие. Част от фитилника е възстановена. Намерена в канализацията на Римските терми във Варна. Археологически музей — Варна, инв. № II-5523. Обр. 1.

Непубликувана.

Обр. 1.
Глинена лампа
с кръст-монограм
на Христос от Одесос
(Варна)

Кръстовете от различен вид и раз мери се срещат много често по североафриканските лампи²⁰, като монограмните кръстовете (както от този вид, така и хризми) като че ли преобладават. В нашия случай, монограмът е образуван от съчетанието на кръст с удължено долно рамо (известен под името «латински» кръст) с разширени краища на раменете, украсен с точки — т. нар. «*crux gemmata*» и буквата Р на горното рамо. Така кръстът играе

ролята на буквата Х, а добавената извивка на отвесното му рамо го прави на буквата Р. Така се оформя лигатурата ХР, която — както е известно, се определя като началните букви на името на Христос. Кръстът, на който е бил разпънат Иисус Христос е найхарактерния негов символ, на саможертвата Му в името на хората²¹. Той получава особено бързо и голямо разпространение след известното видение на Константин Велики през 312 г. Тогава, в навечерието на решаващата битка с противника си Максенций за еднолична власт в империята, той видял в небето голям кръст и чул глас, който му промълвил «С този знак ще победиш!»²². В по-широк смисъл кръстът се е превърнал в универсалния символ на християнската религия, символ на спасението и освобождението от греховете ни чрез нея²³.

В публикуваната тук лампа, символиката на кръста е подсилена чрез превръщането му в монограм на Иисус Христос.

Обр. 2. Глинена
лампа с изображение
на петел от Одесос
(Варна)

2. Лампа с изображение на петел върху диска. Изработена от оранжевочервена глина и покрита с блестящ червен лак. По плещите релефен орнамент от вписани едно в друго кръгчета и ъгли. Върху диска — ясно изображение на петел надясно, разположен между двата отвора за масло. На дъното — производствен марка — два плитко врязани кръга с правоъгълен издатък в горния край. Липсва предната част на фитилника, сега възстановен. Североафриканско производство.

Намерена във Варна, на ул. Вардар. Археологически музей Варна. Инв. № III-69. Обр. 2.

Публикувана²⁴.

V в.

Подобни²⁵.

Макар и по-рядко, петелът се явява като украса върху дискове на североафриканските лампи, главно през V в. Освен като чисто декоративен елемент, тук той е натоварен и с допълнителен симоличен смисъл. В християнството петелът се свързва с предадения и от четиримата евангелисти разказ в Новия завет (Йоан, 13: 38; Матей, 26: 34; Марк, 14: 30; Лука, 22: 34), за трикратното отказване на Св. Петър от Исус преди първото утринно кукуригане предсказано от Него преди това²⁶. У евангелист Марк текстът гласи така: «И Исус му каза: Истина ти казвам, че днес, тази нощ, преди да пее петела дважд, ти три пъти ще се отречеш от Мене» (Марк, 14: 30). Същевременно петелът се смята за символ на победата на Христос над тъмнината на нощта, на възкресението и идването на светлината и надеждата за света²⁷. Според Блажения Августин след пропяването на петела идва начало на молитвите за деня («Post galei cantum, conseqvit esse tempus orandi») и в старите манастири началото на сутрешната молитва също било предизвествявано от кукуригането на петел²⁸. Хонорий от Аутун от своя страна смята поставянето на изображение на петел върху църковна камбанария (или кула) за символ, който подбужда желание да се слави Бога рано сутринта²⁹. Това многообразие в християнската символика на петела е предадено и в един от химните на Св. Амброзий, посветен на кукуригането на петела — *Aeterne Rerum Conditor*³⁰.

3. Лампа с изображение на пророк Даниил в ямата с лъвовете. Изработена от червеникава глина и покрита с матов оранжево-червен лак. По плещите — релефен орнамент от редуващи се лозов лист (?) и вписани триъгълници. Върху диска — доста размазано изображение на Даниил с широка, пристегната в кръста надиплена туника и къса хламида, с разперени в молитвен жест ръце. Изработена е в износен деривативен калъп, поради което цялата украса, включително и фигурата на пророка е силно изтрита и с неясни детайли. Вероятно североафриканско производство, но от по-късния етап — най-рано от първата половина на VI в. Намерена във Варна. Археологически музей — Варна. Инв. № III-67. Обр. 3.

Непубликувана.

VI в.

Твърде изтритото изображение върху диска на тази лампа представя пророк Даниил в рова с лъвовете (Даниил 6: 1-24 и по специално 6: 16-23), въпреки, че тук тези зверове не са изобразени. Дрехата на фигурата

Обр. 3. Глиненa лампа с изображение на пророк Даниил от Одесос (Варна)

Обр. 3а. Глиненa лампа с изображение на пророк Даниил от частна колекция (по Herrmann /van der Hoek, 2002)

Обр. 4. Глиненa лампа с изображение на двамата еврейски съгледвачи от Сердика (София)

и цялостната поза обаче не оставя съмнение, че става дума за старозаветния пророк Даниил. Той бил хвърлен от персийския цар Дарий в един ров (яма) с лъвовете за това, че се молел на своя Бог въпреки царската забрана, но останал там невредим — спасен от ангел небесен: «Моят Бог прати ангела Си да затули устата на лъвовете, та не ме повреди, защото се намерих невинен пред Него» (Даниил, 6: 22). Той се смята за мъченик на молитвата³¹ и символ на обещаното и поради това в тази сравнително често изобразявана сцена в раннохристиянското изкуство. Пророкът винаги е представян прав в молитвена поза с високо вдигнати ръце³², въпреки, че според библейския текст той е седял в рова (Даниил, 14, 40). Тази сцена е била твърде популярна и разпространена в целия раннохристиянски свят. Особено често се срещат такива изображения в Северна Африка, включително върху керамика и керамични плочки³³, каменни и метални релефи, върху кост³⁴, дървени предмети³⁵ и др. Познати са и от стенописи в катакомбите на Рим 40³⁶. В България образът на Даниил в ямата с лъвовете също се среща, макар и по-рядко — предимно в раннохристиянски амулети от IV в.³⁷ Сцената с пророка е доста застъпена в украсата по дисковете на североафрикански лампи. Там, от двете страни на пророка често са изобразени лъвовете, а понякога над него е и ангелът, който го предпазва от тях³⁸. Липсата на лъвовете във варненската лампа се дължи може би на факта, че при вземането на калъп от лампа, при изсъхването той се свива и новите лампи, произведени в него са с по-малки размери, което е наложило изличаване на част от сцената. Възможно е това изображение да показва всъщност един друг — по-късен и съкратен вариант на сцената с Даниил в ямата, който получил разпространение по време,

когато вече за хората самата фигура на пророка е била достатъчно позната, за да се свърже със съответния епизод от Библията.

4. Лампа с изображение на еврейските съгледвачи, завръщащи се от Ханаан. Изработена от оранжева глина и покрита с оранжевочервен лак. Голяма част от края на фитилника с отвора за масло отчупени. По плещите — релефен орнамент — спирално завити лозови ластари с гроздове и листа в тях. На диска, между двата отвора за масло — две прави мъжки фигури носят на прът голям грозд. Североафриканско производство от малко използван калъп. Намерена в София (античната Сердика). Национален археологически музей — София. Инв. № 7988. Обр. 4.

Публикувана ³⁹.

V в.

Подобни — от Тунис : V в. ⁴⁰; V в. ⁴¹; от частна сбирка в Германия: IV—V в. ⁴²; от колекцията на Харвардския университет ⁴³.

Представената сцена с две мъжки фигури, носещи прът с грозд илюстрира един епизод от древната еврейска история, описан в Стария завет (Числа, 13: 1–34). Господ поръчал на Мойсей да изпрати съгледвачи в Ханаанската земя, която предопределил да бъде за евреите. Мойсей изпратил няколко души от първенците на всяко племе с поръка да видат каква е земята, плодородна ли е, какви са хората, които живеят там и градовете им, и т. н. Накрая, като обходили и огледали подробно тази обещана («обетована») им от Бога земя, при завръщането си те донесли на сънародниците си и доказателства за нейното плодородие и богатства. Според текста в Библията: «И като стигнаха до долината Есхол (и я обгледаха) и там отрязоха лозова пръчка с един грозд, и двама я понесоха на върлина; взеха и нарове и смокини. Те нарекоха това място Есхол според грозда, що отрязоха там синовете Израилеви (Числа, 13, 24–25). Именно този момент от древната история на евреите, който символизира плодородието на Обетованата земя е изобразен върху тази и други подобни лампи североафриканско производство и техни копия. От своя страна, в своите *Enarationes in Psalmes*, Блаженият Августин дава едно допълнително тълкуване на сцената. Той обяснява, че гроздето може да се смята като символ на Словото Господне, като се позовава на вече съществуваща по негово време такава традиция: «Защото също и Господ е наречен грозд, който тези, които били изпратени напред от хората на Израел донесли от Обетованата земя, привързан на върлина» ⁴⁴, или. Това е без съмнение и тълкуването на сцената върху лампата от София, което нейните съвременници (за разлика от нас сега) са разбирали много добре. Североафрикански лампи и техни имитации с подобни изображения са сравнително рядко срещани ⁴⁵ и се датират предимно в V—

началото на VI в. Тяхното разпространение в различни части на империята подсказва популярността на този сюжет сред християнското население не само на Северна Африка, но и на целия Средиземноморски свят, а като се вижда от находките в България — и на Балканите.

Обр. 5. Глинен лампа (фрагмент) с изображение на гълъб с клонка в човката от Нове (Свищов)

Обр. 5а. Глинен лампа (фрагмент) с изображение на гълъб с клонка в човката от Харвард и същия мотив на мраморна плоча от Ватикана (по Herrmann/van der Hoek, 2002)

5. Лампа с изображение на гълъб с клонка в човката, фрагмент от диска. На него се вижда голяма част от тялото на гълъб с маслинова клонка в човката. По раменете малка част от несигурен релефен орнамент. Изработена от фина червена глина, покрита с орнажевочервен лак. Намерена в Нове (Свищов). Археологически музей-Свищов. Обр. 5. V—началото на VI в.

Публикувана ⁴⁶.

Подобни ⁴⁷.

Лампите, украсени с тази старозаветна сцена също са сравнително по-редки. Символиката на гълъба с маслиновата клонка е ясна — той се свързва с появата на дългоочаквания от Ной сигнал за достигане на сушата след всемирния потоп (Битие, 8: 10–11). Този важен момент от историята на Ной е бил често илюстриран в раннохристиянското изкуство. Едно от най-ранните му изображения е върху мраморна плоча с раннохристиянски надпис от римските катакомби, сега в Папския музей на Ватикана ⁴⁸. Блаженият Августин дава допълнителна интерпретация на епизода с Ной и гълъба от Стария завет. Той смята, че маслиновата клонка е символ на вечния и постоянен мир и я свързва също с благотворителността — според него «няма мир без благодеяние и без благотворителност» ⁴⁹. Според някои автори, гълъбът с клонка в човката е включван понякога и в друг идеен кръг ⁵⁰, като се свързва с чудото на тримата еврейски младенци, хвърлени от цар Навуходоносор в огнена пещ, заради отказа им да се покланят на чужд бог (Даниил 3: 10–30).

6. Лампа с изображение на палма. Върху диска — поизтрито изображение на палмово дърво.

По раменете — релефен орнамент от редуващите се квадратчета с вписани кръгове и ромбове с волути по края. Изработена в деривативен калъп от чревеникавокафява глина и покрита със сиво-кафяв лак. Вероятно местна или коринтска имитация Намерена в Козлодуй. Национален археологически музей — София. Инв. № 440. Обр. 6.

V—VI в.

Публикувана ⁵¹.

7. Лампа с изображение на палма, фрагмент. Върху диска — силно изтрито изображение на палмово дърво между двата отвора за масло. По плещите — също изтрита релефна украса от редуващи се розети и тригълници. Североафриканско производство от поне трето поколение деривативен калъп. Намерена във Варна — в Морската градина и може би произхожда от разрушен гроб. Археологически музей — Варна. Инв. № II-1153. Обр. 7.

V в.

Непубликувана.

Подобни (оригинални): от Тунис ⁵² — V в.; от частна колекция в САЩ ⁵³.

Изображението на палми в различен стил, понякога само с два клона, друг път с повече, се среща често върху североафриканските лампи от IV—VI в. и техните имитативни варианти в европейските провинции на късната Римска империя. Макар и рядко се изобразяват и в каменната пластична украса на църкви, предимно от VI в. Например в скалната църква Св. Сергий край Матиане (Matiané, сега Göreme) и в църква № 3 от Güllü dere, датирани в VI в. — и двете в Кападокия, Турция, по две палми са представени от двете страни на голям неравнораменен релефен кръст на тавана в централните им кораби ⁵⁴.

Обр. 6. Глинена лампа с изображение на палма от Козлодуй

Обр. 7. Глинена лампа с изображение на палма от Одесос (Варна)

Обр. 7а. Глинена лампа с изображение на палма от частна колекция (по Hergmann /van der Hoek, 2002)

Палмовите клонки и листа се явяват като знаци на радост и празнуване още в Стария завет (3, Мойсей, 23, 40) и при различни храмови празници (2, Макавеи, 10, 7). По принцип обаче палмата се смята за дървото на Исус Христос, а заедно с маслината — като дървета на рая⁵⁵. Знае се, че при влизането на Исус в Йерусалим той е бил посрещнат от жителите му с огромна радост, викове «Осанна» и палмови клонки (Йоан 12: 13). Поради това, например в английската религиозна традиция този ден и до днес се нарича «Palm Sunday» — «Палмова неделя».

Изображението на палмата може да се свърже обаче и с един текст от апокрифното евангелие на т. нар. Псевдо-Матей, преведено на латински от Св. Йероним, което е свързано с пътуването или по-точно бягството на Светото семейство за Египет. В началната книга на това евангелие — за раждането на Св. Богородица и детството на Спасителя, има един неописан от четиримата официални евангелисти епизод. Според него, тримата от Светото семейство спрели да починат след пътуването из пустинята под една финикова палма (това е станало в град Хермаполис⁵⁶). Тъй като били гладни, нямали никаква храна и останали без вода, Св. Богородица си пожелала да се освежи, като хапне от нейните фурмите. Те, обаче били разположени твърде високо — по най-горните клони на палмата. Тогава детето Исус, което почивало в скута на майка си, помолило: «Наклони се дърво, нахрани с плодовете си моята майка» — и палмата навела сама клоните си на върха «чак до петите на Мария». Св. Богородица откъснала откъснали всичките й плодове и Светото семейство се нахранило с тях. След това, пак по Негова молба, от корените на дървото бликнали извори и всички се напили до насита с вода, както и магарето и другия добитък, който се движел с тях⁵⁷. Този извънредно интересен апокриф, за който се смята, че е създаден през V—VI в. (но според някои автори по-късно — през VIII—IX в.)⁵⁸, дава и допълнителен символичен смисъл на палмата — като «дърво на живота». Същевременно в продължението на разказа, когато на следващия ден напуснали това място, малкият Исус се обърнал към дървото и казал: «Давам ти тази привилегия, палмо, една от твоите веи да вземат моите ангели и да я посадят в градината на Моя Баща. Давам ти това благословение за всички, които в някава борба победят, — да се казва: Извоювахте палмата на победата! Като казал това, явил се ангел Господен и като застанал пред палмата, взел една от нейните веи и като я държал в ръка, полетял към небето»⁵⁹. Това превръща палмовото дърво също и в символ на рая и райската градина. Твърде е възможно — ако Евангелието на Псевдо-Матей е наистина от V—VI в., в тези ранни векове от неизкрystalизиралата християнска догматика, някои ранни религиозни писания, които сега наричаме апокрифи, да са били доста широко разпространени сред вярващите. По всичко изглежда (ако съдим по някои от споровете в икуменическите и вселенски събори) че в определени райони на Изтока те се

смятали дори за официални. Това може да е повлияло върху част от иконографията на определени работилници или майстори, произвеждали късноантични лампи в Северна Африка. От друга страна не можем да отхвърлим напълно и възможността, тези производители да са използвали изображението на това дърво в украсата като чисто декоративен мотив. Не бива да се забравя, че освен палми, по дисковете на лампите се срещат също и други дървесни видове от този регион — например кипариси, маслини, стилизирани кедри и др.⁶⁰. Влагането на християнска символика в представеното на палмата върху лампите не е напълно сигурно и не случайно някои автори го смятат за чисто ботанически мотив, свързан с характерната за Северна Африка природа⁶¹.

Описаните няколко североафрикански лампи от България, както оригинални, така и техни местни копия и имитации, илюстрират добре част от християнските символи и сцени, използвани като украса по тези антични предмети на бита. Трябва да се отбележи, че тяхното общо количество в днешните български земи, както и местата на разпространение са значително по-малко от откритите в други райони на късната Римска империя. Тук те се намират предимно в по-големите градски центрове по Западния бряг на Черно море и по Долнодунавския лимес. Появата им в тази част на империята е част от редовния внос на североафриканска луксозна битова керамика през късната античност⁶². Тя не може да се свърже пряко с по-широкото разпространение на християнството, което настъпило в балканските провинции на късната Римска империя след свързаните с новата религия едикти на Константин Велики от 313 и 330 г. — и най-вече през V—VI в.⁶³. Далече по-малкия брой на подобни находки в този регион — в сравнение с други части на империята се дължи може би отчасти на недостатъчните проучвания у нас. Несъмнено определена роля за това има също и традиционното, значително като обем местно производство на утвърдени тук типове лампи, които без съмнение са били и доста по-евтини от вносните. Същевременно е важно да се посочи, че североафриканските лампи са предизвикали появата на техни имитации, както и на нови локални типове, вдъхновени от тяхната форма. Те обаче са с по-малки размери и далеч по-бедна украса, в която фигуралните елементи липсват изобщо⁶⁴. Явяват се (и то спорадично) само кръстове — като украса по раменете, на дисковете и по-рядко по дъната им, или като дръжки. Важно е да отбележа, че единственото друго изображение върху лампа — местна имитация на североафриканските е палмата⁶⁵.

Като особен вид носители на идеите на една нова религиозна доктрина, лампите със символи и библейски сцени свързани с нея, очевидно са съдействали за утвърждаването на християнството сред местното население през един сравнително ранен период — между края на IV и средата на VI в.

Същевременно появата им по дисковете на тези предмети на бита може да се свърже (поне донякъде) и със символиката, която то влага в светлината (гр. Φως). Известно е, че тя олицетворява Иисус Христос, тъй като според Евангелието на Йоан, след приключването на случката с оправданата от Него прелюбодейка, Той произнася едни от най-важните си и често цитирани слова: «Тогава Иисус пак им говорим, казвайки: Аз съм светлината на света; който Ме следва няма да ходи в тъмнина, но ще има светлината на живота» (Йоан, 8: 12). По този начин — като носители на светлина чрез своя пламък, дори обикновените и най-разпространени в бита глинени антични лампи, макар и индиректно, могли да получат понякога от вярващите допълнително «натоварване» с християнска символика.

Няколкото изображения, описани и разтълкувани в тази статия обръщат внимание върху необходимостта да се вглеждаме по-задълбочено в декоративните елементи върху някои лампи. В тяхното използване за украса понякога може да се търси далеч по-дълбок смисъл вложен от производителите им, отколкото изглежда на пръв поглед. В това отношение определени текстове от Светото Писание — от Новия и от Стария завет могат да послужат, за да се обяснят по-точно съответните детайли или цели сцени от дисковете по някои североафрикански лампи, откривани в България и в чужбина. Освен за тях, това се отнася също и за украсата по други късноантични керамични или метални съдове и предмети, използвани във всекидневието, или за литургични нужди.

Бележки

- ¹ *Hayes J.* Late Roman Pottery. London, 1972. — P. 310–315.
- ² *Ibid.* — P. 310–314, pl. XXI/a.
- ³ *Ibid.* — P. 313–314.
- ⁴ *Bejaoui F.* Ceramique et religion chretienne. Les Themes Bibliques sur la Sigilée Africaine. — Tunis, 1997. 1997, 17–20 и цит. лит.
- ⁵ *Ibid.* — P. 17.
- ⁶ *Hayes J.* Op. cit. — P. 310; *Garbsch J., Overbeck B.* Spätantike zwischen Heidentum und Christentum. München, 1989. — S. 146–148, Nos. 111, 113–114; *Bejaoui F.* Op. cit. — P. 17; *Herrmann J. J., Hoek A. van den.* Light from the Age of Augustine. — Cambridge, 2002. — P. 6–7, 24, no. 10.
- ⁷ *Ennabli A.* Lampes chrétiennes de Tunisie. — Paris, 1976. — 28–30; *Bejaoui F.* Op. cit. — P. 20.
- ⁸ *Abbiani M. G.* Lucerne fittili paleochristiani nell' Italia setentrionale. — Bologna, 1969.
- ⁹ *Szèntleky T.* Ancient Lamps. — Budapest, 1969. — P. 125–128, Nos. 232–243 и цит. лит.
- ¹⁰ *Minchev Al.* The Late Roman Fine Ware Import to the Western Black Sea Coast//Ancient Bulgaria, 2/ Ed. A. G. Poulter. Nottingham, 1983. — P. 120–121, tab. II; *Кузманов Г.*

- Антични лампи. Колекция на Националния археологически музей. — София, 1992. С. 41, № 300–302; *Čičikova M.* Lampes paleobyzantines de Novae//*Der Limes and der Unteren Donau von Diokletian bis Heraklios/G. von Bülow, A. Milčeva (Hrsg.)*. — Sofia, 1999. — S. 108–109.
- ¹¹ *Кузманов Г.* Цит. съч. — С. 41–42, № 303.
- ¹² *Garnett K. S.* Late Roman Corinthian Lamps from the Fountain of the Lamps//*Hesperia*. — 1975. XLIV, 2. — P. 197.
- ¹³ *Ennabli A.* Op. cit. — P. 25–28.
- ¹⁴ Например в *Bejaoui F.* Op. cit.
- ¹⁵ *Ennabli A.* Op. cit. — No. 1021–1045; *Bejaoui F.* Op. cit. — P. 283, fig. 82.
- ¹⁶ *Papuc Gh.* Opaște de import la Tomis//*Pontica*. — 1976. IX. — P. 203, fig. 2.
- ¹⁷ *Menzel H.* Antike Lampen im Römisch-germanischen Zentralmuseum Mainz. — Mainz, 1969. — S. 93, Abb. 77, Nr. 14; Abb. 79, Nr. 6.
- ¹⁸ *Garbsch J., Overbeck B.* Op. cit. — S. 148, No. 116; *Garbsch J.* Römischer Alltag in Bayern. — München, 1994. — S. 208, Nr. 1.
- ¹⁹ *Széntleleky T.* Op. cit. — P. 125, No. 235.
- ²⁰ *Ennabli A.* Op. cit. — Nos. 868–915.
- ²¹ *Ferguson G.* Signs & Symbols in Christian Art. — N. Y., 1976. — P. 164–165; *Sachs H., Badstübner E., Neumann H.* Christliche Ikonographie in Stichworten. — Leipzig, 1980. — S. 217–219.
- ²² *Sachs H., Badstübner E., Neumann H.* Op. cit. — S. 217.
- ²³ *Ferguson G.* Op. cit. — P. 164.
- ²⁴ *Минчев Ал.* Късноантична вносна керамика от Варненския музей//ИНМВ. — 1976. № 12 (27). С. 120–121, № 7, табл. II; *Minchev Al.* Op. cit. — P. 195, pl. 2.3/3.
- ²⁵ *Ennabli A.* Op. cit. — Nos. 623–625; *Herrmann J. J., Hoek A. van den.* Op. cit. — P. 94, No. 105.
- ²⁶ *Ferguson G.* Op. cit. — P. 14.
- ²⁷ *Sachs H., Badstübner E., Neumann H.* Op. cit. — S. 160; *Herrmann J. J., Hoek A. van den.* Op. cit. — P. 94.
- ²⁸ *Forstner D.* Świat symboliki chrześcijańskiej.— Warszawa, 1990. — S. 236–237.
- ²⁹ *Ibid.* — S. 236.
- ³⁰ *Herrmann J. J., Hoek A. van den.* Op. cit. — P. 94 и цит. лит.
- ³¹ *Forstner D.* Op. cit. — S. 315.
- ³² *Bejaoui F.* Op. cit. — P. 24; *Алексеевко Н. А.* Ветхозаветная символика в христианском искусстве: образ пророка Даниила//Ред. Ю. А. Бабинов. Символ в религии и философии. — Севастополь, 2005. — С. 6 и цит. лит.
- ³³ *Bejaoui F.* Op. cit. — P. 24, figs. 64 a-b.
- ³⁴ *Ibid.* — P. 31, 34 и цит. лит.
- ³⁵ *Das Museum für Byzantinische Kunst im Bode-Museum.* Red. Effenberger A. — Berlin, 2006. — S. 80–81.
- ³⁶ *Fasola U. M.* Römische Katakomben und Urchristentum. — Firenze, 1981. — S. Abb. 81.

- ³⁷ *Марков Н.* Раннохристиянски амулет с образите на Добрия пастир и Пророк Данаил от Ямболско//Минало. — 2005. XII, 4. — С. 8–9, обр. 1/6.
- ³⁸ *Ennabli A.* Op. cit. — Nos. 32–45; *Herrmann J. J., Hoek A. van den.* Op. cit. — P. 37, No. 25; *Bejaoui F.* Op. cit. — P. 123, No. 63, fig. 63.
- ³⁹ *Кузманов Г.* Цит. съч. — С. 42, № 300.
- ⁴⁰ *Ennabli A.* Op. cit. — No. 46–52.
- ⁴¹ *Bejaoui F.* Op. cit. — P. 11–12, No. 57, fig. 57.
- ⁴² *Garbsch J.* Op. cit. — S. 207–208, No. 3.
- ⁴³ *Herrmann J. J., Hoek A. van den.* Op. cit. — P. 32, Nos. 20–21.
- ⁴⁴ *Herrmann J. J., Hoek A. van den.* Op. cit. — P. 32 и цит. лит.
- ⁴⁵ *Bejaoui F.* Op. cit. — P. 22.
- ⁴⁶ *Čičikova M.* Op. cit. — S. 108, Abb. 4.
- ⁴⁷ *Ennabli A.* Op. cit. — Nos. 595–604; *Herrmann J. J., Hoek A. van den.* Op. cit. — P. 31, No. 19; *Abbiani M. G.* Op. cit. — P. 43, fig. 9; *Papuc Gh.* Op. cit. — P. 204, fig. 5/2 (фрагмент).
- ⁴⁸ *Herrmann J. J., Hoek A. van den.* Op. cit. — P. 31, fig. C.
- ⁴⁹ *Ibid.* и цит. лит.
- ⁵⁰ *Forstner D.* Op. cit. — S. 315.
- ⁵¹ *Кузманов Г.* Цит. съч. — С. 42, № 302.
- ⁵² *Ennabli A.* Op. cit. — No. 762, 771, 777; *Papuc Gh.* Op. cit. — P. 203–204, fig. 4/1;
- ⁵³ *Herrmann J. J., Hoek A. van den.* Op. cit. — P. 97, No. 112 и др.
- ⁵⁴ *Jolivet-Lévi C., Lemarge Demesnil N.* Saint Serge de Matianè, son décor sculpté et ses inscriptions//Mélanges Jean-Pierre Sodini (Travaux et memoirs, 5, College de France — CNRS)/Eds. F. Barrate, V. Déroche, C. Jolivet-Lévi, B. Pitarakis. — Paris, 2005. — 72, fig. 5–6.
- ⁵⁵ *Sachs H., Badstübner E., Neumann H.* Op. cit. — S. 56.
- ⁵⁶ *Гаврилюк П.* История катехизации в древней церкви. — Москва, 2001. — С. 139.
- ⁵⁷ *Starowieyski M.* (red.). Apokryfy Nowego Testamentu (Pseudo Mateusz). — Lublin, 1986. — S. 226–227; XX.
- ⁵⁸ *Ibid.* — S. 208 и цит. лит.
- ⁵⁹ *Ibid.* — S. 227; XXI.
- ⁶⁰ *Ennabli A.* Op. cit. — Nos. 784–794.
- ⁶¹ *Garbsch J., Overbeck B.* Op. cit. — S. 155.
- ⁶² *Minchev Al.* Op. cit. — P. 194–201.
- ⁶³ *Велков В.* Градът в Тракия и Дакия през късната античност (IV—VI в.). — София, 1959. — С. 219–222 и цит. лит.
- ⁶⁴ *Кузманов Г.* Цит. съч. — С. 41–42.
- ⁶⁵ *Ibid.* — С. 42, № 33.

Подкупничество и наказания в условията на Атинската демокрация

Много от принципите на Атинската демокрация действали разноточно, а от тук следвали различни проблеми със събитийен и практически характер. В историографията подобна проблематика преобладаващо се свързва с научна теза, според която редица атински политически лидери се обвиняват в провеждането на продажна или на изгодна политика за тях и обкръжението им. Сред специализираната на тази тема литература селективно могат да се посочат някои по-важни разработки¹. Като един от отрицателните знаци на политическия живот в древна Атина се очертало и подкупничеството. Именно към това явление атиняните насочили част от своята наказателна инициатива и тук се натъкваме на тяхната естествена надареност да създават съзнателно все нови и нови разпоредби, много от които почивали на отношението им към подкупничеството.

Едно от наказанията за това престъпление се вижда в основния източник за атинската политическа уредба — Аристотел. Ако избраният служител вземел подкуп, посочва античният автор, той трябвало да издигне златна статуя (Athen. Pol., 7, 2; 55, 5). Епизод от биография на Плутарх пояснява, че статуята се посвещавала на Делфийския бог и по размер, била равна на ръста на избличения в подкуп магистрат (Plut. Sol., 25). На виновния в продажничество можело да се наложи глоба, при това сумата предвидена за заплащане, се определяла според взетия подкуп, но в десетократен размер (Arist. Athen. Pol., 54, 2). Смятало се, че крупната сума ще бъде препятствие за гражданите, което ще ги накара да не търсят изгода във вземането на подкупи (Вж.: Din., I, 60).

Често към прилаганите наказания за подкупи се обръщат в речите си действащите атински оратори. Наситено с информация положение представя Демостен. Първо, според неговите данни, в престъплението се разграничавали две страни — корумпиран и корумпиращ; второ, в атинските условия, за нарушение се смятало подкупването дори с обещания, т. е. със слово, а не само получаването на някакви материални облаги; трето, ако действието било извършено във вреда на народа, но засягало лично когото и да било от гражданите, се предвиждала поредица от мерки. Виновното лице се лишавало от гражданска чест (т. нар. атимия)², при това наказанието се разпростирало и над неговите деца. Предвиждало се конфискуване на имуществото и разпродажбата му на търг (Вж.: Dem., XXI, 113). От тези думи на Демостен може да се разбере познавателната нагласа на атиняните към

подкупничеството. В историческа перспектива звучи волята им да разпознаят в явлението иманентен признак — двете страни, виновни за извършване на престъплението. Практиката вероятно научила гражданския колектив, че думите (символи на политиките) могат да развият собствена динамика, която заедно с други фактори, да застрашава сигурността на общността. Ето защо словесното подкупване, обещанията в областта на управлението, справедливо се приемали за нарушение. Наказателната инициатива на атиняните била ориентирана към интересите на мнозинството, но попадала и върху членовете на семейството на обвинения в подкуп. Това значи, че се засягали групи от население, които не принадлежали към общественopolитическия елит. Или подкупничеството влияело в широк мащаб върху цялостния живот на полиса.

В атинското наказателно право се предвиждала и най-тежката мярка при обвинение в коруптираност. Ораторската проза свидетелства за смъртно наказание полагащо се при вземане на подкуп (Isocr., VIII, 50; Din., I, 60). Допълнителна яснота по въпроса може да внесе атинското постановление за т. нар. «извънредни донесения» (s. v. *εἰσαγγελίαι*, Pollux Onomast., VIII, 51). Използвайки за източник Теофраст, Полукс, който обединява сведенията на всички останали лексикографи, говори за повдигането на такава форма на обвинение в Атина срещу оратор, който «се опитва да разруши демокрацията, или се стреми да прокарва несъответстваща политика поради подкуп, или... ако някой премине към врага... или, ако някой нахлуе на територията с него или вземе подкуп» (Polux Onomast., VIII, 51–52). Тази заключителна част на закона за извънредните донесения, приближава до схващането на атиняните за смъртното наказание, предвидено в такива случаи.

Трябва да се подчертае, че във всички времена по атинските закони предателството се наказвало със смърт и отказ да се погребее тялото в родния полис (Thuc., I, 138; Xen. Hell., I, 7, 22; Dem., XX, 79; Ps.-Plut. Vit. X orat. 833A). За IV в. пр. Хр., данни от Хиперид, като че ли потвърждават смъртното наказание, при присъда от дела под формата на ейсангелия, с отстраняване на телата от пределите на Атика (Huperid. Pro Lycophr., 16; Pro Eux., 27, 31). В редица речи, съчинени за такъв род обвинение, като заклинание непрекъснато звучи «накажете го със смърт» (напр. Lycurg. C. Leocr., 8). Дори последното да е съдебна реторика, то тя неизбежно е била предизвикана от някакви реални опасения и надежди. Възможно е да се допусне, че такава заплаха надвисвала над оратори, привлечени в съда по закона за извънредните донесения и обвинявани в продажност. Подкупването на красноречивите граждани се разглеждало като нарушение за сигурността на държавата. Такова целенасочено отношение на атиняните отговаряло на зна-

чимостта на постъпките на ораторите и на високата степен на строгост на наказанията към тях.

Друг е въпросът за прилагането на тежкото смъртно наказание при доказани обвинения в подкуп. Погледът само към един момент у Изократ е достатъчен, за да се мисли в отрицателна посока. Ораторът съобщава, че уличените в подкуп лица не само не били подлагани на смъртно наказание, но дори бивали избирани на ръководни длъжности (Isocr., VIII, 50). Следователно двусмислената справедливост на атиняните, за смъртното наказание, била по-скоро обща тенденция в наказателното право, а не ефикасна мярка срещу продажността. Едновременно с това обаче, тежкото наказание е сигнал за търсените от тях възможни граници на явлението корупция в политическия живот.

Следва да се отбележи, че «щедрото» количество наказания предвидени за подкупничеството говорят за третирането му като сериозно престъпление (Вж.: Plato. Legg., 956v sqq.) Разнообразните законови мерки отразили различните степени на въздействието върху атиняните от проявите на това нарушение на реда. От сякаш твърде наивното решение да се издигне златна статуя, до патетично изглеждащото смъртно наказание се точи нишката на обществената воля за борба с подкупничеството.

Оттук уместно произтича следващият въпрос — за резултатите от изброените мерки в Атина, които, в общи линии представят усилията на атиняните да се противопоставят на корупцията. Не може да се отрече факта, че въпреки повече или по-малко тежките наказания, предвидени за престъплението, подкупническата практика пронизвала политическия живот и се преплитала с личните съдби на редица знаменити и недотам известни граждани на древна Атина. Списъкът на тези личности или опитът, да се различат други форми на техните злоупотреби, би заел неоправдано много място в настоящата работа. Все пак е необходимо да се отбележи един момент, засвидетелстван в античната традиция. Става дума не за подхвърлени обвинения, намеци, или пропагандни нападки към политически противници, особено застъпени в ораторските речи от IV в. пр. Хр.³, а за случай, в който гражданин бил явно изобличен в подкупуване на съдиите. Съобщението касае атинянина Анит, син на богатия занаятчия Антемион. Синът наследил голяма кожарска работилница, но отрано влязъл в политиката и достигнал до длъжността стратег. В качеството му на магистрат, срещу него внесли заявление за държавна измяна, заради изгубването на Пилос по време на Пелопонеската война (431–404 г. пр. Хр.). Обвинението повдигнато срещу Анит през 409 г. пр. Хр., останало без резултат, защото той подкупил съдиите. Писмената традиция единодушно определя този атинянин за първото лице в историята на демокрацията, което дало «пример» за това зло — даването на подкуп (Arist. Athen. Pol., 27, 5; Plut. Cor., XIV; Diod., XIII, 64, 8). Впрочем, богатият-кожар натрупа още

негативи, широко отразени от античните писатели, като обвинител в делото срещу Сократ през 399 г. пр. Хр. Заради своето неблагоразумие той и след смъртта си имал лошо име (Вж.: Diog. Laert., II, 38).

Поражението на Атина във войната със Спарта било доказателство за моралната слабост на демократичната система. Този възглед подкрепя по-високата нетърпимост към продажността на политиците в годините преди самия край на изтощителните военни действия. Процесът на обществена трансформация всъщност се изразил и в това първо публично обвинение към Анит. Неговото предателство срещнало колективната съпротива на общността, но резултатът бил частичен. Атиняните не го осъдили за подкуп, но поне било оповестено продажничеството сред съдиите и подкупничеството от страна на висшите магистрати. Известната атрофия на съдопроизводството се явявала пряко следствие от несъвършенствата на демократичното държавно управление. Античната и съвременна историография обосновават причината за разсройването на съдилищата предимно с въвеждането на заплащане за съдебните заседатели⁴. Постановлението било издадено от Перикъл през 432\1 г. пр. Хр. (Thuc., II, 2, 1; Arist. Athen. Pol., 27, 3; Plut. Per., IX). Възнаграждението на съдиите сигурно е привличало за участие в съдебните заседания бедните прослойки от гражданите на Атина, които безспорно се изкушавали по-силно от получаването на държавните пари⁵. Случаят с Анит, който бил достатъчно богат, за да подкупи такъв вероятен съдийския състав, потвърждава подобно становище. Но гледната точка е уязвима, защото обикновено заседавали достатъчно състоятелни лица, които не се трудили сами и разполагали със свободно време⁶. Освен това подобни изказани мнения в публикациите не държат сметка за най-съществения факт. Съдия се ставало не само по желание, решавал и жребият, който давал гаранции и намалявал шансовете за измами, при избора на съдии, до минимум⁷. Следователно едва ли може да се смята, че само една разпоредба и то тази на Перикъл подклаждала корупцията в съдилищата. Ситуацията около Анит по-скоро внушава, че явлението се подхранвало от обективни фактори, свързани с усложнената общественополитическата обстановка, в периода на войната, когато според думите на Тукидид, се променяли и оформяли страстите на мнозинството (Thuc., III, 2, 4-8).

Най-важното се състои в изразеното в публичното пространство несъгласие на атиняните към конкретно лице, което чрез подкупническите си действия, представлявало заплаха за демокрацията. От това следва, че към края на V в. пр. Хр. корупцията в Атина била вече регистриран факт в съда и преследвано в обществото престъпление. Пред нас, така да се каже, се разкрива психологията на гражданския колектив, който прибегвал до някаква степен на насилие срещу Анит, т. е. срещу подкупничеството, за да

постигне сплотеност. Егоистичните подбуди обаче, на непосредствените участници в този разиграл се епизод, навярно били твърде силни, за да е възможно осъществяването на доброволно сътрудничество на широка основа, срещу престъплението. От тук насетне публичното обвинение в корумпираност откривало перспектива за недопускането към отговорни длъжности на нежелани лица. Подозренията в продажност станали елемент от напрегнатата и яростна политическа борба в разклатената демократична Атина. Във всеки случай, преди обвиненията към Анит, в традицията са по-разпространени съобщения за неподкупни лидери, отсъствие на злоупотреби с държавното имущество (Thuc., II, 65, 8; Isocr., VII, 24–25; Dem., XVIII, 115; Plut. Cim., X; Per., XV). По същество това първо известно престъпление за даване на подкуп се отбелязва в изворите като очевидно небивал факт.

Краткото представяне на наказанията за подкуп дава възможност да се признае, че атиняните рано разбрали как индивидуализмът, немотията подтикват към дързост, тласкат към алчност и ненаситност, при което отделния гражданин се надценявал безразсъдно (Вж.: Thuc., III, 45, 4–7; 82, 8). Както твърди Аристотел масите се стремели повече към доходи, отколкото към почести (Polit., VI, 2, 1, 1318b, 15). Заслуга на атиняните било, че те схващали това състояние на членовете на гражданския колектив, като опасност за демокрацията. Така гражданите-политици за пръв път, в условията на демократично управление, поставили ясно борбата с подкупничеството в съчетание със закона.

Далеч преди демокрацията в Атина, под формата например на дарове, изглежда са били най-древните прояви на подкупничество. Явлението има дълбоки корени свързани с човешката психика. Нормите, които били въплътени в Атинската демокрация, фактически представят класическия обществен възглед за истинския демократ. Последовател на демокрацията е този, който не взема подкупи и не действа срещу интересите на народа (Вж.: Aesch., III, 169–170). Като послание от античността по повод на подкупничеството, само това разбиране на атиняните, може с излишък да изкупи недостатъците на класическата демокрация. Всъщност, тя прокарва първите мостове от прагматичния начин на живот, индикиран от «удобния» индивидуализъм, към двойствения нюанс на общественополитическите отношения и появата на дефекти в самата демократична система. Атинският демократичен модел «открива» податливостта на подкуп като пречка в политическата област. Ежедневно съпричастните към управлението граждани могли да усетят двете страни на явлението. Опростените демократични принципи на ръководене на държавната дейност «очи в очи»⁸ определили правилната представа на атиняните за еднаквата виновност и на корумпирания, и на корумпирация. Ефектите на явлението, въпреки идеята за общественото равенство, пораждат

алтернативата за прилагане на насилие дори срещу подкупнически обещания и слова в политиката.

Предшестващите редове представят част от нерадостния фон на Атинската демокрация. Конкретните процедури против подкупничеството, практикувани в древна Атина, несъмнено се нуждаели от усъвършенстване, но мнението на мнозинството, все пак успявало да оказва своеобразен натиск върху институциите, за да се изгради необходимата според него, контрапозиция към явлението-преследване, публично изобличаване, наказване на виновните. В крайна сметка, може да се твърди, че в древна Атина се създавала обстановка на силно изразена обществена нетърпимост към продажничеството в политическите среди. Противоречията в самата демократична система, известната наивност на нейната правна защита, незрелият характер на прилаганите мерки правели идеите за борбата с подкупничеството недостатъчно ефективни. Това означава, че корупцията в класическата демокрация е преди всичко една предупредителна теза.

Бележки

- ¹ *Perlman S.* The Politicians in the Athenian Democracy of the Fourth Century B. C. // *Athenaeum*. — 1963. — N. S., 41, fasc. III—IV, p. 327–355; *Connor W. R.* The New Politicians of Fifth Century Athens. — Princeton, 1971; *Finley M. I.* Politics in the Ancient World. — Cambridge, 1983. — P. 71–79; *Hansen M. H.* Athenian Nomothesia in the Fourth Century B. C. and Demosthenes Speech against Leptines // *Classica et Mediaevalia*. — 1980, 32, p. 87–104; *нак мой*. Athenian «Politicians» 403–322 B. C. // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. — 1983. — 24. — P. 33–55; *Wankel H.* Die Korruption in der rednerischen Topik und in der Realität des klassischen Athen // *Korruption im Altertum*. — München, 1982. — S. 29–53; *Маринович Л. П.* Греки и Александр Македонский — Москва, 1993. — С. 57–132.
- ² Думата «ἄτιμος» придобила значението «лишен от граждански права» (ср.: *Arist.* *Athen. Pol.* 16, 10). Възстановяването на изгубените права можело да стане само с решение на Народното събрание.
- ³ *Wankel H.* *Op. cit.* — S. 30–39.
- ⁴ *Hansen M. H.* The Athenian Heliaia from Solon to Aristotle // *Classica et Mediaevalia*. — 1982. — № 33. — P. 15.
- ⁵ Концепцията се отстоява от C. A. Hignett. *History of the Athenian Constitution to the Ehd of the Fifth Century B. C.* — Oxford, 1952. — P. 117.
- ⁶ *Perlman S.* *Op. cit.* — P. 336, 352.
- ⁷ *Staveley E. S.* Greek and Roman voting and elections. — London, 1982 ². — P. 67, 69.
- ⁸ *Сартори Дж.* Теория на демокрацията. Кн. 2. Класическите проблеми: пр. от англ. — София, 1992. — С. 40.

Боспор и держава Антигонидов в эпоху раннего эллинизма

Внешняя политика Боспорского царства в эпоху раннего эллинизма не раз становилась предметом специальных исследований. Тем не менее, мы все еще имеем о ней достаточно туманное представление, почерпнутое преимущественно из скудных сообщений Диодора Сицилийского о некоторых акциях царя Эвмела в пределах Понта. Остается неясным, в какой степени держава Спартокидов была интегрирована в систему международных отношений, сложившуюся после распада империи Александра Македонского в Восточном Средиземноморье, каковы были ее взаимоотношения с важнейшими монархическими образованиями той эпохи. В частности, когда в научной литературе затрагивается вопрос об отношении Спартокидов к непосредственным преемникам Александра, диадохам, вспоминают обычно только о Лисимахе, так как с ним, по свидетельству Диодора, в некоторой степени соперничал Эвмел. Между тем, в первые два десятилетия после смерти Александра отнюдь не Лисимах являлся ведущим субъектом политических отношений в греко-македонском мире. Тон в международной политике, по крайней мере с 315 по 301 гг. до н. э., задавали преимущественно его главные соперники — Антигон Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет. Их политика носила глобальный характер и затрагивала едва ли не всю территорию греко-македонского мира. Регион Понта не составлял в этом отношении исключения. Определив, каким образом реагировало на политику первых Антигонидов Боспорское царство, мы сможем по-новому взглянуть на внешнеполитическую деятельность Перисада I и его ближайших преемников и выявить реальное место Боспора в системе политических отношений эпохи раннего эллинизма.

Главной зоной соприкосновения интересов Боспора и первых Антигонидов должно было стать южное побережье Понта. В научной литературе не раз отмечалось, что Спартокиды в последние десятилетия IV в. до н. э. поддерживали тесные экономические и политические контакты с полисами этого региона¹. Особенно преуспел в этом отношении Эвмел, желавший распространить свое влияние на все припонтийские области². Но, как показала недавно обнаруженная боспорская проксения в честь жителя города Кромны, активность в направлении Южного Понта проявлял еще отец Эвмела Перисад I³. Издатели проксении полагают, что в таких действиях Спартокидов «нельзя не усматривать целенаправленную политику противостояния экспансии Лисимаха и Антиоха I в Южном Понте»⁴. Однако в действительности

в годы правления Перисада I и Эвмела Лисимах и Селевкиды не имели отношения к указанному региону. Власть Селевка I тогда еще не распространялась западнее Евфрата, а Лисимах владел только Фракией и прочно увяз в борьбе с местными племенами и греческими полисами Западно-понтійского побережья. Господствующее положение в Южном Понте занимал тогда Антигон Одноглазый, который еще с 319 г. до н. э. владел территорией Каппадокии, включая её прибрежную полосу⁵. В 314 г. до н. э. войска Антигона под руководством его племянника Полемея совершили специальную экспедицию в Южный Понт и присоединили к владениям Антигонидов западную часть побережья вплоть до Геллеспонта, включив в число союзников Антигона Амис, Гераклею Понтийскую, Астак, Халкедон и, очевидно, Вифинию⁶. С этого времени и вплоть до агрессии Лисимаха в 302 г. до н. э. Южный Понт находился под контролем Антигонидов.

Таким образом, поддерживая южнопонтійские полисы, Перисад I и Эвмел могли противостоять только Антигонидам, а не Лисимаху или Селевкидам. Доказательством того, что это было целенаправленное противостояние антигонидовской экспансии, а не просто эпизодические контакты с торговыми партнерами, по нашему твердому убеждению, может служить факт учреждения в Боспорском царстве культа Перисада I. Ранее я уже высказывал предположение о том, что этот культ возник на Боспоре под влиянием широкого распространения культового почитания Антигона Одноглазого в 314–310 гг. до н. э.⁷. Теперь необходимо детально обосновать и развить эту гипотезу.

Напомню, что факт учреждения культа Перисада известен из следующего сообщения Страбона: «Пантикапей долгое время управлялся властителями из среды Левкона, Сатира и Перисада... Они назывались тиранами, хотя в большинстве были достойными, начиная от Перисада и Левкона. Перисад был даже признан богом (θεὸς γενόμενος)»⁸. Последняя фраза, несомненно, указывает на учреждение культа Перисада (то есть, воздаяние ему богоравных почестей), ибо только таким образом могло произойти в раннеэллинистическую эпоху «признание божеством»⁹. Помимо этого, из сообщения Страбона ясно, что Перисад получил почести не просто за свой царский сан, а за «высокое достоинство», позволявшее не ставить его в один ряд с тиранами в классическом понимании этого слова. Это показывает, что боспорский культ Перисада по своей типологии был аналогичен культу эллинистических правителей, так как они также получали божеские почести в подтверждение своего «царского достоинства», проявлявшегося в благодеяниях, человеколюбии, мужестве и т. д., а не просто за сам факт обладания высшей властью¹⁰.

Мог ли подобный культ возникнуть на Боспоре уже в IV в. до н. э. без всякого влияния извне? Некоторые исследователи полагают, что это вполне возможно и видят в возникновении культа Перисада прямое следствие

протоэллинистического характера боспорской государственности: здесь, якобы, еще в доэллинистическую эпоху сложились условия, подобные тем, что существовали в монархиях диадохов, и поэтому уже тогда возник такой характерный для эллинизма институт, как царский культ. Особенно убежденно отстаивает эту позицию В. П. Яйленко, по мнению которого культ Спартокидов зародился на Боспоре еще в середине IV в. до н. э. под влиянием местных («иранских») традиций сакрализации власти¹¹. Приводимая им аргументация, однако, основана исключительно на экстраполяции в прошлое и без того крайне гипотетических данных о культовом почитании Спартокидов в середине III в. до н. э. и является крайне неубедительной¹². К тому же, в научной литературе неоднократно было показано, что иранские традиции сакрализации власти (почитание фарна, проскинезис и т. д.) не имеют ничего общего с культом эллинистических правителей¹³. Поэтому даже если бы Спартокиды и придерживались иранских традиций почитания власти, что само по себе весьма сомнительно, то это вряд ли привело бы их к созданию царского культа эллинистического типа. Во всяком случае, аналогов подобной эволюции в эпоху эллинизма нет¹⁴. Если же предположить, что культ Спартокидов носил ярко выраженные туземные черты и не был эллинистическим по своему характеру, то вряд ли бы он описывался античными авторами так, как это делает Страбон.

Вообще каких-либо уникальных предпосылок для раннего возникновения культа правителей в том виде, в каком они обнаруживаются в греческих полисах Малой Азии, в Македонии, Великой Греции и некоторых других местах¹⁵, на доэллинистическом Боспоре обнаружить невозможно. Поэтому стоит согласиться с А. А. Завойкиным, который считает, что при изучении формирования культа Спартокидов следует «менее всего исходить из идеи его исключительности» и ориентироваться, прежде всего, на ход аналогичных процессов в других регионах античного мира¹⁶.

Сам А. А. Завойкин, руководствуясь указанными соображениями, приходит к выводу, что культ Перисада на Боспоре мог быть только посмертным, поскольку в годы правления этого царя прижизненного государственного культа в эллинистических державах еще не существовало¹⁷. Ссылаясь на данные моей собственной статьи о почитании Александра в Александрии¹⁸, он заключает, что Перисад не мог опередить в области институализации царского культа «Великого Македонянина», который был почтен как бог в официальном порядке только посмертно в Птолемеевском Египте¹⁹. А. А. Завойкин, однако, не учитывает, что наряду с официальным общегосударственным культом существовали и другие формы культового почитания правителей, прежде всего — так называемый полисный, городской культ. В эпоху Александра и диадохов, первые тринадцать лет которой застал

Перисад, умерший в 310 г. до н. э., именно эта форма почитания монархов была господствующей. В рамках полисного культа почитание правителей еще со времен Александра было преимущественно прижизненным, и, следовательно, боспоряне скорее бы заимствовали именно эту традицию. Посмертный культ в то время еще не мог быть «божественным» в прямом смысле этого слова и ассоциировался в большей степени с героическим почитанием²⁰. Даже Александра почтили в месте его погребения как героя²¹, а именовать правителей богами в посмертном культе начали только в 80-е гг. III в. до н. э.²² Поэтому если бы Перисада почтили после смерти именно как бога, то это было бы еще большей новацией, чем учреждение его прижизненного культа. Что же касается героического посмертного почитания, то оно, очевидно, не являлось для Боспора абсолютным новшеством. Об этом свидетельствует сообщение самого Страбона о существовании на азиатском побережье Боспора посмертного памятника Сатиру I²³, в котором исследователи вполне обоснованно усматривают монумент героического культа этого правителя²⁴. О героическом почитании Сатира свидетельствуют и данные нумизматики²⁵. Не исключено, что посмертными героическими почестями почитались и другие предшественники Перисада, погребенные в грандиозных толосах²⁶. Поэтому посмертное почитание правителя не могло восприниматься как нечто уникальное для Боспора, а у Страбона культ Перисада представлен именно таким образом — ни Левкон, ни Сатир не «признаны богами», хотя и являются не менее достойными правителями.

Таким образом, есть основания полагать, что культ Перисада возник на Боспоре еще при его жизни, но не на основе боспорских традиций, а под влиянием извне. Практика заимствования традиции культового чествования правителя, в целом, была обычной для эпохи раннего эллинизма. Богоравное почитание под влиянием преимущественно политических факторов перешло с покойного Александра на Антигона и Деметрия, затем на Птолемея, Лисимаха, Селевка, Кассандра и на всех последующих эллинистических правителей, вследствие чего царский культ утвердился даже в тех местах, где к его появлению не существовало никаких предпосылок, например, в Балканской и Островной Греции²⁷. И эта традиция уходила корнями еще в доэллинистическую эпоху: как показал М. Флауэр, уже самый первый в истории Эллады прецедент воздаяния божеских почестей человеку — учреждение культа Лисандра на Самосе в 404 г. до н. э. — послужил через несколько лет образцом для подражания на о. Фасос при организации чествования Агесилая²⁸.

Однако проникнуть на такую периферию античного мира, как Боспор, культ правителей мог, конечно, только после того, как превратился в массовое явление. Единичные прецеденты воздаяния божеских почестей политическим лидерам, имевшие место в доэллинистическую эпоху, и даже культ Александ-

ра, получивший весьма скромное распространение при его жизни²⁹, вряд ли бы оказали на боспорян существенное влияние. Первым же и единственным при жизни Перисада правителем, который удостоился богоравного почета в достаточно широких масштабах был никто иной как Антигон Одноглазый³⁰. В 314–311 гг. до н. э. его культ возник в ряде малоазийских и островных полисов, в большинстве своем входивших в сферу политических и экономических контактов Боспорского царства³¹. Особенно же важно, что культовое почитание Антигона в 314 г. до н. э. было учреждено полисами-членами Островной лиги на о. Делос³², который, как один из важнейших центров почитания Аполлона, являлся «священным местом» для боспорян. Весьма примечательно также, что расцвет культа Антигона совпал по времени с пиком могущества Перисада. В последнее десятилетие жизни он достиг власти, до некоторой степени сопоставимой по объему с властью диадохов, и во всеуслышание именовался в боспорских надписях «царем всех синдов и меотов» и правителем земли «от отрогов Тавров до Кавказских гор»³³. Именно в таком положении Перисад мог обоснованно претендовать на почести, которые получали Александр (посмертно) и Антигон³⁴.

Все это, однако, не означает, что культ Перисада был всего лишь подражанием культу Антигона, призванным прославить боспорского монарха среди подданных. У этого культа, очевидно, имелся серьезный внешне-политический аспект, связанный с противостоянием Боспора и Антигонидов. Широкое культовое почитание в греческих полисах доставляло Антигону немалые политические дивиденды. Прежде всего, оно позволяло ему представлять в образе главного «спасителя и благодетеля» эллинов, поскольку официально почести он получал в ответ на благодеяния, оказанные городам, — восстановление «свободы и автономии», освобождение от налогов и т. д.³⁵. Помимо этого, как было показано мною ранее, культ приравнивал Антигона к Александру, которого чествовали как бога посмертно другие диадохи, и помогал ему таким образом обосновать притязания на господство во всей македонской империи³⁶. Учреждение культа Перисада в таких условиях выражало претензию Боспора на независимость от Антигонидов и македонских правителей вообще — ведь подданные, воздавая ему высшие почести, признавали боспорского правителя не менее значимой фигурой, чем Антигон и даже сам Александр. Аналогичным образом Птолемей Сотер, принимая в 304 г. до н. э. царский титул, сразу же получил божеские почести на Родосе, приравняв себя тем самым к Антигонидам³⁷.

С другой стороны, культ, особенно в том виде, как он представлен у Страбона, позиционировал Перисада в качестве «благодетеля эллинов», и противопоставлял его тем самым Антигону. Насколько Перисад подтверждал этот статус своими действиями по отношению к грекам, судить

трудно из-за скудости источников, но его сын Эвмел, несомненно, выступал в роли звергета греческого мира. Его знаменитые благодеяния понтийским грекам можно расценить как попытку соперничества с Антигонидами, ибо главным благодетелем эллинов в ту эпоху был именно Антигон. Не исключено, в частности, что помощь, оказанная Эвмелом каллатийцам во время осады Лисимаха³⁸, была в какой-то степени обусловлена стремлением превзойти Антигона, который в 313 г. до н. э. потерпел неудачу при попытке поддержать восстание западнопонтийских греков против властителя Фракии³⁹. Вообще же сама идея активно использовать благодеяния эллинам для поднятия собственного авторитета и обоснования державных амбиций, несомненно, была заимствована Эвмелом именно у Антигонидов, создавших свою империю под лозунгом борьбы за свободу эллинов⁴⁰.

Что же могло побудить Спартокидов к противостоянию с Антигонидами? Прежде всего, это, конечно, стремление ограничить антигонидовскую экспансию в регионе Понта. Захват Птолемеем южнопонтийского побережья показал, что Антигониды не собираются ограничивать свои владения пределами державы Александра и готовы продвигаться далее на север. Весь понтийский регион оказывался, таким образом, перед угрозой их вторжения. Помимо этого, Эвмел и Перисад, конечно, были заинтересованы в ослаблении влияния Антигонидов в уже захваченных ими южнопонтийских землях, поскольку Боспор имел определенные политические и экономические интересы в этом регионе и, вообще, рассматривал его как потенциальную сферу своего влияния.

Не исключено, однако, что между Спартокидами и Антигонидами существовали и иные противоречия, выводившие их противостояние за пределы Понта. Первые Антигониды придерживались весьма жесткой протекционистской политики в сфере торговли зерном. Антигон, всячески поощряя экспорт хлеба с территории своей державы, настаивал вместе с тем, чтобы города, находящиеся под его властью, не импортировали зерно из других государств, а закупали его внутри страны, преимущественно из урожая, полученного с царских доменов и доходных земель Антигонидов⁴¹. Сам Антигон прямо заявляет об этом в одном из своих посланий к Теосу⁴². Эта государственная монополия на торговлю хлебом призвана была обеспечить экономическую автаркию державе и нанести удар по главному сопернику Антигонидов — Птолемеевскому Египту, который являлся крупнейшим экспортером зерна в Средиземноморье. Однако такая политика наносила ощутимый вред и экономике Спартокидов, ибо они лишались важнейших рынков сбыта своей продукции: в державу Антигона с 314 г. до н. э. входила почти вся Малая Азия и Кикладские острова, а с 307 г. — и большая часть Балканской Греции, в том числе важнейший торговый партнер Боспора — Афины.

Благосостояние Спартокидов теперь зависело от того, насколько жестко Антигон и Деметрий контролируют морской импорт в полисы своей державы. Определенный ущерб боспорской торговле, несомненно, наносили и многочисленные военные кампании Антигонидов, во время которых поставки зерна в отдельные регионы оказывались невозможными. Так, в 305–304 гг. до н. э. Деметрием почти полностью был блокирован с моря важнейший посреднический центр торговли зерном — Родос⁴³, что, несомненно, нанесло немалый ущерб торговым операциям боспорян. В 295 г. такая же судьба постигла важнейшего торгового партнера Спартокидов — Афины, причем Деметрий не просто не давал подойти к городу ни одному кораблю с зерном, но и казнил всех торговцев и даже капитанов судов, которые пытались это сделать⁴⁴. Все это, конечно, должно было побудить Спартокидов к противостоянию с Антигонидами. Ведь в таких условиях едва ли не каждая поставка зерна за пределы Понта или даже в южнопонтийские города, не говоря уже о предоставлении иноземным торговцам проксений с правом беспощинного вывоза хлеба с территории Боспора, превращалась в своего рода вызов Антигонидам. А таких проксений от времени правления Перисада I, Эвмела и Спартока III сохранилось немало, и практически все они даровали иноземным зерноторговцам не только право вывоза хлеба, но и политию, то есть — право гражданства на всей территории Боспорского царства⁴⁵. Торговцы, нарушившие монополию Антигонидов, таким образом, имели возможность получить своеобразное «убежище» на Боспоре, что подчеркивало остроту противостояния Спартокидов и державы Антигона. Не исключено, что именно эти, осевшие на Боспоре иноземные торговцы и выступили официальными инициаторами воздаяния божеских почестей Перисаду, ориентируясь в этом отношении на практику полисов «метрополии», почитавших Антигонидов как богов⁴⁶. В свете подобного противостояния вполне закономерным выглядит тот факт, что когда в 287 г. до н. э. власть Деметрия в Греции окончательно рухнула, и он вынужден был оставить Афины, Спарток III, по словам афинского декрета, «радовался этому вместе с народом» и торжественно предоставил в дар освобожденному городу 15 000 медимнов хлеба, оказавшись в одном ряду с откровенными врагами Антигонидов — Лисимахом, пеонийским царем Авдолеонтом и двумя первыми Птолеями⁴⁷. Этот жест символизировал восстановление старых экономических связей и подчеркивал, что эра противостояния с Антигонидами для Спартокидов закончена.

Таким образом, можно заключить, что Спартокиды в эпоху диадохов целенаправленно противостояли экспансии Антигонидов в регионе Понта и за его пределами, руководствуясь при этом как политическими, так и чисто экономическими соображениями. Это противостояние не доходило до

открытого противоборства и проявлялось преимущественно в области пропаганды и в демонстративном эвергетизме по отношению к эллинам. При этом Спартокиды заимствовали у Антигонидов не только отдельные пропагандистские приемы, но, очевидно, и традицию царского культа, опередив в этом отношении многих диадохов. Все это показывает, что в эпоху распада державы Александра Македонского Боспорское царство не оставалась пассивным наблюдателем борьбы диадохов, как это нередко полагают, а претендовало на роль одного из важных независимых «центров власти» в новой системе политических отношений.

Примечания

- ¹ *Сапрыкин С. Ю.* Борьба за экономические зоны влияния на Понте в VI—II вв. до н. э. — государственная политика или личная инициатива? // Межполюсные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Тез. докл. — Севастополь, 1992. — С. 41; *Vinogradov Ju. G.* Pontische Studien. — Mainz, 1997. — S. 47–48.
- ² *Нейхардт А. А.* К вопросу о политике Евмела на Понте Эвксинском (по материалам керамической эпиграфики) // Древний мир. — М., 1962. — С. 545–602; *Шелов Д. Б.* Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. — 1986. — № 1. — С. 37–39.
- ³ *Виноградов Ю. Г., Толстиков В. П., Шелов-Коведяев Ф. В.* Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. — 2002. — № 4. — С. 58–60.
- ⁴ *Там же.* — С. 60.
- ⁵ *Billows R. A.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. — Berkeley etc., 1990. — P. 238–239.
- ⁶ *Diod. XIX, 57, 4, 60, 2; Billows R. A.* Op. cit. — P. 113, 239, 440–442.
- ⁷ *Нефедов К. Ю.* О культе Перисада I на Боспоре // Юг России в прошлом и настоящем: История, экономика, культура. — Белгород, 2004. — С. 189–191.
- ⁸ *Strab. VII, 4, 4.*
- ⁹ Об этом подробно см.: *Нефедов К. Ю.* Указ. соч. — С. 197. Указание Страбона вовсе не означает, что Перисад действительно был назван «богом», так как подобное наименование правителей в эллинистическом царском культе вошло в употребление только в III в. до н. э. Впервые оно встречается в афинском гимне в честь Деметрия Полиоркета в 291–290 гг. до н. э. (*Athen. VI, 253d–254a; Taeger F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. — Stuttgart, 1957. — S. 270–273). Судя по всему, Перисаду просто воздали «богоравные почести», что вовсе не означало обожествления в прямом смысле слова (см.: *Price S. R. F.* Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor. — Cambridge, 1986. — P. 227–233; *Badian E.* Alexander the Great between two thrones and heaven: Variations on an old theme // Subject and Ruler: The Cult of the Ruling Power in Classical Antiquity. — Ann Arbor, 1996. — P. 11–26). Подобные акты богоравного чествования многие античные авторы римского времени интерпретировали в духе своей эпохи как апофеоз.

- ¹⁰ См. об этом: *Bringmann K.* The King as Benefactor: Some Remarks on Ideal Kingship in the Age of Hellenism//Images and Ideologies: Self-Definitions in the Hellenistic World. — Berkeley, 1993. — P. 7–24; *Billows R. A.* Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. — Leiden; New York, 1995. — P. 56–80.
- ¹¹ *Яйленко В. П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях//Женщина в античном мире. — М., 1995. — С. 242–253. Ранее автор с уверенностью говорил только о посмертном культе Перисада, см.: *Яйленко В. П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху//Эллинизм: экономика, политика, культура. — М., 1990. — С. 308–310.
- ¹² Реконструкция текста нимфейского граффити с упоминанием «жрицы Перисада», предложенная В. П. Яйленко, является более чем сомнительной, см. об этом: *Завойкин А. А.* Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo, XI, 2, 7)//Древности Боспора. Вып. 3. — М., 2000. — С. 55–56. От себя по этому поводу лишь замечу, что вариант обращения к «жрице Спартокидов», реконструируемый В. П. Яйленко в нимфейском граффити (*Яйленко В. П.* Женщины... — С. 231–233) является беспрецедентным для эпохи эллинизма. Сам факт отправления культа правителей мужского пола жрицей-женщиной противоречит всем нормам эллинистического царского культа.
- ¹³ *Tarn W. W.* The Hellenistic Ruler Cult and the Daemon//JHS. — 1928. — V. 48. — P. 205–212; *Frye R.* Gestures of Deference to Royalty in Ancient Iran//Iranica Antiqua. — 1972. — V. 9. P. 52–70; *Herz P.* Hellenistische Könige. Zwischen griechischen Vorstellungen vom Königtum und Vorstellungen ihrer einheimischen Untertanen//Subject and Ruler: The Cult of the Ruling Power in Classical Antiquity. — Ann Arbor, 1996. — P. 26–40; *Нефедов К. Ю.* Культ елліністичних правителів і давньоіранські традиції шанування царської влади//Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Актуальні питання сходознавства» 16 травня 2001 р. — Харків, 2002. — С. 60–63.
- ¹⁴ В Парфии, например, наблюдалась обратная тенденция — элементы греко-македонского царского культа Селевкидов оказали влияние на местную традицию почитания царей (см.: *Пилипко В. Н.* Старая Ниса. Проблемы интерпретации //ВДИ. — 2000. — № 1. — С. 110–112; *Фрай Р.* Наследие Ирана. — М., 1971. — С. 260, 270–275).
- ¹⁵ Об этом см.: *Taeger F.* Op. cit. — S. 15–233; *Flower M. A.* Agesilaus of Sparta and the Origins of the Ruler Cult//CQ. — 1988. — V. 38. — P. 123–134.; *Badian E.* Op. cit.; *Currie B.* Euthymos of Locri: A Case Study in Heroization in Classical Period//JHS. — 2002. — V. 122. P. 22–44; *Fredricksmeier E. A.* On the Background of the Ruler Cult//Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch.F. Edson. — Thessaloniki, 1981. — P. 145–156; *Sanders L. J.* Dionysius of Syracuse and the Origins of the Ruler Cult//Historia. — 1991. — V. 40. — P. 275–287; *Hamilton J. R.* The Origins of Ruler-Cult//Prudentia. — 1984. — V. 16. — P. 3–16.

- ¹⁶ Завойкин А. А. Указ. соч. С. 56.
- ¹⁷ Там же. — С. 55–57.
- ¹⁸ Нефедов К. Ю. Птолемей I Сотер и учреждение культа Александра Македонского в Александрии//Античный мир. — Белгород, 1999. — С. 20–26.
- ¹⁹ Завойкин А. А. Указ. соч. — С. 56–57. В конечном итоге автор приходит к выводу, что Перисад был «посмертно причислен к сонму богов, очевидно в качестве героя». Аналогичным образом интерпретирует сообщение Страбона и П. Д. Диатроптов, связывающий героический культ Перисада с его предполагаемой гробницей — знаменитым «Царским курганом» (Диатроптов П. Д. Культ героев в Северном Причерноморье. — М., 2001. — С. 41, 52, прим. 39).
- ²⁰ Прижизненный же культ правителя не мог быть героическим, поскольку культ героев прочно ассоциировался с умершими, и для правящих монархов такая форма чествования являлась нежелательной; см. об этом подробно: Price S.R. F. Op. cit. P. 32–40.
- ²¹ Нефедов К. Ю. Птолемей I Сотер... — С. 25–26; Leschhorn W. «Gründer der Stadt»: Studien zu einem politisch-religiösen Phänomenen der griechische Geschichte. — Wiesbaden; Stuttgart, 1994. — S. 204–212.
- ²² Это впервые произошло, видимо, в посмертном культе Птолемея Сотера и его жены Береники, который, согласно традиционной датировке, был учрежден около 281 г. до н. э. (см.: Hölbl G. Geschichte des Ptolemäerreiches. Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander der Grossen bis zur römische Eroberung. — Darmstadt, 1994. — S. 87; Fraser P. M. Ptolemaic Alexandria. — Oxford, 1972. — V. 1. — P. 217–218). Р. А. Хэззэрд относит официальное учреждение этого культа к 263/262 гг. до н. э. (Hazzard R. A. Imagination of a Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda. — Toronto, 2000. — P. 1–75). Александр даже в государственном птолемеевском культе никогда не именовался «богом».
- ²³ Strab. XI, 2,7.
- ²⁴ Завойкин А. А. Указ. соч. — С. 47–57; Масленников А. А. «Царская хора» Боспора на рубеже V—IV вв. до н. э.//ВДИ. — 2001. — № 1. — С. 188.
- ²⁵ Завойкин А. А. Указ. соч. — С. 56–58.
- ²⁶ Диатроптов П. Д. Указ. соч. — С. 41–43.
- ²⁷ См. подробно: Habicht C. Gottmenschentum und die griechische Städte. — München, 1970.
- ²⁸ Flower M. A. Op. cit.
- ²⁹ См.: Badian E. Op. cit.; Badian E. The Deification of Alexander the Great//Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch. F. Edson. — Thessaloniki, 1981. — P. 56–63; Bosworth A. B. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. — Cambridge, 1993. — P. 287–290. О так называемом «алтаре Александра» в хоре Ольвии см.: Нефедов К. Ю. О культе Перисада I на Боспоре... — С. 188.
- ³⁰ Наряду с Антигоном в некоторых греческих полисах божескими почестями в этот период чествовали, возможно, также Александра Македонского (посмертно), но

прямых подтверждений тому нет. Наиболее раннее свидетельство существования его культа относится к периоду около 300 г. до н. э. (о. Фасос), и нет оснований полагать, что в данном случае культ был учрежден значительно ранее этой даты (см.: Нефедов К. Ю. Культ правителя в политической пропаганде Лисимаха//Вестн. ХГУ. — 1999. — № 441: История. — Вып. 31. — С. 51–52).

³¹ *OGIS*, 6 (Скепис); *IG*, XI, 4, 1036 (Делос и полисы Островной Лиги); *IG*, XII, Suppl. 168 (Иос); *SEG*, I, 63 (Самос). См. подробно: *Habicht C.* Op. cit. — S. 42–79; *Billows R. A.* Antigonos the One-Eyed... — P. 233–238; Нефедов К. Ю. О возникновении культа Антигона Одноглазого//Древности. 1997–1998. — Харьков, 1999. — С. 90–95.

³² *Habicht C.* Op. cit. — S. 59–62; *Brunneau P.* Recherches sur les cultes de Delos a l'epoque hellenistique et a l'epoque imperiale. — Paris, 1970. — P. 564–566.

³³ *КБН*, 10, 11, 971, 1039, 1040, 113.

³⁴ О возможных внутриполитических причинах учреждения культа Перисада и его значении для статуса Спартокидов как правителей Боспорского царства, см.: Нефедов К. Ю. О культе Перисада... — С. 189–191.

³⁵ *Billows R. A.* Antigonos the One-Eyed... — P. 233–236; *Habicht C.* Op. cit. — S. 42–79.

³⁶ Нефедов К. Ю. О возникновении культа Антигона Одноглазого... — С. 91–94; Нефедов К. Ю. Культ первых Антигонидов в Афинах: Новая интерпретация //Кондаковские чтения I. Проблемы культурной преемственности. — Белгород, 2005. — С. 83–94.

³⁷ *Diod.*, XX, 100, 3–4; для интерпретации см.: Нефедов К. Ю. До питання про культ Птолемея I на Родосі//Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. — Харків, 1998. — Вип. 3. — С. 134–138.

³⁸ *Diod.*, XX, 25, 2–3.

³⁹ *Diod.*, XIX, 73, 6–10.

⁴⁰ См.: *Billows R. A.* Antigonos the One-Eyed... — P. 189–205; *Billows R. A.* Kings and Colonists... — P. 62–66.

⁴¹ *Billows R. A.* Antigonos the One-Eyed... — P. 286–289; *Preaux C.* Sur l'origine des monopoles lagides//Cronique d'Egypte. — 1954. — V. 29. — P. 312–327.

⁴² *Syll.*³, 344 (*SEG*, XV, 717), vs. 80–90.

⁴³ *Diod.*, XX, 92–100.

⁴⁴ *Plut.*, Demetr. 33; *Polyaen*, 4, 7, 5.

⁴⁵ См. об этих проксениях (там же список публикаций): *Виноградов Ю. Г.*, *Толстиков В. П.* *Шелов-Коведяев Ф. В.* Указ. соч. — С. 56–75.

⁴⁶ См. об этом: Нефедов К. Ю. О культе Перисада I... — С. 190–191.

⁴⁷ *Syll.*³, No. 370; *IG* I/II, No. 613, 637, 682; *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. — М., 1999. — С. 136.

К вопросу о «поощрении» и «порицании»
в греческой гражданской общине
(по материалам Ольвии эллинского периода)

реди множества аспектов изучения истории древней Ольвии одним из самых интересных и неоднозначных является исследование морально-этической стороны жизни ее гражданского коллектива. Без ясного понимания системы нравственных норм, вычленения категорий добродетели и порока, характерных ольвийскому обществу, невозможно объективно оценить внутренние механизмы функционирования гражданской общины и реальное положение человека в ней. Однако в историографии Ольвии эта проблема не получила должного освещения. Традиционно главным объектом исследования в вопросах мировоззрения являются духовная культура Ольвии, повседневная жизнь¹. Подготовленный А. С. Русяевой очерк о нравственных и этических идеалах ольвиополитов, рассматривает проблему в большей степени в идеологическом аспекте и не дает полного представления о конкретных морально-этических нормах общества, динамике их развития². Во многом слабое внимание к рассматриваемой проблеме объясняется состоянием источниковой базы. Фактическое отсутствие наиболее информативных литературных свидетельств по данному вопросу, сложность работы с другими видами исторических источников, в особенности с граффити и дипинти, специфика их интерпретации, приводят в современной историографии к разночтениям в изучении ольвийской гражданской общины³. Данное исследование нацелено на поиск подходов к выявлению основных нравственных категорий и уточнение имеющихся представлений о способах выражения поощрения и порицания в ольвийском обществе второй половины VII в. до н. э.—середины I в. до н. э. Обращение к эллинскому периоду истории полиса⁴ вызвано стремлением отразить типичные черты нравов ольвиополитов, вне римского влияния на общество и культуру.

При попытке восстановления нравственного кодекса ольвиополитов мы сталкиваемся с проблемой крайней лаконичности античных литературных источников, что характерно для всего комплекса научных проблем, связанных с социокультурной историей Северного Причерноморья. Речь может идти фактически только о двух свидетельствах античных авторов — об упоминаемой Геродотом легенде о царе Скиле (Herod. IV, 78–80) и сообщениях Диона Хризостома (Dio Chrys. Orat. XXXVI, 1–18), побывавшего в Ольвии в I в. н. э. Замечание Диона об ориентире жителей полиса на древние традиции, упоминание о том, что «борисфениты усердно читают Гомера и Илиаду почти всю

знают наизусть... а некоторые из них любят и Платона» находит реальное подтверждение в эпиграфических материалах V—IV вв. до н. э. Почетный декрет IV в. до н. э. в честь неизвестного ольвийского гражданина указывает на его приверженность к заветам отцов (κατὰ τὰ πατρία) (IOSPE, № 325). Одно из ольвийских граффити V в. до н. э. интерпретируется Ю. Г. Виноградовым как начальные строки из киклической поэмы «Малая Илиада»⁵. Приведенные свидетельства позволяют предполагать знание гражданами Ольвии на ранних этапах существования полиса архаических морально-этических представлений. В подтверждение этому опять обратимся к речи Диона Хризостома, который упоминает также о вывезенных с родины некоторых привычках ольвиополитов (οἱ ἔρωτες οἱ τῶν ὀρρέων) (Dio Chrys. Orat. XXXVI, 8). Ольвийское гражданское общество, как и повсюду в Элладе, было, прежде всего, мужским обществом, в котором допускалась свобода нравов. Подобные «мужские вопросы» находят отражение и в беззанском граффито третьей четверти VI в. до н. э. на ионийском тонкостенном кувшинчике, использовавшемся для косметических целей: «Я кувшинчик похотливого Идана»⁶. Данная черта нравов не относилась к числу добродетелей, но и не порицалась обществом.

Античная литературная традиция позволяет говорить, что этические нормы эллинского общества были расплывчаты и не сформулированы с той точностью и категоричностью, которая присуща, например, библейским заповедям. Мораль во многом основывалась на традиции — неписаном нравственном законе, а общественный идеал периода архаики был тесно связан с обретением славы. В VI—первой половине V вв. до н. э. Ольвия была аристократическим государством⁷. Привилегированный слой ольвийской аристократии, объединенный в религиозный союз мольпов играл значительную роль в жизни полиса архаического периода⁸. В этике аристократов центральное место занимало понятие τιμή, что означало почет, служение родному полису. Это архаическое понятие продолжало играть важную роль и в классический период. Аристотель, например, рассматривает τιμή как фактор первостепенной важности в политической жизни (Arist. Eth. Nic. 1159a 15–16; 1095 b 14–31; Pol. 1302a 31–b 18). Помимо τιμή в моральный кодекс аристократии включались такие понятия, как стремление быть лучшим (ἀριστεύειν), быть первым (πρωτεύειν), продемонстрировать всем свою доблесть, в результате чего и приобретается τιμή. Одним из важнейших элементов мироощущения аристократа был ἀγών «дух соревнования»⁹. Проведение в Ольвии уже в V в. до н. э. культовых празднеств в честь Ахилла, сопровождавшихся разнообразными состязаниями (IOSPE, 32)¹⁰, позволяет говорить о наличии в ольвийском обществе вышеупомянутых добродетелей.

С середины V в. до н. э. Ольвия поддерживает тесные взаимоотношения с Афинами. В результате чего в ионийском диалекте ольвиополитов появились

аттицизмы¹¹, афинское влияние проявилось в архитектуре, скульптуре, строительном деле¹². Именно в этот период в Аттике происходит формирование представлений о традиционных эллинских этических ценностях, в число которых входят: *φρόνησις* (рассудительность, мудрость), *δικαιοσύνη* (справедливость, законность), *ἀνδρεία* (мужество, храбрость), *σωφροσύνη* (здравый смысл, следование разумной мере)¹³. Вхождение Ольвии в 30-е гг. V в. до н. э. в Афинскую архэ¹⁴ способствовало широкому распространению в полисе аттической идеологии и моральных ценностей. Важно отметить, что с V в. до н. э. в Ольвии прекращает свое существование культовый аристократический союз мольпов, более не упоминаемый в эпиграфических документах. Возможно, ими были нарушены полисные законы, связанные с установившимся демократическим строем, и они были изгнаны¹⁵. Такая ситуация вполне сопоставима с присутствием в общественном сознании категории *ὑbris*, отражавшей состояние завышенной самооценки, которая приводила к нарушению общепринятых моральных норм и, как результат, изгнанию из общества¹⁶.

С установлением в первой четверти IV в. до н. э. постоянного демократического строя¹⁷, можно говорить о распространении в Ольвии моральных ценностей демократического полиса. Наиболее полное представление о них дает «Надгробная речь» Перикла, упоминаемая Фукидидом (Thuc. II, 40, 1–3). Перикл отмечает всенародный характер политической жизни, в результате чего все граждане хорошо разбираются в политике. Человек, не занимающийся общественно-политической деятельностью, в таком обществе вызывает осуждение, подчеркивается открытое обсуждение государственных дел. В таком коллективе огромное значение имели одобрение или неодобрение каждого конкретного поступка гражданина. Согласно Аристотелю, именно поощрение и порицание являлись важнейшими регуляторами поведения людей в общественной жизни (Aristot. Eth. Nic. 1109 b 30 sqq.). Репутация гражданина имела весьма важное значение при определении его места в общественной жизни, а это в свою очередь оказывало существенное влияние на его гражданский статус. С точки зрения эллинской полисной ментальности полноправный грек был обязан активно заниматься общественным или частным делом, быть открытым для своих сограждан (Aischin. I, 48, 121; Dem. XVIII, 10). Античные ораторы и писатели были единодушны в том, что только те граждане считаются достойными занимать общественные должности, у которых частная жизнь является безупречной (Aischin. I, 90, 31; Xenoph. Agesil. V, 6–7). Судя по судебным речам ораторов в греческом обществе огромное значение имела информация, полученная от соседей и друзей конкретного гражданина, которая позволяла судить об определенных чертах его характера (об отношениях в семье, обращении с родителями)

(Dem. XXXVI, 44–45; Lys. XXXI, 20–22). Такого рода информация позволяла говорить о репутации того или иного человека, помогала определить его статус, способствовала или тормозила его участие в общественной и политической жизни полиса¹⁸. В реальной жизни это приводило к распространению явления доносительства. Основной причиной доносов, по словам античных авторов, чаще всего становилось ущемление имущественных интересов или личная обида, которая играла немаловажную роль и при возбуждении общественных процессов (Dem. XXIV, 8; XXXIX, 3). Явление доносительства вполне реально существовало и в Ольвии. На это указывает Геродот, упоминающий доносчика — ольвиополита, сообщившего скифам об участии царя Скила в Дионисийских празднествах (Herod. IV, 79). В Северном Причерноморье есть и другие свидетельства сикофантизма. В херсонесской присяге упоминается о возможности существования особой формы судебных процессов, связанных с доносами частных лиц государственным чиновникам по особо важным делам. В данном случае речь идет об обязанности херсонеситов сообщать о заговорах и попытках свержения демократического строя (IOSPE, № 401). Отголосок данного явления содержится в легенде о Гикии: узнав о кознях мужа, готовившего заговор против херсонесской общины, она хочет открыть тайну властям и просит родственников собрать «первенствующих и благородных граждан города...» (Const. Porphyry. De adm. Imp. 53).

Общественное мнение в полисах очень высоко ценило всякого рода затраты на благо коллектива граждан, полиса в целом. И, наоборот, богатый человек, не тратящий часть своих средств для пользы сограждан, вызывал резкое осуждение. Именно за это Эсхин осуждал Демосфена: «Ты же богат, и все свои средства употребляешь только для собственных удовольствий» (Aeschin. III, 240). Видимо, ориентируясь на существующие общественные ценности, знаменитый ольвийский эвергет Протоген в III в. до н. э. простил городу все долги, отметив, что «для него нет ничего дороже благосклонности к нему народа...» (IOSPE, № 32 В, 88–90). В период с IV по I вв. до н. э. в Ольвии существует, отмеченная в официальных декретах, практика награждения наиболее заслуженных граждан, оказавших благодеяния отечеству. В ответ на свои благодеяния ольвиополиты получали благодарность и похвалу за добродетели. Похвала проявлялась, как и повсеместно в Греции, в славе «доброго гражданина» (Dem. XVIII. 113; Lys. XXV, 12–13) и в ее материальных выражениях. В Ольвии известно установление статуй (εἰκών) (IOSPE, № 25, 67, 325), в том числе, конной (ἄνδρῆς ἑφιπλός) (IOSPE, № 34), дары (δωρεά) (IOSPE, № 25, 325), увенчание (στεφανοῦν) (IOSPE, № 25, 26, 31, 32, 34), в частности, золотым венком (στέφανος χρυσοῦς) (IOSPE, № 34) и вечное провозглашение (IOSPE, № 34). Для закрепления в обществе подобных моральных ценностей, связанных с благодеяниями отечеству, в декретах ис-

пользовались назидательные формулировки. В постановлении I в. до н. э. в честь Никерата Папиева другие сограждане призываются быть более ревностными в услугах отечеству, «ибо видят, что благодетели украшаются надлежащими почестями» (IOSPE, № 34).

Порицанию в греческом обществе подвергались общественно-опасные и противоправные действия. К их числу относились покушение на демократический строй, кража (в том числе присвоение священных даров), грабеж, осквернение святилищ, убийство. В ольвийском декрете в честь Антестерия высказывается пожелание, «чтобы законы были более гражданственными, магистраты их устанавливающие и соблюдающие стяжали заслуженную славу, а виновные наказывались», что свидетельствует о возможном наказании за нарушение законности¹⁹. Обнаружение в районе ольвийского дикастерия двух бронзовых псеф второй половины IV—начала III вв. до н. э. с надписью *ἱπρά*²⁰, может свидетельствовать о проводившихся здесь судебных процессах по поводу религиозных преступлений (асебя). Подтверждением существования в Ольвии подобных нечестивых поступков является упоминание в «писеме жреца», объезжавшим земли, принадлежащие Ольвии, разграбления святилища бежавшими после кораблекрушения рабами²¹. В афинском законодательстве существовало шесть основных типов наказания за совершение нечестивых поступков: штраф, конфискация имущества, тюремное заключение, изгнание, лишение гражданских прав (полная или частичная атимия) (Dem. LI, 12), смертная казнь (Dem. XXIV, 138; XXII, 69; XXIII, 62). В Ольвии основными наказаниями, по всей видимости, были изгнание из Отечества, смерть, штраф и конфискации имущества (НО, № 3, 8, 45). За кражу полагалась продажа в рабство. Диоген Лаэртский, например, сообщает, что отец Биона Борисфенита был избит и продан в рабство за воровство (Diog. Laert. IV, 7). Та же участь ожидала и вольноотпущенников за нарушение законов, установленных гражданской общиной, их снова обращали в рабство (Diog. Laert. IV, 7, 46).

Чрезвычайный случай смертоубийства и возможной государственной измены косвенно подтверждают данные раскопок ольвийского некрополя. В яме первой половины IV в. до н. э. открыто коллективное захоронение 52 человек, в том числе и детей, а возможно, рабов в кандалах, убитых камнями и стрелами²³. Данное захоронение относится ко времени осады Зопириона 330–331 г. до н. э. Ю. Г. Виноградов склонен видеть в этот период наличие в Ольвии оппозиции, принявшей сторону македонского завоевателя²⁴. Возможно, так расправились с теми, кто хотел пойти на государственную измену.

Безусловно, пока это предварительные замечания, которые требуют дополнительного привлечения археологических источников и тщательного прочтения и интерпретации всего комплекса ольвийских граффити и дипинти.

Проведение анализа эпиграфических источников и свидетельств античных авторов дало возможность сравнить общие тенденции в эволюции категории добродетели с аналогичными проявлениями в Элладе. Это, в свою очередь, позволило определить степень развития гражданского коллектива Ольвии, моральное состояние общества. Гражданская община Ольвии в эллинский период представляла собой традиционное общество, в котором общественное мнение формировало определенные штампы в мировоззрении граждан, а это, в свою очередь, влияло на их поведение. Ольвийской гражданской общине характерно длительное сохранение и соблюдение традиции предков, касающейся не только неразрывного единства гражданина с богом, но и защиты этого гражданина, воспитания его в духе добродетели и любви к отчизне.

Примечания

- ¹ Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. — Киев, 1992; Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святотилища. Культы олимпийских богов и героев. — К., 2005; Скржинская М. В. Будни и праздники Ольвии в VI—I вв. до н. э. — СПб., 2000.
- ² Ольвия: Античное государство в Северном Причерноморье//Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В. и др. — К., 1999. — С. 538–554.
- ³ Книпович Т. Н. Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников//МИА. — 1956. — № 50. — С. 119–153; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. — М., 1989. — С. 160–163; Яйленко В. П. Граффити Левки, Берзани и Ольвии//ВДИ. — 1980. — № 2. — С. 72–99; № 3. — С. 75–116; Яйленко В. П. Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии»//Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. — М., 1985. — С. 161–237; Яйленко В. П. Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии»//Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. — М., 1987. — С. 4–105
- ⁴ Современная периодизация Ольвии см.: Крижицкий С. Д., Крапивина В. В., Лейпунська Н. О. Головні етапи історичного розвитку Ольвії//Археологія. — 1994. — № 2. — С. 18–44; Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. — С. 35.
- ⁵ Виноградов Ю. Г. Киклические поэмы в Ольвии//ВДИ. — 1969. — № 3. — С. 142–150.
- ⁶ Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. — М., 1982. — С. 268–269, № 15.
- ⁷ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. — С. 75–76; Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. — С. 348.

- ⁸ *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. — К., 1992. — С. 193–194.
- ⁹ *Adkins A. W. H.* Moral Values and Political Behavior in Ancient Greece. — L., 1872. — P. 126.
- ¹⁰ *Русяева А. С.* Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье//Скифский мир. — К., 1975. — С. 174–185; *Ручинская О. А.* Религиозные обряды и празднества в общественной жизни античных городов Северного Причерноморья//Древности. — Харьков, 1994. — С. 73–86.
- ¹¹ *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. — С. 130.
- ¹² *Карасев А. Н.* Раскопки Ольвийской агоры в 1967–1969 гг.//КСИА. — 1972. — № 130. — С. 39.
- ¹³ *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. — М., 2002. — С. 42.
- ¹⁴ *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. — С. 126
- ¹⁵ *Русяева А. С.* Ольвийська демократія//Археологія. — 1994. — № 2. — С. 44–57; *Ольвия.* — К., 1999. — С. 357.
- ¹⁶ *Adkins A. W. H.* Op. cit. — P. 126.
- ¹⁷ *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. — С. 135; *Русяева А. С.* Указ. соч.
- ¹⁸ *Lewis S.* News and Society in the Greek Polis. — Chapel Hill, 1996. — P. 10.
- ¹⁹ *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма//ВДИ. — 1984. — № 1. — С. 74.
- ²⁰ *Виноградов Ю. Г.* Табличка дикаста из Эрмитажного собрания//Античная балканистика. — М., 1987. — С. 16.
- ²¹ *Vinogradov Ju.* Olbia//Xenia. — Konstanz am Mein, 1981. — S. 14–18; *Русяева А. С.* Эпиграфические памятники//Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. — К., 1987. — С. 146–147.
- ²² *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. — Ч. 1. — СПб., 1997. — С. 243–246; *MacGregor M. F.* The Athenians and their empire. — Vancouver, 1987. — P. 118.
- ²³ *Козуб Ю. И.* Историческая топография некрополя Ольвии//Античная культура Северного Причерноморья. — К., 1984. — С. 162–163.
- ²⁴ *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. — М., 1989. — С. 163, прим. 87.

Res publica в идеологии «оптиматов»

К изучению проблемы падения Поздней республики и становления Принципата у древних римлян я обратился еще будучи студентом. Под научным руководством Владимира Ивановича Кадеева мною были написаны курсовые и дипломная работы, посвященные отдельным вопросам этой проблемы. В русле исследования данной темы написана и предлагаемая статья.

Современные исследователи, толкующие значение понятия *res publica*, исходят от высказывания М. Туллия Цицерона о том, что «*est... res publica res populi*» (*res publica* — это дело народа) (Cic., *De re pub.*, I, 39, пер. наш — А. Т.)¹. Однако трактовка этого термина затрудняется тем, что Цицерон довольно часто вкладывает в него разные смысловые оттенки («государство», «общественная деятельность», «общественные дела», «общественный интерес», «сообщество», «страна»)². В результате, историки предлагают различные толкования данного термина.

По мнению многих ученых, семантически понятие *res publica* у римлян в большей или меньшей мере соответствует понятию «государство». При этом оно не является эквивалентом современного термина «республика», так как *res publica* не было противоположностью автократической системе правительства принципата, ведь Цицерон принимает царскую власть (автократию) в качестве одного из положений своего идеального государственного устройства³. Такое же значение *res publica* взято В. О. Горенштейном за основное в русском переводе сочинений Цицерона⁴. А. А. Деревнин и П. А. Брант соотносят *res publica* с термином *civitas*, что, в общем, довольно близко к вышеназванной точке зрения⁵. Фактически, ту же мысль высказывает и В. В. Дементьева, которая полагает, что понятием *res publica* римляне обозначали сферу политического управления своей общиной⁶.

Точка зрения Р. Ю. Виппера отличается от современных дефиниций. Ученый, вслед за Т. Моммзеном, подчеркивает, что, хотя для Цицерона *res publica* — это всенародное дело (*res populi*), тем не менее, народное верховенство для него — лишь общий принцип, который остается в теории и допустим только в качестве фикции⁷. Напротив, М. Шофилд отвергает это мнение и настаивает на том, что формулировка Цицерона «*res publica = res populi*» не была для римлян видимостью, а была прямым выражением суверенитета римского народа, характеризующего систему, краеугольным камнем которой являются законность и порядок⁸. Таким образом, он пытается, видимо, под-
держивать популярную сейчас среди некоторых американских и европейских

ученых теорию, трактующую государственное устройство Древнего Рима эпохи Поздней республики как разновидность демократии⁹.

Более емкое определение понятия *res publica* мы находим у Я. Ю. Межевицкого. Для римлян последнего века Республики *res publica* было ценным понятием, ассоциировавшимся с приоритетом интересов гражданской общины над чьими бы то ни было личными, с верховенством традиции и закона, с *libertas*, связанной с функционированием народных собраний, сената и магистратур. Все это было призвано обеспечить равенство граждан с учетом их социального статуса между собой и их преимущество над негражданским населением Италии и провинций¹⁰.

Однако эти трактовки мало что дают для понимания того, какой смысл вкладывали в понятие *res publica*, как политический лозунг, *optimates*. Политические и судебные речи Цицерона, как и его трактаты, на которые опирается большинство ученых, не могут быть основой для исследования идеологических взглядов просенатских политиков, так как они крайне необъективны и тенденциозны. Как пример можно привести «признание» Цицерона в своей неискренности. «Моя основная мысль была следующей: значение сословия сенаторов, согласие с всадниками, единодушие в Италии, затухание заговора, понижение цен, гражданский мир. Тебе [Аттику] знакомы мои звоны, когда я говорю по этому поводу» (Cic., Att., I, 14, 4, пер. В. О. Горенштейна). Между тем, даже при поверхностном чтении *писем* Цицерона и его корреспондентов бросается в глаза довольно специфическое использование ими римского термина *res publica*, которое не соответствует разобранным выше трактовкам.

Рассмотрим несколько примеров. «...*nihil agens* [М. Пупий Пизон Кальпуриан, консул 61 г. до н. э.] *cum re publica, seiunctus ab optimatibus*, a quo *nihil speres boni rei publicae*... *Eius autem collega* [М. Валерий Мессала, консул 61 г. до н. э.]... *partium studiosus defensor bonarum*» (...он совершенно не заботится о *re publica*, держится в стороне от оптиматов; от него не приходится ждать чего-либо хорошего для *re publica*, ...зато его коллега... усердный защитник партии честных) (Cic., Att., I, 13, 2, пер. наш — А. Т.). В русском переводе В. О. Горенштейна картина довольно нелепа: консул (высший магистрат государства) не занимается государственными делами. А какими тогда? Мало того, «от него не приходится ждать ничего хорошего для государства». И все потому, что он держится в стороне от «наилучших». Противопоставлением этому является образ Мессалы, но только потому, что он является усердным защитником интересов «честных». Какое отношение имеет защита интересов «честных» к заботе о «делах государства», «*цивитас*», «деле народа» или «общем благе»?

Следующий пример. В начале мая 43 г. до н. э. из Диррахия М. Брут пишет Цицерону в отношении войска Антистия Вета, перешедшего на сто-

рону убийц Цезаря: «*hunc exercitum esse utilem rei publicae*» (это войско должно быть полезным государству) (Cic., Brut., I, 11, 2, пер. наш — А. Т.). А 7 мая 43 г. до н. э. из лагеря в Сирии Г. Кассий Лонгин в подобных же словах (!) пишет Цицерону: «*Crede mihi, hunc exercitum, quem habeo, senatus atque optimi cuiusque esse*» (Верь мне, это войско, которым я располагаю, принадлежит сенату и наилучшим мужам) (Cic., Fam., XII, 12, 4, пер. наш — А.Т.). Вся разница состоит в том, что в первом случае войско должно защищать *res publica*, а во втором — «*senatus et optimi quique*»! Какое отношение здесь *res publica* имеет к «государству», «цивitas», «делу народа», «общему благу» (Ср., также: Cic., Fam., X, 18, 3; 32, 5; XII, 10, 2)?

Далее. «...оправдание Клодия [когда тот проник к жене Цезаря и оскорбил Добрую богиню] — это тяжелая рана государству» (Cic., Att., I, 16, 7, пер. В. О. Горенштейна). Вполне можно заявить, что был нарушен закон — и это «тяжелая рана государству». Но чуть ниже Цицерон пишет, что именно «сенаторы не должны пасть духом от удара им нанесенного» (Cic., Att., I, 16, 9, пер. В. О. Горенштейна). Какое отношение имеют сенаторы к «государству», «делу народа» или «общему благу»?

И еще один пример. П. Корнелий Долабелла, цезарианец, пишет Цицерону: «Если он [Помпей] теперь избегнет этой опасности и удалится на корабли, ты займешься о своих делах и будь, наконец, другом лучше себе самому, чем кому бы то ни было. Ты уже удовлетворил и чувство долга, и дружбу, удовлетворил также партию и то государственное дело, которое ты одобрял (*satisfactum etiam partibus et ei rei publicae, quam tu probabas*)» (Cic., Fam., IX, 9, 2, пер. В.О. Горенштейна). Показательно, что Долабелла говорит «*ei rei publicae, quam tu probabas*», — значит есть и другое «государственное дело», которое отстаивают противники арпинца? Если нет, почему тогда «дело Цицерона» государственное? А «дело Долабеллы» тогда какое — «негосударственное»? Из контекста совершенно ясно, что речь идет вовсе не о государстве. Также не подходят и другие определения, предложенные исследователями («дело народа», «общее благо» и др.).

Эти примеры можно многократно умножить (см.: Cic., Att., IV, 8a, 2; IV, 18, 2; V, 3, 1; VII, 4, 2; VII, 5, 4; VII, 9, 3; VIII, 1, 2; 3, 3–4; 12a, 4; 12c, 3; 12d, 1 (Помпей Домицию Агенобарбу); IX, 7, 1; 11a, 2; XI, 10, 2; 9, 4, 9–10; 12; IV, 7, 5; 13, 5; V, 2, 6; VI, 1, 3, 6; 6, 2; 9, 1; 17, 1; VII, 3, 4; VIII, 4, 4; 5, 3; IX, 3, 5; 14, 3, 8; 20, 1; 24, 2; X, 8, 2; 10, 1; 14, 2; 24, 2–4 (Г. Мунаций Планк Цицерону); 26, 3; 32, 5 (Г. Азиний Поллион Цицерону); 34, 2 (М. Лепид сенату); XI, 10, 1 (Децим Брут Цицерону); 23, 1; XII, 5, 1; 7, 1–2; 10, 1; 11, 1–2; 12, 1, 2; 14, 3, 6 (П. Лентул Цицерону); 24, 1–2; 28, 1; XV, 15, 1; XVI, 11, 3; 12, 1; Q. fr., I, 2, 15; III, 4, 2; Brut., I, 5, 1; 10, 2; 12, 3; 15, 1; 18, 1, 2; II, 1, 3; 2, 1, 3; 4, 2 и др.).

Утверждение Цицерона о том, что *res publica* это *res populi*, — не более чем популистские заявления одного из «честных» перед гражданской войной Цезаря и Помпея¹¹. Можно указать и на еще одно подобное заявление. В своей речи перед войском незадолго до битвы при Филиппах Г. Кассий Лонгин заходит так далеко, что объявляет «народ» (ὁ δῆμος — в передаче Аппиана, то есть народное собрание) чуть ли не сосредоточием всей власти (App., B.C., IV, 91, 92).

Optimates, или *boni*, вкладывали в это понятие совершенно другой смысл. *Res publica* была для них «общим делом»¹², но не «делом народа», а «делом честных». Для того, чтобы отличать *res publica* как лозунг *optimates* от других его значений, мы предлагаем употреблять расширенное выражение, а именно, «*res publica omnium bonorum*» (общее дело всех честных), что, несомненно, и имели в виду «оптиматы», когда использовали этот термин в приведенных выше примерах. Другими словами, «*res publica omnium bonorum*» — это защита власти, доминирующего положения (в государстве) и интересов всех *optimates*, или *boni*¹³. Только в этом случае приведенные нами примеры из писем Цицерона и его корреспондентов получают внутреннюю логику и связность.

Консул не заботится об «интересах честных», и поэтому от него не приходится ждать ничего хорошего для «общего дела». Совершенно логично, что он держится в стороне от «оптиматов». Поэтому и его коллега, «усердный защитник партии честных», вполне естественно, характеризуется с самой положительной стороны. Римское войско, конечно, принадлежит не «государству», а защищает интересы сената и «общее дело честных». И «дело Цицерона» это не государственное дело, а «интересы честных», которые он и отстаивал¹⁴.

Конечно, строить гипотезу только на основании того или иного понимания латинского выражения достаточно опрометчиво. Во всяком случае, эта точка зрения не вызовет особого доверия. Но у нас есть и более весомые доказательства. Время от времени Цицерон и его корреспонденты вместо *res publica* используют выражения «*res nostra*», «*res communis*», «*causa communis*», «*causa publica*», «*ea causa*», «*causa libertatis*», «*causa*», «*summa*», которые можно перевести как «общее (наше) дело». Это говорит о том, что и *res publica* (как лозунг «честных») следует понимать только как «общее дело», но никак не «государство», «дело народа» или «общее благо».

Приведем примеры. «...защищающему не свое дело..., а общее¹⁵ (*quidem roganti nec suam causam, ...sed publicam*)» (Cic., Att., IX, 1, 4, пер. наш — А. Т.). «Несмотря на гибель всего, сама доблесть может поддержать себя. Но если есть какая-нибудь надежда на общее дело (*de rebus communibus*), ты [А. Торкват] при любом положении не должен быть лишен ее» (Cic., Fam.,

VI, 1, 4, пер. В. О. Горенштейна). «Мы уже давно погибли ...дело погибнет (*causam perisse*), если ему [Цезарю] будет устроено погребение» (Cic., Att., XIV, 10, 1, пер. В. О. Горенштейна). «Я [Цицерон] все же скорблю из-за того, что общее дело (*rem communem*) настолько распалось, что не остается даже надежды, что когда-либо станет лучше» (Cic., Fam., VIII, 28, 3, пер. В. О. Горенштейна). «Впрочем, неразумие людей [«оптиматов»] невероятно ...меня [Цицерона], которого они, относясь ко мне благожелательно, могли бы иметь помощником в общем деле (*in communi causa*), они оттолкнули своей завистью; знай, что их злейшие нападки уже почти отвратили меня от того моего прежнего постоянного образа мыслей, правда, не настолько, чтобы я забыл о своем достоинстве» (Cic., Fam., I, 7, 7, пер. В. О. Горенштейна). «Предатель общего дела (*praevaricator causae publicae*) [М. Целий Руф о Курионе младшем, перешедшем на сторону Цезаря]» (Cic., Fam., VIII, 11, 1, пер. В. О. Горенштейна). «Я [Альбин Брут] продвинулся с войском в область инальпийцев — не столько гоняясь за званием императора, сколько желая удовлетворить солдат и сделать их надежными для защиты нашего дела (*nostras res*)» (Cic., Fam., XI, 4, 1, пер. В. О. Горенштейна). Ср., также: Cic., Att., VII, 13, 1; VIII, 1, 3; 11с, 1; IX, 1, 4; 2а, 1; Fam., I, 9, 14; V, 17, 2; VI, 1, 5; 10, 5; IX, 5, 2; XII, 4, 1; 5, 2; 9, 1; 24, 2; XIII, 52, 1; XV, 21, 2; Brut., I, 3, 1; II, 1, 3; 3, 1 и др.

Весьма показательно, что, характеризуя деятельность Цезаря и его сторонников, Цицерон и его корреспонденты используют те же термины. «Когда наш Брут и Кассий написали мне, чтобы я своим авторитетом сделал более честным Гирция, который до сего времени был честным. Я знал, но не был уверен, что он будет таким; ведь он, быть может, несколько сердит на Антония, но делу очень предан (*causae vero amicissimus*) [«делу» цезарианцев, которое противопоставляется «общему делу»]» (Cic., Att., XV, 6, 1, пер. В. О. Горенштейна). «Я [Целий Руф] говорю это не потому, что не верю в это дело (*huic causae*); верь мне, лучше погибнуть, чем видеть этих [цезарианцев у власти]» (Cic., Fam., VIII, 17, 1, пер. В. О. Горенштейна).

Следует отметить, что на специфическое употребление *res publica* в переписке Цицерона исследователи обращали внимание и ранее. Но необходимо сделать уточнение: они в первую очередь стремились объяснить только те места в корреспонденции, где использовались такие выражения как: «*res publica amissa* (утраченная)», «*res publica perdita* (потерянная)» и т. п. Однако их попытки выглядят довольно запутанно и сбивчиво, если не сказать больше.

В частности, Х. Мейер, который поддерживает точку зрения, согласно которой *res publica* = «государство», заявляет, что выражение «*res publica amissa*» и т. п. означало только то, что на более или менее продолжительный

период времени основные государственные функции целиком или частично были ограничены (работали с перебоями, находились в опасности, *aussetzten*) и что государство не соответствовало очень высокому стандарту, который был теоретически установлен. Ввиду этого стандарта, если хотели сказать кратко, в таких ситуациях можно было действительно говорить о том, что *res publica* исчезла или уничтожена. То есть это значит, что явное расхождение между стандартом и действительностью весьма ярко проявлялось в государственной деятельности. Однако же значение цicerоновских высказываний ограничивается тем, что их автор из огромной раздражительности и идеализма часто чрезмерно драматизировал суть дела ¹⁶ (*sic!*). М. Шофилд, напротив, оспаривает эту точку зрения. Английский историк говорит, что в заявлениях Цицерона об утрате, потере и т. п. *res publica* речь идет вовсе не о том, что от «республики» осталось лишь название, а на самом деле только хаос или тирания. В действительности римский оратор сожалеет о пренебрежении древними обычаями и отсутствии патриотически настроенных людей ¹⁷ (*sic!*). К. Брингманн, в сущности, объединяет эти точки зрения. По его мнению, социальные конфликты, гражданские войны вели к «падению» *res publica*. Однако для самих римлян важную роль играл и моральный упадок римского общества, отход от *mos maiorum*, забвение которых вело, по их представлениям, к «гибели» *res publica* ¹⁸.

С нашей точки зрения, высказывания Цицерона о «потере», «гибели» *res publica* являются еще одним доказательством того, что знаменитый оратор и его политические союзники имели в виду, прежде всего, защиту власти и интересов «честных». Арпинец довольно часто пишет о том, что *res publica* уже нет (*Cic., De off., II, 29; Cic., Att., II, 25, 2; VIII, 11d, 6; Fam., II, 5, 2; Cic., Q. fr., I, III, 15; III, 4, 1; 5, 4 и др.*). Однако одно место в переписке Цицерона определенно свидетельствует о том, что римский оратор не подразумевал под *res publica* государство: «...кроме тех, кто полагает, что полное уничтожение *res publica* лучше, нежели сохранение его в уменьшенном и ослабленном виде» (*Cic., Fam., XV, 15, 1, пер. наш — А. Т.*). Довольно нелепым выглядит утверждение об «уменьшенном и ослабленном государстве». Совершенно очевидно, что здесь речь идет, прежде всего, о сенаторском режиме.

Между тем, Цицерон сожалеет не только об утрате *res publica*. Он сожалеет о «былом блеске на форуме, авторитете в сенате и влиянии у честных людей» (*Cic., Att., IV, 1, 3, пер. В. О. Горенштейна*). Римский оратор подчеркивает: «Ведь то, на что я рассчитывал, выполнив почетнейшие обязанности и перенеся величайшие труды, — с достоинством высказывать свое мнение (*dignitas in sententiis dicendis*) и независимо заниматься государственными делами (*libertas in re publica capessenda*) — **все это полностью**

уничтожено и притом в такой же степени для меня, как и для всех. Остается либо без всякого достоинства соглашаться с немногими, либо тщетно не соглашаться... Изменилось все положение сената, судов, всего государства» (Cic., Fam., I, 8, 3–4, пер. В. О. Горенштейна). «Тем не менее, надеешься ли ты [Г. Курион младший] на что-нибудь в государственных делах, утратил ли надежду, — подготавливай, размышляй, обдумывай то, чем должен обладать гражданин и муж, намеревающийся возратить пораженному и подавленному государству (*rem publicam adflictam et oppressam*), в несчастные времена, при падении нравов, бывшее достоинство и свободу (*in veterem dignitatem et libertatem vindicaturus*)» (Cic., Fam., II, 5, 2, пер. В. О. Горенштейна). «Но ты видишь, что у нас нет государства, нет сената, нет судов, нет достоинства ни в ком из нас» (Cic., Q. fr., III, 4, 1, пер. В. О. Горенштейна).

Таким образом, Цицерон говорит о потере *dignitas* и *libertas* — двух фундаментальных качеств, характеризующих положение именно римских аристократов в государстве¹⁹ (ср.: Cic., Fam., I, 9, 25; In Verr., II, 1; Pro Marc., 8; Phil., I, 34). То есть, для того, чтобы *res publica* существовала, необходимо условие, при котором лидеры «оптиматов» были бы окружены почетом и имели непосредственный доступ к управлению государством. Цицерон выразил это положение в кратком лозунге «*cum dignitate otium*». «При управлении государством все мы, как я очень часто говорил, должны ставить себе целью покой, соединенный с достоинством» (Cic., Fam., I, 9, 21, пер. В. О. Горенштейна. Ср.: Pro Sest., 98; De orat., I, 1). Под этим он понимал внутреннюю стабильность, гражданский мир и первенствующее положение «честных» в государстве²⁰.

Любое изменение сложившегося положения, по мнению *optimates* или «честных», ведет к потрясению *res publica*. Принятие новых законов, введение новых должностей или сосредоточение большой власти в руках одного человека воспринималось как посягательство на «*libera res publica*». Именно поэтому Цицерон часто говорит о том, что *res publica* не может существовать без сената, магистратур, судов, справедливости, законов (Cic., Att., VII, 13, 1; IX, 7, 5; Fam., I, 8, 3; IV, 1, 2; X, 1, 1; XII, 2, 3; Q. fr., III, 4, 1 и др.), — то есть тех уже сложившихся условий, которые определяли доминирующее положение лидеров «оптиматов» в государстве. Когда эти условия нарушались, то их следовало вернуть. Тогда часто звучали призывы к восстановлению «*res publica*» (особенно в период гражданских войн, когда на первенствующее положение претендовали другие группы нобилей). «Государство будет восстановлено (*restitutam rem publicam fore*)» (Cic., De domo suo, 146, пер. наш. — А. Т.). «Поэтому заклинаю тебя [Децима Брута] ...навсегда освободить государство от господства царей (*in perpetuum rem publicam dominatu regio liberares*)» (Cic., Fam., XI, 5, 3, пер. В. О. Горенштейна. Ср.: Att., II, 22,

6; III, 15, 7; VIII, 3, 2; 3, 4; 12с, 3; XI, 7, 2; XIV, 4, 1; 14, 6; XV, 13, 4; Fam., I, 9, XI, 8, 1; XII, 2, 1; 6, 2; 10, 4; Brut., II, 5, 1; De leg. ag., I, 27; De senect., 20; Phil., X, 22; XIII, 9 и др.).

Таким образом, понятие *res publica* как политический лозунг *optimates* («*res publica omnium bonorum*») означало в мирное время государственный строй, при котором *optimates* занимали господствующее положение в государстве. Во время гражданских неурядиц это понятие означало защиту «дела оптиматов», то есть борьбу за старый государственный строй, восстановление прежнего положения *optimates* в государстве. Именно эту идею и выражал лозунг «*res publica restituta*».

Примечания

- ¹ См., напр.: «I shall focus on something no less fundamental, namely the definition of *Res publica* as *res populi* which launches the argument of the whole work» (Schofield M. Cicero's Definition of *Res publica*//Cicero the Philosopher: 12 Papers. — Oxf., 1999. — P. 63) и др.
- ² Schofield M. Op. cit. — P. 66. Ср.: Брагова А. М. Цицероновское понимание термина *res publica* в историографии//Материалы IX чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова: Тезисы докладов межвузовской научной конференции, Нижний Новгород, 29–30 октября 2004 г. — Нижний Новгород, 2004. — С. 13.
- ³ Wirszubski Ch. Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. — Cambr.; N.Y., 1950. — P. 100 sqq; Drexler H. *Res publica*//Maia. — 1957. — Vol. 9. — P. 247–281; Stark R. *Res publica*//Römische Wertbegriffe/Hrsg. H. Opperman. — Darmstadt, 1967. — S. 56; Егоров А. Б. Рим на грани эпох: проблема рождения и формирования принципата. — Л., 1985. — С. 16–17; Meier Chr. *Res publica amissa*. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. — Wiesbaden, 19883. — S. 1; Каламундинов К. Я. К характеристике политико-правовых взглядов Цицерона//Из истории социально-этических и политико-правовых идей. — Саратов, 1990. — С. 53; Брагова А. М. Марк Туллий Цицерон об идеальном гражданине и государстве: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Н. Новгород, 2005. — С. 13–14.
- ⁴ Марк Туллий Цицерон. Речи: В 2-х т. — М., 1962.; Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту: В 3-х т. — М., 1949–1951.
- ⁵ Деревнин А. А. Учение Цицерона о происхождении общества, государства и права//Из истории развития политико-правовых идей. — М., 1984. — С. 46; Brunt P. A. The Fall of the Roman Republic and Related Essays. — Oxf., 1988. — P. 299.
- ⁶ Дементьева В. В. Категория «государство» и римская республика: к вопросу о понятийной асинхронности//Материалы IX чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова: Тезисы докладов межвузовской научной конференции, Нижний Новгород, 29–30 октября 2004 г. — Нижний Новгород, 2004. — С. 25.

- ⁷ Bunnep P. Ю. Очерки по истории Римской империи. — Ростов-на-Дону, 1995. — Т. 1. — С. 427.
- ⁸ Schofield M. Op. cit. — P. 63–84.
- ⁹ Lintott A. The Constitution of the Roman Republic. — Oxf., 1999. — 302 p.; Millar F. The Roman Republic and the Augustan Revolution. — Chapel Hill, 2002. — 400 p. См. рецензию А. Л. Смышляева на этот сборник статей: Смышляев А. Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) //ВДИ. — 2003. — № 3. — С. 46–60. Вполне конструктивно и обстоятельно критикует этот подход А.М. Уорд (Ward A. M. How Democratic Was the Roman Republic?//New England Classical Journal. — 2004. — Vol. 31. — № 2. — P. 101–119).
- ¹⁰ Межеричкий Я. Ю. Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. — М.; Калуга, 1994. — С. 11–12.
- ¹¹ Ср.: «Я [Цицерон] провожу все время, рассматривая, сколь великой силой обладает тот муж, которого я достаточно тщательно ... изобразил в своих книгах [речь идет о трактате «De re publica», где Цицерон пишет, что res publica — это «дело народа»]. Итак, помнишь ли ты moderatorem illum rei publicae (В. О. Горенштейн переводит — «того правителя государства»), в котором мы хотели бы представить все? Ведь Сципион говорит, думается мне, в пятой книге так: «Как благоприятный путь для кормчего, здоровье для врача, победа для императора. Так для этого moderatori rei publicae служит целью счастливая жизнь граждан (beata civium vita), — чтобы она была обеспеченной благодаря средствам (opibus firma), богатой благодаря изобилию (copiis locuples), чтимой благодаря славе (gloria ampla), почетной благодаря доблести (virtute honesta). Я хочу, чтобы он был исполнителем этого величайшего и прекрасного человеческого труда... Об этом наш Гней и раньше никогда не думал, а менее всего в этом деле. К господству стремились они оба [Помпей и Цезарь], не добивались, чтобы граждане были счастливы и жили в почете... Но ни у одного из них нет той цели, чтобы мы были счастливы (ut nos beati simus); оба хотят царствовать» (Cic., Att., VIII, 11, 1–2, пер. В.О. Горенштейна). Очевидно, что речь здесь идет не о «римском народе», а об optimates. Ops, gloria, virtus, honestas — все это характеристика знатных нобилей, но никак не sordes urbis et faex. Цицерон определенно говорит, что ни у Цезаря, ни у Помпея нет цели, чтобы мы были счастливы. Следует отметить, что в латинском оригинале стоит местоимение nos, хотя латинские глаголы употреблялись без личных местоимений. Цицерон специально сделал акцент на nos, то есть именно «мы» не будем жить счастливо, а не кто-то другой. Без сомнения он имеет в виду «богатых и честных».
- ¹² То есть это, фактически, дословный перевод. См. у Плавта: «sed ego sum insipientior, qui rebus cures publicis [во мн. числе!]/potius quam, id quod proximumst, meo tergo tutelam geram» (впрочем, глуп я, что забочусь о делах общественных,/а забыл

поближе дело — спину охранять свою) (*Plaut., Trinummus*, 1057–1058, пер. А. Арюшкова).

¹³ См.: «Ведь то, на что я [Цицерон] рассчитывал, выполнив почетнейшие обязанности и перенеся величайшие труды, — с достоинством высказывать свое мнение и независимо заниматься государственными делами — все это полностью уничтожено и притом в такой же степени для меня, как и для всех. Остается либо без всякого достоинства соглашаться с немногими, либо тщетно не соглашаться» (*Cic., Fam.*, I, 8, 3–4).

¹⁴ См. замечательное признание Цицерона: «я [Цицерон] никогда не перестаю думать о тебе [Г. Кассий] и о нашем Бруте [о главах «помпейской» *partes*], то есть о государстве в целом (*de tota re publica*)» (*Cic., Fam.*, XII, 1, 1. Ср.: *Att.*, XV, 11, 1, пер. В. О. Горенштейна), — а чуть позже он пишет, — «все прибежище честных — это ты [Г. Кассий] и Брут» (*Cic., Fam.*, XII, 6, 2, пер. В. О. Горенштейна).

¹⁵ В. О. Горенштейн переводит «государственное дело».

¹⁶ *Meier Chr.* Op. cit. — S. 2.

¹⁷ *Schofield M.* Op. cit. — P. 66.

¹⁸ *Bringmann K.* Von der *res publica amissa* zur *res publica restituta*. Zu zwei Schlagworten aus der Zeit zwischen Republik und Monarchie//*Res publica reperta. Zur Verfassung und Gesellschaft der römischen Republik und des frühen Prinzipats.* — Stuttgart, 2002. — S. 113–123.

¹⁹ *Wirszubski Ch.* Libertas as a Political Idea... — P. 15–17; *idem.* Cum Dignitate Otium: A Reconsideration//*JRS.* — 1954. — Vol. 44. — P. 1–13; *Balsdon J. P. V. D.* Auctoritas, dignitas, otium//*CQ.* — 1960. — Vol. 10. — № 1. — P. 44–46; *Adcock F. E.* Roman Political Ideas and Practice. — Ann Arbor, 1964. — P. 13; *Камалутдинов К. Я.* Цицерон о роли и месте princeps в политической системе римского общества (По материалам трактата «О государстве»)//*АМА.* — 1986. — № 6. — С. 21.

²⁰ Выражение Цицерона «cum dignitate otium» вызвало в современной историографии целую литературу и многочисленные интерпретации. Мы следуем за трактовкой Х. Виршубски, Дж. Балсдона и П. А. Бранта (*Wirszubski Ch.* Cum Dignitate Otium... — P. 1–13; *Balsdon J. P. V. D.* Op. cit. — P. 46–50; *Brunt P. A.* Op. cit. — P. 55).

Данайцы в трудах античных мифографов и в истории

Курс лекций профессора В. И. Кадеева на историческом факультете Харьковского университета, исследования, проводившиеся в рамках написания дипломной работы под его руководством, еще в студенческие годы обратили наше внимание на комплекс проблем палеобалканистики, микенологии и индоевропеистики. Особое место в данном комплексе проблем занимают вопросы, связанные с изучением этнокультурной истории Балкано-Эгейского региона в эпоху, которая нашла отражение в большей степени в произведениях античных мифографов, нежели в трудах историков, т. е. в III—II тыс. до н. э.

Большинство современных исследователей, следуя устоявшейся еще в XIX в. точке зрения, полагает, что данайцы, наряду с ахейцами, были одним из греческих племен, обитавшим в Арголиде в микенскую эпоху¹. Однако рассматривать «данайскую проблему», на наш взгляд, необходимо в контексте последних достижений индоевропеистики. Важно также учитывать данные древнегреческой мифологической традиции, полагавшей, что данайцы были лишь дальними родственниками эллинов.

Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что выделение индоевропейского праязыка из первобытного языкового континуума следует связывать с возникновением очага производящего хозяйства (очага неолитизации) в бассейне Эгейского моря². Скорее всего, праиндоевропейцы начали свое расселение по ойкумене с юга Балканского полуострова и островов Эгеиды. В бассейне Эгейского моря на протяжении длительного времени сохранялись этносы, говорившие на реликтовых индоевропейских диалектах, и перешедшие впоследствии на греческий язык.

Сравнительный анализ индоевропейских мифотрадиций, являвшихся, по сути, сакральными генеалогиями, позволяет рассматривать их как важный источник информации, позволяющий исследовать индоевропейскую «доисторию» (prehistory). Эллинская мифологическая традиция возводила родословие эллинов к Девкалиону, в то время как данайцы считались отдаленными потомками Инаха, сына Океана и Тетис (Тетии), по имени которого была названа река Ἰναχός в Арголиде. Даже критически относившийся к произведениям логографов и мифографов Фукидид (V в. до н. э.) не подвергал сомнению верность эллинских этногенеалогических преданий: «Очевидно, что страна, называемая ныне Элладой (Ἑλλάς, -ᾰδος), лишь с недавнего времени приобрела оседлое население; в древности же там происходили передвижения племен, и каждое племя покидало свою землю всякий раз под

давлением более многочисленных пришельцев» (Фукидид. История. I, 2, 1)³. «Действительно, до Троянской войны Эллада, по-видимому, не совершила сообща ничего значительного. Как я полагаю, вся страна тогда еще и не носила этого имени, а до Эллина (Ἑλλήν, -ήνος), сына Девкалиона, его и вовсе даже не существовало, но отдельные народности (как пеласги, так и другие) давали ей свое имя. После же того, как Эллин с сыновьями захватил власть во Фтиотиде (Φθιώτις, -ίδος, Φθία, Φθίη), а другие города начали призывать их на помощь, отдельные племена одно за другим уже в силу близкого общения друг с другом мало-помалу стали называться эллинами (Ἑλληνες), но во всеобщее употребление это название вошло лишь недавно. Наилучшее доказательство этому дает Гомер. Ведь Гомер, хотя он жил гораздо позже Троянской войны, нигде не обозначает все племена одним общим именем эллинов и никого так не называет, кроме воинов дружины Ахиллеса из Фтиотиды — они-то и были первыми эллинами. Остальных же Гомер в своих поэмах именует данайцами, аргивянами или ахейцами; не употребляет он и слова «варвары», — очевидно, оттого, что эллины тогда еще не отделились от них и не объединились под одним именем» (Фукидид. История. I, 3, 1–3)⁴.

Действительно, Гомер, например, перечисляя народы, воины которых прибыли осаждать Трою-Илион, называет эллинов и данайцев отдельно (Гомер. Илиада. II, 527–535).

Мифограф II в. до н. э. Аполлодор в труде «Генеалогии», более известном как «Мифологическая библиотека», сохранил и сакральное родословие эллинов, и родословие данайцев (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 7–9, II, 1–8, III, 1–4). Эллина считались потомками Эллина, сына Девкалиона и Пирры (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 7). От сыновей Эллина Дора, Ксуфа (отца Ахея и Иона) и Эола происходили греческие племена дорийцев, ахейцев, ионийцев и эолийцев. Данайцы считались потомками Даная, который был внуком Ливии, дочери Эпафа, сына Зевса и Ио, правнука Инаха (Аполлодор. Мифологическая библиотека. II, 1, 1–4). У Ливии и Посейдона родились сыновья-близнецы Агенор (Ἀγήνωρ, -ορός) и Бел (Βήλος). Агенор, удалившись в Фойникию, воцарился там, став родоначальником великого рода. Бел же, оставшись в Египте, воцарился над Египтом и женился на Анхиное, дочери Нила. И у него родились сыновья-близнецы Айгюпт (Ἐγύπτ, Ἐγυπτός) и Данай (Δαναός), а также Кефей (Κηφεύς, -έως) и Финей (Φινεύς, -έως). Бел поселил Даная в Ливии, Айгюпта же — в Аравии. Тот, завоевав страну меламподов (Μελάμποις, -ποδός «черноногий»), назвал ее по своему имени Египтом. У Айгюпта родилось от многочисленных жен пятьдесят сыновей, а у Даная — пятьдесят дочерей. Позднее, когда они начали бороться за власть, Данай, страшась сыновей Айгюпта, первым по-

строил (пятидесятивесельную) ладью, как ему посоветовала Афина, и, бежал, взойдя на ее борт с дочерьми.

Если обобщить сведения, содержащиеся в труде Аполлодора, а также в произведениях Гесиода, Гомера, Эсхила, Геродота, Диодора Сицилийского, Страбона, Гигина и других античных авторов, то генеалогия данайцев представляется следующим образом (Геродот. История. I, 1–2, 56, II, 41–42; Гесиод. Теогония. 950–955; Гигин. Мифы. 19, 29–36, 63–64, 97, 157, 162, 168–170, 178; Гомер. Илиада. II, 527–535, 653–680, III, 250–258; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. IV, 8–39, 57, V, 55–60; Страбон. География. VIII, 6, 9–10; Эсхил. Просительницы. 1–40, 540–594; Эсхил. Прометей прикованный. 700–741).

От брака *Ливии* (Λιβύη, Λιβύα) и *Посейдона* родились близнецы *Бел* и *Агенор*. Ливия (Либюэ) была дочерью Эпафа, сына Ио (Ἰώ) и Зевса, и Мемфиды, дочери Нила. По ее имени земли к западу от долины и дельты Нила стали называться Ливией.

Сын Посейдона и Ливии Бел воцарился в Мемфисе, женился на *Анхиноэ*, дочери Нила, от которой породил близнецов *Египта* и *Даная*, позднее сыновей Кефея и Финея, а также дочь Дамно, став родоначальником многих великих народов (персов, индоариев). Айгюпт и Данай поначалу обитали в долине Нила, а в старости переселились в Аргolidу вместе с детьми — египтиадами (Египтиадами, Ἀιγυπτέοις γένος) и данаидами (Данаидами, Δαναΐδες).

Айгюпт, сын Бела, царствовавший в Аравии, завоевал землю бродящих в болотах черноногих (меламподов). Он назвал ее своим именем, т. е. Египтом. От *Исси*, дочери своей сестры Дамно и дяди Агенора, и многих других жен (ливиек, арабов, финикиянок) — он породил 50 сыновей *египтиадов* и замыслил женить их на дочерях брата в знак примирения.

Данай, царствовавший в Ливии, боролся с братом за власть над страной бродящих в болотах черноногих (меламподов). Египтиады стали домогаться его 50 дочерей-*данаид*, рожденных от *Мелии*, дочери его сестры Дамно, и других жен (наяд, гамадриад, принцесс из Элефантиды и Хеммиса, эфиопок).

Из страха перед Египтиадами Данай построил первый пятидесятивесельный корабль по совету Афины Тритониды. Посадив на него 50 своих дочерей, Данай спасся бегством, прибыл на остров Родос, где воздвиг статую Афины Линдской за совет о корабле, а затем приплыл в Аргос и получил от Геланора царскую власть.

Через некоторое время в Аргос прибыли преследовавшие Данаид Египтиады и потребовали от Даная дать согласие на брак. Добившись своего, все они кроме одного Линкея пали жертвами своих жен. Но от Даная и Данаид произошли *данайцы* в Аргolidе, а позднее (через данайца Алкида-Геракла)

скифы (Σκύθαι, -ων), *праславяне-агафирсы* (Ἀγάθυρσοι) и *прабалты-гелоны* (Γέλωνοι).

Кефей, царствовавший в Хеммисе, женился на *Кассиопее* и поселился в Иоппе Палестинской. Кассиопея родила ему прекрасную дочь *Андромеду*, которая с детства была обручена с *Финеем*, царствовавшим в Эфиопии. Однако, спасенная данайцем *Персеем* (Περσεύς, -έως), она стала его женой и родила сына *Перса* (Πέρσης, -ου), оставленного на воспитание Кефеем и Кассиопеей. От этого Перса ведут свой род персидские цари Ахемениды. По деду Перса его потомки носили древнее имя кефены (Κηφηνες). Это божественный родоначальник всех *иранцев*, *туранцев* и *сарматов*.

Фасос со своими спутниками вначале отправился в Олимпию, поставил там бронзовую статую, посвященную тирскому Гераклу, — десятиметровый исполин был изображен с палицей и луком, а затем отправился на остров Фасос, где основал колонию и стал разрабатывать богатые золотые копи. Все это произошло за пять поколений до того, как в Аргολиде родился Алкид, прозванный Гераклом (Ἀλκείδης, -ου, Ἡρακλῆς, -έους «Слава Геры»), сын Амфитриона (Геродот. История. II, 44; IV, 5–10, 47; Павсаний. Описание Эллады. V, 25, 6–7).

Согласно эллинской традиции, в начале XIII в. до н. э. состоялись легендарные походы Алкида Геракла в Мавританию и Иберию (к Атланту и Гесперидам), в Ирландию (на остров Эрифия за быками Гериона), в долину Роны, в Италию и Сицилию. Возможно, именно Геракл скрывается под именем кельтского мифического героя Миля («воин»). Можно предположить, что сюжет о поисках коров в предгорьях Фракии и сожительстве с праматерью скифских племен (Геродот. История. IV, 8–10) является подлинным преданием о раннем этногенезе скифов, славян и балтов, т. е. Σκύθαι, Ἀγάθυρσοι, Γέλωνοι, являвшимися потомками сыновей Геракла Скифа, Агафирса и Гелона. Местом этногенеза этих племен указаны берега Геллеспонта (=Βορυσθένης, Борисфен) и некая Гилея, т. е. «Лесистая местность», близ Геллеспонта (Текирдаг?). Сами скифы также впоследствии переселялись — из Тинии в Вифинию (Битинию), из Фракии (Тракии, «троянских владений») в Малую Скифию, Великую Скифию вплоть до Танаиса и Боспора Киммерийского. Вот, судя по всему, почему династы одрисов и династы Боспора Киммерийского носили одинаковые имена «Перисад», «Спарток», «Реметалк». Все они — потомки династии Паралатов (Παραλάται) и Данайцев (Δαναοί).

Паросская хроника («Паросский мрамор», III в. до н. э.) представляет достаточно точную хронологию событий, происходивших в Эгеиде во II—I тыс. до н. э.:

«6. После того, как *Эллин*, сын *Девкалиона*, воцарился во *Фтиотиде* и называвшиеся прежде «греками» [Γραικοί] получили имя эллинов и [были

учреждены] *состязания Пана...* а случилось это во время царствования в Афинах Амфиктиона, прошло 1257 лет (1520/19 г. до н. э.).

7. После того, как *Кадм*, сын *Агенора*, прибыл в *Фивы...* и построил *Кадмею*, а случилось это во времена царствования в Афинах Амфиктиона, прошло 1252 года (1518/17 г. до н. э.)...

9. После того, как построенный *Данас* первый *пятидесятивесельный* корабль приплыл из Египта в Элладу и был назван «пентеконтер», а дочери Даная ...она, Гелика и Архедика, отделившись от прочих, основали на берегу *святилище Афины Линдии* и совершили жертвоприношение в ...Линде на Родосе, а случилось это во время *царствования в Афинах Эрихтония*, прошло 1242 года (1510/14 г. до н. э.)...

18. После того, как... *Геракл...* а случилось это во время царствования в Афинах Эгея... (1307/06–1295/94 гг. до н. э.)...

28. После *начала творчества* поэта *Гесиода*, а случилось это во время царствования в Афинах... прошло 67[3] года (9[37/35] [?] г. до н. э.).

29. После *начала творчества* поэта *Гомера*, а случилось это во время архонтства в *Афинах Диогета*, прошло 643 года (907/05 г. до н. э.)»⁵.

Данайды, данайцы (Персей и Персеиды, Геракл и Гераклиды) имеют прямое соответствие в древнеиндийской мифо-эпической традиции. Данайцам соответствуют потомки богини Дану данавы. Дану — дочь седьмого сына Брахмы Дакши, жена мудрого Кашьяпы Праджапати, мать 40 или 100 данавов⁶.

Господином данавов считался данавапати Рааху (Раху). Рааху — сын Випрачитты и Синхики, похититель части амриты девов. Отрубленная голова его была вознесена на небеса, где регулярно проглатывает Сурью и Сому, а его драконий хвост Кету стал кометой. Рааху — олицетворение эклиптики, затмений и метеоритных потоков. Вождь данавов назывался также данавендра. Наставником данавов (данавагуру, данавапуджита) был Щукра, управитель светила Венеры. Недруги данавов — Шива Данававайрин, Индра Данавари.

Наиболее вероятное сопоставление: Dānu, dānavá- ~ Δαναός, Danaus «Данай», Δανάη, Danaë «Даная», Δαναΐδες, Danaides «Данайды», Δαναοί, Danaí «данайцы».

Подводя некоторые итоги, заметим, что сакральная генеалогия данайцев связывает их происхождение с родом Инаха и Ио. Предания о странствиях Ио можно трактовать как сохранившиеся в эллинской мифотрадиции сведения о древнейших миграциях «сатэмных» индоевропейских этнических групп. Присутствие индоевропейских «сатэмных» этносов на Ближнем Востоке во II тыс. до н. э. зафиксировано в реликтовой ономастике (ср. имена богов и царей Митанни-Ханигальбата, имена царьков Сирии и Палестины)⁷. Приведем некоторые из них:

- название страны Maitan(n)i, Mitān(n)i производное с хурритским суффиксом -n[n]i от имени собственного *Mait(t)a, сохраненного также в причерноморской ономастике (этноним Маѡтаи, Маѡтаи, наименование Азовского моря Маѡтис, -идос, Маѡтис, -идос отражают индоарийскую форму *maṇa-vat-i «относящийся к Майе»);
- название столицы Митанни Waš(š)uk(k)an(n)i, Wašukanne, Uššukani также являет собой хурритское суффиксальное оформление либо др.-инд. vasu-khani ‘рудник богатства, сокровищ и добра’, либо др.-инд. имени собственного Vasuki ‘имя царя змеевидных демонов’; хурритский суффикс -n(n)e, -n(n)i указывает на адаптацию индоарийского слова или имени в хурритоязычном окружении;
- теоним (Ilani) Mītrāšil [*Mitra-sil] возводим к индоиранскому имени бога Mitra, Mithra (Mixra); имя оформлено хурритским суффиксом -šil;
- теоним (Ilani) Urūanāšiel: Arunāššil [*Urvana-si(e)l; *Aruna-sil], скорее всего, можно возвести к др.-инд. имени бога Varuna (менее вероятно — Aruna); имя адаптировано в хурритоязычии (суф. -šil);
- теоним (Ilū) Indar(a) сопоставим с др.-инд. именем бога Indra;
- теоним (Ilani) Nasāttānna [*Nasatya-nne] производный от др.-инд. теонима Nasatya, адаптирован при помощи хурритского суффикса -n(n)e;
- имя царя Митанни XVI в. до н. э. Kirta сопоставимо с др.-инд. kṛta ‘золотой век’ или kṛt ‘творящий’;
- имя царей Митанни Artatama, Artadama I, II (XV—XIV вв. до н. э.) соотносимо с др.-инд. ṛta-dama(n) ‘тот, чье обиталище Праведность’, ср. авест. arθa «праведность»;
- имя царя Митанни Artāšumara (XIV в. до н. э.) — ср. предыдущее от ṛta-(arta-) и др.-инд. su-mara;
- имя сирийского царя Artamaniya (XIV в. до н. э.) — ср. предыдущее от ṛta-; arta-, man-ya;
- имя царя южнофиникийского города Januamna Biridašwa (XIV в. до н. э.) содержит индоиран. основу ašva ‘лошадь, конь’;
- имя сирийского царя XIV в. до н. э. Birijamaza содержит иранскую основу maža ‘великий, могучий’;
- имя сирийского царька Dašarti (др.-егип. dsr.t, tjt dsr.t) ср. с др.-инд. именем собственным Dašaratha;
- имя царя города Кинза-Кадеш на реке Оронт в Сирии (XIV в. до н. э.) Etagama сопоставимо с др.-инд. eta ‘пятнистый; вид оленя’ и gama ‘идущий; случка, соитие’;
- имя царька города Guddašuna (XIV в. до н. э.) Jamiuta сопоставимо с др.-инд. именами Yama, Yami + суф. -uta;

- имя палестинского царька (XIV в. до н. э.) Indaruta сопоставимо с др.-инд. именем Indrota (Indratuta);
- имя сирийского царька XIV в. до н. э. Irimajassa ср. с др.-инд. irma ‘рука’ и суф. -yasa;
- имя царя города Haz(z)i Majarzana (XIV в. до н. э.) имеет индоиранский облик: maуа ‘колдовство, ведовство, магия’ и arjana ‘приобретение’: *maуа-arjana ‘приобретенный с помощью колдовства’;
- имя царька города Ube (близ Дамаска) Namijawaza (XIV в. до н. э.) сопоставимо с др.-инд. namуа ‘пастбищный, с выгоном’ и vasa ‘жилье’;
- имя царя Митанни XIV в. до н. э. Par(r)at(t)arna ср. с др.-инд. префиксальное образование para-tarna-ka ‘другой, более поздний теленок’ или ‘трава, стебель’;
- имя царя Митании XV в. до н. э. Parsadatara очевидный композит *parsa ‘барс; перс(?)’ и datar ‘датель; даритель’;
- имя царька города Saruna (в Галилее) Rusmanja (XIV в. до н. э.) сопоставимо с др.-инд. корнем rus- ‘убивать, ранить’; rus (ж.р.) ‘гнев, ярость’; ср. имя Artamanja и др.-инд. brahmanya ‘брахманский’;
- имя сирийского царька XIV в. до н. э. Šatija сопоставимо с др.-инд. satya ‘сотня’ или sati;
- имя царя Митании XIV в. до н. э. Šattiwaz(z)a возводят к др.-инд. sativaја ‘добывающий трофей’; ср. vaja-sati ‘добыча трофеев’;
- имя царей Митании XIV—XIII в. до н. э. Šatura (I, II) сопоставимо с др.-инд. satvara ‘поспешный’;
- имя царя Митании XV в. до н. э. Sausadatara, Saustatara композит — *sausa ‘Саушка, Сузы(?)’ и datar ‘податель, даритель’;
- имя царя городка Kelte недалеко от Иерусалима Šuw(a)ardata (XIV в. до н. э.) сопоставимо с др.-инд. svar-data ‘дар Солнца’;
- имя сирийского царька XIV в. до н. э. Subandu напоминает композит др.-инд. su-bandhu ‘добрый, хороший друг’;
- имя сирийского царька XIV в. до н. э. Šuta сопоставимо с др.-инд. suta ‘сок сомы’ или suta ‘сын’;
- имя царей Митании XVI—XIV вв. до н. э. Šuttarna (I, II, III), имя царя города Mušihuna (XIV в. до н. э.) Šutarna имеют индоарийский облик: su-ṭṛna ‘добрая трава, хороший стебель’; или su-tarnaka ‘имеющий доброго теленка, детеныша’;
- имя собственное из города Алалах (Северная Сирия), датируемое XVII в. до н. э., Tirgutawija с одной стороны сопоставимо с именем царицы Tṛyotaw в меотийских областях Северного Причерноморья, с другой — с др.-инд. ṭṛgu-tava;

- имя митанийского царя XIV в. до н. э. Tuišeratta, Tušratta сопоставимо с др.-инд. tvesa-ratha ‘блистательный колесницей, чья колесница безудержно передвигается’;
- имя царька города Zilu близ Лакиша (XIV в. до н. э.) Turbazu сопоставимо с др.-иран. *tur ‘тур, бык’, bazu ‘великий, большой’;
- имя митанийского царя конца XIV—начала XIII вв. до н. э. Vasašta, Vasašatta сопоставимо с др.-инд. именем Vasištha;
- имя предводителя города Аскалон в XIV в. до н. э. Widiја сопоставимо с др.-инд. vidya ‘мудрец, ведун’;
- имя сирийского царька XIV в. до н. э. Zitrijara сопоставимо либо с др.-инд. названием месяца çaitra, либо с др.-иран. çiθra ‘знак’;
- имя царька города Akkon в XIV в. до н. э. Zurata, возможно, сопоставимо с su-ratha ‘с доброй колесницей’.

Можно также предположить, что, наряду с хамитоязычными египтянами (меламподами), определенный вклад в создание древнеегипетской цивилизации внесли и индоевропейские этнические группы, среди которых были предки данайцев. Во всяком случае, индоевропейцами по происхождению можно признать гиксосов, правивших Египтом в XVIII—XVI вв. до н. э. Приведем некоторые индоевропейско-древнеегипетские ономастические и культурно-религиозные параллели:

- др.-егип. имя важного бога египетского пантеона Гора Hr.p.hrd [Harpokrates], Hr.s.’st [Harsies], *Har(a), судя по всему, восходит к и.-е. *jor-: jer- ‘жаркое время года, лето’, ср. др.-греч. ‘Нра (супруга Зевса), ‘Ωραι (дочери Зевса, времена года), одно из «запретных» имен Зевса ‘Нρως (Hērōi Perkōnei);
- др.-егип. термин k’ ‘душа-двойник’ сопоставим с др.-инд. ka ‘душа; тело; время; солнце; радость, веселье; вода; голова; имя собственное нескольких богов’;
- др.-егип. теоним Gbb [*gab(b)] сопоставим с основой имени мифического родоначальника персидских царей Кηφεύς, Kēph-eus (‘происходящий от *Kabh-`a’) и т. д.

Таким образом, данайский язык можно отнести к «восточноиндоевропейским» языкам, т. е. к группе индоевропейских языков «сатэм». Самой заметной фонетической чертой индоевропейского (и.-е.) данайского языка следует считать распространение псилозы (переход и.-е. *s в *h в анлауте и по правилу «руки»). Это фонетическое новшество затронуло прагреческий, праславянский и праиранский индоевропейские диалекты (праязыки).

Происхождение праславянской фонемы *x в результате мутации и.-е. *s в *h в определенных фонетических позициях подробно рассматривали многие индоевропейцы. Верность гипотезы А. Мейе и Я. Отрембского об изменении

*s в *h через промежуточную стадию *š маловероятна, а вот гипотеза С. Бернштейна о непосредственном изменении *s в *h получила дополнительные аргументы. Нам представляется весьма желательным обобщение данных ареального индоевропейского языкознания (ср. протекание подобных фонетических мутаций в ареале иллиро-кельтских языков Верхнего Дуная [*sal- > hal-], в ареале греческого языка [*sal- > hal-], в ареале иранских языков [*sar- > har-]). На вопрос об артикуляционном механизме данной мутации дается несколько ответов. В ареале балтийских языков [*ur̥sus > viršūs] и в ареале индийских языков [*-s- > -ṣ-] процесс мутации исконного и.-е. *s по правилу «руки» протекал другим путем, а в анлауте мутации не было вовсе.

В связи с этим еще раз затронем вопрос о процессе вхождения фонемы *s в систему консонантизма с точки зрения диахронической фонологии. Мы склоняемся к выводу, что, как в вопросе мутаций *s → *z, *s → *sʷ, в данном случае речь идет об аллофонном характере дивергенции *s → *s и *s → *h. Эти фонетические законы имеют отношение лишь к фонетике, к аллофонному варьированию фонем в зависимости от определенных фонетических (позиционных) условий. И в этом смысле фонетические законы непреложны в эпоху своего действия. Процесс мутации s > h протекал в праславянском языке после окончания процесса сатэмной палатализации, но до конца процесса монофтонгизации дифтонгов и упрощения групп согласных (bs > s, ps > s, ds > s, ts > s), разрушения дифтонгического сочетания *or. Особо отметим положение о том, что именно в протославянском диалекте (в сравнении с пракеельтским, прагреческим и праиранским) процесс перехода *s в *h был наиболее активным⁸.

Ср. праслав. *xodъ и др.-греч. ὁδός, эп. ὁδοός ‘дорога, путь’, ‘переход’ (из и.-е. *sodos ‘перемещение сидя верхом или в повозке’).

Несколько примеров палатализованных форм, несвойственных прагреческой фонетической системе, сохранилось в аркадских диалектах. Особенно показательны примеры на переход и.-е. *g’ > z, и.-е. *gʷ > z:

ᾠζα ‘зной, пыль, нагар’⁹ — др.-инд. āsa- ‘пыль, зола’;

ᾠζομαι, ᾠζεται ‘благоговеет, почитает’¹⁰ — др.-инд. yájati, авест. yazaite;

ζερεθρον ‘пропасть’¹¹ — др.-греч. βάραθρον, эп.-ион. βέρεθρον ‘жерло, пропасть’, праслав. *žyrdlo;

ζηλος, ζηλόω, дор. ζαλόω ‘зависть, ревность’ — и.-е. *gʷēl- ‘жалить, колоть; мучить’;

ζωή, ион. ζόη, дор. ζωά, эол. ζοῖα; ζωον; ζάω, ζην ‘жизнь; живое существо; жить’¹² — др.-греч. βίος, βιόω ‘жизнь; жить’;

эп. φύζα ‘бегство’¹³ — др.-греч. φυγή, дор. φύγα.

Восточноиндоевропейское («сатэмное») в древнегреческом языке представлено многочисленными цельными изоглоссами. Приведем несколько примеров:

адстратное (эл.) др.-греч. θάμβος, -εος 'изумление, ужас', собственно др.-греч. τάφος, -εος (с.р.) — также и др.-инд. dambha- м.р. 'обман', 'хитрость', 'лицемерие', dabha- 'обманчивый', dabh- 'вредить, причинять боль, ранить', 'вводить в заблуждение, обманывать';

адстратное τύμβος 'могильный курган, могила' и исконно др.-греч. τάφος (м.р.) 'могила, курган, склеп';

адстратное κύβη, κύβος, κύβιου 'сосуд, чаша, чашка' (собственно др.-греч. σκύφος, σκύφεος 'сосуд, чаша, чашка') и др.-инд. kumbhá-, авест. xumba- 'горшок'.

Источником «сатэмных» языковых элементов в «кентумных» языках Эгеиды являются древние диалекты восточноиндоевропейского праязыка, а именно: протоахайский (минойский) диалект потомков Эвропы на Крите, *данайский диалект потомков Даная и Данаид в Арголиде и Аркадии*, протоалбанский (кадмейский) диалект потомков Кадма в Беотии и Иллирии, фасосский диалект на Фасосе, протофракийский диалект потомков Кабейро на Самофракии и Лемносе.

При этом протоахайский (минойский), протоалбанский (кадмейский) и фасосский диалекты происходили из более обширной подгруппы диалектов (вместе с протоармянским (хайк), протокилийским и протоиндоарийским). Это — потомки Агенора.

Данайский и кабейрский диалекты происходили из обширной подгруппы диалектов (вместе с протоиранским). Это — потомки Бела.

В Арголиде с миграцией Даная и Данаид можно связать распространение разведения упряжных лошадей (ср. имена Ипподамия, Ипподика, Иппомедуса Данаиды, Иппокорист и Иппотой Египтиады, Иппотой Пеласгов, Ипподамант Ахелоев). С появлением данайцев в конце XVI в. до н. э. можно также связать появление шахтовых гробниц круга А близ Микен¹⁴.

Итак, язык данайцев — связующее звено между иранским и славянским языковыми состояниями в рамках праиндоевропейской этнокультурной общности. Данайский язык является источником так называемой псилозы (перехода \s\ в \h\). С одной стороны, данаец Персей — родоначальник персов (кефенов-ахеменидов), с другой стороны, данаец Алкид-Геракл — родоначальник скифов, славян и балтов. Помимо данайского наследия в праславянском, прабалтском, праскифском, праиранском языках, можно предположить существование значительного культурного, мифологического, идеологического наследия в культурах славян, балтов, скифов, иранцев.

Положение об особенной связи раннепраславянской общности и праиранской общности с языковыми реликтами сатэмного субстрата Средней и Южной Греции можно аргументировать на фонетическом, морфологическом, словообразовательном, синтаксическом и лексическом уровнях. Но отождествить данайцев с определенным комплексом артефактов (археологической культурой) вряд ли удастся, так как данайцы жили на юге Балкан чересполосно с эллинами (граиками), аркадцами, дриопами и др.

Место предполагаемого раннепраславянского, раннепбалтского и раннепсакифского этногенеза (XIII до н. э.) — берега Геллеспонта (Дарданелл, древнейшего Борисфена), нынешняя Турецкая Фракия.

Примечания

- ¹ Клейн Л. С. Данайская Илиада: К характеристике источников и формирования гомеровского эпоса//Вестник древней истории (ВДИ; М.)/Л. С. Клейн. — 1990. — № 1. — С. 22–53; Надь Г. Греческая мифология и поэтика/Пер. с англ. Н. П. Гринцера/Г. Надь. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — С. 120–131.
- ² Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. 1//ВДИ/И. М. Дьяконов. — 1982. — № 3. — С. 3–30; Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. 2//ВДИ/И. М. Дьяконов. — 1982. — № 4. — С. 11–25; Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию: Родственные отношения индоевропейских языков/В. И. Георгиев. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. — С. 269–280; Лелеков Л. А. К новейшему решению индоевропейской проблемы//ВДИ/Л. А. Лелеков. — 1982. — № 3. — С. 31–37; Лисицына Г. Н., Филипович Л. А. Палеоэтноботанические находки на Балканском полуострове//Studia Praehistorica. 4/Г. Н. Лисицына, Л. А. Филипович. — София: Изд-во на БАН, 1980. — С. 5–90; Маринович Л. П. Изучение Северной и Средней Греции в 1962–1966 гг.//ВДИ/Л. П. Маринович. — 1969. — № 3. — С. 189–204; Маринович Л. П. Изучение Пелопоннеса в 1967–1970 гг.//ВДИ/Л. П. Маринович. — 1973. — № 1. — С. 160–174; Маринович Л. П. Изучение греческих островов Эгейского моря и Крита в 1967–1970 гг.//ВДИ/Л. П. Маринович. — 1973. — № 2. — С. 121–144; Одри Ж. Индоевропейский язык: Пер. с франц.//Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике/Сост., вступ. ст. и общ. ред. В. В. Иванова/Ж. Одри. — М.: Прогресс, 1988. — С. 24–121, 532–533; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры/Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. — 2-е изд. — М.: Наука, 1985. — С. 48–77, 172–184; Renfrew C. The Origins of Indo-European Languages//Scientific American (New York)/C. Renfrew. — 1989. — № 10. — P. 82–90.
- ³ Фукидид. История/Пер. с древнегреч. и примеч. Г. А. Стратановского/Фукидид. — М.: Ладомир, АСТ, 1999. — С. 5.

- ⁴ *Фукидид*. История/Пер. с древнегреч. и примеч. Г. А. Стратановского/Фукидид. — М.: Ладомир, АСТ, 1999. — С. 6–7.
- ⁵ *Паросская хроника*//Диодор Сицилийский. Историческая библиотека: Греческая мифология/Пер. с древнегреч., статья, комментарии и указатель О. П. Цыбенко. — М.: Лабиринт, 2000. — С. 147–150.
- ⁶ *Темкин Э. Н. Эрман В. Г.* Мифы древней Индии/Э. Н. Темкин, В. Г. Эрман. — 2-е изд. — М.: Наука, 1982. — С. 15–22, 63–66.
- ⁷ *Вильхельм Г.* Древний народ хурриты: Очерки истории и культуры/Пер с нем. И. М. Дунаевской; Вступ. статья Н. Б. Янковской/Г. Вильхельм. — М.: Наука, 1992. — С. 42–75; *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев/Пер. с франц. Т. В. Цивьян/Ж. Дюмезиль. — М.: Наука, 1986. — С. 17–29; *Елизаренкова Т. Я.* «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры//Ригведа: Мандалы I–IV/Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова/Т. Я. Елизаренкова. — М.: Наука, 1989. — С. 429–431; *Трубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь/О. Н. Трубачев. — М.: Наука, 1999. — С. 15–41, 157–178; *Meyer G. R.* Das Archiv von Tell el-Amarna eine wichtige historische Quelle//Тутанхамон и его время/Отв. ред. И. Е. Данилова, И.С. Кацнельсон/G. R. Meyer. — М.: Наука, 1976. — С. 96–106.
- ⁸ *Маслова В. А.* Истоки праславянской фонологии/В. А. Маслова. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — С. 207.
- ⁹ *Широков О. С.* История греческого языка/О. С. Широков. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. — С. 44.
- ¹⁰ *Широков О. С.* История греческого языка/О. С. Широков. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. — С. 44.
- ¹¹ *Маслова В. А.* Истоки праславянской фонологии/В. А. Маслова. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — С. 249–251.
- ¹² *Широков О. С.* История греческого языка/О. С. Широков. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. — С. 44.
- ¹³ *Широков О. С.* История греческого языка/О. С. Широков. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. — С. 44.
- ¹⁴ *Бартонек А.* Златообильные Микены/Пер. с чеш. О. П. Цыбенко; Послесл. А. И. Немировского/А. Бартонек. — М.: Наука, 1991. — С. 244–246.

Дорогому Учителю,
от старательного ученика
с самыми добрыми чувствами.

Давыд?

Non multa, sed multum:
Глубокоуважаемому Владимиру Ивановичу,
дорогому отцу семейства
харьковских антиковедов и
медиевистов.

А. Даниловский

СРЕДНИЕ ВЕКА

Дорогому Владимиру Ивановичу,
трудолюбивому садовнику flores
historiarum, от прикательного узника
с пожеланием крепости духа,
направленного на неутомимые
поиски истины

Сы - Проф. С.Б. Сорокин

Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci
Lectorem delectando pariterque monendo.

Всех соверет голоса,
кто смешает приятное с пользой
И улаждая людей
и на истинный путь наставляя. (Гораций)

Так голосами своими
воскликнем мы здравницу "SALVE!"
Вас благодарным почтеньем
в душе прославляя.

Бардона К.Ю.

Н. А. Алексеенко, С. В. Дьячков

Требуше генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.)

В 1992 г. мне посчастливилось вместе с В. И. Кадеевым осматривать раскопки в Балаклавском предместье — Кадыковке, где были обнаружены интереснейшие памятники римского времени: остатки сооружений, строительная керамика с клеймами, клад римских монет и т. п. Недавно «открытая» для посещения, тихая и уютная, октябрьская Балаклава произвела на меня сильное впечатление. После знакомства с итогами работы наших севастопольских коллег появилась возможность осмотреть живописные руины генуэзской крепости Чембало, которая расположена над входом в уникальную по своей красоте и защищенности бухту. Уже тогда возникла мысль о том, что не только в глубине бухты, но и на входе в нее должен быть «римский след». Поэтому, когда наша экспедиция завершила исследование т.н. «казармы» в Портовом районе Херсонеса (начатые в 60-х гг. В. И. Кадеевым), я согласился с предложением Н. А. Алексеенко начать совместные раскопки Чембало (с надеждой обнаружить такие «римские присутствие»). Однако в ходе раскопок наша экспедиция «увязла» в классическом, кондовом средневековье, о чем, впрочем, не жалею.

С. В. Дьячков

В 1999 г. Объединенная экспедиция Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (С. В. Дьячков) и Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Н. А. Алексеенко) начала исследование сооружений и укреплений «консульского замка» города св. Николая крепости Чембало¹. В 2004–2005 гг. экспедицией были изучены строительные остатки и археологические напластования внутреннего пространства башни № 8, а также прилегающего к ней участка А. Башня расположена на крутом северном склоне горы Кастрон на высоте 57 м над уровнем моря, непосредственно под рейдовым пунктом наблюдения и безопасности плавания пограничной службы Украины в Балаклаве (рис. 1).

Результаты раскопок башни № 8 показали, что в «генуэзский период» своей строительной истории (XIV—XV вв.) башня входила в состав комплекса фортификационных сооружений «консульского замка». После захвата Чембало турками-османами в 1475 г. башня № 8, а также участки А и Б подверглись перестройке и стали использоваться для хозяйственных нужд. В «Книге путешествий» Эвлии Челеби отмечается, что в XVII в. на северном склоне горы лепились небольшие солдатские жилища, крытые черепицей².

Рис. 1. Место проведения раскопок

В ходе работ 2005 г. на участке Б, примыкающего к башне № 8 с востока, была изучена куртина (стена 6), соединявшая, видимо, башни, прикрывавшие подходы к замку с севера. После удаления слоев 1 и 2 были раскрыты остатки стен 7 и 8, которые вместе со стенами 6 и 9 образовали помещение 3 (ок. 25 кв. м). Это помещение было сооружено в «османский» период истории Чембало (конец XV—XVII вв.). Следы опорных деревянных конструкций свидетельствуют о том, что помещение перекрывалось легким навесом. Все стены помещения 3 возводились на скале. Основная особенность стен 7, 8 и 9 помещения 3 заключается в том, что они были сложены преимущественно из каменных ядер (рис. 2).

Раскопки 2006 г. продолжили изучение помещения 3 и участка Б с целью извлечения запаса каменных метательных снарядов, сохранившихся в постройках «османского периода» на этом участке «консульского замка». Общая площадь раскопок в 2006 г. составила 75 кв. м.

На площади квадратов 2, 3, 4 участка Б были удалены слои 1–4. Слои 1 и 2 возникли в результате гравитационных процессов, естественного сползания грунта по склону горы, а также весьма активной строительной, ремонтной и хозяйственной деятельности на пограничном посту наблюдения.

Слои 3 и 4 (общая толщина — до 0,8 м), отложились в ходе перестроек, сооружения помещения 3 и хозяйственной жизни на этом участке в «османское»

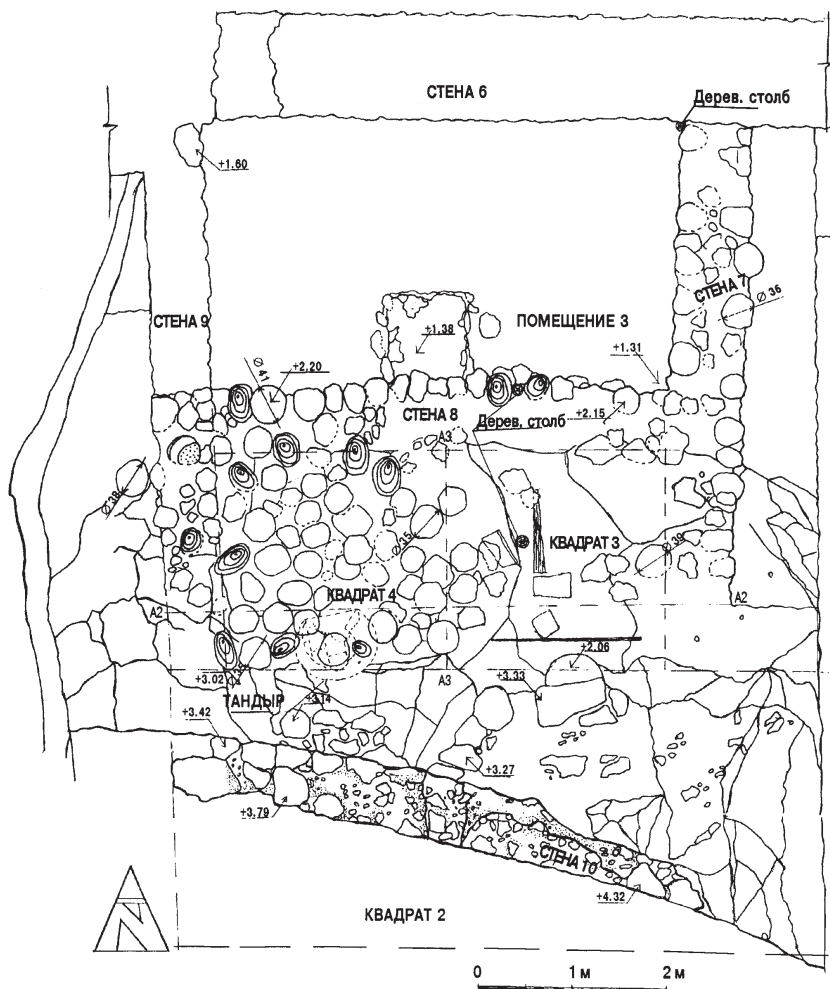

Рис. 2. Участок Б и помещение 3 (план)

время (XV—XVII вв.). Таким образом, слои собственно генуэзского времени оказались нарушенными и переотложенными в результате поздней строительно-хозяйственной деятельности жителей Чембало. В заполнении слоев 3 и 4 сохранились отдельные артефакты генуэзского периода: мелкие фрагменты черепицы, водопроводных труб, тарной и столовой (поливной) керамики XIV—XV вв. В этих слоях найдены обломки железных пластинчатых доспехов с заклепками (ширина — 4,5 см, длина — 6–8 см), а также неболь-

шой железный нож (общая длина 9,5 см; лезвие — 6,5 см, ширина лезвия 1 см) и миниатюрный, серебряный (?) пинцет (длина — 3 см), основание которого выполнено в виде головы птицы с колечком на конце клюва.

Площадь помещения 3 перекрывал плотный, хорошо утоптаный глиняный пол, уложенный генуэзцами. Очевидно, ровная площадка за оборонительной стеной в османское время стала решающим фактором при выборе места для нового строительства. Впритык к южной стене (стена 8) в двух метрах от восточного угла помещения 3 был сооружен очаг (рис. 3). Он имел округлую форму около одного метра в диаметре и был обложен мелким и средним необработанным камнем. Камень обкладки уложили в виде квадратной рамки вокруг очага. Высота каменной обкладки очага достигала 0,15 м над уровнем пола. Камни обкладки скреплялись глиной зеленого цвета. Нижние камни обкладки запущены в пол помещения. Основание очага толщиной до 5 см выложили мелким морским камнем, смешанным с зеленой глиной. Как показали раскопки 2006 г., внутреннее пространство очага было заполнено плотно уложенными обломками чугунных пушечных ядер. Обломки ядер перекрывались слоем (2–3 см) плотной глины. Такая конструкция очага, вероятно, обеспечивала весьма высокую теплоотдачу. Возле очага обнаружена медная золотоордынская монета времен хана Джанибека (середина XIV в.)³.

На участке квадрата 4 в слое 3 за южной стеной помещения 3 было раскрыто беспорядочное нагромождение каменных ядер (36 снарядов), вероятно, перемещенных сюда во время сооружения стен помещения 3. Раскопки также выявлены спонтанно встречающиеся следы горения в основании

Рис. 3. Очаг в помещении 3

прискального слоя 4. На участках квадратов 3 и 4 мощность следов горения в отдельных местах достигала 1,5 см. Удаление слоев 1–4 позволило приступить к демонтажу стен помещения 3 и изучению каменных снарядов, послуживших строительным материалом при возведении этих стен.

В результате демонтажа стен 7, 8 и 9 и раскопок квадратов 2, 3, 4 было обранужено 200 метательных снарядов (табл. 1). Таким образом, в ходе раскопок участка Б, возле башни № 8 оборонительных сооружений «консульского замка» раскрыт внушительный запас ядер.

Табл. 1

Метательные снаряды крепости Чембало (XIV—XV вв.)

Камень	до 20 кг	до 30 кг	до 40 кг	до 50 кг	до 60 кг	до 70 кг	до 80 кг	свыше 100 кг	Всего
Мраморовидный известняк	24	38	44	16	12	7	5	1	147
Диорит (морской камень)	3		5	6	6	5			25
Известняк	4	8	6	3	1				22
Мрамор			1		1	4			6
Всего	31	46	56	25	20	16	5	1	200

Большинству снарядов придана сферическая форма, которая была идеальной для метательных машин, стрелявших по навесной траектории. Именно такие снаряды использовались в средневековых армиях от Франции до Китая. Известный китайский военачальник и чиновник XI—XII вв. Чэнь Гуй по этому поводу заметил: «Если вес снарядов одинаков, то их удары по предметам будут точными; если по форме они круглые, то будут лететь далеко»⁴.

Наиболее многочисленными были снаряды, изготовленные из местного камня — мраморовидного известняка розового цвета (табл. 1). Этот необычайно плотный камень тяжело поддается обработке. Каменотес обрабатывал камень мелкими небрежными сколами, придавая ему грубую сферическую форму (рис. 4, №№ 38, 104, 199). Добыча камня для изготовления снарядов в значительной мере осуществлялась, вероятно, на месте. Предполагается, что в седловине между двумя вершинами горы Кастрон находилась каменоломня, откуда камень поставлялся для строительных нужд крепости⁵. Таким образом, готовясь к отражению нападения противника, генуэзцы провели большую подготовительную работу. Как показывают экспериментальные исследования, даже грубое обтесывание 100-килограммового каменного ядра

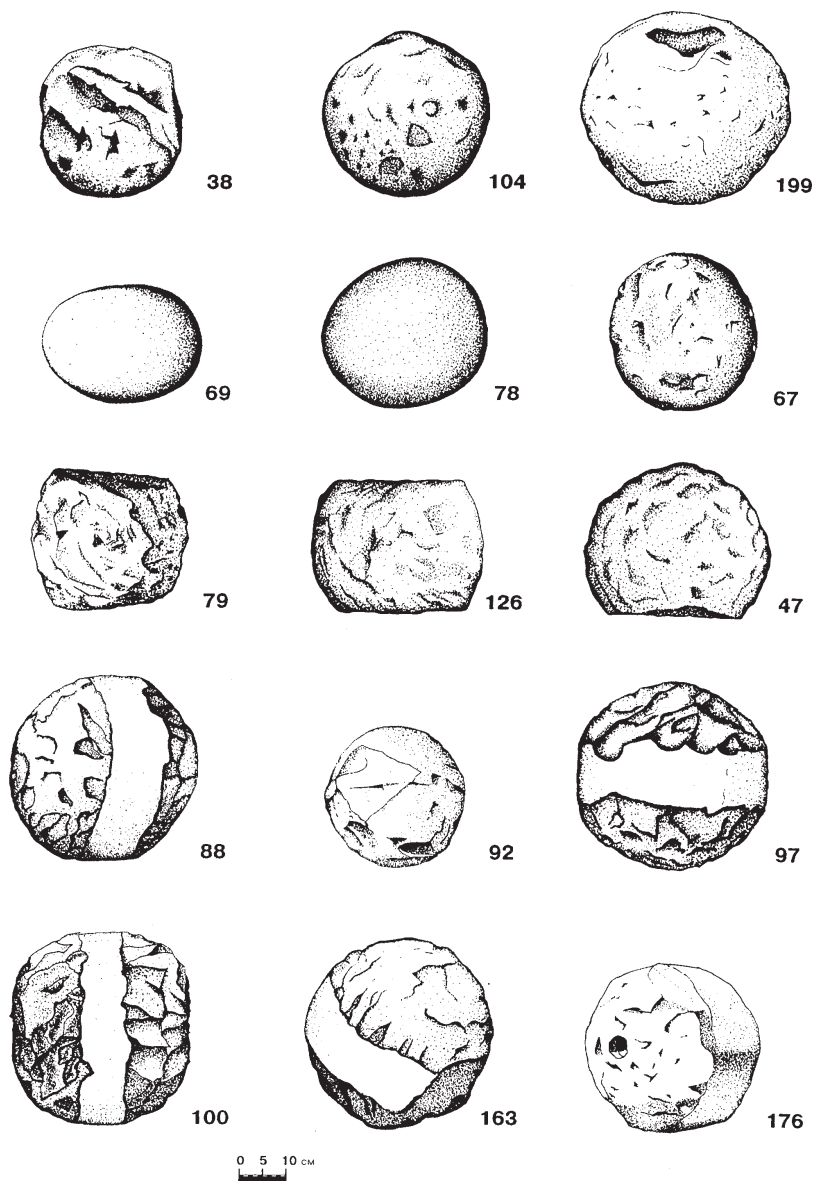

Рис. 4. Метательные снаряды из крепости Чембало

требует 5–6 рабочих часов⁶. В случае обработки местного мраморовидного известняка, усилий и времени затрачивалось, видимо, значительно больше. Некоторые камни были заглажены морем и, вероятно, доставлялись с берега.

В качестве метательных снарядов использовался также «морской камень» — диорит, идеально заглаженный и отполированный морем (табл. 1). Большинство камней-снарядов из диорита имеют яйцевидную, а также шаровидную форму и не нуждались в дополнительной обработке (рис. 4, №№ 69, 78). Диоритовые камни, обнаруженные среди «ядерного арсенала», хорошо известны по каменным пляжам Восточного Крыма (район Судака и Феодосии). Не исключено, что эти камни генуэзские мореходы использовали в качестве балласта. После полной погрузки судна в Чембало балластный камень оставался в порту, и ему находили другое применение.

Правильную форму шара имеют ядра, изготовленные из мягкого известняка белого цвета (табл. 1). Этот камень иногда называют «инкерманским» (рис. 4, № 67). В целом, выходы плиты алевроитового известняка на Геракле-йском полуострове хорошо известны с античной древности. Этот камень широко применялся в строительном деле античных и средневековых городов и поселений. Известняковые ядра хорошо обработаны, поверхность камня была заглажена, на многих снарядах сохранились следы скарпеля.

Особый интерес представляют шесть снарядов, вытесанных из барабанов мраморных колонн (рис. 4, №№ 88, 92, 97, 100, 163, 176). Обтеска барабана колонны производилась с плоских сторон, поэтому сохранились полированные ободки колонн не тронутые каменотесом, что позволило достаточно точно установить их диаметр (табл. 1). Пять снарядов вытесаны из колонн, изготовленных из крупнозернистого мрамора серого цвета. Ядро № 88 изготовлено из фрагмента мраморной колонны желтоватого оттенка и по структуре камня заметно отличается от других мраморных ядер. Не исключено, что генуэзцы использовали руины большого сооружения античного или ранневизантийского времени, которое располагалось неподалеку, (вероятно, на месте нынешней Балаклавы) в качестве даровой каменоломни, добывая здесь подходящие камни из мрамора и известняка.

Общий вес снарядов превысил 7,5 тонн. Как видно из материалов таблицы 1, основную массу составляли снаряды весом от 20 до 70 кг с диаметром преимущественно 25–40 см. Заметным исключением является ядро № 199, изготовленное из мраморовидного известняка, вес которого составил 104,7 кг. Снаряды, видимо, неоднократно перемещались, на их поверхности имеются повреждения, многочисленные сколы, следы горения, 18 снарядов сохранились в крупных фрагментах. Следует подчеркнуть, что 65 % снарядов шаровидной формы имели одну или две плоских площадки, специально выте-

санных мастером (рис. 4, №№ 79, 126, 47). Вероятно, такое «усовершенствование» снаряда связано с более удобным размещением ядра в сумке пращи, и перемещением пращи со снарядом по направляющему желобу метательной машины.

В ходе раскопок средневековых памятников Крыма каменные ядра для баллист встречаются достаточно часто⁷. Однако снаряды для мощных метательных машин с навесной траекторией полета ядер в таком количестве обнаружены впервые.

Очевидно, что вблизи башни № 8, за куртиной была оборудована площадка, на которой установили достаточно мощную метательную машину типа требюше (trebuchet). Машины этого типа применялись в Европе, по меньшей мере, до середины XV в. включительно⁸. Например, что во время штурма Константинополя турками-османами в 1453 г., наряду с огнестрельной артиллерией, противоборствующие стороны использовали также метательные машины⁹.

Крепость Чембало располагала необходимыми техническими, сырьевыми и человеческими ресурсами для изготовления метательных машин. Известно, что уже в XIV в. на местных верфях строились большие корабли навы¹⁰ — основной тип судов, предназначенных для транспортировки тяжелых грузов¹¹. Таким образом, в крепости имелись соответствующие материалы и специалисты плотники, способные построить метательную машину. Вблизи площадки для требюше, вероятно, и был сосредоточен необходимый запас метательных снарядов.

В Германии такие машины называли «блидами», в арабских странах «манжаниками», на Руси «пороками» и «таранами» (рис. 5). Например, в 1234 г. в бою между русскими дружинами под Черниговом со стен города, по-видимому, участвовало орудие тяжелого типа:

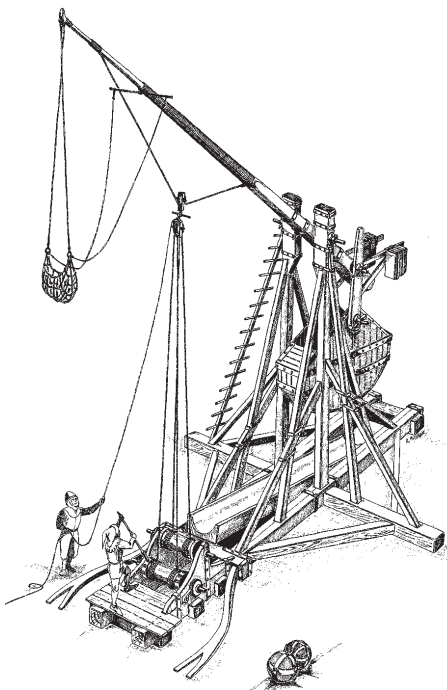

Рис. 5. Реконструкция большого требюше (по Michalek A. Wyprawy krzyżwe. Francuzi. — Warszawa, 2004)

«...меташа бо камнем полтора перестрела, а камень якоже можаху 4 мужи силнии подъяти»¹². По мнению специалистов, достоинствами требюше были высокая точность и кучность в стрельбе снарядами 20–90 кг. Обычная дальность «выстрела» требюше составляла 150–180 м¹³. Современные реконструкции демонстрируют способность большого требюше с той же исходной позиции на расстояние в 160 м раз за разом попадать в мишень размером 5×5 м¹⁴. Машины типа требюше были эффективным средством разрушения крепостных сооружений противника. Тяжелые метательные снаряды, ударяясь в один и тот же участок стены, приводили к разрушению крепостной стены, башни или ворот замка, что облегчало проникновение во внутрь осажденного объекта. В этом плане весьма показательна находка скопления каменных ядер у стен немецкого замка Визбург летом 1985 г. Здесь найдены несколько десятков каменных ядер диаметром 30–35 см и весом до 76 кг, с помощью которых в 1291 г. была разрушена крепостная стена замка¹⁵.

Не менее эффективно использовали требюше и защитники средневековых крепостей. Метательные машины предназначались для «контрорудийной» борьбы и разрушения осадных сооружений противника. На миниатюре из генуэзской лицевой хроники 1227 г. (рис. 6) хорошо видно применение требюше защитниками итальянского города и осаждающими их немецкими войсками¹⁶. Крепостные требюше устанавливались на специальных площадках или на башнях крепостных сооружений (рис. 7). Судя по результатам инвентаризации, проведенной в 1202 г. французским королем Филиппом II

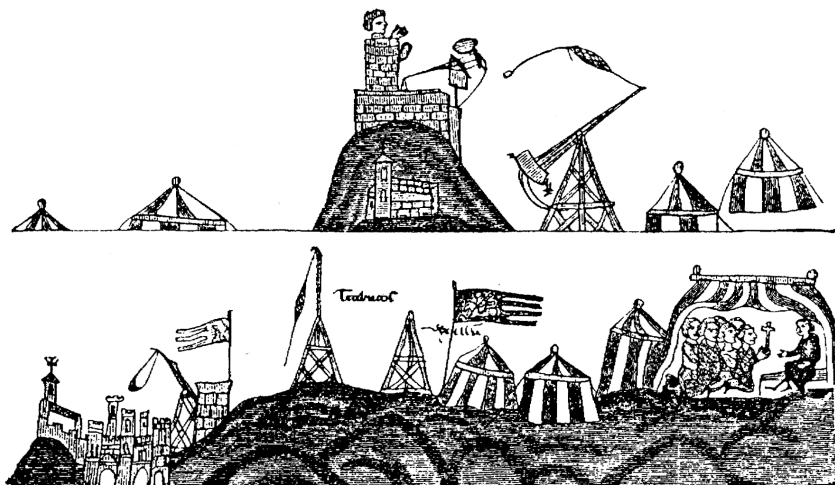

Рис. 6. Осада итальянского города
(фрагмент миниатюры генуэзской хроники)

Августом, почти в каждом принадлежащем ему замке были установлены метательные машины этого типа¹⁷.

Впрочем, при использовании метательных машин в средние века противники проявляли изрядную изобретательность. Во вражеский лагерь метали необработанные камни, мельничные жернова, каменные катки, обломки памятников и надгробий. Иногда через оборонительные стены летели живые люди (пленные), отрубленные головы, трупы людей и животных и даже навоз (вероятно, в качестве «биологического оружия»). В 1346 г. во время осады Кафы войсками хана Золотой Орды Джанибека с помощью метательных машин ордынцы в город перебрасывали трупы людей умерших от чумы. В Кафе началась эпидемия, попытка генуэзцев спастись бегством принесла «Черную смерть» в Европу, которая в 1347–1349 гг. выкосила треть населения во многих европейских странах¹⁸.

Требюше, установленная на северном склоне у консульского замка в Чембало, видимо, предназначалась для борьбы с кораблями противника. Машина была способна доставлять каменные ядра четырех калибров на расстояние 150–200 м. Вероятно, под прицелом находилась заранее пристрелянная акватория бухты, как раз в тех местах, где судам приходилось выполнять сложные маневры, значительно замедляя ход (рис. 8). Очевидно, что 50-килограммовый снаряд, пущенный по навесной траектории с высоты 57 метров, безусловно, обладал огромной разрушительной силой. Таким образом, наши раскопки зафиксировали еще один прецедент, когда метательные машины использовались против кораблей противника. Так, известно, что во время штурма Константинополя в 1204 г. византийцы установили на его стенах камнеметные машины (*petraeiae*), поэтому крестоносцы были вынуждены

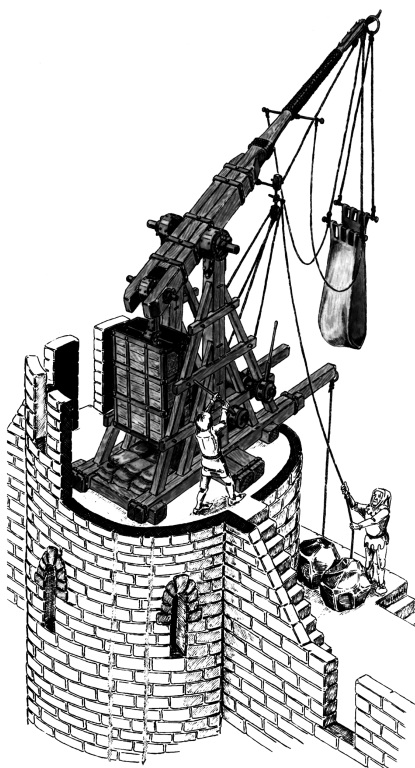

Рис. 7. Реконструкция крепостной метательной машины (по *Michalek A. Wyprawy krzyżowe. Francuzi. — Warszawa, 2004*)

Рис. 8. Предполагаемое действие метательной машины в Чембало

серьезно укреплять свои корабли. Участник штурма Робер де Клари пишет: «...венецианцы взяли доски, из которых строят дома, и, плотно их подогнав, покрыли настилом свои корабли, а потом взяли виноградные лозы и покрыли ими доски с тем, чтобы камнем не могли повредить кораблям и разнести их в щепы... А те, кто находились в башнях, отчаянно защищались и выбрасывали снаряды... причем каждый удар попадал в корабли, однако, они были так хорошо защищены дубовым настилом и виноградной лозой, что попадания не причиняли им вреда, хотя камни были столь велики, что один человек не мог бы поднять такой камень с земли»¹⁹.

Таким образом, мы получили первое убедительное свидетельство о применении больших метательных машин в средневековых крепостях юга Украины в качестве средства активной обороны. Покидая Чембало, генуэзцы, очевидно, сожгли машину. Дальнейшее изучение «ядерного» арсенала позволит значительно расширить наши представления об истории фортификационного искусства и военного дела генуэзцев в Крыму.

Примечания

¹ Дьячков С. В. Археологические исследования генуэзской крепости Чембало в 2000–2005 гг. // Древности–2005. Харьковский историко-археологический ежегодник. — Харьков, 2005. — С. 212–227.

-
-
- ² *Книга путешествий*. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) /Пер. и ком. Е. В. Бахревского. — Симферополь: ДАР, 1999. — С. 31.
- ³ *Алексеенко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В.* Отчет о раскопках площадки у башни № 8 (участок В) «консульского замка» генуэзской крепости Чембало в 2005 году//Научный архив НЗХТ. — Д. № 3793 — 2006. — С. 53, № 33.
- ⁴ Цит. по: *Школяр С. А.* Китайская доогнестрельная артиллерия (Материалы и исследования). — М., 1980. — С. 154.
- ⁵ *Адаксина С. Б., Кирилло В. П., Мыц В. Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 году. — СПб; Симферополь, 2004. — С. 37.
- ⁶ *Уваров Д.* Средневековые метательные машины Западной Евразии//www.xlegio.ru. 2001.
- ⁷ *Карлов С. В.* Средневековая метательная артиллерия на Мангуп-Кале//Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. — Симферополь, 1997. — С. 341–358; *Мыц В. Л.* Генуэзская Луста и Капитанство Готии//Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. — Киев, 2002. — С. 157.
- ⁸ *Уваров Д.* Указ соч.
- ⁹ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. — М., 1983 — С. 77, 88, 90.
- ¹⁰ *Карпов С. П.* Регесты документов фонда Diversorum Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья//Причерноморье в средние века. Вып. 3. — М.; СПб., 1998 — С. 10, ASG AS 3021 DF 1, № 60/85.
- ¹¹ *Карпов С. П.* Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв. — М., 1994. — С. 20–21.
- ¹² Цит. по: *Кирпичников А. Н.* Метательная артиллерия Древней Руси//МИА. — 1958. — № 77. — С. 18.
- ¹³ *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. — Л., 1976. — С. 76.
- ¹⁴ *Hansen P. V.* Experimental Reconstruction of a Medieval Trebuchet//Acta Archaeologica. — Vol. 63. — 1992. — P. 189–268.
- ¹⁵ *Каминский В.* Баробаллисты//www.xlegio.ru. 2001.
- ¹⁶ *Hansen P. V.* Op. cit. — Fig. 4.
- ¹⁷ *Уваров Д.* Указ соч.
- ¹⁸ *Бергер Е. Е.* «Черная смерть»//СВ. 2004. Вып. 65. — С. 335; *Porter R.* The Greatest Benefit to Mankind. — L., 1999. P. 123.
- ¹⁹ *Клари Р. де.* Завоевание Константинополя. — М., 1986. — С. 51–52; 53.

**«Милостив к нам как отец», или «Демон в образе человека»?
Некоторые замечания о роли
императора Юстиниана I Великого в истории Византии**

Император Юстиниан I Великий (527–565) является одной из крупнейших политических фигур в истории Византии. Его деятельность привлекала пристальное внимание, как его современников, так и в дальнейшем исследователей истории Византии. Однако именно эта страница византийской истории остается, пожалуй, самой загадочной и неоднозначной. Несмотря на прозвище, которое закрепилось за этим императором, историография долгое время давала отрицательную оценку деятельности Юстиниана I, утверждая, что его экономическая политика обескровила империю, и называя его внешнюю политику «авантюрой» или «уходом от более неотложных проблем»¹. Однако в последние годы начали появляться зарубежные научные публикации, в которых роль императора Юстиниана в истории Византии оценивается не столь однозначно и более осторожно².

Что же касается российской и украинской византистики, то основные принципы оценки деятельности императора Юстиниана I Великого остаются практически без изменения вот уже более ста лет. В начале XX в., в период наивысшего расцвета русской дореволюционной византистики, выходят сразу несколько фундаментальных работ по истории Византии, в которых много внимания уделялось и политике императора Юстиниана I. Можно сказать, что именно в это время среди ученых сложилась оценка деятельности этого политического деятеля, которая впоследствии господствовала, с незначительными поправками, в советской, а затем в российской и украинской исторической науке XX в.³. Во многом такая оценка зависела от недостаточно критического анализа морально-этических оценок, данных императору Юстиниану I византийскими хронистами, и особенно Прокопием Кесарийским. По сути, именно «Тайная история», талантливо написанная этим автором, на долгое время во многом определила отношение историков к императору.

В целом, это отношение, которое впоследствии трансформировалось в историческую оценку, можно условно выразить в нескольких тезисах.

- Период правления императора Юстиниана I был временем небывалого подъема византийской культуры и византийского законодательства;
- при помощи военных и дипломатических действий территория Византийской империи значительно увеличилась, практически достигнув границ Римской империи;

- стремление восстановить былое могущество Римской империи, которым во всех своих действиях руководствовался Юстиниан I, не было осуществлено;
- причиной этой неудачи послужила внутренняя политика, проводимая этим императором, а именно финансовая и религиозная политика, а также принципы авторитаризма при осуществлении своей политической деятельности;
- последствия этой неудачи были катастрофическими и привели византийское государство к глубокому и затяжному кризису, который в конце концов закончился потерей значительных территорий во время арабского нашествия.

Подобная точка зрения не претерпела особых изменений среди большинства российских исследователей к концу XX в.⁴ Постепенно она перекочевала в основные российские и украинские учебные пособия, а также научно-популярную литературу, где и главенствует на протяжении многих десятилетий⁵.

Надо сказать, что некоторые современные российские исследователи подвергают деятельность Юстиниана гораздо более жесткой критике. Так, в своей статье «Юстиниан и «ренессанс» Римской империи в VI в. н. э.» Ю. Г. Мягков и В. Д. Жигунин представляют императора как «мужиковатого», не обладающего хорошими умственными способностями, «разрушителя» Восточной Римской империи, который к тому же устроил «геноцид» (!) не только населению своей империи, но и двум передовым германским народам, готам и вандалам⁶. Признавая право исследователя использовать современные термины и понятия в процессе изложения своей точки зрения, все-таки хотелось бы напомнить высказанное по этому поводу Ф. Бэконом предостережение наукам, пользующимся словом для выражения сути вещей. По его мнению, ученым следует постоянно помнить о «колдовской силе» слов и во имя предметной истины пользоваться ими с большой осмотрительностью⁷.

В любом случае, статья Ю. Г. Мягкова и В. Д. Жигунина затрагивает проблему критериев оценки деятельности императора Юстиниана I Великого и свидетельствует о том, что окончательная точка в определении роли этого политического деятеля в истории Византии еще не поставлена. Поэтому представляется интересным еще раз рассмотреть все основные положения сложившегося в западной, и особенно в российской и украинской исторической науке отношения к далеко неоднозначной деятельности этого «демона в образе человека».

Так основной и весьма популярной при оценке деятельности Юстиниана точкой зрения является утверждение о наличии определенного императорского «плана» по восстановлению Римской империи в прежних размерах

и в былой славе. Однако при изучении свидетельств источников о начале военных действий с вандалами и готами неким образом не складывается впечатление, что эти завоевания являются частями единого внешнеполитического плана. Начало военных действий и с государствами вандалов и готов началось после смены местных политических элит. И в том и другом случае от власти были отстранены «провизантийски» настроенные партии, и для византийского правительства это могло означать возможность появления и усиления очень грозных и враждебно настроенных соперников в непосредственной близости от границ империи. Надо отметить, что перед началом боевых действий император Юстиниан пытался решить эту проблему дипломатическими путями. Так в письмах к Гелимеру Юстиниан безуспешно предлагал оставить видимость власти предыдущему властителю вандалов Ильдерику или хотя бы отправить его в империю для «утешения»⁸. Возможно, что на этих условиях император и признал бы легитимность Гелимера и не начал бы военных действий.

Не прекращались поиски дипломатического решения накануне и в начале политического конфликта между императором Юстинианом и лидером готов Теодахадом. Все это время при Теодахаде находился византийский посланец Петр Патрикий и существовала реальная возможность достижения политического компромисса, который был вполне на руку византийскому императору⁹.

Такой же политики император Юстиниан придерживался и по отношению к Персии, всячески пытаясь решить свои основные политические задачи путем переговоров и дипломатии, обращаясь к военной силе только по необходимости¹⁰.

Источники также свидетельствуют о сомнениях, охвативших всю политическую верхушку Византии перед отправкой войск в Северную Африку. Мы не знаем точно, что именно послужило определяющим фактором для принятия решения императором, но принято это решение было после долгих совещаний и раздумий¹¹. Как уже отмечали исследователи, поход небольшой армии, набранной в основном из федератов, мало походил на попытку «реставрации» римского строя в Северной Африке, особенно в сравнении с предыдущей военной экспедицией во время правления императора Льва I (457–474)¹².

После завоевания Северной Африки, для осуществления эффективного контроля над этой территорией острейшим образом встал вопрос о возможности использования византийцами Сицилии как перевалочной базы, о чем еще перед началом экспедиции предупреждал императора Иоанн Каппадокийский¹³. Однако после убийства Амаласунты, у Юстиниана практически не осталось надежд на решение этого вопроса мирным способом, и он был вынужден отправить войска против готов. Надо отметить, что по свидетельству

Прокопия Кесарийского, задачей «максимум» военной экспедиции Велизария в Италию был лишь захват Сицилии, причем в успехе и этого задания император не был полностью уверен¹⁴.

Таким образом, можно сказать, что экспансия византийских войск в Северную Африку и Италию была скорее осторожной попыткой византийского правительства отреагировать на процессы, происходящие в варварских государствах, чем выполнение единого, ранее задуманного плана. Политика, проводимая императором Юстинианом в процессе и после завоевания Северной Африки и Италии также свидетельствует о том, что эти два направления не были приоритетными во внешнеполитическом курсе для этого периода. Источники свидетельствуют, что людские и финансовые ресурсы направлялись императором в эти области менее охотно, чем в другие. Все расходы должны были обеспечиваться из местных доходов, а строительная деятельность императора Юстиниана там была минимальной по сравнению с другими областями империи¹⁵.

В другом случае действия византийского полководца Велизария, который хитростью помешал одному из многих вторжений войск Хосрова на территорию Византии, получили, по свидетельству источника, похвал больше, «чем за то, что он привел в Византию двух царей пленного Гелимера и Витигеса»¹⁶. Все это свидетельствует о том, что основной целью внешней политики императора Юстиниана была не «реставрация» Римской империи, а сохранение в целостности своего государства от нашествий многочисленных враждебно настроенных варваров. Причем приоритетными в этом случае были отношения с Персией и решение «балканского» вопроса. Покорение государств вандалов и остготов означало лишь ликвидацию двух политических соперников, причем не самых опасных, и вероятно Юстиниан это отчетливо понимал. К тому же надо отметить характерный для этого времени приоритет оборонной концепции в военной стратегии Византии, который достаточно определенно отображен в военном трактате второй половины VI в. — «Византийском анониме VI в.»¹⁷. Необходимо также отметить, что военная стратегия империи при Юстиниане строилась таким образом, чтобы императору не пришлось решать судьбу империи в одном или двух сражениях.

Многие византийцы утверждали о наличии плана «реставрации» Римской империи, исходя из высказываний собственно самого императора Юстиниана в законодательных и дипломатических документах¹⁸. В многочисленных законодательных документах юстиниановской эпохи известно лишь одно высказывание, которое с большей или меньшей уверенностью можно принять как программное заявление будущей экспансионистской политики. Это отрывок из новеллы XXX, адресованной Велизарии, в которой император Юстиниан пишет, что после установления мира с Персией, подчинения

вандалов, аланов и маврусиев, покорения всей Африки и Сицилии надеется распространить власть и на остальные земли древних римлян в пределах двух океанов¹⁹. Новелла эта была написана в 536 г., и как мы видим, является скорее не планом экспансии, а признанием уже осуществленных успехов с некоторой долей хвалебной политической риторики, присущей многим документам той эпохи. К тому же надо отметить, что заключение мира с Персией и в этом документе стоит на первом месте, что может свидетельствовать об уже названных особенностях внешней политики Византии этого периода.

Что же касается дипломатической переписки, император, естественно, использовал в качестве *casus belli* тот факт, что его государство формально было преемником Римской империи и имело больше оснований на захваченные варварами земли. Однако надо заметить, что лишь представителям старой византийской аристократии, таким как Петр Патрикий, Иоанн Лид и Велизарий вполне хватало одной этой причины для оправдания ведения военных действий²⁰. Юстиниан же, как политический деятель более высокого ранга, подходил к этому вопросу более ответственно и в дипломатической переписке прибавлял к этой причине другие, как правило, непосредственные поводы, повлекшие за собой объявление войны. Это могло быть убийство союзника-правителя, нарушение территориальной целостности византийского государства или договорных отношений, а также другие «нестерпимые, неизмеримые обиды»²¹. Более того, в некоторых случаях Юстиниан мог вообще не использовать в дипломатической риторике эту «главную» причину. Так, в переговорах с франкским королем Теодобальдом сенатор Леонтий, выступая от имени императора, заявлял, что тот владеет Италией по «праву войны», что, конечно, никак не совпадает с теорией «реставрации» Римской империи²².

Следовательно, возникают вполне обоснованные сомнения в том, что император Юстиниан I осуществлял свою внешнюю политику, исходя из положений некоего плана «восстановления» Римской империи в прежних границах и тем более «реставрации» самой Римской империи. Представляется более логичным рассматривать его внешнюю политику, и особенно войны с вандалами и остготами совершенно в ином ракурсе. В результате этих войн были побеждены и уничтожены два воинственных народа, которые являлись потенциальными противниками империи. Именно готы и вандалы прошли с огнем и мечом по Европе, что в конечном итоге послужило окончательным фактором падения Западной Римской империи, и именно готы и вандалы в дальнейшем могли представлять смертельную опасность и государству византийских императоров. Так или иначе, но Византийская империя на долгое время обезопасила свои границы в этих направлениях

и могла сосредоточить все свои силы для отражения варварских нашествий на Дунае и противостояния с Персией.

Также некоторые сомнения вызывают предположения исследователей о «губительной» разорительности для Византии внешней и внутренней политики императора Юстиниана. Эти предположения основываются в первую очередь на свидетельствах Прокопия Кесарийского и новелле преемника Юстиниана I императора Юстина II. К сведениям Прокопия Кесарийского нужно относиться с большой осторожностью из-за его крайне отрицательного отношения к императору и не совсем четкого понимания сути экономических процессов, происходящих в это время в Византии²³. Очевидно, что для многих социальных групп населения финансовые нововведения Юстиниана I были весьма неприятны. Политика, проводимая императором по принципу «налоги должны платить все», серьезно подорвала финансовое положение крупных землевладельцев-сенаторов, навикуляриев и представителей других социальных групп, до этого освобожденных от налоговых выплат. Что же касается государственного бюджета эпохи правления Юстиниана I, пожалуй, нет серьезных оснований считать его несбалансированным и очевидно дефицитным. Удачные войны с вандалами и остготами в экономическом плане были скорее прибыльным предприятием. Доходы от этого предприятия в виде сокровищ вандальской и остготской казны, другой добычи и дальнейших налоговых поступлений значительно превышали расходы на подготовку экспедиций и содержание войск, о чем уже упоминали некоторые исследователи²⁴. Выплаты персам, согласно заключенным мирным договорам, были, конечно, чувствительными для византийской казны. Однако эти платежи не были для Византии чем-то необычным, особенно после неудачных военных действий предшественников императора Юстиниана I²⁵. Что же касается расширения податных территорий, то в этом направлении император Юстиниан был гораздо успешнее как своих предшественников, так и своих преемников.

Нельзя не признать, что при этом императоре велось активное строительство по всей империи, что естественно требовало больших расходов со стороны византийского правительства. Однако, необходимо заметить, что именно императору Юстиниану принадлежит решение перенаправить поступления местных городских бюджетов в центральную казну²⁶. Соответственно практически все решения о каком-либо общественном строительстве в том или ином городе также переходили в компетенцию центральной власти, что естественно способствовало складыванию у современников впечатления о чрезмерных государственных расходах на строительную деятельность при этом императоре²⁷.

Очевидно, что наиболее существенным фактором, отрицательно повлиявшим на благосостояние империи этого периода, была эпидемия чумы, которая разразилась в 540–541 гг. В западной историографии было принято занижать катастрофические последствия этого события, однако в последнее время многие исследователи считают одним из возможных последствий этой эпидемии уменьшение общего количества населения в Византии на одну треть²⁸. Отечественная византистика либо совсем не обращает внимания на эпидемию чумы VI в. и ее влияние на демографическое и социально-экономическое положение в Византии, либо уделяет этому событию незаслуженно мало внимания²⁹.

В любом случае, эпидемия чумы в значительной мере уменьшила базу налогообложения для византийского правительства и, следовательно, существенно снизила доходную часть бюджета. Несмотря на это, император Юстиниан I не прекратил своей активной внешней и внутренней политики, что свидетельствует о сбалансированности и стабильности деятельности византийского правительства. Не сомневались в накоплении значительных доходов византийским правительством и современники Юстиниана, которые, по мнению Прокопия Кесарийского, были убеждены о наличии «богатств римлян» в «многочисленных тайниках у василевса»³⁰.

Вероятно, надо более осторожно относиться к заявлениям политического преемника Юстиниана императора Юстина II о расстроенной и обремененной долгами казне, которую он обнаружил во время его вступления на императорский трон³¹. Источники не сообщают точные цифры финансового «запаса» империи на время восшествия на престол Юстина II, однако он вполне безболезненно для бюджета снял государственные налоговые недоимки, которые остались со времени Юстиниана³². В целом внутреннюю политику, в дальнейшем проводимую Юстином II, никак нельзя назвать «экономной». Источники сообщают, что он также вел активную строительную деятельность, часто практиковал всевозможные раздачи и пожалования и был сторонником активной внешней политики³³. Все это вряд ли было бы возможным при отсутствии необходимых средств в казне. К тому же в той же новелле, где Юстин II высказывал свое мнение о неудовлетворительном состоянии государственной казны, он подвергает критике и внешнюю политику Юстиниана. Этот император обвиняет своего предшественника в том, что в результате плохого состояния военных сил империя часто подвергалась опустошительным набегам варваров³⁴. Все это свидетельствует о необъективном отношении к деятельности императора Юстиниана со стороны его преемника, либо сознательном унижении его заслуг.

В какой-то мере неудачной можно считать религиозную политику императора Юстиниана I, с чем, как правило, соглашаются все исследователи.

Однако проблема, которая стояла перед императором в этом направлении была настолько трудна, что решить ее в течение одного императорского правления было практически невозможно. Причинами такого положения можно назвать непримиримость позиций представителей разных направлений, христианского вероучения, центробежные тенденции в церковной иерархии и отсутствие действительно эффективных способов решения этой проблемы со стороны центральной власти.

Тем не менее, утверждение о том, что религиозная политика Юстиниана I опустошила Сирию и подготовила успехи арабских завоеваний, кажется, по крайней мере, значительным преувеличением³⁵. Во-первых, нельзя не учитывать тот факт, что после правления Юстиниана I до начала арабских завоеваний прошло 70 лет и за этот период правило пять разных византийских императоров, которые проводили самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Во-вторых, исследователи уже отмечали, что свои завоевания арабы совершали в областях, далеких от экономического упадка³⁶. И, наконец, в-третьих, благожелательное отношение сирийских монофизитов к арабским завоевателям является далеко не бесспорным фактом³⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что многочисленные утверждения исследователей о том, что религиозная, также как внешняя и социально-экономическая политика императора Юстиниана I Великого, была безоговорочно безуспешной, разорительной и, в конце концов, «губительной» для византийской империи являются скорее результатом традиции, а не научного анализа.

Конечно, задачей этой статьи не является попытка «обелить» и уж тем более возвеличить как политического деятеля императора Юстиниана I. Однако, для того чтобы получить обоснованную и непредвзятую оценку деятельности этого императора, историческая объективность требует серьезно научного исследования, которое осветит социально-экономические, политические и религиозные проблемы, с которыми пришлось столкнуться правительству Юстиниана, и проанализирует те действия, которые оно принимало для их решения. Тем более, что количество свидетельств источников этого периода вполне позволяет это сделать.

Примечания

¹ Диль Ш. Основные проблемы Византийской империи. — М., 1947. — С. 45; *Lamonte J. L. The World of the Middle Ages a Reorientation of Medieval History.* — New York, 1949. — P. 51; *Ostrogorsky G. History of the Byzantine state.* — Oxford, 1956. — P. 72–74; *Barker J. Justinian and the Later Roman Empire.* — Madison, 1966. — P. 208; *Jones A. H. M. The Later Roman Empire. 284–602. A Social,*

- Economic and Administrative Survey. — Baltimore, 1986. — P. 298–299; *Guüy A.* Византийская цивилизация. — Екатеринбург, 2005. — С. 17–18; *Devuc H.* История Европы. — М., 2005. — С. 177–178; *Haldon J.* Byzantium. A History. — Stroud, 2000. — P. 23; *Norwich J. J.* Byzantium: the early centuries. — New York, 2001. — P. 266; *Laiou A. E.* Political History: An Outline//The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. — Washington, 2002. — P. 13.
- ² *L'imperatore Justiniano: mifo e realtà.* — Bari, 1972; *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. — Stanford, 1997. — P. 215–216; *Evans J. A. S.* The Age of Justinian: The Circumstances of Imperial Power. — London, 2000. — P. 269–270.
- ³ *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 2. — СПб., 2003. — С. 262–263; *Васильев А. А.* История Византийской империи. Время до крестовых походов. — СПб., 2000. — С. 263–264; *Успенский Ф. И.* История византийской империи VI–IX вв. — М., 1999. — С. 377–378; *Мяжков Ю. Г.* Император Юстиниан и его эпоха в русской исторической мысли XVIII—первой половине XIX вв.//Точка зрения. Сборник научно-исследовательских статей. — Казань, 2002. — Вып. 2. — С. 57–63; *Мяжков Ю. Г.* Образ Юстиниана I в российской энциклопедистике начала XX в.: опыт И. М. Гревса//Античность в современном измерении. Тез. докл. Всероссийской науч. конф., посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник» Казань, 14–16 ноября 2001 г. — С. 118–121.
- ⁴ *Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI веке. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 252–253; *Чекалова А. А.* Прокопий Кесарийский: личность и творчество//Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. — М., 1993. — С. 445–446; *Каждан А. П., Литавин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. — СПб., 1998. — С. 33–35; *Кучма В. В.* Военная организация Византийской империи. — СПб., 2001. — С. 209; *Дашков С. Б.* Императоры Византии. — М., 1996. — С. 70; *Вус О. В.* Византийская армия — основной инструмент восстановления orbis Romanus в эпоху Юстиниана I (527–565 гг.)//Кондаковские чтения: Проблемы культурной преемственности. — Белгород, 2005. — 1. — С. 135.
- ⁵ *История Византии.* Т. I. — М., 1967. — С. 354; *Курбатов Г. Л.* История Византии. — Л., 1984. — С. 64–65; *История Средних веков:* В 2 т. Т. 1.: Учебник/Под ред. С. П. Карпова. — М., 2005. — С. 151–157; *Балух В. О.* Византиністика. — Чернівці, 2006. — С. 100–101; *Черетаев А. А.* Византия. Юстиниановская эпоха. — М., 2004. — С. 174, 348–352.
- ⁶ *Мяжков Ю. Г., Жигунин В. Д.* Юстиниан и «ренессанс» Римской империи в VI в. н. э.//Античный вестник. — Омск, 1995. — Вып. 3. — С. 153–155.
- ⁷ *The Works of Lord Bacon.* — London, 1871. — Vol. I. — P. 164–165, 512.
- ⁸ *Прокопий Кесарийский.* Война с вандалами//Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история: Пер. А. А. Чекаловой. — СПб.: Алетейя, 2001. — I. 10–18.

- ⁹ *Прокопий Кесарийский*. Война с готами: Пер. С. П. Кондратьева. — М.: Изд-во АН СССР, 1950. — V. 7–94; *Вольфрам Х.* Готы. — СПб., 2003. — С. 487.
- ¹⁰ *Прокопий Кесарийский*. Война с персами//*Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история: Пер. А. А. Чекаловой. — СПб.: Алетея, 2001. — I. XXII; II. X
- ¹¹ *Прокопий Кесарийский*. Война с вандалами. — I. 7–18.
- ¹² *Cameron A.* Gelimers Laughter: The Case of Byzantine Africa//*Tradition and Innovation in Late Antiquity*. Ed. F. M. Clover and R. S. Humphreys, Madison: U. Wisconsin, 1989. — P. 173.
- ¹³ *Прокопий Кесарийский*. Война с вандалами. — I.X.15.
- ¹⁴ *Прокопий Кесарийский*. Война с готами — V.5.
- ¹⁵ *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. — VII. 36–37; *Novellae*. XXXVI.; *Прокопий Кесарийский*. О постройках: Пер. С. П. Кондратьева//ВДИ. — 1939. — № 4. — VI; *Evans J. A. S.* The Age of Justinian: The Circumstances of Imperial Power. — P. 137.
- ¹⁶ *Феофан*. Хронография/Летопись Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта: Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского, пред. О. М. Бодянского. — М., 1884. — С. 169.
- ¹⁷ *Кучма В. В.* Военная организация Византийской империи. — С. 236.
- ¹⁸ *Кулаковский Ю. А.* История Византии Т. 2 — С. 262; *Васильев А. А.* История Византийской империи. — С. 196; *Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. — Ереван, 1971. — С.129; *Kouahi B. B.* Society at the end of the Byzantine period until the eve of the Arab conquest//*Libya Antiqua*. Report and papers of the symposium organized by Unesco in Paris, 16 to 18 January 1984. — P. 245; *Evans J. A. S.* The Age of Justinian: The Circumstances of Imperial Power. — P. 269.
- ¹⁹ *Novellae*. XXX. XI.
- ²⁰ *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. V. 5.36; V. 20; *Ioannes Lydus*. Opera ex rec. Im. Bekkeri. — Bonnæ: E.Weber, 1837. — III. 56.
- ²¹ *Прокопий Кесарийский*. Война с вандалами. II.IV.5; *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. V. 3.15; V. 4.28–30; V.5.8–9; *Вольфрам Х.* Готы. — С. 484.
- ²² *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. VIII. 24.
- ²³ *Бардола К. Ю.* Налоговая политика императора Юстиниана I//*Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина*. — № 566. История. — Вып. 34. — Харьков, 2002. — С. 34–45.
- ²⁴ *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. — P. 217; *Cameron A.* The Mediterranean World in Late Antiquity. — P. 115.
- ²⁵ *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. I.IX; *Хроника Захария Ритора*. VII.5 //Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. — СПб., 2000; *Хроника Иешу Стилита*. 81//Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. — СПб., 2000; *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. — С. 175.

- ²⁶ *Проконий Кесарийский*. Тайная история. XXVI. 6.
- ²⁷ *Проконий Кесарийский*. Тайная история. VIII. 7, XIX. 6.
- ²⁸ *Cameron A.* The Mediterranean World in Late Antiquity. — P. 110; *Morrison C., Sodini. J.-P.* The Sixth-Century Economy//The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. — Washington, 2002. — P. 194.
- ²⁹ *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян...; *Чекалова А. А.* Константинополь в VI веке. Восстание Никеи...; *Балух В. О.* Византистика...; *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийские портреты. — С. 255.
- ³⁰ *Проконий Кесарийский*. Тайная история. XXX. 32–33.
- ³¹ *Novellae*. CXLVIII. praef.
- ³² *Novellae*. CXLVIII. praef.
- ³³ *Феофан*. Хронография. — С. 185–186.
- ³⁴ *Novellae*. CXLVIII. praef.
- ³⁵ *Мягков Ю. Г., Жигунин В. Д.* Юстиниан и ренессанс Византии. — С. 175.
- ³⁶ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. — С. 536.
- ³⁷ *Кривов М. В.* Отношение сирийских монофиситов к арабскому завоеванию//ВВ. — № 55 (80). — 1994.

**О службе комитов (архонтов) проливов
и авидиков в Византии V–IX вв.**

(в контексте государственного контроля и регулирования торговли)

 остав, структура и функционирование административных ведомств Византийской империи, осуществлявших контроль и регулирование торговли, крайне неравномерно освещены в источниках. Наибольший массив сведений относится к деятельности чиновников Константинополя и экономического региона столицы, наиболее последовательно охарактеризованного Н. Икономидесом¹. В числе последних выделяется по своему значению служба комитов (архонтов) проливов и авидиков, существовавшая в пунктах, которые контролировали морские подступы к столице. Наиболее удобными местами для такого контроля были господствовавшие над проливами Дарданеллы и Босфор города Авидос и Иерон².

Несмотря на свою значимость, служба комитов проливов и авидиков не получила должного освещения в историографии, и лишь Э. Арвейлер и Н. Икономидес уделили ей специальное внимание³. При этом функции чиновников по контролю и регулированию торговли не получили подробного освещения.

О существовании определенного ведомства, контролировавшего плавание в районе проливов, сообщает найденная в Авидосе фрагментированная мраморная плита с надписью, содержащей часть декрета Анастасия I (491–518), изданного между 492–497 гг.⁴. Декрет, подтверждающий более ранний тариф, был опубликован, за 15–20 лет до начала правления Анастасия и по-разному датируется исследователями в промежутке времени между 470 и 476 гг.⁵. Устанавливалось, что все проплывавшие Геллеспонт (Дарданеллы) и Босфор торговцы должны были уплачивать определенные суммы за провоз через проливы продовольственных товаров. Исполнение закона было возложено на комита проливов (κόμης τῶν στενῶν).

Находившегося в Авидосе архонта проливов (ἀρχὼν τῶν στενῶν) упоминает также относящийся к IV–V вв. протомартирий мученика Стефана⁶. Обычно, по требованию этого чиновника, мореплаватели, приближаясь к проливам, спускали паруса и убирали такелаж судна, чтобы остановить корабль и принять на борт представителя властей, осуществлявшего необходимый осмотр и взимавшего установленный сбор. В этот же раз моряки попытались укрыться от архонта, вероятно потому, что либо не желали платить, либо везли некий незаконный груз. По одной из версий памятника, им это удалось, и служащий проливов послал за ними в погоню 5 дромонов⁷.

Видимо, официально чиновник назывался комитом проливов, а название «архонт проливов» употреблялось как синоним⁸.

С этой информацией соотносятся сведения Прокопия Кесарийского, согласно которым в Авидосе, господствовавшем над проливом Дарданеллы, издавна находилась резиденция специального чиновника, архонта проливов (ἀρχὼν τῶν στενῶν), который следил за тем, «не направляется ли в Византий без ведома василевса судно, везущее оружие, и не выводится ли из Византии какой-нибудь корабль без грамот и печатей лиц, на которых возложена была обязанность этим ведать»⁹. В городе Иерон на проливе Босфор также находился специальный чиновник, осуществлявший проверку документов и следивший за тем, «не вывозится ли к поселившимся у Понта Эвксинского варварам что-нибудь из недозволенного к вывозу из земли римлян к варварам»¹⁰. Вероятно, в распоряжении этих чиновников — архонтов проливов находились флотилии из нескольких кораблей, предназначенные, помимо прочего, для более эффективного контроля за проходящими через проливы торговыми судами¹¹. Таким образом, основной задачей этих служащих был контроль ввоза и вывоза товаров морским путем.

В 528 г. Юстиниан I, по свидетельству того же Прокопия Кесарийского, «...учредил государственные таможи (τελωνεῖον μὲν δημόσιον) у обоих проливов (имеются в виду Босфор и Дарданеллы, и, соответственно, таможенные станции в Авидосе и Иероне — А. Д.) и постоянно посылал туда двух чиновников на жаловании. Доставляя им полагающуюся плату, он в то же время требовал, чтобы они, используя данную им власть, добывали как можно больше денег. Те же, заботясь лишь о том, чтобы показать ему свою преданность, удовлетворялись лишь тогда, когда получали от плывущих полную плату с их груза»¹². Об учреждении специального «комита устья Понтийского моря» (κόμης στενὸν τῆς Ποντικῆς θαλάσσης), резиденция которого, очевидно, находилась в Иероне, упоминает Иоанн Малала¹³. О том, что в Авидосе взимали 10 % пошлину, сообщает Агафий Миринейский¹⁴. Проведенное Юстинианом I преобразование, сказавшееся на таможенном деле и касавшееся порядка оплаты чиновников¹⁵, видимо, мало изменило их прежние функции по контролю и регулированию провоза товаров через проливы.

Служба комитов проливов, впоследствии тесно связанная с налоговым ведомством, не прекратила свою деятельность и в «темные века» византийской истории¹⁶. О том, что контрольные пункты в Авидосе и Иероне продолжали функционировать в VII в., свидетельствует найденная в Херсоне относящаяся к третьей четверти VII в. (точнее — к 659–668 гг.) печать «патрикия и коммеркиария таможенных складов (Авидоса? — восстановление Н. А. Алексеев) Стефана»¹⁷. С контролирующими проливы городами могла быть связана также несущая на себе характерный для печатей коммеркиариев оттиск

ткани¹⁸ и датируемая теми же годами печать некоего Феодора, название должности которого не сохранилось¹⁹. Функции владельцев печатей Н. А. Алексеев вполне обоснованно сопоставил с функциями парафалассита Константинополя или комита порта Рима, которые, в том числе, контролировали купеческие суда, заходившие в гавани этих городов²⁰. И. В. Соколова, считавшая комита Иерона военным чиновником, специально подчеркивала, что факт появления печати этого должностного лица в Херсоне связан не с военными действиями, а с деятельностью контрольно-таможенного пункта на Босфоре²¹. Видимо, в это время чиновники продолжали исполнять обязанности, подобные описанным Прокопием для VI в. Интересно, что именно отсюда, «от [места] именуемого Иерон, из Константинополя» отправился в 655 г. в изгнание в Херсон римский папа Мартин I, посчитавший важным специально упомянуть об этом обстоятельстве в своем письме²².

Известны печати комитов Иерона, датируемые VII или VIII веками (две печати Ваана, патрикия, магистра и комита Иерона, оттиснутые одним и тем же вуллотиром²³; датируемая VIII в. печать Георгия, ипата и комита Авидоса и Иерона²⁴, две датируемые VIII или IX в. печати комита Иерона Косьмы²⁵, а также печать царского силентария и комита Иерона Сергия приблизительно того же времени²⁶. К Авидосу относятся печать комита Авидоса Никиты (между второй половиной VII—второй половиной VIII вв.)²⁷; моливдовулы Василия, ипата и комита Авидоса (первая половина VIII в.)²⁸ и датированные тем же временем печати апоэпарха и комита Авидоса Павла²⁹ и комита Авидоса Феодота [1227, № 2480A]; печати комита Авидоса Константина (VIII в.)³⁰ и Аврамия, царского спафария и архонта Авидоса (IX в.)³¹.

Возможно, именно таможня в Авидосе упоминается при описании пятой осады Фессалоники славянами в Чудесах св. Димитрия Солунского. Во время этих событий, приходящихся на вторую половину 70-х гг. VII в.³², славяне не только осадили город, но также разбойничали на морских коммуникациях империи, грабя моряков, которые везли в столицу урожай с островов, от «узкого моря» (στενῆς θαλάττης), из мест около Париона и Проконнеса. При этом они, кроме матросов с захваченных кораблей, пленили также тех, кто находился в таможне (τελωνεῖον)³³. Очевидно, что славянские пираты смогли проникнуть в Мраморное море, к бассейну которого принадлежали Парион и Проконнес. При этом под «узким морем», видимо, имеется в виду пролив Геллеспонт³⁴. На пути через него славяне никак не могли миновать Авидос, который, очевидно, и был той таможней, которую они разграбили. При этом можно отвергнуть разделяемое рядом исследователей предположение Ф. И. Успенского, что разграбленная таможня могла находиться и в Кизике³⁵, поскольку этот город не лежал на пути в Мраморное море и его, в отличие от Авидоса, пираты могли и миновать.

Интересные сведения о практике ведения торговли между Византией и Халифатом во времена халифа Муавии I (680–683) сообщает ал-Масуди в рассказе о хитроумном торговце, снаряженном Му'авией, чтобы выкрасть высокопоставленного византийского придворного патрикия, унизившего пленного араба³⁶. Автор упоминает, что купец, перед тем как попасть в Константинополь, прибыл на остров Икритиш (Крит), где сообщил главе местной администрации о своем желании торговать в столице империи. Об этом было доложено василевсу, который позволил торговцу въехать в Константинополь. Купец быстро завоевал доверие византийцев и впоследствии многократно посещал столицу государства с торговыми целями. Со временем ему представился удобный случай осуществить свой план, он захватил и доставил патрикия к Муавии, где обиженный смог ему отомстить. Добившись отмщения, воин отпустил пленника в Константинополь. При этом сами арабы не смогли доставить его туда, поскольку горловина пролива, ведущего к столице, оказалась перегороженной цепями и охранялась специально назначенными для этой цели воинами. Местом, возле которого вход в пролив был закрыт, был, вероятно, Авидос, а сама эта история в общих чертах отображает реальные способы регулирования морской торговли в Византии для рубежа VII—VIII вв., наглядно демонстрируя ее преемственность относительно практики IV—VI вв. Как и прежде, торговцу, прибывавшему морем, нужно было получить разрешение властей и миновать специальный пост, где корабль мог быть задержан. Несмотря на то, что в данном случае соответствующее позволение было получено арабским купцом от самого василевса после обращения через администрацию Крита, более вероятным представляется получение необходимых документов от менее высокопоставленных представителей власти непосредственно в Авидосе или Иероне.

О том, что таможенные пошлины в Авидосе и Иероне продолжали взиматься в VIII в., свидетельствует постановление василисы Ирины (780–790, 797–802), отменившей торговые сборы, осуществлявшие ранее в этих городах³⁷. Вскоре же василевс Никифор I (802–811) предписал взимать с каждого раба, ввезенного через таможенную Авидоса, пошлину в 2 номисмы³⁸. Видимо, одновременно при этом осуществлялся и контроль за торговыми грузоперевозками.

Интересна в данном контексте относящаяся уже к X в. информация ал-Масуди о некоем городе, который удерживал корабли русов³⁹. Несмотря на то, что некоторые исследователи связывают имеющуюся в этих источниках информацию о византийском городе, закрывавшем русам путь в империю, с Херсоном, гораздо вероятнее, что речь идет об Иероне, находившемся на подступах к Константинополю⁴⁰. Такая интерпретация имеет свои преимущества, поскольку делает понятной целесообразность и возможность техниче-

ского осуществления «удержания» кораблей русов, абсолютно неочевидную в случае с Херсоном. Иерон закрывал путь на Константинополь, не давая русам свободно пройти Босфорский пролив. Видимо, важную функцию по контролю за прибывавшими кораблями чужеземцев продолжал выполнять в этом городе комит проливов⁴¹. Подобная информация арабских источников сохранилась и об Авидосе⁴².

Наряду с должностью комита проливов или комита Авидоса (Иерона) в источниках встречается чиновник под названием авидик (*ἀβδίκος*). По всей видимости, данный термин является синонимом названия должности комита проливов и возник в связи с названием одного из пунктов первоначального размещения чиновника⁴³. Известна датируемая второй половиной VIII в. печать нотариа и авидика Афанасия⁴⁴ и относящийся ко второй половине IX в. моливдовул царского силентария и авидика Льва⁴⁵.

Со временем термин «авидик» был обобщен и стал нарицательным для специальных чиновников, контролировавших морские торговые перевозки. Об этом свидетельствуют печати авидиков Фессалоники: нотариа и авидика Фессалоники Никиты (VIII в.)⁴⁶, авидика Фессалоники Трифилла (VIII или IX вв.)⁴⁷, авидика Фессалоники Константина (рубеж VIII–IX вв.)⁴⁸; авидика Фессалоники Димитрия (IX в.)⁴⁹. Известны также печати авидиков других городов империи: Амиса, Атталии, Коринфа⁵⁰. Обозначение «авидик Авидоса» не употреблялось, видимо, из-за бессмысленности повторения двух одинаковых слов, однако означает ли это, что все известные печати авидиков без дополнительной географической привязки относятся к Авидосу, неясно⁵¹.

Возможно, о чиновнике с подобной сферой компетенции, резиденция которого находилась на острове Лимнос в северо-восточной части Эгейского моря, упоминается в Житии Евфимии Всехвальной (вторая половина VIII в.)⁵². Вероятно, от должности комитов проливов происходит и должность сборщика податей в Никомидийском заливе (*ὁ ἀρχιτελωνίων κόλπου τῆς Νικομηδείας φορολόγος*), упоминаемого в написанном Стефаном Диаконом в 816 г. Житии Стефана Нового (ум. 764/765)⁵³, возможно, авидиков можно сопоставить также с комитами вод (*κόμητες ὑδάτων*)⁵⁴ и, на основании этого, определить круг функций последних.

Должность авидика могла комбинироваться с должностью коммеркиария⁵⁵. К примеру, концом VIII–началом IX в. датируется ряд печатей Льва, царского коммеркиария и авидика Фессалоники⁵⁶, к VIII или IX в. относится печать коммеркиария и авидика Фессалоники Иоанна⁵⁷; IX в. датируются печати Иоанна, парафилакса, авидика и коммеркиария Фессалоники⁵⁸, Феофана, царского коммеркиария и авидика Фессалоники⁵⁹; второй половиной IX в. — печать Иосифа, авидика и коммеркиария Фессалоники и Кефалония⁶⁰. Совмещение должностей коммеркиария и авидика свидетельствует о сходстве

функций чиновников по регулированию торговли и взиманию налогов с коммерческой деятельности.

Ряд источников позволяет полагать, что служба комита в Авидосе привела к появлению не только специального чиновника — авидика, но и определенной службы, ведомства или сферы полномочий — «авид» или «авидос». Известны печати коммеркиариев «авид(ос)а»: к VIII или IX в. относится анонимная печать коммеркиария авид(ос?)а Фессалоники (κομμερκιαρίω τοῦ ἀβίδου Θεσσαλονίκης)⁶¹, IX в. датируется печать Димитрия, ипата и царского коммеркиария авид(ос)а Фессалоники⁶². По всей видимости, авид(ос) был службой, генетически и функционально родственной таможне и апофике, а основными функциями, осуществлявшимися в нем, был досмотр груза торговцев и надзор за провозом товаров.

Таким образом, в Авидосе и Иероне не позднее, чем с V в., а возможно, и ранее, существовали специальные чиновники — комиты проливов и авидики — надзиравшие за навигацией. Функционирование пунктов, контролировавших проливы, и существование соответствующих чиновников не прерывалось и в VI—IX вв. Эти должностные лица осуществляли проверку груза, сопроводительных документов, сбор пошлин, имели право осуществлять досмотр с привлечением военных кораблей. По словам Э. Арвейлер, они осуществляли все виды контроля, которые характерны для современных стран в их территориальных водах⁶³. Их деятельность была связана с существованием специфической столичной экономической зоны Константинополя, особенно пристально контролировавшейся правительством. Именно этой зоне соответствовала выделяемая арабскими авторами особая византийская провинция-фема Тафла, Талайя или Талаха⁶⁴.

В VIII—IX вв. чиновники с названием, производным от названия города Авидоса, появились в ряде крупных портовых городов империи, игравших значительную роль во внешней торговле. Здесь эти чиновники, видимо, осуществляли те же функции, которые известны из источников для константинопольского региона. Исчезли авидики в связи с реорганизацией центральной морской службы империи не ранее конца X—начала XI вв., причем, вполне вероятно, немалую роль в этом сыграло изменение внешнеторговой политики империи и льготы, предоставленные итальянским торговым республикам⁶⁵.

Примечания

¹ *Oikonomides N. The Economic Region of Constantinople: from Directed Economy to Free Economy and the Role of Italians//Europa medievale e mondo bizantino/Ed. G. Arnaldi; G. Cavallo. — Rome, 1995. — P. 221–238; Oikonomides N. Les marchand byzantin des provinces (IXe—XIe s.)//Mercati et mercanti nell'alto Medioevo: l'Area*

- euroasiatica e l'area mediterranea. — Spolete, 1993. — P. 638; *Oikonomides N.* The Role of the Byzantine State in the Economy//EHB. — P. 978–979, 999.
- ² *Foss C. F. W.* Abydos//ODB. — Vol. 1. — P. 8–9; *Foss C. F. W.* Hieron on the Bosporus//ODB. — Vol. 2. — P. 930–931; *Eickhoff E.* Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie (650–1040). — Berlin, 1966. — S. 86; см.: *Toy S.* The Castels of the Bosporus//Archaeologia. — 1930. — Vol. 80. — P. 215–228.
- ³ *Ahrweiler H.* Fonctionnaire et bureaux maritimes à Byzance//Revue des études byzantines. — 1961. — Vol. 19. — P. 239–252.
- ⁴ *Durliat J., Guillou A.* Le tariff d'Abydos (vers 492)//Bulletin de correspondance hellénique. — 1984. — T. 108. — P. 581–598; *Dagron G., Feissel D.* Inscriptions inédites du Musée d'Antioche//Travaux et Mémoires. Centre de recherché d'histoire et civilization Byzance. — 1985. — T. 9. — P. 451–455; см.: *Mordtmann A.* Ein Edict Justinianus//Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Institut in Athen. Athenische Abteilung. — 1879. — Bd. 4. — S. 307–311; ср.: *Bréhier L.* Le monde Byzantin. Par. 2. Les institutions de l'empire Byzantin. — Paris, 1949. — P. 252–253.
- ⁵ См.: *Ahrweiler H.* Fonctionnaire et bureaux maritimes à Byzance. — P. 240–241; *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. — Paris, 1949. — T. 2: De la disparition de l'Empire d'Occident a la mort de Justinien (476–565). — P. 196–197; *Antoniadis-Bibicou H.* Recherches sur les douanes à Byzance: l'octava, le «kommercion» et les commerciaux. — Paris, 1963. — P. 76.
- ⁶ *Ahrweiler H.* Fonctionnaire et bureaux maritimes à Byzance. — P. 240.
- ⁷ См.: *Ahrweiler H.* Fonctionnaire et bureaux maritimes à Byzance. — P. 240.
- ⁸ *Кучина И. А.* О термине «архонты» в Византии IV–XV вв.//История Византии и византийская археология. Тез. докл. — Екатеринбург, 1998. — С. 20–22.
- ⁹ *Procopii Caesariensis.* Opera omnia/Rec. Jac. Haury. — Lipsiae, 1906. — Vol. 3. — Pars. 1: Historia quae dictur arcana. XXV.3; *Прокопий Кесарийский.* Тайная история//Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история/Пер. с греч., ст., коммент. А. А. Чекаловой. — М., 1993. — С. 399.
- ¹⁰ *Procopii Caesariensis* Opera omnia/Rec. Jac. Haury. — Lipsiae, 1906. — Vol. 3. — Pars. 1: Historia quae dictur arcana. XXV.4; *Прокопий Кесарийский.* Тайная история. — С. 399; см.: *Ahrweiler H.* Op. cit. — P. 241–243, 246–247; *Ahrweiler H.* Byzance et la mer: La marine du guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance au VIIe–XVe siècles. — Paris, 1966. — P. 13–14; *Antoniadis-Bibicou H.* Op. cit. — P. 78–79.
- ¹¹ *Ahrweiler H.* Byzance et la mer... — P. 100–101; *Ahrweiler H.* Fonctionnaire et bureaux maritimes à Byzance. — P. 240.
- ¹² *Procopii Caesariensis.* Opera omnia/Rec. Jac. Haury. — Lipsiae, 1906. — Vol. 3. — Pars. 1: Historia quae dictur arcana. XXV. 5–6; *Прокопий Кесарийский.* Тайная история. — С. 399.

- ¹³ *Ioannis Malalae. Chronographia/Ex rec. L. Dindorfii.* — Bonnae, 1831. — P. 432.
- ¹⁴ *Agathiae Myrinaei. Historiarum libri quinque/Rec. R. Keydell.* — Berolini; Novi Eboraci, 1967. — V. 12; *Агафий. О царствовании Юстиниана/Вступ. ст., пер., прим. М. В. Левченко.* — М., 1953. — С. 149.
- ¹⁵ См.: *История Византии: в 3-х т.* — М., 1967. — Т. 1. — С. 236; *Antoniadis-Bibicou H.* Op. cit. — P. 91; *Чекалова А. А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб., 1997. — С. 54; *Бардола К. Ю.* Некоторые аспекты таможенной политики ранней Византии (IV—VI вв.)//Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. — Харків, 2001. — С. 36.
- ¹⁶ См.: *Oikonomides N.* Le commercion d'Abidos, Thessalonique et le commerce bulgare au IXe siècle//Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. — Paris, 1991 — T. 2: VIIe—XVe siècles. — P. 241—242; *Oikonomides N.* Les marchand byzantin des provinces (IXe—XIe s.). — P. 638; *Oikonomides N.* The Economic Region of Constantinople... — P. 222—223; *Oikonomides N.* The Role of the Byzantine State in the Economy. — P. 999.
- ¹⁷ *Алексеевко Н. А.* Моливдовулы адресантов Херсона VII—XI вв. (новые находки) //Древности—1996. — Харьков, 1997. — С. 122—123, табл. 1; см.: *Вишнякова В. Ф.* Свинцовые печати византийского Херсонеса//ВДИ. — 1939. — № 1. — С. 128—129; *Соколова И. В.* Византийские печати VI—первой половины IX в. из Херсонеса //ВВ. — 1991. — Т. 52. — С. 211—212, № 47; *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсонеса. — Л., 1983. — С. 145—146, № 2; *Алексеевко Н. А.* Таможня и коммерции Херсона//Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI—первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Харьков, 2005. — Ч. 2. — С. 1595.
- ¹⁸ *Романчук А. И., Шандровская В. С.* Введение в византийскую археологию и сфрагистику: Учеб. пособие. — Екатеринбург, 1995. — С. 57, 97, рис. 3.
- ¹⁹ *Алексеевко Н. А.* Моливдовулы адресантов Херсона VII—XI вв. — С. 122—123, 126, табл. 1, 2.
- ²⁰ *Алексеевко Н. А.* Моливдовулы адресантов Херсона VII—XI вв. — С. 127—128, см.: *Oikonomides N.* Les Listes de préséance byzantines de IXe et Xe siècles /Introduct., texte, traduct. et comment. — Paris, 1972. — P. 113, 321; *Успенский Ф. И.* Константинопольский епарх//ИРАИК. — 1899. — Т. 4. — Вып. 2. — С. 100; *Ahrweiler H.* Fonctionnaire et bureaux maritimes à Byzance. — P. 248.
- ²¹ *Соколова И. В.* Византийские печати из Херсонеса//Византия и средневековый Крым. (АДСВ. Вып. 26). — Барнаул, 1992. — С. 195.
- ²² *Бородин О. Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарий)//Причерноморье в средние века. — М., 1991. — XVI, с. 178; *Пана Мартин I.* Письма XVI—XVII//Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI—первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Харьков, 2005. — Ч. 2. — С. 1289, 1290 комм. 228; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. — Екатеринбург, 2001. — С. 37.

- ²³ *Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals.* — Basel, 1972. — Vol. 1. — Pts. 1–3. № 3212; *Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art.* — Washington, D.C., 1993. — Vol. 3: West, Northwest, and Central Asia Minor and the Orient/Ed. by J. Nesbitt. — 81.1.
- ²⁴ *Zacos G., Veglery A. Op. cit.* — № 1333.
- ²⁵ *Zacos G., Veglery A. Op. cit.* — № 2077; *Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art.* — Vol. 3. — 81.2; Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсонеса. — С. 145–146.
- ²⁶ *Zacos G., Veglery A. Op. cit.* — № 2358; *Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art.* — Vol. 3. — 81.3.
- ²⁷ *Zacos G., Veglery A. Op. cit.* — № 3039.
- ²⁸ *Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art.* — Vol. 3. — 40.4 a–d; *Zacos G., Veglery A. Op. cit.* — № 1769.
- ²⁹ *Zacos G., Veglery A. Op. cit.* — № 3160.
- ³⁰ *Zacos G., Veglery A. Op. cit.* — № 1803; *Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art.* — Vol. 3. — 40.6.
- ³¹ *Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art.* — Vol. 3. — 40.1.
- ³² См.: *Чудеса св. Димитрия Солунского/Предисл., текст, пер. и коммент. О. В. Ивановой//Свод древнейших письменных известий о славянах.* — Т. 2 (VII–IX вв.). — М., 1995. — С. 202–203, комм. 170; *Иванова О. В. Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Димитрия» (Постановка вопроса)//Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси.* — К., 1980. — С. 105–106, комм. 31.
- ³³ *Чудеса св. Димитрия Солунского.* — С. 164–165; *Иванова О. В. Указ. соч.* — С. 100.
- ³⁴ *Чудеса св. Димитрия Солунского.* — С. 204, комм. 187–188; *Иванова О. В. Указ. соч.* — С. 106, комм. 37–39.
- ³⁵ *Успенский Ф. И. О вновь открытых мозаиках в церкви св. Димитрия в Солуни (с табл. I–XX)/ИРАИК.* — 1909. — Т. 14. — Вып. 1. — С. 48; ср.: *Чудеса св. Димитрия Солунского.* — С. 204, комм. 189; *Иванова О. В. Указ. соч.* — С. 106, комм. 40.
- ³⁶ *Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусайн ибн-'Али ал-Мас'уди. Золотые копии и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749–947 гг.]/Сост., пер. с арабск., примеч., коммент. и указат. Д. В. Микульского.* — М., 2002. — С. 412–416.
- ³⁷ *Theophanis Chronographia/Ex rec. C. De Boor.* — Lipsiae, 1883. — Vol. 1: *Textum graecum continens.* — P. 475, 486–487; *Летопись византийца Феофана от Диоклетяна до царей Михаила и сына его Феофилакта/В пер. с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, с предисл. О. М. Боданского.* — М., 1884. — С. 348; *Laiou A. E. Exchange and Trade, Seventh — Twelfth Centuries//ЕНВ.* — P. 703.

- ³⁸ *Theophanis Chronographia*. — Р. 357; *Летопись византийца Феофана...* — С. 357; *Браунинг Р.* Рабство в Византийской империи (600–1200 гг.)//ВВ. — 1958. — Т. 14. — С. 40.
- ³⁹ *Maçoudi. Les Prairies d'or/Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille*. — Paris, 1869. — Т. 2. — Р. 317; *Maçoudi. Le livre de l'avertissement et de la revision/Trad. par B. Carra de Vaux*. — Paris, 1887. — Р. 194; см.: *Гаркави А. Я.* Неизданное свидетельство Масуди о походе русских на Царьград (Из «Китаб ат-тана-бих», рукописи Парижской публичной библиотеки)//ЖМНП. — 1872. — Ч. 160. — С. 222–223; *Нефедова Н. К.* Куда ездили древние русы — в Андалузию или Анатолию?//СВ. — 1958. — № 4. — С. 114; *Бейлис В. М.* Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель//Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. — М., 1984. — С. 23; *Минорский В. Ф.* Куда ездили древние русы?//Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы. — М., 1964. — С. 20, 26; *Коновалова И. Г.* К вопросу об этнониме нұкарда у ал-Мас'уди//Средневековая Русь. — Вып. 2. — М., 1999. — С. 4–20.
- ⁴⁰ *Могаричев Ю. М.* Забытый источник по истории средневекового Херсона //Ananacharsis. Памяти Ю. Г. Виноградова. (Херсонесский сборник. Вып. 11). — Севастополь, 2001. — С. 129–131; ср.: *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI—первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Харьков, 2005. — Ч. 1. — С. 91.
- ⁴¹ *Домановський А. М.* Візантійське місто, що перепиняє шлях кораблям русів: Херсон чи Ієрон? (до інтерпретації даних ал-Масуди)//Боспорские чтения. — Вып. 6. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Сборник материалов конференции/Ред.-сост. В. Н. Зинько. — Керчь, 2005. — С. 82–86; *Домановський А. М.* До локалізації місця збору мита з давньоруських купців (за даними Ібн Хордадбека та Ібн ал-Факіха)//Український історичний збірник. — К., 2005. — Вип. 8. — С. 9–17.
- ⁴² *Домановський А. М.* Візантійське місто Авідос на торговельних шляхах руських мореплавців X ст. (історичний та історіографічний аспект)//IX Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доп. міжнар. наук. конф. Київ, 1–2 червня 2005 р. — К., 2005. — С. 28–31; *Беляев В. И.* К вопросу о пересмотре вопроса//Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1962. — Серия востоковедческих наук. — № 306. — Вып. 16. — С. 185–186.
- ⁴³ *Ahrweiler H.* Fonctionnaire et bureaux maritimes à Byzance. — Р. 244–245.
- ⁴⁴ *Zacos G., Veglery A.* Op. cit. — № 3080.
- ⁴⁵ *Zacos G., Veglery A.* Op. cit. — № 2138.
- ⁴⁶ *Zacos G., Veglery A.* Op. cit. — № 2249; *Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. — Washington, D.C., 1991. — Vol. 1: Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea/Ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. — 18.8.
- ⁴⁷ *Zacos G., Veglery A.* Op. cit. № 2566; *Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. Vol. 1. 18.10.
- ⁴⁸ *Zacos G., Veglery A.* Op. cit. № 1436 A.
- ⁴⁹ *Zacos G., Veglery A.* Op. cit. № 1851; *Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. Vol. 1. 18.1.

- ⁵⁰ См.: *Ahrweiler H.* Fonctionnaire et bureaux maritimes à Byzance. — P. 245.
- ⁵¹ *Ahrweiler H.* Fonctionnaire et bureaux maritimes à Byzance. — P. 246.
- ⁵² *Лопарев Хр.* Византийские жития святых VIII–IX веков//BB. — 1913. — Т. 18. — Вып. 1–4. — С. 40–41 (§ 13–14).
- ⁵³ *Лопарев Хр.* Византийские жития святых VIII–IX веков//BB. — 1911. — Т. 17. — Вып. 1–2. — С. 131.
- ⁵⁴ *Constantini* Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine/Ex rec. Io. Iac. Reiskii. — Bonnae, 1829. — Vol. 1. — P. 717; *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. — London, 1911. — P. 140; *Oikonomides N.* Les Listes de préséance byzantines de IXe et Xe siècles. — P. 113.
- ⁵⁵ См.: *Oikonomides N.* Le commercion d'Abidos, Thessalonique et le commerce bulgare au IXe siecle. — P. 241–248; *Kazhdan A., Mc Geer E.* Abydikos//ODB. — Vol. 1. — P. 8; *Dagron G.* The Urban Economy, Seventh — Twelfth Centuries//EHB. — P. 395.
- ⁵⁶ *Zacos G., Veglery A.* Op. cit. — № 3134, 2101 a–c; *Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art.* — Vol. 1. — 18.4a–b, 18.5a–c.
- ⁵⁷ *Konstantopoulos K. M.* Byzantiaka molybdobulla en to Ethniko Nomismatiko Museio Athenon//Journal International d'Archéologie Numismatique. — 1902. — Т. 5. — № 4.
- ⁵⁸ *Mordtmann A.* Peri Byzantinon Molybdoboullon//Hellenikos Philologikos Syllogos. 1886. — Т. 17, supplément archéologique. — P. 147, № 12.
- ⁵⁹ *Zacos G., Veglery A.* Op. cit. — № 2503 a–b; *Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art.* — Vol. 1. — 18.9 a–b; см.: *Mordtmann A.* Peri Byzantinon Molybdoboullon//Hellenikos Philologikos Syllogos. 1886. — Т. 17, supplément archéologique. — P. 146, № 10.
- ⁶⁰ *Zacos G.* Byzantine Lead Seals/Compiled and ed. by J. W. Nesbitt. — Berne, 1984. — Vol. 2. — № 1075.
- ⁶¹ *Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art.* — Vol. 1. — 18.11.
- ⁶² *Zacos G., Veglery A.* Op. cit. — № 1852 c; *Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art.* — Vol. 1. — 18.2.
- ⁶³ *Ahrweiler H.* Fonctionnaire et bureaux maritimes à Byzance. — P. 241–242.
- ⁶⁴ *Pertusi A.* Il preteso tema bizantino di Talaya di Costantinopoli//BZ. — 1956. — Bd. 49. — P. 85–95; *Grégoire H.* La Thème byzantine de Tafla — Tablan et le komes ton staulon//La Nouvelle Clío. — 1952. — Т. 4. — P. 388–391; *Липшиц Е. Э.* К изучению экономики пригородов Константинополя в X в.//BB. — 1958. — Т. 14. — С. 81; *Сюзюмов М. Я.* Экономика пригородов византийских крупных городов //BB. — 1956. — Т. 9. — С. 55.
- ⁶⁵ *Ahrweiler H.* Fonctionnaire et bureaux maritimes à Byzance. — P. 246; *Oikonomides N.* The Economic Region of Constantinople: from Directed Economy to Free Economy and the Role of Italians//Europa medievale e mondo bizantino/Ed. G. Arnaldi; G. Cavallo. — Rome, 1995. — P. 221–238.

**К вопросу о датировке раннего
и позднего храма Богородицы Влахернской
в византийском Херсоне**

Будучи учеником Владимира Ивановича Кадеева, я не раз обращал внимание на его скрупулезное внимание к источнику, к археологическим материалам, глубокую, тщательную работу над ними. Датировка — это то заветное, к чему стремится историк, пытающийся постигнуть очередную тайну прошлого. Среди них есть такие, которые не даются поколениям исследователей. В частности, остается в области догадок установление времени строительства южного загородного храма, известного в византийском Херсоне как пригородный храм-мартирий монастыря Влахернской Богородицы — одной из главных святынь города.

Большинство исследователей склонялось и продолжает склоняться к ранневизантийскому времени ее возникновения. Вслед за Н. П. Кондаковым, С. П. Шестаков и К. К. Косцюшко-Валюжинич называли конец V в., тогда как оппонент последнего, А. Л. Бертье-Делагард считал «...вправе с уверенностью заключить, что здесь мы имеем дело с постройкой VI века», даже более того, — около 530–540-х гг., когда Юстиниан обращал особое внимание на Северное Причерноморье [1, л. 5; 2, с. 29; 3, с. 4; 4, с. 64–66]. Напольную мозаику крестовидного храма исследователь относил к VII–VIII столетиям, тогда как А. Л. Якобсон датировал ее VI в. или концом VI—началом VII вв. и связывал с перестройкой первоначального мавзолея — мартирия V в. «...в связи с созданием здесь, в центре христианского некрополя, в освященном христианской традицией месте, загородного монастыря» во имя Богородицы Девы Марии Влахернской [5, с. 250–251; 6, Sp. 393–394]. По мнению Л. В. Фирсова, наиболее вероятно строительство произошло во второй половине V—первой половине VI вв. [7, л. 25], по мнению других исследователей — «между V и VI веками», в середине VI в. или в целом в VI в. [8, р. 116; 9, с. 93; 10, с. 229; 11, с. 232; 12, с. 181]. А. Пелин уверенно датирует его «эпохой Юстиниана (527–565)» [13, с. 77], тогда как И. А. Завадская помещает между временем правления этого же императора и 655 г., когда здесь был погребен умерший в ссылке римский папа Мартин I [14, с. 55]. В общем, все эти версии совпадают с выводом А. Грабаря, который относил херсонесские постройки с планом в виде «свободного креста» ко времени не позже VI—начала VII вв. и полагал их заимствование, по-видимому, из ранневизантийской Малой Азии или Сирии и Палестины [15, р. 154–159]. Действительно, крестовидные церкви в V–VII вв. были популярны повсюду на Востоке — в Малой

Азии, особенно в Каппадокии и Ликаонии, в Палестине, Сирии, Восточном и Западном Причерноморье [16, с. 46–47, 200, 226, 240, 302–303; 11, с. 234; 17, с. 110 (там же библиография); 18, с. 396–402, рис. 3–6.].

Попытаемся же еще раз обратиться к материалам херсонского храма и той сакральной постройки, что предшествовала ему, дабы как можно более точно наметить этапы и насколько возможно сузить датировку их сооружения.

В фундаменте северо-восточной части крестовидного храма, в наружном углу прямоугольной апсиды М. И. Скубетов в 1902 г. нашел закладной камень с вырезанной на нем христограммой позднего типа [19, с. 46–47, рис. 3; 20, с. 107, рис. 78; 21, с. 259]. Она сочетала в себе черты хрисмы и изображения креста с расширяющимися концами, в результате чего получалась фигура в виде перечеркнутой греческой буквы Р (rho). Следует особо отметить, что подобный символ — монограмматический крест пришел на смену классической «константиновской» христограмме (лабаруму, хрисмону) лишь во второй половине V в. и особенно широко распространился в начале VI в. [22, р. 243–244; 23, р. 55, 112]. Позже VI в. употребление такого знака на закладном камне выглядело бы анахронизмом. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с первым важным «хронологическим репером», который указывает на то, что закладной камень не мог появиться ранее середины V в. Впрочем, не лишено смысла объяснение его появления тем, что строители «бережно изъяли» камень с христограммой из развалин «более древнего храма», то есть храма, построенного не ранее второй половины V в., и положили в основание «нового храма» [ср.: 24, с. 42–45, рис. 59]. Тем более есть археологические свидетельства, говорящие в пользу существования такого раннего храма.

Не исключено, что этот ранний храм-меморий, предшествовавший большому крестовидному, мог иметь амвон. Во всяком случае, поздняя могила № 1407, устроенная в северо-западном углу левой стороны большого храма и разрушившая красивый мозаичный пол, оказалась выложена «кусками мраморных плит с частями выпуклого креста и прямолинейным орнаментом», а один из фрагментов К. К. Косцюшко-Валюжинич без колебаний отнес к элементам амвона [25, с. 19, № 1407 (подобная деталь амвона, по словам автора раскопок, была найдена в 1901 г. в Западной базилике, где, вероятно, был амвон константинопольского типа с возвышением — балконом); ср.: 26, с. 75; 27, р. 39–51; 28, р. 303–307]. Поскольку поздний храм такой конструкции явно не имел, она должна была предшествовать его появлению.

В этой связи заслуживает особого внимания наблюдение Е. В. Веймарна, обратившего внимание на то, что пространство вдоль склепов 1409, 1410, 1411, 1430, 1431, 1438 с южной стороны осталось свободным от погребений, причем входы в эти склепы идут с противоположной стороны, а не со стороны

пустующего участка, на котором, следовательно, во второй половине V—VI вв. могла находиться небольшая, но сравнительно нарядная церковь кладбищенского типа, ставшая в дальнейшем, после разборки, ориентиром для строительства большого крестовидного мемориального храма [см.: 29, с. 12–13].

Действительно, О. И. Домбровский, руководивший в 1951 и 1953 гг. исследованием его остатков, установил, что первоначально на этом месте находился небольшой одноапсидный храмик «базиликальной», то есть прямоугольной в плане формы с полом из хорошо отшлифованных, вероятно, мраморных плит, который исследователь отнес к V—VI вв. [30, с. 316]. Решающим аргументом для такой датировки явилось исследование содержимого засыпи тех позднеантичных могил, которые оказались под храмом и содержали 16 монет IV в., а также монету первой половины V в., найденную в засыпи непосредственно под нижним полом самого храма [30, с. 315; ср.: 31, с. 542]¹. Вероятно, поэтому И. А. Завадская относит возведение загородного малого храма ко времени «не ранее конца IV—начала V вв.» и считает возможным видеть в нем один из самых ранних христианских храмов Херсонеса [32, с. 130; 33, с. 79].

Однако материал, извлеченный из засыпи могилы «Д», перекрытой малым храмом, заставляет усомниться в однозначности выводов О. И. Домбровского и позволяет их уточнить, ибо, наряду с краснолаковым кувшином с характерным желобчатым туловом и двумя типами светильников, не выходящих за пределы IV в. (с извивающимися изломанными линиями и с двумя рядами бугорков на плечиках), представлен целой серией малых грубых светильников, подражавших сирийско-палестинским образцам V—VI вв., одним из типов поздних малоазийских светильников того же времени (с характерным биконическим туловом), подражанием так называемым фракийским или североафриканским светильникам, бывшим в ходу с конца IV в. до конца VI—начала VII вв., а также горлом амфоры типа 95 по И. Б. Зеест, который ныне считается западноазиатского, возможно, сардского производства и бытовал со второй половины V в. до середины VII в. [30, рис. 19, 20, 21; 22, 2; 23, 2; 25; ср.: 34, с. 61–62, 64, 73–74, рис. 26, 4, 6; 29, 1, 2, 5; 30, 4, 5, 9; 33, 5; 35, с. 97–100, рис. 5–6; 36, с. 69–70, № 9; 37, с. 100–113; 38, с. 104; 39, р. 63, type 3; р. 177–179; 40, с. 44, табл. 13, класс 22]. Обращает также внимание отсутствие наиболее многочисленных в позднеантичном Херсонесе рубчатых светильников, которые вышли из обращения в начале—первой половине V в.

¹ Поначалу автор ошибочно писал о наличии под первоначальным храмом только одного склепа с тремя нишами — лежанками и датировал постройку VI в. на основании найденных под плитами ее пола «монет Феодосия и Юстиниана», хотя на самом деле монет Юстиниана I здесь не было.

[41, с. 46–47]. Наконец, что особенно важно, в комплекс материалов из насыпи могилы «Д» входила подножка стеклянного рюмкообразного сосуда того типа, который появился в большинстве районов Средиземноморья не ранее второй половины V в. и использовался зачастую либо в качестве светильника — ладикина, либо в качестве потира для традиционной, широко распространенной формы индивидуального причащения [30, рис. 26, 10; 42, с. 154–158, тип 1, табл. 9, рис. 16, 8–11; 92, 1–9 (самый ранний херсонесский комплекс — комплекс 3 с девятью подножками таких рюмкообразных сосудов датируется не ранее последней четверти V в., но наибольшее распространение этот тип получил в VI–VII вв.); 43, с. 414; о назначении см.: 44, с. 134–171; 45, р. 113; 46, с. 198–210]. По времени это удивительно точно увязывается с христоматомой на указанном выше закладном камне.

Из вышеизложенного можно вполне определенно заключить, что постройку первого, раннего, меньшего культового сооружения, которое Л. Г. Хрушкова называет «мавзолеем-мартирием», никак нельзя относить к середине—второй половине IV в. или даже концу IV—началу V вв. [ср.: 11, с. 233; 12, с. 181, 182; 18, с. 400; 67, р. 60–61]. Она могла произойти как в V в., скорее всего, не ранее его второй половины, так и в VI в., не позже начала правления Юстиниана I (526–565) [ср.: 47, с. 18; 48, с. 164], но обе стройки — пригородной кладбищенской однефной церкви и нового крестовидного мартирия, разумеется, не имеющего никакого отношения к стараниям давно, в конце IV в., умершего Херсонесского епископа Еферия, разделяло не очень много времени. Монеты рубежа IV–V вв. из насыпи под крестовидным мемориумом не могут быть приняты за решающий ориентир для времени его сооружения, как полагает Л. Г. Хрушкова [18, с. 399–400], поскольку вступают в противоречие с другими датирующими обстоятельствами, которые несут христоматому на закладном камне и более поздние материалы из могилы «Д».

Видеть в северном рукаве храма могилу (№ 1407) основателя крестовидного мемория — епископа Еферия тоже не приходится [18, с. 400], ибо она поздняя, как и схожая могила (№ 1408) в западном рукаве. Обе они были устроены у стен храма, вплиты к ним, и при этом разрушили бордюр положенной ранее напольной мозаики, которая никак не может быть отнесена к временам Еферия, концу IV в., а была сооружена лет на двести позже, не ранее юстиниановской эпохи, с чем согласна сама Л. Г. Хрушкова [49, с. 808, 914; ср.: 18, с. 411].

Внести необходимые уточнения, как кажется, помогает анализ внутренней логики событий, разворачивавшихся в ранневизантийском Херсоне. Скорее всего, возведение нового, более просторного крестовидного купольного мемория с четырьмя дверями — сооружения центрического типа, во-

шедшего, как убедительно доказал Д. В. Айналов, в комплекс загородного Влахернского монастыря Св. Девы Марии, было очень близко к остальному монументальному культовому строительству в городе, наиболее интенсивно проходившему во второй половине VI в. и до начала VII в. С этой точки зрения заслуживает особого внимания стена ограда монастырского комплекса, поскольку она была сложена из притесанных квадров на извести с поясом плинфы, что придавало всему комплексу вид «крепостцы», по выражению А. Л. Бертье-Делагарда [3, с. 6]. С северной стороны она сохранилась лучше всего, до высоты 2 м, причем на высоте 1,7 м начиналась характерная кладка *opus mixtum*, от которой уцелело три ряда плинфы с мощными прослойками известкового раствора, в полтора раза превышающими толщину кирпича [1, л. 2 (размер плинф указан 35×23×4 см); 25, с. 31 (размер плинф — 40×23×3,5 см); 50, с. 76; 20, с. 105]¹. Примечательно, что параметры этой кладки наиболее близки зданию «апофики» в портовом районе, базилике № 28 на агоре, Северной базилике № 22 и баптистерию (№ 24) около Уваровской базилики, то есть сооружениям конца VI—начала VII вв., а размеры плинфы совпадают с кирпичами, которыми было вымощено дно некоторых ранневизантийских рыбозасолочных цистерн [ср.: 49, с. 705–706, табл. 1; 51, с. 51–52, рис. 44 (смежные цистерны «ж» и «з» на месте одного из помещений так называемой «казармы» и цистерна «е» в углу пилона древнегреческих ворот и 16 куртины, которые без обоснования отнесены автором отчета к «римской эпохе»); 14, с. 53]. Уже одно это обстоятельство может служить косвенным указанием на приблизительное время завершения сооружения всего архитектурного монастырского комплекса.

О «гробнице выдающегося мужа» Мартина (*eximii viri memoria*) и ее посещении «сколь угодно часто» (*quanvis...frequentatur*), по словам агиографа, вспоминал нойонский епископ, Св. Елигий, который скончался в 659/660 г. [52, col. 506; цит. по: 47, с. 18]. Поэтому Д. В. Айналов заявлял, что год кончины Елигия «...хорошо датирует постройки крестообразного храма, служа для них в качестве *terminus ante quem*». Однако это не совсем верно, ибо он не принял во внимание свое же собственное наблюдение, что в источниках VII—IX вв. речь идет об усыпальнице, гробнице (*memoria, to mnema*), которая находилась при храме, рядом с ним, а не в самом храме, несомненно, уже существовавшем к этому времени и пережившем в общей сложности

¹ Некоторая разность обмеров плинфы в архивном и в изданном отчете, видимо, объясняется колебаниями длины кирпичей в 5 см, а их толщины — в 0,5 см. Толщина слоя извести была более стабильной — 5,5 см и заметно превосходила по толщине кирпич. По мнению К. К. Косцюшко-Валюжинича, ограда достигала значительной высоты и, возможно, имела башни.

ти по меньшей мере три этапа постройки (ранний малый храм; поздний большой храм-мартирий; переделка его в церковь обычного культа с устройством алтаря, нового перекрытия центрального квадрата, мозаичного пола и крещальни). Второй из этих этапов оказался кардинальным и полностью изменил первоначальный облик небольшого, видимо, однефного сооружения, превратив его в достаточно вместительный крестовидный мартирий — сооружение, судя по плану, чисто мемориальное, причем публичного характера, связанное с паломничеством [ср.: 53, р. 126]. Действительно, невозможно не заметить, что херсониты были предельно настойчивы и последовательны в своем желании почитать находившиеся здесь реликвии, собираться для поминальных обрядов, а в пространстве, освященном «святыми могилами», умножались захоронения верующих, причем особо почитаемые, привилегированные [12, с. 181; 18, с. 402].

Отчасти датировку позднего крестовидного храма второй половиной VI в. подтверждает находка в стенке купели его крещальни заклада с двумя монетами Феодосия I, четырьмя — Льва I, двумя — Анастасия, тринадцатью — Юстиниана I и пятью — неопределенными, среди которых, не исключено, могли быть как более ранние, так и более поздние [25, с. 33–34; 54, с. 111; 20, с. 109; 4, с. 64]¹. Учитывая большую длительность обращения таких весьма распространенных монет в ранневизантийском Херсоне, можно допустить, что они были положены в виде бескровной благочестивой жертвы в ходе строительных работ по доделке храма, ведшихся в последней трети—конце VI в., или даже в первой половине VII в. Следует также учесть, что Т-образный водоем был пристроен к стенке апсиды, покрытой уже двумя слоями штукатурки, то есть пережившей два ремонта, а само помещение, ставшее крещальней, как уже сказано, было в свою очередь пристроено к капитальной стене храма (с переделкой двух окон в две двери). Следовательно, баптистерий несколько старше храма, и только. Сама необычная форма водоема весьма напоминает тетраконхальные купели сирийского происхождения, которые датируются второй половиной VI в. [56, р. 76].

В пользу существования мемория Св. Девы Марии в близкое к этому время говорит и сюжет его мозаичного пола, чьи изобразительные и декоративные мотивы неизвестны для более позднего времени ни в Херсонесе, ни

¹ Весьма близкий состав имел благочестивый жертвенный заклад у водосливного канала баптистерия около Уваровской базилики: он включал 22 бронзовые монеты от Валентиниана I до Маврикия, причем монет Юстиниана I тоже было большинство — 12 [4, с. 74 — 79; 55, с. 35]. Поэтому, не исключено, что среди названных выше 5 монет, оставшихся не определенными в силу плохой сохранности, могла находиться монета Юстина II или Маврикия.

в других местах Византии [57, с. 333; 14, с. 54–55]¹. Созданный на основе еще античных традиций, с элементами передачи рельефности изображений, этот ранневизантийский образец обнаруживает наибольшее совпадение с мозаикой «базилики в базилике» (№ 15) и ее баптистерия с павлином, сооруженной не ранее правления императора Юстиниана I, а скорее во второй половине VI в. [61, с. 634–637]. С другой стороны, как заметил Н. И. Троицкий, напольная мозаика загородного крестовидного мартирия уже существовала к концу VII в., поскольку в ней, в геометрическом узоре из квадратов на полу северной ветви, встречаются изображения черных крестиков на желтом и красном фоне, крестов иной формы (7 раз), а изображать крест на земле, где его могли хотя бы нечаянно попить ногами, было строжайше запрещено на Шестом Вселенском соборе в 680–681 гг., после чего это решение позже подтвердили и разъяснили толкователи соборных правил [см.: 62, с. 22; 5, с. 238, 240, рис. 125]. Едва ли правоверные херсониты, чей епископ подписался под актами синода, стали бы уклоняться от их соблюдения. К слову, аналогичные изображения крестов на желтом и красном фоне встречаются в мозаичных восьмигранниках, устилавших пол южного нефа Уваровской базилики — епископального кафолика города, возведенного во имя Св. Апостолов Петра и Павла к концу VI в. [5, с. 233, рис. 122; подр. см.: 49, с. 762–787]. Композиции мозаичных рисунков обоих памятников, видимо, не случайно столь близки (многократно повторяющийся рисунок квадрата, вписанного в ромб; квадрат и вписанный в него круг, которые образованы широко сплетенными лентами) [14, с. 54].

Таким образом, отнесение храма и его мозаики к X в., или даже позже, на основании случайных признаков — находок нескольких фрагментов поздневизантийской керамики под мозаичным полом храма и в кладке безусловно позднего синтрона, а также монеты с монограммой «ро» едва ли не конца XI—XIII вв. в кладке одной из внутренних, явно позже и наспех сооруженных стен, весьма сомнительно [30, с. 294, 302–303, 316–317; 63, с. 517; ср. возражения: 5, с. 206–207; 64, с. 155, прим. 78; 48, с. 164]. В это позднее

¹ Входящие в состав мозаичного ковра медальоны — «омфалии» с изображением листьев, цветов, плодов, животных находят очень близкие аналогии среди ранневизантийских памятников ближневосточного круга, в частности, храмов Иордании (церковь Св. Исая в Джераше, 559 г.; церковь Св. Георгия, приблизительно 560 г., церковь Св. Апостолов, 578 г., дворец Буренд конца VI—начала VII вв. в Мадабе; комплекс Св. Стефана, церковь епископа Сергия, 587–588 гг., так называемые «церковь рек», конец VI в., «церковь пальмы», начало VII в. в Умм Аль Расасе) [см.: 58; 59; 60, р. 102, 106].

время большой храм, уже известный составителю мартирия папы Мартина, дописывавшего концовку Жития вскоре после смерти мученика в 655 г., давно существовал, более того, существовал в перестроенном виде, на что указывают заклады боковых дверей, снос колонн в заплечьях внутренних углов храма, устройство напольной мозаики и переделка первоначальной крестовидной формы, присущей аналогичным византийским мартириям, построенным не позже VI—VII вв., в храм обычного культа, с обособленным алтарем в восточной части здания.

Поздней постройке мартирия Богоматери не соответствует также устройство типового, с боковыми нишами-лежанками вырубного склепа под ним, поскольку такие сооружения, как и мозаики, уже не создавались в X—XII вв. Между тем усыпальница № 1406, обнаруженная в ходе раскопок 1902 г., была сооружена, очевидно, после возведения крестовидного храма под его правой (южной) ветвью в строгом соответствии со стенами церкви, причем над двухступенчатым входом в нее в свою очередь, а значит, еще позже, было возведено боковое помещение крещальни с купелью. Над усыпальницей оказалась типичная вырубная могила более раннего времени, которую строители склепа заложили бутовым камнем на извести. Поверх же прошел мозаичный пол храма с медальоном-омфалием, обозначающим место захоронения, причем местами через щели в могилу просочился цемянковый раствор [см.: 25, табл. I; 65, с. 69; 66, л. 8]. Сюжет медальона связан с идеей вечной жизни и благодати Божьей, которую символизируют два голубя, сидящие на краю чашеобразного сосуда, из которого исходит виноградная лоза необычной конфигурации, волнообразно подчеркивающая нижний контур композиции [18, с. 410, рис. 11]. Кроме того, эта мозаика очень удачно оказалась связана с входом в крещальню, расположенным прямо перед ней. Даже если под медальоном действительно крылась гробница основателя мемория или ктитора, все до мелочей было продумано заказчиками, постепенно, постадийно реализовывавшими свой замысел в течение второй половины V—первой половины VII вв.

Примечания

1. *Отчет за 1902 год*//Архив НЗХТ. — Д. № 11.
2. *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI—X веках по Р. Хр.//Памятники христианского Херсонеса. — М., 1908. — Вып. 3.
3. *Бертье-Делагард А. Л.* По поводу раскопок в Херсонесе//ЗООИД. — 1906. — Т. 26 (Ч. 5).
4. *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе//ИАК. — 1907. — Вып. 21.
5. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес//МИА. — 1959. — № 63.
6. *Jakobson A. Krim*//Reallexikon zur Byzantinische Kunst. — 1995. — Bd. 5.

7. *Фирсов Л. В.* Ориентировка средневековых храмов Херсонеса Таврического. 1973 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 868.
8. *Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum, and Environs*/Ed. by G. R. Mack, J. C. Carter. — Austin, Texas USA, 2003.
9. Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического/Под. ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клениной, С. Г. Рыжова. — Poznan, 2004.
10. *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000.
11. *Хрушкова Л. Г.* Крестовидные церкви Херсонеса Таврического // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской междунаrod. науч. конф. — К.; Судак, 2004. — Ч. 2.
12. *Хрушкова Л. Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. — 2004. — Т. 63 (88).
13. *Протоиерей Александр Пелин.* Топография христианского Херсонеса IV—XIV века: Дисс. ... канд. богословия/Московская Духовная Академия. — Сергиев Посад, 2001 (рукопись).
14. *Завадская И. А.* Еще раз о датировке загородного крестообразного храма и его мозаики // Восток—Запад: межконфессиональный диалог. — Севастополь, 2003.
15. *Grabar A.* Martyrium: Recherches sur le culte des reliques et l'art chretien antique. — Paris, 1946. — Vol. 1.
16. *Чанева-Дечевска Н.* Ранно-христианската архитектура в България IV—VI вв. — София, 1999.
17. *Хрушкова Л. Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV—VII века). — М., 2002.
18. *Хрушкова Л. Г.* О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2005. — Вып. 2.
19. *Скубатов М. И.* Закладные камни с крестами, встречающиеся в херсонсо-византийском строительстве, общественных и частных зданиях // ИТУАК. — 1910. — № 44.
20. *Айналов Д. В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. — М., 1905. — Вып. 1.
21. *Иванов Е. Э.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. — Симферополь, 1912. — Т. 46.
22. *Laurent J.* Delphes chretiens // BCH. — 1899. — Т. 23.
23. *Duval N.* Les mosaique funeraire dans l'art paleochretien. — Ravenna, 1976.
24. *Юрочкин В. Ю.* Древнейшие изображения креста Господня // Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии). — К., 2002.
25. *Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича* о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. — 1904. — Вып. 9.
26. *Бернацки А. Б.* Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси. — Симферополь, 2002.

27. *Sodini J.-P.* L'ambon dans L'Eglise primitive//La Maison-Dieu. — Paris, 1993. — Vol. 193.
28. *Sodini J.-P.* Les ambons medievax a Byzance: vestiges et problemes//Mpenakes M. Thymiaa ste mneme tes Laskarinas Μποαα. — Athena, 1984.
29. *Веймарн Е. В.* Некрополь около крестообразного храма в Херсонесе//АДСВ. — Свердловск, 1977. — Вып. 14.
30. *Домбровский О. И.* Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса//МАИЭТ. — 1993. — Вып. 3.
31. *Домбровский О. И.* Средневековый Херсонес//Археология Украинской ССР. — К., 1986. — Т. 3.
32. *Завадская И. А.* Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам). Дисс. ... канд. ист. наук/Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. — Симферополь, 2000 (рукопись).
33. *Завадская И. А.* Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным)//МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7.
34. *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.—V в. н. э. — Харьков, 1989.
35. *Сорочан С. Б., Шевченко А. В.* Западнопонтйские светильники II—VI вв. из Херсонеса//Вестник Харьковского университета. — 1983. — № 238.
36. *Сазанов А. В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из северо-восточного района Херсонеса//МАИЭТ. — 1991. — Вып. 2.
37. *Сазанов А. В.* Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И. Б. Зеест: типология и хронология//Петербургский археологический вестник. — 1992. — № 2.
38. *Сазанов А. В.* Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. из Херсонеса//КСИА. — 1992. — Вып. 208.
39. *Hayes J. W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery. — Princeton, 1992.
40. *Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. — Екатеринбург, 1995.
41. *Сорочан С. Б.* Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса//Археологія. — 1982. — Вип. 38.
42. *Голофаст Л. А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса//МАИЭТ. — 2001. — Вып. 8.
43. *Завадская И. А.* Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV—VI вв.)//МАИЭТ. — 2003. — Вып. 10.
44. *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища//Керамика и стекло древней Тмутаракани. — М., 1963.
45. *Sorochan S.* Light for Life and Death in Early Byzantine Empire//Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. — Oxford, 2002.
46. *Щапова Ю. Л.* Стекланные потиры: археологический аспект истории священных сосудов//ВВ. — 2005. — Т. 64 (89).

47. Айналов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе//Древности. Труды Московского археологического общества. — 1916. — Т. 25 (отд. отт.)
48. Якобсон А. Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса//ВВ. — 1988. — Т. 49.
49. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI—первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Харьков, 2005. — Ч. 2.
50. Фон Штерн Э. Новый эпиграфический материал//ЗООИД. — 1906. — Т. 26 (Ч. 5)
51. Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году//ИАК. — 1901. — Вып. 1.
52. Vita Sti Eligii//PL. — 1851. — Т. 87.
53. Lassus J. Sanctuaires chretyiens de Syrie. — Paris, 1947.
54. Косцюшко-Валюжинич К. К. Дополнение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1902 году//ИАК. — 1905. — Вып.16.
55. Латышева А. В. О назначении монетных закладов в византийских храмах Херсона//Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. Тезисы докладов и сообщений. — Севастополь, 2006.
56. Khatchatryan A. Origine et typologie des baptisteres paleochretiens. — Mulhouse, 1982.
57. Ротач А. Л. К изучению мозаичного пола крестообразного храма в Херсонесе //ВВ. — 1967. — Т. 27.
58. Picirillo M. The Mosaies of Jordan. — Amman, 1997.
59. Harrison T. Madaba: Cultural Heritage. — Amman, 1996.
60. The Ummayyads. The Rise of Islamic Art. — Amman, 2000.
61. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000.
62. Троицкий Н. И. Крест Христа — Дерево Жизни. По поводу открытия крестообразного храма в Херсонесе Таврическом в 1902 году. — Тула, 1904.
63. Jastrzebowska E. Ephesos und Chersonesos in Spdtantike Zeit: Eine vergleichende topographische Studie//Rivista di Archeologia Cristiana. — 1999. — Т. 75.
64. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — М.; Л., 1964.
65. Косцюшко-Валюжинич К. К. Третье дополнение к отчету за 1902 год//ИАК. — 1909. — Вып. 33.
66. Отчет за 1906 год//Архив НЗХТ. — Д. № 15.
67. Khrushkova L. Tauric Chersonesus (Crimea) in the Fourth to Fifth Centuries: Suburban Martyria//Proceeding of the 21st International Congress of Byzantine Studies. London, 21–26 August, 2006. — London, 2006. — Vol. 3: Abstracts of Communication.

Дорогой Владимир Иванович!
Много Вам долгих лет жизни,
хорошего здоровья и много
достойных успехов.
С уважением,
Оксана Мирошкина

Владимир Иванович!
О таких людях, как Вы, говорил ещё
Конфуций: "Тот, кто истинно человечен,
всего добивается собственными усилиями".
Дамнейших Вам успехов в науке!
Ю. В. Бачинов
Юбешин

АРХЕОЛОГИЯ

Дорогой Владимир Иванович,
Вы являетесь нашим примером энтузиазма,
применения научных принципов, примером
здоровья и волевого упорства, примером
здоровья, радости, выносливости.
С уважением,
А. К. Сидорова

Новые данные о хронологии памятников малобудковского типа

В 1994 г. по инициативе ученых г. Харькова возникло Харьковское историко-археологическое общество, сопредседателем которого уже на первом заседании Оргкомитета единогласно был избран заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков нашего университета, профессор В. И. Кадеев. В своем вступительном слове он отметил значительный вклад археологов и историков нашего региона в изучение древней истории Украины и обратил внимание на необходимость издания в Харькове специального научного журнала по этой проблематике. Целеустремленность и трудовая активность профессора В. И. Кадеева очень быстро увенчались успехом — в тот же год вышел первый номер журнала «Древности». С того времени и по сей день он является его главным редактором.

Мне памятно и одно из первых заседаний редакционной коллегии этого издания, когда В. И. Кадеев, после прочтения моей статьи «О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы»,¹ кроме положительных моментов высказал и ряд ценных советов для усиления приводимой в ней аргументации. В итоге, после ее публикации многие археологи Украины и России согласились с моими выводами о переносе памятников малобудковского типа в финальный этап эпохи бронзы (XII—XI вв. до н. э.). Однако у части моих коллег остаются определенные сомнения в отношении датировки этой группы памятников. В предлагаемой статье, которую я посвящаю нашему юбиляру, попытаюсь в очередной раз доказать правоту своих выводов.

В первую очередь обратим внимание на факт присутствия в малобудковском керамическом комплексе посуды столового назначения. От кухонной посуды она отличается более тщательной обработкой поверхности, вплоть до лощения, особой формой и декором. По нашему убеждению, на основе ее анализа появляется дополнительный аргумент в пользу вывода о синхронном существовании памятников малобудковского типа с другими культурами финальной фазы позднего бронзового века.

К примеру, на дне жилища, раскопанного на поселении у с. Тимченки, в контексте с керамикой малобудковского типа были найдены обломки четырех лощеных кубков. Три из них относятся к типу цилиндрошейных с округлым туловом (рис. 1, 1–3), а один — к биконическому (рис. 1, 4). Два цилиндрошейных кубка украшены в верхней части плечиков горизонтальным узором в виде «лесенки», с добавлением (в одном случае) елочного узора,

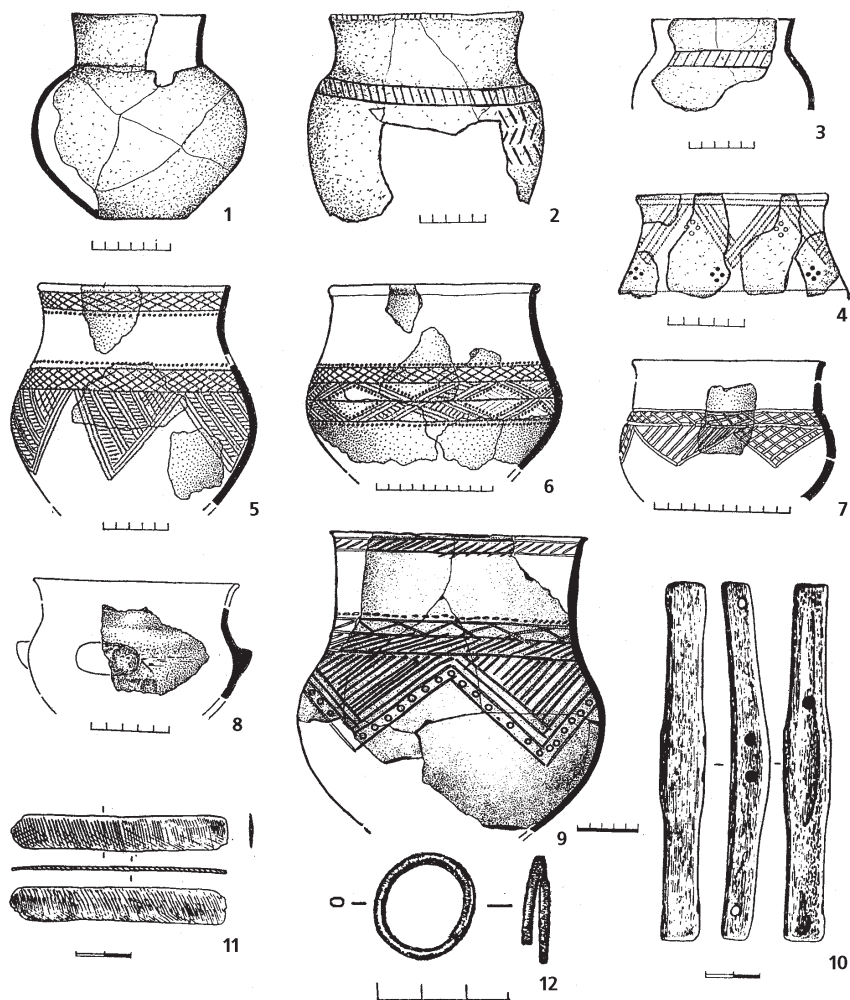

Рис. 1. Находки хроноиндикаторов
с поселений малобудковского типа:

1-4 — кубки из жилища у с. Тимченки; 5 — кубок из поселения Диброва Б;
6-8 — кубки из поселения Зелена Горница-4; 9 — кубок из поселения Диброва Б;
10 — костяной псалий из уроч. Усово озеро; 11 — бронзовая ножевидная пластина
из уроч. Усово озеро; 12 — бронзовое височное кольцо из поселения Зелена
Горница-4

нанесенного палочными насечками. Третий цилиндрошейный кубок был неорнаментированным. В верхней половине биконического кубка расположен орнаментальный фриз, состоящий из оттисков веревочки, образующих две горизонтальные линии и заключенные между ними фигуры в виде «стропил» в сочетании с ямчатым и кольцевым орнаментом, образующим ромбы.

Еще более богатую орнаментацию имели цилиндрошейные кубки из поселения Диброва Б. Край их венчика и корпус были украшены горизонтальными линиями с кососетчатой штриховкой и опущенными вниз вершинами заштрихованными треугольниками, выполненными оттисками мелкозубчатого штампа (рис. 1, 5). Этот орнамент дополняют оттиски тонкой палочки и трубочки. Очень близкие по форме и орнаментации кубки были найдены на поселении с малобудковской керамикой Зелена Горница-4 (рис. 1, 6–8). Только один из них украшен горизонтальными налечами. Единичные фрагменты лощеных кубков, украшенных треугольниками или «бахромой» (по терминологии С. С. Березанской), нанесенных оттисками мелкозубчатого штампа, происходят из поселений Марки-1.

Находки кубков из Дибровы Я. П. Гершкович связывает с влиянием, идущим из белогрудовско-чернолесской среды или, даже, с инфильтрацией части правобережного населения в ареал малобудковских памятников². По мнению В. Н. Горбова и А. Н. Усачука столовая лощеная посуда появилась в бондарихинской культуре в результате импульса из Подунавья, адаптированного к местным традициям. До бондарихинских племен он дошел эстафетным путем, т. е. в опосредственном белогрудовским и чернолесским населением виде³.

Совершенно иную позицию в этом вопросе занял В. А. Ромашко. Первоначально он также признавал белогрудовско-чернолесское влияние на формирование столовой посуды бондарихинской культуры⁴, однако позже полностью изменил свои взгляды. Согласно его новым утверждениям, т. н. «чернолесская» столовая керамика культур позднего бронзового века Левобережной Украины, генетически связана не с памятниками Днепровского Правобережья, а с местной срубной КИО⁵. Он же, вполне справедливо, высказался против признания экспансии белогрудовско-чернолесских племен в восточные районы Украины.

С целью внести ясность в решение этого научного спора, обратим внимание на то, что лощеные кубки появляются практически одновременно в белозерской, белогрудовской и, как теперь известно, раннебондарихинской культурах. В предшествующих им этнокультурных образованиях (срубной, восточно-тшинецкой, кобанской и марьяновской культурах) такие сосуды отсутствуют. Их внезапное распространение на столь обширной территории могло произойти только под влиянием какого-то импульса. Учитывая харак-

терные формы, технологические приемы обработки внешней поверхности (лощение) и многие орнаментальные сюжеты таких сосудов, можно с уверенностью локализовать его в районе Подунавья. В этой связи напомним вывод А. И. Мелюковой о том, что «...именно в степи, хотя и под внешним воздействием, вырабатывалась эта форма ритуальной посуды и отсюда стала известной лесостепным племенам чернолесской культуры. Исходные для нее формы находились или в раннегальштадских кубках Задунавья, или в местной, восходящей к эпохе бронзы керамике Нижнего Дуная»⁶. Важно отметить и тот факт, что не местное, а западное происхождение имеют и все остальные виды столовой посуды (корчаги, шлемовидные миски, черпаки), появившиеся на последующих этапах развития бондарихинской культуры. В предшествующих ей марьяновской культуре, а также на памятниках постсрубного горизонта и студенокского типа такая посуда не найдена, но широко была представлена в степях Северного Причерноморья и на Правобережной Украине с конца II тыс. до н. э.

Не отрицая влияния, идущие со стороны белогрудовско-чернолесской среды, автор обращает внимание на необходимость расширения круга поиска аналогий лощеной посуде, найденной на малобудковских памятниках. Только такой путь может открыть новые возможности для использования данной категории керамики в качестве индикатора при синхронизации бондарихинских объектов с комплексами соседних культур.

Замечено, что в орнаментации кубковидных сосудов, расположенных в разных районах ареала малобудковских памятников, имеются локальные отличия. На поселениях Воинская Гребля на левом берегу Днепра и Марки-1 под Полтавой⁷ обнаружены фрагменты такой керамики с орнаментом в виде «бахромы», образованной группами косо поставленных параллельных линий, нанесенных оттисками зубчатого штампа, который широко представлен в белогрудовской культуре. Эти узоры и техника их исполнения находят прямые аналогии в древностях комаровско-тшинецкого круга и могут рассматриваться как результат развития правобережных традиций. Кубки из поселений Зелена Горница-4 и Диброва Б, расположенных значительно южнее предыдущих в Среднем Подонцовье, имеют два орнаментальных фриза (один под венчиком, другой на плечиках), разделенных широкой полосой свободного пространства. Эти особенности декора вопреки утверждению Я. П. Гершковича, не находят прямые аналогии ни в белогрудовской, ни в раннечернолесской культурах. Это замечание указывает на то, что в оформлении орнаментальных мотивов этих сосудов проявляются иные этнокультурные влияния. Поиск их источника привел нас к кобяковской культуре. Только здесь, на Кобяковском поселении в дельте Дона, был найден кубок, почти тождественный образцам из малобудковских памятников

Подонцовья⁸. В кобяковской культуре значительно чаще, чем на белогрудовско-чернолесских памятниках, встречается мотив орнамента в виде «лесенки»⁹. Важно отметить и то, что биконический кубок из жилища, раскопанного на поселении Тимченки, украшен оттисками веревочки в сочетании с ямками и кольцевым орнаментом. Такой способ нанесения орнамента на столовую посуду на всем юге Восточной Европы характерен только для кобяковской культуры¹⁰. Узор в виде «стропил» на этом же сосуде также является основным мотивом орнамента на кобяковских кубках.

Таким образом, характер появления лощеных кубков на территории юга Восточной Европы четко вписывается в понятие конвергенции, результатом которой стало однотипное и долговременное воздействие, передаваемое эстафетным путем к разноэтничному древнему населению Украины и сопредельных регионов со стороны Нижнего Дуная или Задунавья.

Теперь обратимся к другим хроноиндикаторам — изделиям из кости и бронзы. Кроме упоминаемой ранее костяной винтообразной пронизи из поселения у с. Ницаха¹¹, в контексте с малобудковской керамикой в уроч. Усово озеро был найден один псалий, изготовленный из расколотой по длинной оси трубчатой кости крупного рогатого животного. Он имеет стержневидную форму со слегка расширенной средней частью (рис. 1, 10). На его концах просверлено два боковых отверстия, сверление двух других, так же боковых, но в центре, только начато. По-видимому, его следует связывать со стержневидными трехдырчатыми псалиями с отверстиями в одной плоскости, аналогичными псалиям белогрудовского типа¹².

На этом же памятнике обнаружена бронзовая ножевидная пластина, называемая иногда «пилкой» (рис. 1, 11). Идентичные изделия происходят и из поселения Шоссейное¹³. Бронзовые ножи-пилки в виде обоюдоострых пластин с овальными концами хорошо известны по находкам из поселений белозерской культуры, памятников группы Кишинев–Корлатэнь, в югославских, венгерских и трансильванских кладах периода На А—На В1, которые датируются XII—XI вв. до н. э.¹⁴. К этому же времени относится обнаруженная нами бронзовая спиралевидная пронизь, происходящая из малобудковского жилища на поселении у с. Тимченки¹⁵. Бесспорно, временем белозерской культуры датируется бронзовая подвеска с разомкнутыми заходящими концами, обнаруженная на поселении Зелена Горница-4 (рис. 1, 12).

Хронология предметов материальной культуры, обнаруженных на малобудковских памятниках полностью совпадает с данными стратиграфии, свидетельствующие об их синхронности с белозерской, кобяковской и белогрудовской культурами. В это время они чересполосно сосуществовали с памятниками постсрубного и студенокского типа. Между всеми этими

группами происходили процессы активного взаимовлияния, приведшие в конечном итоге к ассимиляции последних двух из них.

Однако данная схема синхронизации наталкивается на уже давно определенные хронологические рамки бытования эпонимного для изучаемой культуры памятника в уроч. Бондариха. Он также синхронизируется с белогрудовской и белозерской культурами. Поэтому мы предложили провести условную границу между малобудковскими и собственно бондарихинскими памятниками в середине XI в. до н. э. Более точно и аргументировано решить эту задачу пока очень сложно, так как общепризнанная периодизация белозерской культуры пока отсутствует.

В какой-то степени наше предположение о времени разделения памятников малобудковского и бондарихинского типов может быть подкреплено отсутствием проявлений раннечернолесского влияния на столовую посуду (кубки) первых из них. Как было показано выше, типологически и орнаментально она развивалась вне связи с раннечернолесской, а под влиянием белогрудовской, кобяковской и, возможно, белозерской культур. Сходство между малобудковскими и раннечернолесскими кубками является формальным. Их объединяет лишь общая традиция того времени, присущая для лощеной посуды на обширной территории. Примечательно, что малобудковская керамика стратиграфически фиксируется на Субботовском городище ниже раннечернолесской. Не исключено, что с отложениями малобудковского типа связана одна из дат по C^{14} (1080 ± 50) из поселения в уроч. Усово озеро¹⁶. В таком случае ранний малобудковский период бондарихинской культуры следует датировать в пределах XII—середины XI вв. до н. э.

Примечания

- ¹ Буйнов Ю. В. О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы // Древности. — Харьков, 1994. — С. 6–14.
- ² Гершкович Я. П. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье—Северо-Восточное Приазовье—Подонцовье) // Археологический альманах. — Донецк, 1998. — № 7. — С. 33.
- ³ Горбов В. Н., Усачук А. Н. Бондарихинское поселение предскифского времени и некоторые аспекты адаптации домостроительства к природным условиям // Донецкий археологический сборник. — Донецк, 2001. — Вып. 9. — С. 42–43.
- ⁴ Ромашко В. А. Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи Левобережной Украины (XII—X вв. до н. э.). — Днепропетровск, 1995. — С. 45–62.
- ⁵ Ромашко В. А. «Чернолесская» столовая посуда культур позднего бронзового века Левобережной Украины // Проблеми археології Подніпров'я. — Дніпропетровськ, 1998. — С. 79–95.

- ⁶ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. — М., 1979. — С. 56.
- ⁷ Буйнов Ю. В. Поселение и грунтовой могильник бондарихинской культуры у хут. Марки Полтавской области//Археологічний літопис Лівобережної України. — Полтава, 2005. — № 1–2. — С. 3–9.
- ⁸ Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура)//САИ. — Вып. В1–11. — М., 1980. — Табл. XVI, 12.
- ⁹ Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени... — Табл. XIV, 7; XXII, 7; XXIV, 8.
- ¹⁰ Шарафутдинова Э. С. Пам'ятники предскифского времени... — С. 49–51, 66.
- ¹¹ Буйнов Ю. В. О культурно-хронологической принадлежности... — С. 10, рис. 5, 4.
- ¹² Тереножкин А. И. Киммерийцы. — К., 1976. — С. 156–157.
- ¹³ Смирнов А. С., Сорокин А. М. Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца//СА. — 1984. — № 4. — Рис. 7, 3.
- ¹⁴ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир... — С. 60.
- ¹⁵ Буйнов Ю. В. Поселення малобудківського типу біля с. Тимченки в басейні р. Сіверський Донець//Археологія. — 2006. — № 1. — С. 45. — Рис. 4, 6.
- ¹⁶ Березанская С. С. Усово озеро. Поселения срубной культуры на Северском Донце. — К., 1990. — С. 107.

Категория археологических находок — бусы
(история изучения: основные тенденции и методы, часть 1¹⁾)

пециальные статьи о бусах, как правило, начинаются с утверждения о том, что это одна из наиболее массовых категорий археологических находок. Действительно, в отдельных погребениях раннесредневековых памятников Юго-Восточной Европы количество бусин может составлять сотни экземпляров. Так, по данным В. Б. Ковалевской (Деопик), в погребении у с. Лац зафиксировано 438 бусин². Изучение столь массового материала предполагает предварительную его систематизацию.

Принято считать, что выбор способа сортировки материала должен соответствовать целям, поставленным исследователями. Разумеется, если предметы необходимо упорядочить так, чтобы впоследствии каждый из них можно было бы с легкостью отыскать даже по неполному набору признаков, то их систематизация должна быть несколько иной, чем та, в которой отражено место данных артефактов или явлений в культуре. Однако различия стираются, когда цели исследований оказываются близкими или взаимосвязанными. Вероятно поэтому в ряде случаев археологи, обосновывая задачами исследования тот или иной способ систематизации, оказываются в ситуации, когда одна и та же классификационная схема применяется как для определения направленности и характера контактов, так и для выяснения вопросов хронологии и культурной истории. Для того чтобы понять причину подобных «совпадений», необходимо уточнить, каким потенциалом, по мнению исследователей, обладают бусины как исторический источник.

Почти во всех работах бусины рассматриваются как хронологический индикатор. Исследовательская процедура, направленная на выявление хронологических особенностей, достаточно устойчива: после того, как выделенные разновидности бусин соотносятся с датированными категориями находок или слоями памятника, бусины и их сочетания рассматриваются как самостоятельный хронологический маркер. Определение способностей датировать может быть как одной из основных целей исследования³, так и второстепенной (и осуществляться по ходу выявления места их производства и способа включения в ту или иную культуру⁴). Обращение к вопросам датировки в контексте анализа бусин вполне понятно, так как направленность и характер торговых контактов, уровень развития ремесла и мода подвержены изменениям во времени.

Анализ бусин как предметов торговли и обмена, источника по истории ремесла предполагает, в первую очередь, рассмотрение приемов и способов

изготовления изделий и их деталей. Такие морфологические признаки бусин как форма, цвет, размер, характер декора, также являются результатом применения определенных технологических операций — введения красителя, обработки заготовки и т. п. Следовательно, перечисленные признаки могут быть рассмотрены как технологические. Безусловно, визуальные пристрастия определенного населения было бы неверно формулировать в технических терминах, но тот или иной орнамент может быть выполнен подчас только одним способом. Поэтому и причина смены тенденций в моде может быть определена посредством изучения техники изготовления. Таким образом, выбор классификационной схемы при анализе материала в большей мере зависит от пристрастий и умений автора, чем от целей исследования. Так, классификация, основанная на технических принципах, служит выяснению времени и места производства бусин в исследованиях З. А. Львовой⁵ и М. Декунны⁶; типа мастерских — у Н. А. Школьниковой⁷ и А. В. Мастыковой⁸, социально-хронологического распределения — у Ю. Кальмера⁹, культурных особенностей — у Т. Ставьярской¹⁰. В то же время вопросы хронологии и направления контактов решаются и посредством морфологической классификации бусин, как, например, у Е. М. Алексеевой¹¹, В. Б. Ковалевской¹² или М. Мончинской¹³. В связи с этим вполне объяснимо то, что попытки классифицировать информационно-интерпретативные возможности бусенного материала являются безуспешными¹⁴, и то, что большая часть исследований носит комплексный характер.

Основные тенденции в систематизации бусин

Прежде чем приступить к анализу классификационных схем, представляется необходимым описать главные направления в развитии способов систематизации данной категории артефактов. На мой взгляд, в указанной области сосуществуют две основных тенденции. Одна из них характеризуется построением иерархически организованных систем, в основу которых положены, как правило, один или два принципа. В этом случае весь массив бусин членится на отделы, которые распадаются на виды, затем — на типы, которые, в свою очередь, состоят из вариантов. Названия таксономических ячеек могут быть переставлены местами, но суть схемы сохраняется. Основания для подобных схем определяются морфологическими¹⁵, технологическими¹⁶ или химико-технологическими¹⁷ принципами. Есть все основания полагать, что иерархически организованные классификационные схемы возникли под влиянием типологического метода, сформулированного В. А. Городцовым в конце 20-х гг. XX в.¹⁸ Так, А. В. Арциховский, первым применивший этот метод к обработке бусин, прямо ссылается на В. А. Городцова¹⁹. Казалось бы, указанный метод мог оказать влияние на развитие

классификационных схем лишь в европейской науке, а появление иерархических классификаций на американском континенте не определяется им. Однако представляется вполне вероятным, что переведенная на английский язык и вышедшая в 1933 г. в США брошюра В. А. Городцова «Типологический метод в археологии»²⁰, идеи которого оказались в то время вполне в русле американских тенденций в теории систематизации, повлияла и на развитие классификационных схем, применяемых при сортировке бусин. Впрочем, нельзя не согласиться с Б. Сасс и К. Тойн²¹ в том, что для иерархически организованных классификаций бусин К. и М. Кидд²² и К. Карклинка²³ примером послужила и система нормированного описания признаков Х. Бека²⁴.

Вторая тенденция определяется тем, что между типобразующими признаками подчиненность не устанавливается. В этом случае тип — это совокупность равноценных релевантных характеристик, последовательность которых в описании не связана с их ценностью, а определена произвольным выбором исследователя. Данная тенденция существенно усилилась в 70-е гг. XX в. под воздействием внедрения в исторические науки математических методов. Развитие компьютерных способов осмысления массовых данных потребовало создания механизмов сворачивания информации — разработки специальных систем кодирования сведений. Для этих кодировок принцип иерархичности оказался бесполезным. Осуществление анализа данных посредством статистических программ не требовало установления соподчиненности признаков. Скорее наоборот, благодаря им появилась возможность исследовать взаимозависимые признаковые подпространства²⁵.

Значительное влияние на усиление данной тенденции оказали также попытки создать единую универсальную классификацию, учитывающую все мнения, подходящую для любого материала, отвечающую каждой из возможных целей исследования. Первым ее вариантом стала схема описания форм бусин, принятая на Международном конгрессе археологов в Багдаде (1929), не получившая распространения, по-видимому, из-за своей примитивности. Среди последовавших за этим попыток создания систем нормированного описания бусин²⁶ наиболее серьезной явилась совместная работа ряда исследователей из различных стран (Грузия, Польша, Россия) над каталогом средневековых стекол Европы и Закавказья, начавшаяся в 70-х гг. XX в.²⁷ Обработка материала производилась по нескольким направлениям. В частности, была предпринята попытка создания единого нормированного описания конструктивных особенностей бусин, техники их изготовления, разрабатывалась шкала цветов и кодировка для последующего компьютерного изучения находок. В конце 80-х гг. XX в. часть этих материалов появилась в самостоятельной публикации Ю. Л. Щаповой²⁸, где наибольшее внимание

уделялось конструктивной характеристике изделий из стекла. Полные результаты этой работы были опубликованы в 2002 г.²⁹.

Под влиянием данной работы в рамках второй из рассмотренных тенденций оформилось отдельное течение. Опираясь на нормированное описание вещи и используя принцип равноценности признаков, его сторонники — Ю. Л. Шапова³⁰, А. В. Мاستыкова³¹, Ю. А. Лихтер и Е. К. Столярова³² — минимальной единицей рассмотрения считают не тип, а признак. Универсальная идея признакового пространства доведена в данном случае до абстрактной крайности, когда конкретный тип, а вместе с ним и бусина, не фигурируют в исследовании. Их подменила совокупность отдельных признаков. Невозможность применения такого подхода в практическом изучении реальных изделий не позволила ему получить широкое распространение. Однако поиск единых оснований для систематизации бусенных коллекций на этом не прекратился, продолжаясь и в настоящее время. Так, Б. Сасс и К. Тойн предлагают универсальную базу для любого рода классификаций, основанную на анализе признаков бусин³³. Будет ли данная схема востребована, покажет время.

Морфология как основа классификации бусин в работах первой половины XX в.

Развитие морфологических классификационных схем в 50–60-е гг. XX в.

Первые попытки классификации бусин были предприняты в отношении конкретных их разновидностей. В 1916 г. Г. Айзен в работе «Характеристика глазчатых бус от раннего времени до современности» систематизирует бусины с орнаментом в виде аппликативных или мозаичных пятен³⁴. Исследуемая им разновидность изделий не ограничена во времени и пространстве, наоборот, именно анализ всей совокупности бусин с указанным типом декора был призван определить общие хронологические закономерности, отраженные в способе его нанесения. Выделив данную разновидность по морфологическому признаку, классификацию глазчатых орнаментов автор проделал на основе их подробного технологического изучения. Данная работа, несомненно, является одной из первых исследований, где бусины рассматривались в рамках признакового пространства. В своем роде она представляет собой уникальный экскурс в историю развития столь устойчивого и распространенного в бусинах всех культур «глазчатого» орнамента. К сожалению, в публикации отсутствует исследование данных изделий с точки зрения их происхождения и связи различных вариантов орнамента с условиями его функционирования в той или иной культуре. Аналогичная статья того же автора посвящена бусинам-пуговицам (button beads) и опубликована в том же издании³⁵. Исследуемые бусины рассортированы по форме, орнаменту

и характеру основы и объединяются по данным признакам в четыре класса³⁶, которые связываются с определенным хронологическим периодом. Пробел, связанный с отсутствием анализа изделий, опубликованных в указанных статьях, с точки зрения их места в культуре восполняется в более поздней работе того же автора — статье о так называемых дынеобразных бусинах³⁷. Изучая данную разновидность бусин, автор приходит к выводу о том, что они подражают не дыне, а лотосу, и отмечает большое место этого растения в традиционных представлениях древнего населения³⁸.

Конец 20–начало 30-х гг. XX в. — переломное время в изучении древних бусин. Причиной тому стало появление уже упомянутых типологического метода В. А. Городцова и схемы нормированного описания Х. Бека. Апробирование метода Городцова на бусенном материале впервые было предпринято А. В. Арциховским, который отмечал: «...чтобы сделать по курганному материалу вывод об исторических судьбах племени вятичей, надо начать с типологических классификаций. Пять категорий — браслеты, бусы, височные кольца, гривны и перстни избираю я для типологической разработки (по методу профессора В. А. Городцова)»³⁹. Категории А. В. Арциховского, образованные по функциональному признаку, разделены на группы по материалу, на отделы — по форме поперечного сечения и на типы — по форме продольного сечения⁴⁰. Такие признаки изделий, как цвет и характер стекла, не выделены в качестве типобразующих. В варьировании оттенков стекла в зависимости от незначительных изменений условий его варки автор увидел фатальное воздействие элемента случайности на формирование параметра данного признака, что и не позволило отнести его к типобразующим. Его ценность для исследователя была очевидна лишь при изучении группы стеклянных бусин, где названные характеристики, по его мнению, могли являться маркерами химического типа материала. Введение этих характеристик как типобразующих повлекло бы за собой разбиение стеклянных бусин на несколько групп, однако возможность такого членения автор отнес ко времени проведения массовых анализов химического состава изделий. Руководствоваться не химическим составом материала, а его цветом Арциховскому представлялось слишком примитивным. Тем не менее, он вынужден был описать «некоторые сорта стекла», исходя из характеристики цвета и прозрачности. Нельзя не заметить, что такой подход является противоречивым — выделяя преобладающий цвет бусин как возможный этнодифференцирующий признак, автор не считает его типобразующим.

После работы Арциховского совершенствование классификационных схем прервалось почти на два десятилетия, что объясняется объективными причинами. Возобновление интереса к этому способу изучения древностей относится ко второй половине 40-х гг. XX в. Исследования указанного

периода характеризуются, с одной стороны, проявлением внимания к конкретным разновидностям бусин определенной территории, а с другой — к коллекциям, происходящим из одного памятника. В русле первой микротенденции, продолжая стратегию, избранную Арциховским, работал Г. Г. Леммлейн. В конце 40-х гг. XX в. он опубликовал ряд статей, посвященных анализу бусин из природных материалов: «Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе»⁴¹, «Основные типы каменных бус Мингечаурского некрополя»⁴². Программой для исследователей бусин стала статья «Опыт классификации форм каменных бус», изданная в 1950 г.⁴³. Фактически Леммлейн принял схему Арциховского, но считал классификации, созданные на материалах отдельных памятников, ограниченными. Невозможность механического суммирования вариантов, выделенных в результате анализа изделий, происходящих из разных памятников, для создания классификации, основанной на единых принципах, привело Леммлейна к созданию собственной схемы. В ней были учтены не только реально существующие бусины, но и теоретически возможные. Таким образом, классификация Арциховского, основанная на конкретном материале и не выходящая за его рамки, была подвергнута формализации. Причем каждая ячейка классификации была наделена своим кодом, который формировался из номеров всех типобразующих признаков различных уровней. Важным моментом в работе Леммлейна являлось также его обращение к вопросам техники изготовления бусин, совершенно не учтенной Арциховским. Леммлейн объяснил необходимость анализа данного признака тем, что его варьирование непосредственно связано с характером поделочного материала. Он считал, что бусины, требующие специальных приемов обработки (например, абразивной техники), нуждаются в специальном изучении⁴⁴. Несмотря на некоторые частные различия, классификация Леммлейна, так же как и Арциховского, в целом является иерархической. Помимо этого, в обоих случаях в основе классификационной схемы лежит морфологический принцип.

Многие сторонники классификации бусин по морфологическому основанию почти без изменений восприняли схемы Арциховского и Леммлейна, применяя первую для систематизации всего бусенного массива и учитывая вторую, как правило, только при группировании бусин из природных материалов. Так, систематизация древнерусских бусин в соответствии с указанными схемами осуществлялась Ю. Л. Щаповой⁴⁵ и М. В. Фехнер⁴⁶. В дальнейшем схема Арциховского была конкретизирована в серии работ В. Б. Ковалевской (Деопик), посвященных бусинам Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы⁴⁷. На первой стадии деление бусин в ее исследовании осуществлялось по материалу, в результате чего формировались

категории и группы. Затем производилось членение на отделы по форме поперечного и на типы — по форме продольного сечения. На основе других «деталей», к которым отнесены цвет, характер декора и прочие, формировались подтипы. Следовательно, то что Арциховский называл «сортами стекла» и рассматривал как приложение к характеристике материала, у Ковалевской выведено на уровень признаков, участвующих в определении минимальной единицы рассмотрения. В чистом виде схема Арциховского реализовалась Ковалевской в работе, посвященной аланским украшениям⁴⁸, где охарактеризованы лишь бусины из природных материалов (в статьях 1959 и 1961 гг. эта часть изделий описана в общем виде без включения их в классификационную схему). Отсутствие декоративных элементов у данной категории изделий избавило от необходимости вводить деление на подтипы, поэтому классификация Арциховского оказалась наиболее приемлемой. Классификационная схема Арциховского и Леммлейна, усложненная Ковалевской, применялась при характеристике бусин в том или ином виде на протяжении 60-х гг. XX в. и другими исследователями⁴⁹.

Необходимо отметить, что в ряде публикаций, посвященных бусинам, вообще не ставился вопрос о способах группирования материала. Не содержит классификационной схемы статья Ф. Д. Гуревич «Древнейшие бусы Старой Ладogi»⁵⁰. Типологические ячейки в ней заменены описаниями «основных видов бус». Общая характеристика бусин древнего и раннесредневекового Хорезма в статье И. В. Пташниковой «Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма»⁵¹ также не имеет единого основания и строгой схемы описания. Автор выборочно охарактеризовала признаки и некоторые разновидности бусин, осуществила произвольное сопоставление отдельных из них. Наибольшее внимание она уделила цвету, форме, размеру и характеру декора.

В 60-е гг. XX в. некоторые исследователи продолжали использовать классификационные описания, не прибегая к характеристике процедуры систематизации. Иногда применялась классификационная схема, которая не описывалась эксплицитно. Так, в работе В. Ф. Генинга, целью которой являлось определение ассортимента бусин, характерного для населения, оставившего могильник Мыдлань-Шай, структурное описание коллекции бусин заменено характеристикой отдельных экземпляров. О том, что минимальными единицами рассмотрения являются типы, выясняется лишь из наименований таблиц Б и В — «Количественное соотношение типов...»⁵². В этой работе типобразующие признаки, формирующие ту или иную ячейку, можно определить лишь по описаниям конкретных изделий, хотя количественное соотношение различных «типов» вынесено в отдельные таблицы. Изделия из датированных слоев городища Кува, исследованные И. Ахбаровым и З. Усмановой, также не систематизированы сколько-нибудь строгим образом.

Привлекает внимание неаргументированное, но интересное разделение стеклянных бусин на глазчатые и имитирующие драгоценные камни. Последняя категория включает не только одноцветные, но и полосатые бусины⁵³. Публикация содержит достаточно подробные описания отдельных типов бусин, которые не объединены какой-либо общей классификационной системой. Фактически целью данной работы являлось введение в научный оборот нового материала. Характеристика бусин в этой статье представляет собой описания различной подробности, степень которой, по-видимому, зависела от интереса исследователей. В виде классификационного описания представлены бусины и в статьях Г. Я. Дресвянской⁵⁴. Автор систематизировала не всю совокупность изделий, а отдельные коллекции, происходящие из различных памятников. Бусины охарактеризованы по материалу, форме и размерам. Не является строгой и первая классификация меровингских бус, осуществленная К. Бенером⁵⁵. В качестве одного из ключевых типобразующих признаков бусин выбрана их прозрачность, однако для выделения групп единого основания нет, а другие признаки изделий описаны выборочно. Так, группа А включает неорнаментированные бусины из прозрачного стекла, а группа Е состоит из любых глазчатых бусин.

В 60-е гг. XX в. развитие получили принципы систематизации бусин в рамках признакового пространства. Примером в данном случае может являться исследование Н. Даннхаймера, который впервые использовал методы комбинаторной статистики для выделения групп бусин⁵⁶. В данном направлении работали в то время и другие ученые — Р. Кох, Р. Кристлайн, М. Мартин⁵⁷. В 70-е гг. XX в. в этом же направлении работала У. Кох, исследования которой нельзя рассматривать в отрыве от работ ее предшественников. Исследования У. Кох являлись не только продолжением развития методов морфологической классификации, но и уточнением некоторых выводов хронологического порядка, сделанных авторами, перечисленными выше⁵⁸. Отличительной чертой подобного рода исследований являлось то, что набор признаков, по которым характеризовалась бусина, был довольно кратким. Так, у У. Кох в этот набор входили: форма, размер и тип орнамента. Причем, последний признак рассматривался в качестве основного, что позволяет назвать данное исследование классификацией орнаментов. К сожалению, планы автора статьи подразумевали лишь выяснение вопросов хронологии, а проблемы культурной истории остались, как и в подавляющем большинстве археологических публикаций, без внимания.

Таким образом, в изучении бусин первой половины XX в. ключевым для исследователей было создание системы нормированного описания данной категории артефактов, а также поиск классификационной схемы, посредством которой можно было бы сгруппировать изделия по их назначению и хронологическим параметрам. При этом основные усилия были сконцентрированы

на создании морфологических классификационных схем, а к анализу выделенных групп изделий с точки зрения их культурной значимости ученые обращались лишь в единичных случаях. В то же время рассматриваемый период является чрезвычайно важным в истории исследования морфологии бусин, так как именно в это время были заложены основы всех последующих исследований в этой области.

Примечания

- ¹ Ввиду ограничения объема публикаций, данная статья была разбита на две части. Вторая часть будет опубликована в следующем выпуске ежегодника «Древности».
- ² Деопик В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв.//СА. — 1961. — № 3. — С. 208.
- ³ Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения//АСГЭ. — 1968. — Вып. 10. — С. 64–94; Рябинин Е. А. Бусы Старой Ладogi (по материалам раскопок 1973–1975 гг.)//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: Межвуз. сб. — Л., 1982. — С. 165–173; Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800–1000 A. D. — Lund: Malmö, 1977. — 230 p. (Acta archaeologica Lundensia; Ser. 4; N 11); Callmer J. The influx of oriental beads into Europe during the 8th century A.D.//Glass Beads: Cultural History, Technology, Experiment and Analogy. Proceedings of the Nordic glass bead seminar 16–18. October 1992 Lejre, Denmark. — Lejre, 1995. — P. 49–64. (Studies in Technology and Culture; Vol. 2); Eisen G. The Characteristic of Eye-beads from the earliest Times to the Present//AJA, ser. 2. — 1916. — Vol. 20. — № 1. — P. 1–35; Koch U. Probleme merowingerzeitlicher Glasperlen aus Süddeutschland //Annales du 6e Congrès l'AIHV, Cologne 1973. — Liège, 1974. — S. 131–142; Koch U. Polichrome Perlen in Württemberg/Nordbaden//Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen: Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim vom 11. bis 14. November 1994. — Bonn, 1997. — S. 143–148. (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte; B. 1); Sasse B., Vach W. Das Programm ProPer. Überlegungen zur Weiterverarbeitung der Daten//Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen: Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim vom 11. bis 14. November 1994. — Bonn, 1997. — S.177–186. (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte; B. 1) и др.
- ⁴ Валиулина С. И. Стекланные бусы как источник по международным связям волжских булгар в VIII—начале XIII вв.//Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Докл. Междунар. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории 11–14 мая 1999 г. Пушкинские Горы. — СПб., 2000. — С. 134–147; Кондратьев И. И. Происхождение стекланных бус Прикубанья//Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. — Краснодар, 1988. — С. 31–35; Кондратьев И. И. Проникновение стекланных бус в сарматское Поволжье

- //Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. — М., 1986. — С. 3–5; *Львова З. А.* К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X—начала XI в. в северные районы Восточной Европы//АСГЭ. — 1977. — Вып. 18. — С. 106–109; *Львова З. А.* К вопросу о происхождении стеклянных бус в некоторых районах Восточной Европы VIII—X вв.//Исследования по археологии СССР: Сб. ст. в честь профессора М. И. Артамонова. — Л., 1961. — С. 231–239; *Львова З. А.* Контакты охотничьих племен Прикамья со странами Средиземноморья в VIII—X вв. (по материалам стеклянных бус)//Контакты и взаимодействия древних культур: Краткие тез. науч. конф. ОИПК (К 50-летию Отдела). — Л., 1981. — С. 41–44; *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни //Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — М., 1959. — С. 149–224. (Тр. ГИМ; Вып. 33); *Callmer J.* Beads and bead production in Scandinavia and the Baltic Region c. AD 600–1100: a general outline//Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen: Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim vom 11. bis 14. November 1994. — Bonn, 1997. — S. 197–202. (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte; B. 1); *Callmer J.* Beads as a criterion of shifting trade and exchange Connections//Studien zur Sachsenforschung. — B. 7. — Hildesheim, 1991; *Callmer J.* Pragmatic notes on the early medieval bead material in Scandinavia and the Baltic Region ca. AD 600–1000//Studia nad Etnogeneza Slowian. — 1988. — 1. — P. 217–226; *Dekówna M.* Naczynia szklane pochodzenia obcego na ziemiach polskich we wczesnym średniowieczu (X w.—połowa XIII w.)//Slavia Antiqua. — 1962. — T. 9. — S. 219–254; *Dekówna M.* Untersuchungen an Glasfunden aus Haithabu//Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. — 1990. — B. 27. — S. 9–63; *Dekówna M.* Uwagi o funkcji i pochodzeniu niektórych wczesnośredniowiecznych przedmiotów szklanych znalezionych na terenie Polski//Studia związane z badaniami wiślickimi. — 1970. — T. 10. — S. 21–45; *Dekówna M.* Wyroby szklane z grodziska w Styrmie (Bułgaria)//Slavia Antiqua. — Poznań, 1975. — T. 22. — S. 177–277 и др.
- ⁵ *Львова З. А.* Бусы I Поломского могильника//АСГЭ. — 1973. — Вып. 15. — С. 83–104; *Львова З. А.* Стеклянные браслеты и бусы из Саркела–Белой Вежи//Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. — Т. 2. — М., 1959. — С. 307–332. (МИА; № 75); *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладogi. — Ч. I... — С. 64–94; *Львова З. А.* Типологизация по технологическому основанию стеклянных бус Варнинского могильника как основа их относительной и абсолютной датировки //АСГЭ. — 1983. — Вып. 24. — С. 90–110.
- ⁶ *Dekówna M.* Naczynia szklane... — S. 219–254; *Dekówna M.* Szkło w Europie wczesnośredniowiecznej. — Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980. — 386 s.; *Dekówna M.* Uwagi na temat klasyfikacji i interpretacji pozostałości starożytnej i wczesnośredniowiecznej produkcji szklarskiej//Studia nad etnogeneza slowian i kultura Europy wczesnośredniowiecznej. — T. II. — Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1988. — S. 5–20.

- ⁷ Школьников Н. А. Стекланные украшения конца I тыс. н. э. на территории Поднепровья//СА. — 1978. — № 1. — С. 97–104.
- ⁸ Мастыкова А. В. Стекло Юго-Восточной Европы второй половины I тысячелетия н. э. (по материалам салтово-маяцкой культуры): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1993. — 18 с.
- ⁹ Callmer J. Trade beads and bead trade...
- ¹⁰ Stawiarska T. Paciorki szklane z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich. — Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985. — 158 s.
- ¹¹ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1975. — 94 с. (САИ; Вып. Г1–12); Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1978. — 100 с. (САИ; Вып. Г1–12); Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1982. — 105 с. (САИ; Вып. Г1–12).
- ¹² Деоник В. Б. Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв.//СА. — 1959. — № 3. — С. 48–65; Деоник В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы... — С. 202–232; Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. — Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. — 364 с. (Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв.; Вып. 2. Стекланные бусы и поясные наборы); Ковалевская В. Б. Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. — Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. — М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 1998. — 85 с.
- ¹³ Mączyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. — Mainz, 1985. — 339 S. (Römisch-Germanische Forschungen; B. 43); Mączyńska M. Westgotische Perlen//Funde vom Gräberfeld Carpio de Tajo und den Sammlungen in Barcelona und Nürnberg aus den Madrider Mitteilungen. — B. 33. — Mainz, 1991. — S. 145–183.
- ¹⁴ Mastykova A. The beads as a historical source//Third annual meeting of the European Association of Archaeologists. — Ravenna, 1997. — P. 117–121.
- ¹⁵ Алексеева Е. М. Античные бусы... — 1975, 1978, 1982; Алексеева Е. М. Классификация античных бус//Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М., 1970. — С. 59–82; Алексеева Е. М. Массовые украшения населения античных государств Северного Причерноморья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1972. — 24 с.; Арциховский А. В. Курганы вятичей. — М., 1930. — 223 с.; Арциховский А. В. Сердоликовые бипирамидальные бусы//Тр. отделение археологии РАНИОН. — 1926. — Т. 1. — С. 51–53; Деоник В. Б. Классификация бус Северного Кавказа... — С. 48–65; Деоник В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы... — С. 202–232; Деоник В. Б. Классификация и хронология аланских украшений//Средневековые памятники Северной Осетии. Тр. Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг. — Т. 2. — М., 1963. — С. 122–147. (МИА; № 114); Mączyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit...; Maczynska M. Westgotische Perlen... и др.

- ¹⁶ *Львова З. А.* Бусы I Поломского могильника...; *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладоги. — Ч. I...; *Львова З. А.* Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений)//АСТЭ. — 1979. — Вып. 20. — С. 90–103; *Львова З. А.* Типологизация по технологическому основанию...; *Мастыкова А. В.* Типология бус из погребений Маяцкого селища: Приложение 2//Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). — Воронеж, 1991. — С. 170–182; *Stawiarska T.* Paciorki szklane...
- ¹⁷ *Валиулина С. И.* Химико-технологическая характеристика стеклянных бус Больше-Тарханского и Больше-Тиганского могильников//Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. — Самара, 1996. — С. 134–147; *Кондратьев И. И.* Стеклянные бусы из погребений левобережного Хорезма//Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). — М., 1992. — С. 118–141; *Кондратьев И. И.* Стеклянные бусы из погребений Прикубанья//Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. — Краснодар, 1984. — С. 99–101; *Кондратьев И. И.* Стеклянные украшения сарматского Поволжья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1987. — 17 с.; *Мастыкова А. В.* Бусы//Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. — М., 1996. — С. 42–46; *Мастыкова А. В.* Стекло Юго-Восточной Европы...; *Силантьев Г. Л.* Стеклообработывающее производство на юге Дальнего Востока СССР в средние века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1987. — 17 с.; *Силантьев Г. Л.* Техника изготовления и химический состав стеклянных изделий чжурчженей//Естественные науки и археология в изучении древних производств: Материалы совещания 27 марта 1981 г. — М., 1982. — С. 91–99; *Силантьев Г. Л.* Химико-технологическая характеристика средневековых стеклянных изделий юга Дальнего Востока V—XVI вв.//Тез. докл. совещания «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». Москва, 20–22 февр. 1985 г. — М., 1985. — С. 69–72; *Столярова Е. К.* Химико-технологическое изучение стеклянных бус по материалам погребений из некрополя у пос. Заозерное//Древности Евразии. — М., 1997. — С. 216–226.
- ¹⁸ *Городцов В. А.* Типологический метод в археологии. — Рязань, 1927 — 111 с.
- ¹⁹ *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. — М., 1930. — С. 8.
- ²⁰ *Городцов В. А.* Типологический метод...
- ²¹ *Sasse B., Theune C.* Perlen der Merowingerzeit. Eine Forschungsgeschichte//Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen: Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim vom 11. bis 14. November 1994. — Bonn, 1997. — S. 123. (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte; B. 1).
- ²² *Kidd K. E., Kidd M. A.* A Classification System for Glass Beads for the Use of Field Archaeologists//Glass Trade Bead Conference. Research Records. 16. — New York, 1983. — P. 68–76.

- ²³ *Karklinks K.* Glass Beads. Guide to the Description and Classification of Glass Beads // *Studies in Archaeology, Architecture and History*. 2. — Ottawa, 1985. — S. 26–68.
- ²⁴ *Beck H. C.* Classification and Nomenclature of Beads and Pendants // *Archaeologia or Miscellaneous Tracts Relating to Antiquity*. — *Seria II*. — 1928. — Vol. 27. — P. 1–76.
- ²⁵ *Callmer J.* Trade beads and bead trade...; *Dannheimer H.* Das alamannische Reihengräberfeld // *Werner J.* Der Lorenzberg bei Epfach II. — München, 1969. — S. 86–118. (Münchner Beitr. Vor- und Frühgeschichte; 8); *Stadler P.* Auswertung der Perlen aus dem Reihengräberfeld von Altenerding in Bayern // *Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen: Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim vom 11. bis 14. November 1994*. — Bonn, 1997. — S. 161–168. (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte; B. 1); *Stadler P.* Kombinierte Auswertung archäologischer und anthropologischer Daten eines Gräberfeldes // *Archäologische Informationen*. — 1990. — 12/2. — S. 249–250; *Stadler P.* SERION — Programmpaket zur chronologischen und chorologischen Auswertung archäologischen Daten // *Goebel H., Schader M.* Datenanalyse, Klassifikation und Informationsverarbeitung, Methoden und Anwendungen in verschiedenen Fachgebieten. — Heidelberg, 1992. — S. 69–86 и др.
- ²⁶ *Beck H. C.* Classification and Nomenclature...; *van der Sleen W. G. N.* A Handbook on Beads. — Liège, 1973. — 142 p.
- ²⁷ *Безрукова Л. И., Жак С. В., Щанова Ю. Л.* «Древнее стекло Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы и Кавказа» и физико-математические методы // *Новое в применении физико-математических методов в археологии*. — М., 1979. — С. 118–221.
- ²⁸ *Щанова Ю. Л.* Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав: Уч. пособие. — М.: Изд-во МГУ, 1989. — 120 с.
- ²⁹ *Principes de description des verres anciens depuis les temps les plus reculés jusqu'au XIIIe siècle de N. È.* (D'après l'analyse du matériel archéologique du Centre, de l'Est et du Sud-Est de l'Europe et de la Transcaucasie). — Warszawa; Toruń: DiG, 2002. — 220 s.
- ³⁰ *Щанова Ю. Л.* Древнее стекло...
- ³¹ *Мастыкова А. В.* Стекло Юго-Восточной Европы...
- ³² *Лухтер Ю. А., Столярова Е. К.* Конструктивная классификация некоторых предметов материальной культуры древности // *Теория и практика классификации и систематики в народном хозяйстве: Тез. докл. Всесоюзного научно-технического симпозиума с международным участием (Пущино, 17–19 дек. 1990 г.)*. — М., 1990. — С. 149–150.
- ³³ *Sasse B., Theune C.* Das Programm ProPer. Klassifizierung und Anwendung // *Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen: Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim vom 11. bis 14. November 1994*. — Bonn, 1997. — S. 169–176. (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte; B. 1).
- ³⁴ *Eisen G.* The Characteristic of Eye-beads...
- ³⁵ *Eisen G.* Button Bead with special reference to those of the Etruscan an Roman Periods // *AJA*, ser. 2. — 1916. — Vol. 20. — № 1. — P. 299–302.

- ³⁶ *Eisen G.* Button Bead... — P. 300–301.
- ³⁷ *Eisen G.* Lotus- and Melon-Beads//AJA, ser. 2. — 1930. — Vol. 34. — № 1. — P. 20–41.
- ³⁸ *Eisen G.* Lotus- and Melon-Beads... — P. 20, 21.
- ³⁹ Арциховский А. В. Курганы вятичей... — С. 8.
- ⁴⁰ Арциховский А. В. Курганы вятичей... — С. 28.
- ⁴¹ Леммлейн Г. Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе //КСИИМК. — 1947. — Вып. 18. — С. 22–30.
- ⁴² Леммлейн Г. Г. Основные типы каменных бус Мингечаурского некрополя//ДАН Аз.ССР. — 1949. — Т. 5. — № 2. — С. 68–86.
- ⁴³ Леммлейн Г. Г. Опыт классификации форм каменных бус//КСИИМК. — 1950. — Вып. 32. — С. 57–172.
- ⁴⁴ Леммлейн Г. Г. Опыт классификации... — С. 157–158.
- ⁴⁵ Щапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода//Тр. Новгородской археологической экспедиции. — Т. 1. — 1956. — С. 164–179. (МИА; № 55).
- ⁴⁶ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях...
- ⁴⁷ Деоник В. Б. Классификация бус Северного Кавказа...; Деоник В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы...
- ⁴⁸ Деоник В. Б. Классификация и хронология аланских украшений...
- ⁴⁹ Левашова В. П. Бусы из Кара-Корума//Древнемонгольские города. — М., 1965. — С. 297–307; Макарова Т. И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XIII вв.//АСГЭ. — 1962. — Вып. 4. — С. 127–134.
- ⁵⁰ Гуревич Ф. Д. Древнейшие бусы Старой Ладogi//СА. — 1950. — Т. 14. — С. 170–186.
- ⁵¹ Пташникова И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма//Тр. ХАЭЭ. — 1952. — Т. 1. — С. 105–118.
- ⁵² Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай//Тр. Удмуртской археологической экспедиции; Т. 1. — Ижевск, 1962. — С. 50, 51. (ВАУ; Вып. 3).
- ⁵³ Ахраров И., Усманова З. Бусы из Кувy//Научные труды ТашГУ, новая серия. — 1963. — Вып. 200, исторические науки. — Кн. 39: Археология Средней Азии. — № 6. — С. 91.
- ⁵⁴ Дресвянская Г. Я. Бусы с городищ Старого Мерва//Археология Средней Азии. — Ташкент, 1969. — С. 56–65. (Тр. ТашГУ; Вып. 295); Дресвянская Г. Я. Каменные бусы с городища Старого Мерва//Материалы по археологии Мерва. — Ашхабад, 1966. — С. 62–85. (Тр. ЮТАКЭ; Т. 14).
- ⁵⁵ Böhner K. Die fränkischen Altertümer des Trierer Landes//Germ. Denkmäler Völkerwanderungszeit. — B. 1. — Berlin, 1958. — S. 68–186.
- ⁵⁶ Dannheimer H. Das alamannische Reihengräberfeld... — S. 26, table 1.
- ⁵⁷ Sasse B., Theune C. Perlen der Merowingerzeit... — S. 119.
- ⁵⁸ Koch U. Probleme merowingerzeitlicher Glasperlen...

Амфоры на памятниках позднеимперского времени в области днепро-донецкого водораздела

В своих работах, связанных с материальной культурой Херсонеса и Северного Причерноморья первых веков христианской эры, В. И. Кадеев уделил внимание и амфорной таре¹. Как известно, амфоры являются важнейшей составной частью керамического комплекса населенных пунктов античного мира. Изучение античных амфор в археологических культурах прилегающего Барбарикума играет огромную роль в построении хронологии и определении направлений торговли их носителей. Это касается в полной мере и области днепро-донецкого водораздела, охватывающей верхние течения рек днепровской (Сейм, Ворскла, Ворсклица, Мерла, Коломак, Орчик, Берестовая, Псел) и донецкой (Северский Донец, Мжа, Уды, Лопань, Харьков) гидросистем.

Первые случаи фиксации позднеимперской амфорной тары в этом регионе связаны со случайными находками с поверхности памятников культуры «полей погребений» (черняховская культура) или из разрушенных погребений данной общности в начале XX в.². Накопление находок амфорной тары позднеимперского времени в двадцатые–восемидесятые годы минувшего столетия связано с исследованием памятников черняховской культуры. В сводке римских импортных изделий Восточной Европы В. В. Кропоткин фиксирует 33 пункта находок амфор на позднеимперских памятниках днепро-донецкой лесостепи (Полтавская, Сумская, Харьковская области)³.

А. В. Кропоткин и В. В. Кропоткин к середине восьмидесятых годов зарегистрировали 114 памятников с находками амфор римского времени в Посеймье, в бассейнах Псла, Сулы, Ворсклы, в верховьях Северского Донца и Оскола⁴. Причем амфоры происходят конкретно из 61 памятника черняховской культуры и 18 памятников киевской культуры или позднезарубинецкого горизонта⁵. Б. В. Магомедовым представлена типология амфорной тары на черняховских памятниках, выделены ее массовые и редкие виды, показано их распространение⁶. В работах А. М. Обломского⁷ и Р. В. Терпиловского амфоры стали важным элементом датировки памятников типа Букреевки 2—Каменево 2, а также типа Снагость 2—Хохлово 2⁸. Учет находок амфор позднеимперского времени в регионе позволил сделать и некоторые выводы культурно-хронологического плана. Так, А. Н. Некрасова связывает с первым этапом распространения черняховских древностей к востоку от Днепра находки «танаисских» амфор⁹. Учитывая находки фрагментов светлоглиняных «танаисских» амфор типа D и совместные

находки таковых с фрагментами амфор типа F, А. М. Обломский ограничивает начало черняховского влияния на памятники типа Букреевка–Тазово и соответственно раннюю дату этих памятников серединой—второй половиной III в.¹⁰

В данной статье рассматриваются амфоры (уже опубликованные и новые находки) на ряде памятников позднеримского времени в плане выделения двух культурно-хронологических горизонтов этого периода (рис. 1). При описании светлоглиняных узкогорлых амфор использована классификация Д. Б. Шелова: тип D (танаисский): III в., тип F (инкерманский): конец III—IV вв., тип E (херсонесский): вторая половина IV—V вв.¹¹ Начнем с обзора находок амфор на отдельных поселениях (рис. 1).

Боромля 2 (р. Боромля—Ворскла) — на поселении выделено три хронологических периода: ранний, второй и третий¹². В засыпке котлована постройки 1 раннего периода найдены фрагменты амфор типа D. Из нижней части заполнения происходят две бронзовые фибулы с высоким приемником группы VII О. Альмгрена, трехчастный костяной гребень с полукруглой спинкой типа I 1a Никитиной¹³. Фрагменты днищ амфор типов D и F происходят с пола постройки 3 раннего периода, где найдена своеобразная фибула группы VII с широкой спинкой в виде двух повернутых вершинами друг к другу треугольников с перехватом-дужкой между ними — так называемая «мотыльковая» типа Страже¹⁴. В постройке 6 раннего периода найдено 16 фрагментов амфор типа D¹⁵. В нижней части заполнения постройки 10 раннего периода найдена ручка амфоры типа D, а из верхней части происходит крупный фрагмент стенки светлоглиняной амфоры¹⁶.

В нижней части заполнения полуземлянки 8 второго периода обнаружены фрагменты ручек и стенки крупной амфоры типа F¹⁷.

В заполнении постройки 2 третьего периода содержались фрагмент ручки амфоры типа F и фрагмент импортного красноглиняного сосуда¹⁸.

Родной Край 3 (р. Уды—Северский Донец) — на полу полуземлянки 1 найдены ручка амфоры типа D¹⁹ и ручка амфоры типа F²⁰. Рядом обнаружены бронзовая фибула группы VII и железный ключ²¹. В полуземлянке 2 открыты фрагменты ножек амфор типов D и F²².

Букреевка 2 (р. Виногробля—Тускарь—Сейм) — в постройке 1 найдены фрагменты стенок с бороздками амфор типа F²³. В постройке 2 обнаружены фрагменты стенок широкогорлой амфоры с поверхностью красно-коричневого цвета со светлым ангобом²⁴. Из постройки 3 происходит ручка амфоры типа D и фрагмент стенки амфоры типа F²⁵.

Гочево 3 (р. Псел) — из культурного слоя происходит обломок ручки амфоры типа F наряду с костяным гребнем типа I по З. Томас, двучленной подвязной фибулой, одночленной подвязной фасетированной фибулой²⁶.

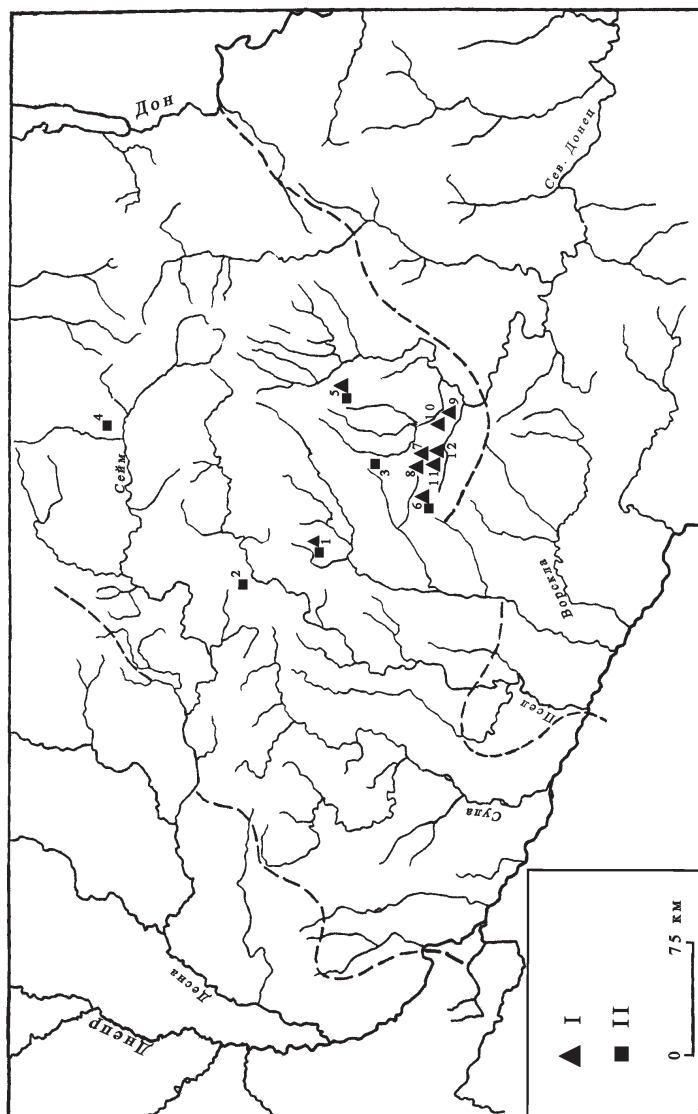

Рис. 1. Памятники позднеримского времени с находками амфор, о которых идет речь в статье:
 I — горизонт Боромля (1 — Боромля 2; 2 — Песчаное; 3 — Родной Край 3; 4 — Букреевка 2;
 5 — Головино 1; 6 — Войтенки 1); II — черняховская культура (7 — Шлях 2; 8 — Халимоновка;
 9 — Тимченки; 10 — Колесники; 11 — Хворостово; 12 — Мизяки)

Песчаное (р. Олешня—Псел) — из наземных построек и полуземлянок происходят фрагменты амфор типа D, в том числе одна почти целая²⁷. Крупные фрагменты найдены у очага жилища 1 и в заполнении жилища 5 под завалом обмазки²⁸.

Головино 1 (р. Топлинка—Северский Донец) — в нижнем горизонте заполнения ямы 5 траншеи 8 найден обломок ручки амфоры типа D²⁹. Из культурного слоя происходит ножка амфоры типа F³⁰.

Войтенки 1 (безымянный приток—Мокрый Мерчик—Мерчик—Мерла—Ворскла) — на участке А фрагменты ручек амфор типа F обнаружены в заполнении топочного блока гончарного горна. Ножка амфоры подобного типа обнаружена над сооружением 1 (рис. 2: 4). Фрагменты амфор типа F (ручка, стенка с бодроздками, стенки на участке перехода к горлу) найдены в заполнении сооружения 1 (рис. 3)³¹. Обнаружен фрагмент амфоры с незначительной частью дипинти, выполненный красной краской³². В верхнем слое

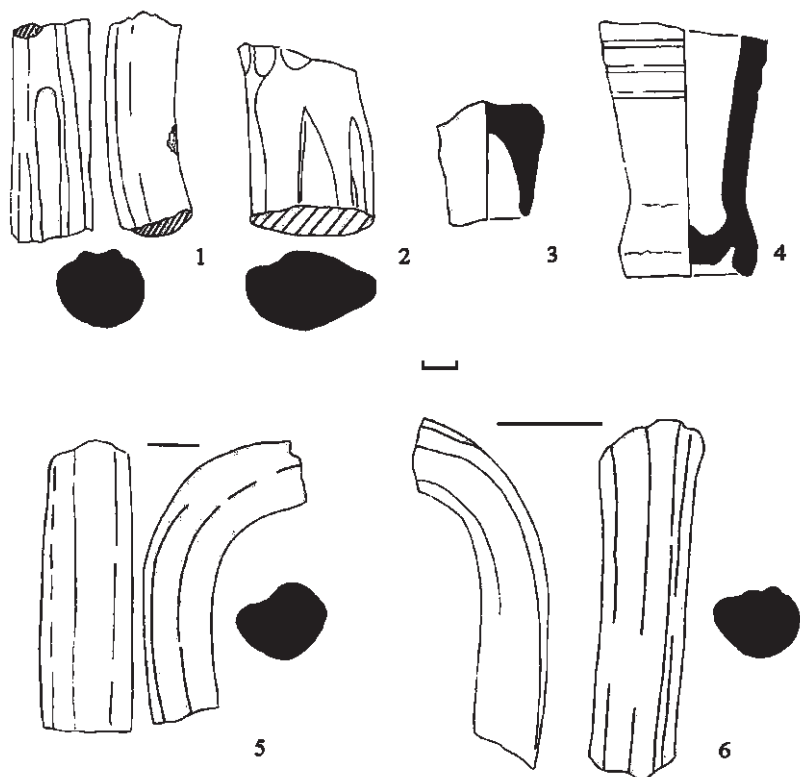

Рис. 2. Фрагменты амфор из слоя поселения Войтенки 1 (раскопки 2004 г.): 1–3, 5, 6 — участок В; 4 — участок А

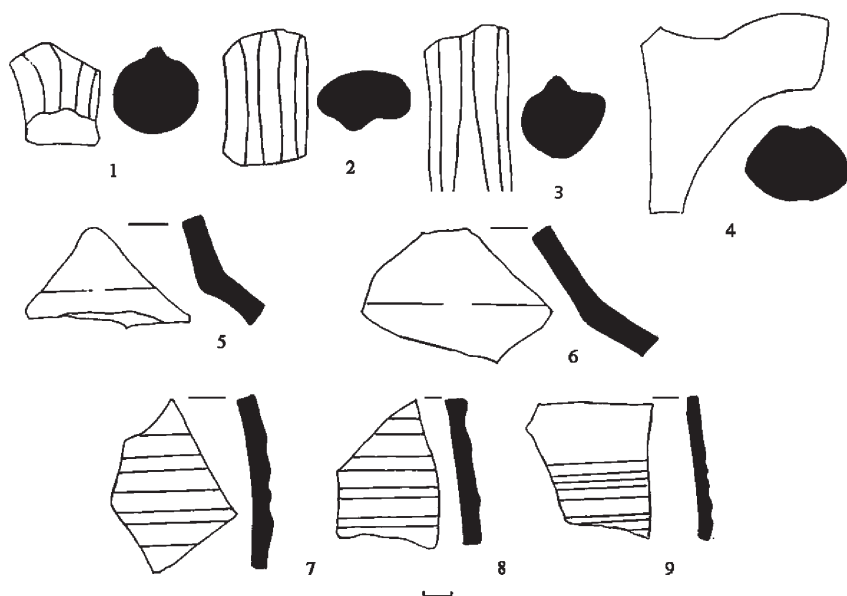

Рис. 3. Фрагменты амфор
из заполнения сооружения 2 участка А поселения Войтенки 1

заполнения сооружения 2 обнаружены фрагменты амфор типа F совместно с частями двух железных подвязных фибул и серебряной подтрапцевидной вытянутой пластинчатой подвеской. В нижнем слое заполнения найдены фрагменты амфор типа D совместно с бронзовой двучленной подвязной лучковой фибулой группы 15 серии 3 варианта 1 по А. К. Амброзу³³.

На участке В в слое раскопа 1 были встречены фрагменты амфор типа F, в том числе части ручек, горла (рис. 2: 1, 2, 3, 5, 6; 4: 1, 2, 3, 5). Найдены фрагменты стенок подобных амфор с дипинти (рис. 5) и фрагмент ручки с пятном краски от дипинти (рис. 2: 1)³⁴. В заполнении полуземлянки 1 обнаружен фрагмент стенки амфоры типа F совместно с железной ведерковидной подвеской, бронзовой подвязной фасетированной фибулой серии Б2в по Е. Л. Гороховскому. Спинкой железной фибулы, костяным гребнем типа П1 по Г. Ф. Никитиной³⁵.

Шлях 2 (р. Болгар—Мжа—Северский Донец) — найдены фрагменты ручек и часть донца амфор типа F³⁶.

Халимоновка (р. Турушка—Мжа—Северский Донец) — в слое поселения найдены фрагменты амфор типа F и E³⁷.

Колесники (р. Мжа—Северский Донец) — фрагменты амфор типа F обнаружены в слое³⁸. Над остатками наземного глинобитного сооружения 1

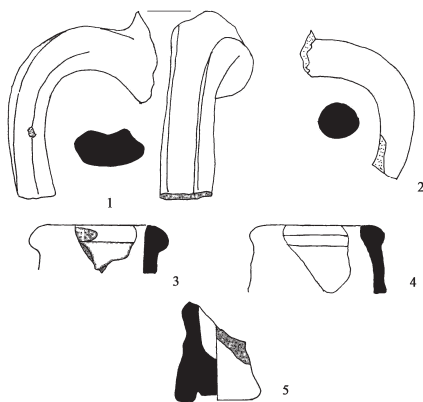

Рис. 4. Фрагменты амфор из слоя поселения Войтенки 1 (раскопки 2005 г.): 1–3, 5 — участок В; 4 — участок А

Из подъемного материала на поселениях Хворостово (рис. 6: 6, 7, 9, 11), Мизяки (рис. 7: 1), Тимченки (рис. 7: 5), Войтенки 1 (рис. 7: 4).

Переходим к анализу приведенного материала. В постройке 1 Боромли 2 фрагменты амфор типа D найдены совместно с двумя фибулами группы VII и костяным гребнем типа IIa по Г. Ф. Никитиной. Подобные фибулы извест-

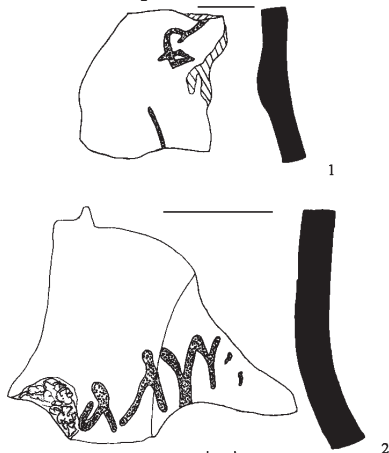

Рис. 5. Фрагменты амфор с дипинти из раскопа 1 участка В поселения Войтенки 1

(раскопки 1995 г.) найден фрагмент донца амфоры типа D (рис. 8: 1)³⁹. Рядом с его очагом обнаружен фрагмент стенки амфоры типа F (рис. 8:3). В жилище найдена бронзовая фибула «воинского» типа⁴⁰. Возле очага наземного глинобитного сооружения 3 (раскопки 1999 г.) найдены фрагменты амфор типа F, в том числе стенка с корнем ручки (рис. 8: 2)⁴¹. Возле ямы 2 обнаружен венчик амфоры типа F (рис. 8: 4)⁴².

Тимченки (р. Мжа—Северский Донец) — в слое найдены фрагменты амфор типа F. В яме 1 обнаружена ручка амфоры типа F, а в яме 3 — фрагменты стенок амфор того же типа⁴³.

ны в погребальных комплексах ступени C1a по К. Годловскому на территории Польши (Крапковице, погребение 6; Хорула, погребение 150; Спицымеж, погребение 5)⁴⁴. Они присущи первой (Ружичанской) фазе развития черняховских могильников украинской лесостепи по Е. Л. Гороховскому, относимой к 230–270 гг. то есть к ступеням C1b–началу C2⁴⁵. Фибулы группы VII существуют во втором периоде (270/280–310/320 гг.) развития черняховской культуры по системе О. А. Гей—И. А. Бажана⁴⁶. Гребни указанного типа характерны для первой-четвертой фаз развития черняховских могильников украинской лесостепи

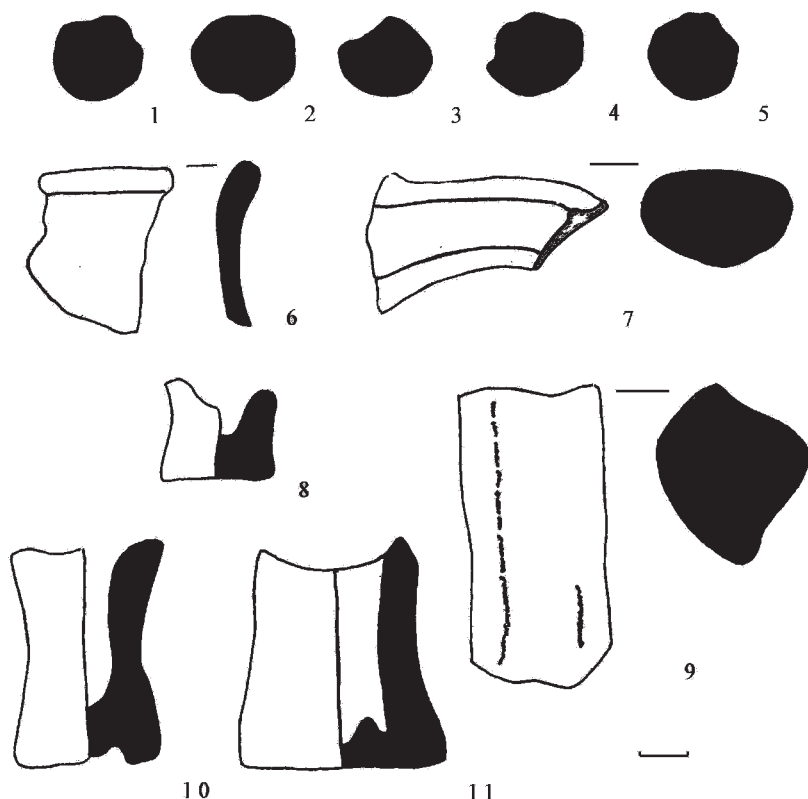

Рис. 6. Фрагменты амфор из черняховских поселений: 1–5, 8, 10 — Шлях 2 (раскопки); 6, 7, 9, 11 — Хворостово (подъемный материал)

степи, которые охватывают 230–400 гг. или ступени C1b–D1⁴⁷. По схеме О. А. Гей–И. А. Бажана они существуют во втором-третьем периодах (270/280–350/355 гг. или C2, C3) черняховской культуры⁴⁸. Гребни этого типа продолжали бытовать достаточно долго в черняховской культуре — например в третьей фазе Косановского могильника, относимой к позднему отрезку ступени C3 и началу D1⁴⁹.

В других случаях фрагменты амфор типа D найдены совместно с фрагментами амфор типа F. В постройке 3 Боромли 2 им сопутствует своеобразная фибула группы VII. В полуземлянке 1 Родного Края 3 помимо фибулы группы VII находки фрагментов амфор данных типов сопровождается железный ключ с петлевидной головкой и расположенной перпендикулярно корпусу массивной сплошной бородкой⁵⁰. Определение хронологии подобных ключей затруднено: участок могильника Бельбек 1, откуда происходят погребения с ключами,

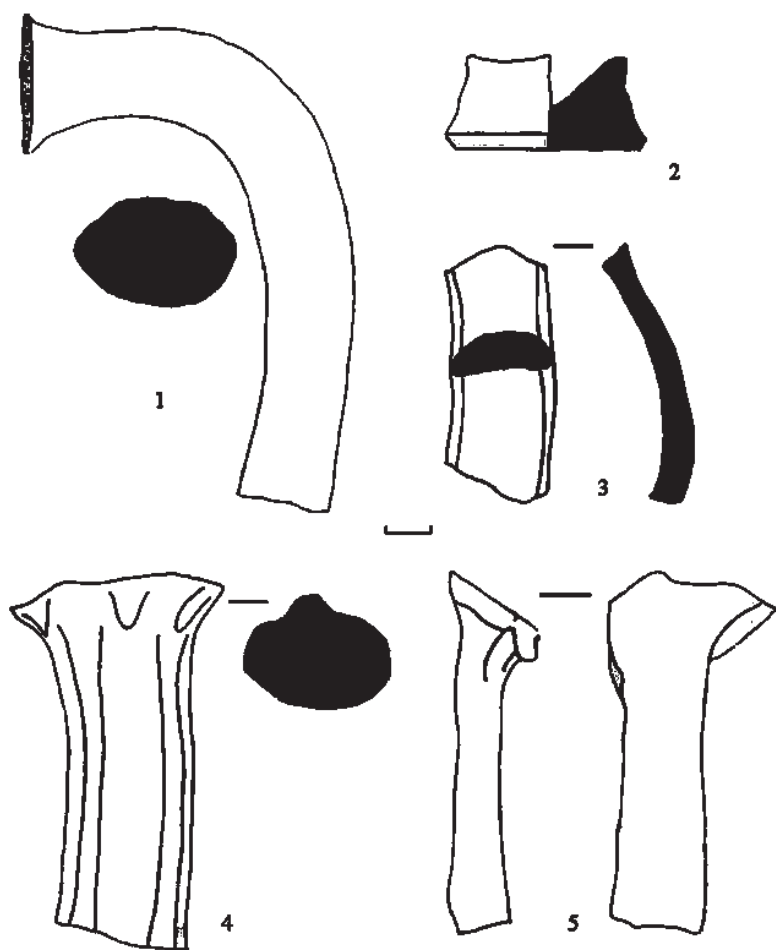

Рис. 7. Фрагменты амфор из черняховских поселений:

1 — Мизяки (подъемный материал); 2, 3 — Халимоновка (раскопки); 4 — Войтенки 1, участок А (подъемный материал); 5 — Тимченки (подъемный материал)

и могильник Бельбек 3 датированы первой половиной III в., могильник Скалистое 3 — II—III вв.⁵¹ На поселении Букреевка 2 фрагмента амфор типа D и F найдены совместно в постройке 3, а фибула группы VII в слое над постройкой 5. Фрагмент амфоры типа F находился в культурном слое.

На участке А селища Войтенки 1 фрагменты амфор типа D и F в нижнем слое заполнения сооружения 2 найдены совместно с бронзовой двучленной подвязной лучковой фибулой Альмгрен 157⁵² или группы 15 серии 3 вари-

Рис. 8. Фрагменты амфор из черняховского поселения Колесники:
1 — над сооружением 1; 2 — сооружение 3; 3 — сооружение 1; 4 — яма 2

анта 1 А. К. Амброза⁵³. Она датируется II—III вв.⁵⁴. Подобная фибула, но с фасетированной ножкой, обнаружена в погребении (кремация) черняховского могильника Каборга IV⁵⁵.

На упоминаемых здесь памятниках совместные находки амфор типов D и F вместе с фибулами Альмгрен VII или Альмгрен 157 сопровождается одинаковым набором лепной керамики с небольшим процентом в основном столовой гончарной керамики⁵⁶. Совместно с такой же керамикой находились фрагменты амфор типа D в постройках 6 и 10 Боромли 2⁵⁷. Фрагмент амфоры типа D на поселении Колесники находился в слое над наземной постройкой 1, а в слое были встречены очень мелкие фрагменты лепной керамики, которые не позволяют точно выяснить их культурную принадлежность, ибо на памятнике присутствует лепная керамика бронзового века, скифского времени, позднезарубинецкого горизонта. Ситуация сочетания фрагментов амфор типа D, наземных глинобитных сооружений, лепной и гончарной черняховской керамики в Песчаном остается достаточно неясной по короткой публикации⁵⁸. С указанным выше комплексом лепной керамики в заполнении сооружения 1 участка А Войтенков 1 сочетаются находки фрагментов амфор типа F, а рядом найдена фибула группы VII⁵⁹.

Таким образом, горизонт поселений с определенным набором лепной керамики маркируют находки фрагментов амфор типа D, сочетание их в некоторых случаях с фрагментами амфор типа F и фибулами группы Альмгрен VII (и, как оказалось, с Альмгрен 157), костяными гребнями Томас I. Этот

горизонт в одном случае получил обозначение как «памятники типа Букреевка 2—Тазово». Автор этого термина А. М. Обломский их неотъемлемой характеристикой считает генетическую связь с памятниками раннеримского времени днепро-донецкого водораздела типа Шишино 5—Шмырево, которые считаются раннекиевскими⁶⁰.

В другом случае этот горизонт получил название «горизонт Боромля». М. Б. Щукин связывает с ним памятники Днепровского Левобережья, содержащие керамику вельбарского или пшеворского облика, а также керамику типа Демьянов—Черепин⁶¹. Мы вкладываем в этот термин большее — это группа поселений (Букреевка 2, Гочево 3, 4; Родной Край 3; Войтенки 1 (участок А); Боромля 2 (нижний горизонт), Головино 1), существовавших в восточной части днепро-донецкой лесостепи (рис. 1), появившихся вследствие миграции части носителей памятников типа Демьянов—Черепин из Верхнего Поднестровья, включавших в себя некоторые элементы черняховской культуры, но не являющиеся черняховской культурой⁶². Положение о таком пути появления носителей горизонта Боромля в нашем регионе поддерживает В. Д. Баран⁶³. Остановимся на хронологии горизонта Боромля с использованием находок амфор типа D и F.

Амфоры типа D датируются концом II—первой половиной III вв., по горизонт разгрома Танаиса готами⁶⁴, а в Ольвии они известны в комплексах третьей четверти—конца III в.⁶⁵ В лесостепной зоне отдельные экземпляры амфор типа D могли использоваться и после III в.⁶⁶ Они также были в обиходе у носителей памятников типа Демьянов—Черепин: фрагменты амфор типа D встречены в жилище 4 поселения Черепин вместе с фибулой группы VII, а в постройке 11 — с костяным гребнем Томас I⁶⁷. Отдельные экземпляры амфор типа D существуют на памятниках горизонта Боромля и в начале IV в. Об этом позволяет говорить совместное нахождение их фрагментов с фрагментами амфор типа F, которые датируются IV в.⁶⁸ Получается, что у носителей горизонта Боромля амфоры типа D использовались тогда, когда они уже вышли из обращения в Северном Причерноморье. Факт сосуществования амфор типа D и F на памятниках горизонта Боромля заставляет сдвинуть его датировку в сторону «омоложения». К тому же небольшую часть керамического комплекса горизонта Боромля составляет черняховская гончарная керамика — в основном столовая. Но в некоторых комплексах (например, в постройках Букреевки 2)⁶⁹ присутствуют и фрагменты кухонной керамики — горшков. Горшки появляются в черняховском керамическом комплексе не с самого начала культуры, а относительно поздно — в третьем периоде (310/320–350/355 гг.) ее развития по схеме О. А. Гей—И. А. Бажана⁷⁰. В пользу «омоложения» говорит и факт перекрытия пережатого слоя горизонта Боромля слоем «классической» черняховской культуры ступени

СЗ в сооружении 2 участка Войтенков 1. Стерильная прослойка между слоями отсутствует. Все сказанное позволяет относить существование горизонта Боромля к ступени С2 (270–330 гг.), что в общем и совпадает с датировкой фибул группы VII в системе О. А. Гей—И. А. Бажана⁷¹.

На поселении Шлях 2 фрагменты исключительно амфор типа F встречены совместно лишь с гончарной черняховской столовой и кухонной керамикой, кусками обожженной глиняной обмазки — следами наземных жилищ, бронзовой двучленной подвязной фибулой серии B3e по Е. Л. Гороховскому, бронзовой пряжкой с калачиковидной рамкой серии Г по Е. Л. Гороховскому, фрагментами стеклянного кубка с выточенными овалами Эггерс 230 (тип «Ковальк») ⁷². На поселении Халимоновка с фрагментами амфор типов F и E найдена также исключительно гончарная черняховская столовая и кухонная керамика, исследованы остатки двух наземных жилищ ⁷³. Поселения Шлях 2 и Халимоновка следует относить ко второй половине IV в. (СЗ—начало D1) ⁷⁴.

Усматривается закономерность между поздней датой селищ, наличием на них исключительно гончарной керамики и наземных жилищ. Сюда еще следует добавить употребление исключительно амфор типов F и E. Мы имеем дело с иным культурно-хронологическим горизонтом, чем горизонт Боромля. Он соответствует признакам памятников типа Снагость 2—Хохлово 2 ⁷⁵, представляющих уже «классическую» черняховскую культуру на днепродонецком водоразделе, датирующуюся по материалам поселений и могильников второй четвертью IV—началом V вв. (СЗ—D1) ⁷⁶. Данный горизонт соответствует критериям «типа Косанов» по Б. В. Магомедову ⁷⁷, отражающего «классическую» черняховскую культуру с обязательным присутствием германских элементов.

В Колесниках также имеет место сочетание: амфоры типа F — наземные жилища — господство гончарной керамики. В Войтенках 1 фрагменты амфор типа F найдены в слое поселения на участках А и В. На одном фрагменте ручки амфоры имеется капля краски от дипинти. На фрагменте горла (рис. 5: 1) дипинти состоит из двух знаков: штрих краской (часть знака) и ломаная линия, подобная знаку на амфоре из Танаиса ⁷⁸. На фрагменте нижней части горла (рис. 5: 1) надпись состоит из четырех букв: β-1, λ-1, γ-2. Аналоги таких отдельных букв или их сочетаний имеются на амфорах типа D из Танаиса ⁷⁹. Для амфор типа F присутствие на них дипинти является вполне характерным явлением ⁸⁰.

О находках, сопровождающих фрагмент амфоры типа F помимо исключительно гончарной керамики в полуземлянке 1 участка В Войтенков 1, уже упоминалось выше. Они позволяют относить комплекс к ступени СЗ. Для памятников типа Косаново, представляющих черняховскую культуру характерно и сочетание наземных глинобитных, а также полуземляночных жилищ ⁸¹.

Приведенный в статье материал убеждает нас в том, что находки амфор на памятниках позднеримского времени области днепро-донецкого водораздела свидетельствуют не только о существовании обмена и торговли жителей с провинциями Римской империи. Их типология и распределение этих типов по конкретным памятникам, корреляция их с конкретными хронологическими индикаторами, устоявшимися наборами гончарной и лепной керамики позволяют сделать вывод об устойчивом сочетании определенных типов амфор с каждым из двух культурно-хронологических горизонтов данного периода в регионе: горизонтом Боромля ступени С2 и собственно черняховской культурой ступени С3—D1.

Примечания

- ¹ *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический. Быт и культура (I—III вв. н. э.). — Харьков, 1996. — С. 52–53; *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I—V вв. н. э. — Харьков, 1989. — С. 35, 53, 66, 79.
- ² *Любичев М. В.* Черняховская культура днепро-донецкой лесостепи: история исследования и основные проблемы изучения. — Харьков, 2000. — С. 14.
- ³ *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.)//САИ. — 1970. — Вып. Д1–27. — С. 59–62.
- ⁴ *Кропоткин А. В., Кропоткин В. В.* Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе//Могилиники черняховской культуры. — М., 1988. — С. 169.
- ⁵ *Там же.* — С. 176–181.
- ⁶ *Магомедов Б. В.* Черняховская культура. Проблема этноса. — Lublin, 2001. — С. 62–63, рис. 61–63; *Магомедов Б. В.* Римские амфоры в черняховской культуре//Готы и Рим. — К., 2006. — С. 52–59.
- ⁷ *Обломский А. М.* Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. — М., 2002. — Рис. 32, 39, 45, 46, 48, 51, 57.
- ⁸ *Терпиловский Р. В.* Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э.— Lublin, 2004. — С. 44, рис. 83.
- ⁹ *Некрасова А. Н.* Хронология распространения черняховской культуры в Днепровском лесостепном Левобережье//Археологические исследования в Центральном Черноземье. — Белгород, 1990. — С. 59–61.
- ¹⁰ *Обломский А. М.* О взаимоотношении киевского и черняховского населения на водоразделе Днепра и Дона//Проблемы происхождения та історичного розвитку слов'ян. — Київ; Львів, 1997. — С. 68.
- ¹¹ *Шелов Д. Б.* Узкогорлые амфоры первых веков н. э.//КСИА. — 1978. — Вып. 156; *Кропоткин А. В., Кропоткин В. В.* Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе... — С. 168–169.
- ¹² *Некрасова А. Н.* Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья //Готы и Рим. — К., 2006. — С. 94–95.

- ¹³ *Обломский А. М.* О времени появления черняховского населения на территории Днепроовского Левобережья//Сто лет черняховской культуре. — К., 1999. — С. 26, рис. 2.
- ¹⁴ *Обломский А. М.* Указ. соч. — С. 26; *Некрасова А. Н.* Указ. соч. — С. 95; *Kolnik T.* Honosné spony mladšej dobi rimskej vosvete nalezov z juhozapadnego Slovenska //Slovenska archeologia. — 1964. — 2. — S. 418, Obr. 2.
- ¹⁵ *Некрасова А. Н.* Указ. соч. — С. 96, рис. 29:23.
- ¹⁶ *Там же.* — С. 98, рис. 36:7, 8.
- ¹⁷ *Там же.* — С. 97, Рис. 34:34–36.
- ¹⁸ *Там же.* — С. 95, Рис. 22:6, 7.
- ¹⁹ *Обломский А. М.* Днепроовское лесостепное Левобережье... — Рис. 45:16.
- ²⁰ *Башкатов Ю. Ю., Дегтярь А. К., Любичев М. В.* Селище позднеримского времени Родной Край 3 в бассейне Северского Донца//Древности 1996. — Харьков, 1997. — Табл. V:16.
- ²¹ *Обломский А. М.* Указ. соч. — Рис. 45:18, 19.
- ²² *Обломский А. М.* Указ. соч. — Рис. 46:11, 12; *Башкатов Ю. Ю., Дегтярь А. К., Любичев М. В.* Указ. соч. — Табл. V:13, 15.
- ²³ *Сымонович Э. А.* Букреевка 2 — селище второй четверти I тыс. н. э.//МИАДЛ — Курск, 1990. — С. 81.
- ²⁴ *Там же.* — С. 84, рис. 4:13
- ²⁵ *Там же.* — С. 86, рис. 5: 12, 13; *Обломский А. М.* О времени появления... — С. 27.
- ²⁶ *Обломский А. М.* Днепроовское лесостепное Левобережье... — С. 33.
- ²⁷ *Обломский А. М.* О времени появления... — С. 27, рис. 9.
- ²⁸ *Обломский А. М.* Днепроовское лесостепное Левобережье... — С. 42, рис. 48; *Журко А. И.* Памятники черняховской культуры в лесостепном Днепроовском Левобережье//РА. — 1994. — № 4. — С. 215–217.
- ²⁹ *Обломский А. М.* Новый черняховский памятник на территории России//Stratum plus. — 2001–2002. — № 5. — С. 34, рис. 19:18.
- ³⁰ *Там же.* — С. 44, рис. 22:15.
- ³¹ *Любичев М. В.* Отчет об исследованиях Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2004 г. — Харьков, 2005. — НА ИА НАНУ. — С. 14, 15, 16, рис. 22:1, 6; 23:46; 25:3; 27:3, 5; 28: 1–4, 37: 1, 2.
- ³² *Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г.* Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2006 г. — Харьков, 2007. — НА ИА НАНУ. — С. 4.
- ³³ *Там же.* — С. 8.
- ³⁴ *Любичев М. В.* Отчет об исследованиях... — С. 19, 21, 23; *Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г.* Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2005 г. — Харьков, 2006. — НА ИА НАНУ. — Рис. 57:1, 40: 1, с. 21.

- ³⁵ Любичев М. В. Указ соч. — С. 23.
- ³⁶ Любичев М. В. Поселения черняховской культуры Шлях 2 и Халимоновка на Мже//Древности 2005. — С. 279.
- ³⁷ Там же. — С. 284, рис. 6:23.
- ³⁸ Любичев М. В. Отчет об исследованиях памятников позднеримского времени в бассейне Северского Донца в 1995 г. — Харьков, 1996. — НА ИА НАНУ. — С. 7; Любичев М. В. Отчет о работе Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 1999 г. — Харьков, 2000. — НА ИА НАНУ. — С. 4.
- ³⁹ Любичев М. В. Отчет об исследованиях памятников позднеримского времени... — С. 3, табл. VIII:2.
- ⁴⁰ Там же. — С. 3, табл. VIII:1, с. 5, табл. V:1.
- ⁴¹ Любичев М. В. Отчет о работе... — С. 4, рис. 5:2, 8:1.
- ⁴² Там же. — С. 5.
- ⁴³ Любичев М. В. Отчет об археологических исследованиях на территории Харьковской и Полтавской областей в 1998 г. — Харьков, 1999. — НА ИА НАНУ. — С. 4, 6.
- ⁴⁴ Щукин М. Б. Готский путь. — СПб., 2005. — С. 536, табл. III:28–30.
- ⁴⁵ Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины //Труды V МКАС. — Т. 4. — С. 37, 42–43.
- ⁴⁶ Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). — М., 1997. — С. 42, табл. 67:21.
- ⁴⁷ Гороховский Е. Л. Указ. соч. — С. 36–41, 42–44.
- ⁴⁸ Гей О. А., Бажан И. А. Указ. соч. — Табл. 67, 68.
- ⁴⁹ Petrauskas O. V. Die Gräberfelder der Černjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka — eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten//BRGK. — 2003. — Bd. 84. — Abb. 14: 9; 15, S. 267.
- ⁵⁰ Башкатов Ю. Ю., Дегтярь А. К., Любичев М. В. Указ. соч. — С. 116, табл. V:2.
- ⁵¹ Гущина И. И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века нашей эры//Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1982. — Вып. 2. — С. 26; Гущина И. И. Поселение сарматского времени в долине р. Бельбек в Крыму//Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1974. — С. 44; Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму//СА. — 1976. — № 4. — С. 147.
- ⁵² Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen//Mannus-Bibliothek-Leipzig, 1923. — Nr-32. — Taf. VII: 157.
- ⁵³ Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР//САИ. — 1966. — Вып. Д1–30. — С. 52, табл. 9:18–20.
- ⁵⁴ Там же. — С. 52.
- ⁵⁵ Магомедов Б. В. О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и лесостепи//Славяне на Днестре и Дунае. — К., 1983. — С. 148, рис. 4.

- ⁵⁶ Некрасова А. Н. Указ соч. — Рис. 21:10–30; рис. 25:1–22; Башкатов Ю. Ю., Де-гтярь А. К., Любичев М. В. Указ. соч. — Табл. II, III; Сымонович Э. А. Указ. соч. — Рис. 5:9, 10, 14–22; 7:17–19; Обломский А. М. Новый черняховский памятник... — Рис. 13:34–44; 14:13; 15:13; 19:7, 8, 20–28, 30; Любичев М. В. Об этнокультурных процессах позднеримского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследования археологического комплекса Войтенки)//(В печати).
- ⁵⁷ Некрасова А. Н. Указ. соч. — рис. 28:24–27, 36:9–13.
- ⁵⁸ Журко А. И. Указ. соч.
- ⁵⁹ Любичев М. В. О постройках на селище черняховской культуры Войтенки 1 (по материалам раскопок 2004–2005 гг.)//АЛЛУ. — 2006. — № 2. — Рис. 5, 8:3.
- ⁶⁰ Обломский А. М. О времени появления... — С. 26; Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье... — С. 56–57.
- ⁶¹ Щукин М. Б. Готский путь... — С. 133.
- ⁶² Любичев М. В. К вопросу о времени появления памятников черняховской культуры на днепро-донецком водоразделе//РА. — 2003. — № 3. — С. 71–81; Любичев М. В. «Скифские войны» III в. и появление элементов черняховской культуры восточнее Днепра//ВХУ. — 2003. — № 594. — История: вип. 35. — С. 22–34.
- ⁶³ Баран В. Д. Черняхівська культура — поліетнічне утворення на території Південно-Східної Європи//Археологія давніх слов'ян. — К., 2004. — С. 98–99.
- ⁶⁴ Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология//Боспорский сборник. — 1993. — № 3; Обломский А. М. О времени появления... — С. 28.
- ⁶⁵ Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. — К., 1993. — С. 94.
- ⁶⁶ Обломский А. М. О времени появления... — С. 28.
- ⁶⁷ Баран В. Д. Черняхівська культура. — К., 1981. — Табл. 38:11, 16; 44: 10, 11.
- ⁶⁸ Магомедов Б. В. Черняховская культура. — Lublin, 2001. — С. 62.
- ⁶⁹ Сымонович Э. А. Указ. соч. — Рис. 3–8.
- ⁷⁰ Гей О. А., Бажан И. А. Указ. соч. — С. 43, табл. 68:3, 4, 9, 15.
- ⁷¹ Там же. — С. 42.
- ⁷² Любичев М. В. Поселения черняховской культуры... — С. 284.
- ⁷³ Там же. — С. 284, 279.
- ⁷⁴ Там же. — С. 286.
- ⁷⁵ Кротопкін А. В., Обломський А. М. Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III–V ст. н. е.//Археологія. — 1991. — № 1. — С. 78, 88.
- ⁷⁶ Любичев М. В. Поселения черняховской культуры... — С. 286.
- ⁷⁷ Магомедов Б. В. Черняховская культура... — С. 151.
- ⁷⁸ Böttger B., Šelov D. Amphorendipinti aus Tanais. — Moskau, 1998. — Taf. 3:8.
- ⁷⁹ Там же. — Taf. 1:24, 31; 50:467; 1: 11; 52:710; 68: 1797; 5:24; 60:1384, 1390; 68:1805.
- ⁸⁰ Магомедов Б. В. Черняховская культура... — Рис. 61: 4, 5, 8; Кротопкин В. В. Римские импортные изделия... — С. 49, 60, 67, 68.
- ⁸¹ Магомедов Б. В. Черняховская культура... — С. 151.

В. В. Скирда

**Салтовская культура
в исследованиях ученых Харьковского университета
в 40–60-х годах XX века**

Великая Отечественная война закончилась и страна начала постепенно возрождаться. Вернулись к своей деятельности и археологи Харьковского университета. Уже в 1946 г. профессор С. А. Семенов-Зусер, возглавлявший в то время кафедру древней истории и археологии Харьковского университета, возобновил раскопки на Верхнесалтовском катакомбном могильнике, которые продолжались в последующие два года¹. В первый год раскопок на могильнике было обнаружено и исследовано 24 катакомбы. В том же году экспедиция обследовала Верхнесалтовское городище и провела разведки на прилегающих к нему селищах. Данные работы были проведены С. А. Семеновым-Зусером с целью всестороннего изучения Верхнесалтовского комплекса². К сожалению, нужно отметить, что эта цель не достигнута и сегодня. Материалы, полученные во время раскопок 1946 г. были опубликованы исследователем в первом томе «Археологічних пам'яток УРСР» и по сути представляли собой публикацию дневника раскопок с очень кратким историографическим введением. При этом, С. А. Семенов-Зусер, отмечал, что среди исследованных им захоронений выделяется пять разных видов архитектурных катакомбных сооружений. Различия в них, по его мнению, зависели от принадлежности умершего к тому или иному роду или общине³. Особый интерес ученого вызвала разграбленная катакомба № 19, в которой было обнаружено захоронение лошади, а также детское погребение № 5, совершенное в грунтовой яме и отнесенное С. А. Семеновым-Зусером к славянскому типу⁴.

Продолжая раскопки могильника, экспедиция под руководством С. А. Семенова-Зусера, в состав которой входил и его первооткрыватель В. А. Бабенко, вскрыла еще 25 катакомб (двадцать — в 1947 г. и пять — в 1948 г.)⁵. Основываясь на данных трехлетних раскопок, ученый провел детальный анализ артефактов и обряда захоронения на Верхнесалтовском могильнике. Эти результаты были опубликованы уже после смерти исследователя⁶. Особое внимание С. А. Семенов-Зусер обращал на погребальные сооружения, разделенные им на три типа: камеры, на стенах которых видны следы орудий и отсутствуют следы отделки; камеры с гладкой поверхностью стен и камеры с гофрированной поверхностью стен⁷.

Уже в студенческие годы столкнулся с исследованием салтовских памятников Б. А. Шрамко. В качестве заместителя начальника экспедиции, ко-

торой руководил С. А. Семенов-Зусер, он принимал участие в раскопках Верхнесалтовского могильника в 1947–1948 гг.⁸ С салтовской проблематикой была связана его первая публикация, посвященная вооружению и орудиям труда носителей салтовской культуры⁹.

В период с 1949 по 1957 г. археологической экспедицией Харьковского университета под руководством Б. А. Шрамко, во время проведения разведочных работ в бассейне рек Оскола и Северского Донца, а также их притоков было выявлено более двух десятков древних поселений, имеющих отложения салтовской культуры. Значительная часть из них была выявлена активно работающим в экспедиции студентом, а в последствии заведующим Археологическим музеем университета В. И. Кадеевым¹⁰. Наиболее многочисленным материалом, собранным во время этих работ была керамика. Обработав ее, а также используя керамический материал из раскопок А. М. Покровского, В. А. Бабенка и С. А. Семенова-Зусера Верхнесалтовского катакомбного могильника, Б. А. Шрамко издал в 1959 г. статью. В ней была сделана первая в научной литературе попытка дать общую характеристику салтовской керамики, которую исследователь разделил на семь основных типов. Ученым было отмечено, что гончарное производство носителей салтовской культуры достигло высокого уровня развития и уже начало выделяться в самостоятельное ремесло. Исходные формы основных салтовских сосудов, некоторые орнаментальные мотивы, технические способы ангобирования, лощения посуды и т. п., он видел в сарматской керамике¹¹.

В том же году Б. А. Шрамко была вскрыта одна катакомба на Верхнесалтовском могильнике. В погребении, потревоженном грабителем, были захоронены ребенок и взрослый человек средних лет. Обнаруженный погребальный инвентарь был представлен фигурной пряжкой, бляшками со стилизованным растительным орнаментом, литыми и штампованными бубенчиками и пронизью, изготовленными из бронзы, а также обломками железных ножей и разнообразными по форме и материалу бусами¹².

1959 г. можно считать отправной точкой в исследовании памятников салтовской культуры для В. К. Михеева. В этом году, являясь студентом исторического факультета и одновременно лаборантом Археологического музея Харьковского университета, он провел разведки, в ходе которых было выявлено и обследовано двенадцать памятников салтовской культуры¹³. Еще несколько селищ и городищ салтовской культуры, а также два разрушенных могильника (возле сел Бочково и Залиман) были исследованы молодым ученым на протяжении полевых сезонов 1961 и 1962 гг.¹⁴.

В 1963 г. археологическая экспедиция Харьковского университета начала раскопки салтовского городища площадью 15 га, расположенного возле с. Маяки Славянского района Донецкой области. Работы на памятнике

продолжались до 1968 г., исключая полевой сезон 1967 г.¹⁵ Уже в первый год раскопок было обнаружено и исследовано 8 хозяйственных ям, небольшая наземная постройка с очагом и землянка. Среди находок встречались различные типы и виды керамической посуды, железные орудия труда, оружие и элементы конской сбруи, а также каменные жернова¹⁶. Особый интерес представлял клад железных вещей, найденный И. Е. Гайворонским во время строительных работ и переданный В. К. Михееву. Как показали исследования на месте находки клада, он находился на территории селища, примыкающем к городищу с восточной стороны. В состав клада входили: ассиметричный лемех листовидной формы, проушная мотыга, пара массивных конских пут и четыре топора различных типов, один из которых был боевым. По мнению В. К. Михеева, клад был зарыт в первой половине X в.¹⁷

Многочисленные находки железных изделий (оружия, орудий труда, конской сбруи и т. п.), а также остатки глинобитной железоплавильной печи сводчатой конструкции обнаруженные на городище у с. Маяки, в первые два года его исследования, позволили В. К. Михееву сделать определенные выводы. Им было отмечено, что ремесленники городища занимались выплавкой железа и изготовлением различных изделий из него. Ассортимент этих изделий позволил ученому утверждать, что основным занятием населения, проживавшего на данном городище, было развитое пашенное земледелие и металлообрабатывающее ремесло¹⁸.

Исследования 60-х гг. XX в., производившиеся В. К. Михеевым возле с. Маяки показали, что возле давно известного археологам салтовского городища существовали еще селище и могильник. То есть данный памятник являлся комплексом. В ходе работ ученым на поселении была вскрыта площадь 4000 кв. м (его общая площадь 70 га), где были выявлены жилища, хозяйственные ямы и погребя. На могильнике было исследовано 31 грунтовое погребение. Еще 7 погребений было вскрыто на поселении и одно на городище¹⁹.

В 1966 г., кроме исследований салтовского комплекса возле с. Маяки, В. К. Михеев совместно с Б. А. Шрамко производили раскопки на Волчанском городище и прилегающем к нему селище № 2. Если на городище удалось исследовать лишь частично разрушенную полуземлянку и две хозяйственные ямы (материал представлен железным шилом и фрагментами керамики), то материал, полученный во время раскопок селища, был достаточно интересным. Там были обнаружены остатки сырцутного горна, а также куски шлака железной (болотной) руды и древесного угля. Детально изучив полученный материал, исследователи пришли к мнению, что данный железоплавильный горн относился к сооружениям неземного типа с искусственным

дутьем. Он относился к горнам, типа переходного к шахтному и имел две оригинальные особенности. Они состояли в своеобразном материале, из которого изготавливался горн, способах его обработки, а также в наличии маленьких отверстий в верхней части горна, возле самого колошника. Горн был изготовлен из местной огнеупорной глины и перед началом эксплуатации обожжен. Учитывая своеобразие и доскональность горна из Волчанска, Б. А. Шрамко и В. К. Михеев решили возможным поставить его на одно из первых мест в металлургическом производстве раннего средневековья и говорить о высоком технологическом уровне металлургии у носителей салтовской культуры²⁰.

На протяжении 1966–1967 гг. выходит ряд статей В. К. Михеева, связанных как с металлургическим производством носителей салтовской культуры, так и другими ремеслами, которыми они занимались. Одна из них была посвящена специально металлургическому и металлообрабатывающему ремеслу, а также деревообрабатывающему производству²¹. Во второй статье были детально рассмотрены все виды и типы салтовских наконечников копий. Кроме этого, автором были использованы данные металлографического и спектрального анализа шести наконечников, найденных им на поселении у с. Маяки²². Третья статья подводила итоги изучению хозяйства алано-болгарских племен в работах советских археологов. В. К. Михеев отметил, что наибольшего успеха ученые достигли в деле изучения гончарного дела у населения салтовской культуры и некоторых других отраслях хозяйства. При этом, он обращал внимание на отсутствие специальных исследований в области сельского хозяйства и таких важных отраслях ремесла, как добыча и обработка черных и цветных металлов, камня, кости, прядения и ткачества. Решить эту задачу, по мнению исследователя, необходимо было в ближайшие годы²³.

Заполнять эти пробелы стал сам В. К. Михеев, который в 1968 г. издал специальную работу, в которой наглядно показал достижения ремесленников салтовской культуры, проживавших в Подонье, в производстве изделий из цветных металлов, изготовлении керамики, а также обработке дерева и камня. Произведенный анализ многочисленного материала, позволил исследователю утверждать, что уровень развития каждого из указанных ремесел у салтовцев не уступал уровню, достигнутому в VIII—X вв. другими народами Восточной Европы²⁴. Более подробно и глубоко данные отрасли хозяйства населения салтовской культуры, а также такие виды деятельности, как металлургия черных металлов и кузнечное производство, были проанализированы в кандидатской диссертации В. К. Михеева. Обработав значительное количество материала, в первую очередь из раскопок возле села Маяки, а также из исследований С. А. Плетневой, Б. А. Шрамко и др., он показал,

что у болгаро-аланского населения Подонья были весьма развиты различные ремесла. В первую очередь это относилось к ремеслам, связанным с металлургией и металлообработкой, что по мнению ученого, в значительной мере обеспечило бурный взлет и расцвет салтовской культуры²⁵.

Продолжалось исследование памятников салтовской культуры учеными Харьковского университета и в 1969 г. Так, археологическая экспедиция Харьковского университета под руководством Б. А. Шрамко производила раскопки городища возле с. Большое Городище Шебекинского района Белгородской области, которое было обнаружено ученым еще во время разведок 1958 г. Это городище располагалось на мысе высокого правого берега р. Корочи, примерно в 18–20 км от ее впадения в р. Нежеголь (приток Северского Донца). Было заложено четыре раскопа. В результате исследования, полученного во время раскопок материала, было установлено, что городище имело два периода своего существования. Первый относился к IV—III вв. до н. э., а второй — ко времени раннего средневековья, т. е. салтовской культуре. К последнему периоду относились две полуземлянки и несколько хозяйственных ям. При этом Б. А. Шрамко сделал вывод о том, что в период раннего железного века исследованный памятник являлся городищем-убежищем, а в эпоху раннего средневековья представлял собою укрепленную резиденцию правителя²⁶.

В 1969 г. В. К. Михеев начал раскопки на городище и прилегающем к нему селища с. Сухая Гомольша Змиевского района Харьковской области. На территории городища им было выявлено и исследовано две хозяйственных ямы, а на селище — полуземляночное жилище. Подвергся исследованию и зольник, имеющий размеры 22×28 м²⁷.

В том же году ученым совместно с Е. М. Кадеевой были произведены раскопки, разрушаемого строительными работами, грунтового могильника, расположенного на окраине г. Балаклеи. Исследование и опрос местного населения показали, что основная часть могильника с погребениями имеющими салтовский инвентарь была застроена частными усадьбами. Во время раскопок было выявлено 5 погребений²⁸. Одно из них относилось к катакомбной культуре, два с западной ориентировкой — к салтовской и два, имеющие северную ориентировку и инвентарь кочевнического типа, по мнению исследователей, датировались IX—XI вв.²⁹

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении 40–60-х гг. XX в. исследованием памятников салтовской культуры в разные годы занимались профессор С. А. Семенов-Зусер, а также будущие профессора Харьковского университета Б. А. Шрамко, В. И. Кадеев и В. К. Михеев, для которого салтовская тематика стала основной сферой научных интересов.

Примечания

- ¹ *Архив МАЭСУ*. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 3–6, *Скирда В. В., Чернігова Н. В.* Архівні матеріали професора С. А. Семенова-Зусера//АЛЛУ. — 2001. — № 2.
- ² *Семенов-Зусер С.* Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р.//АП УРСР. — К., 1949. — Т. 1. — С. 113–114.
- ³ *Там же*. — С. 137.
- ⁴ *Там же*. — С. 113, 120, 122, 132–133.
- ⁵ *Семенов-Зусер С. А.* Отчет о раскопках Верхнесалтовского могильника в 1947 г. //Харьков, 1947. — 28 л. (*Архив МАЭСУ*, ф. 1, оп. 1, д. 6)
- ⁶ *Семенов-Зусер С. А.* Дослідження Салтівського могильника//АП УРСР. — К., 1952. — Т. 3. — С. 271–286.
- ⁷ *Там же*. — С. 286.
- ⁸ *Там же*. — С. 271.
- ⁹ *Шрамко Б. А.* Орудия производства и оружие салтовской культуры//Пятая студ. науч. конф., посвящ. XI съезду ВЛКСМ: Тез. докл., 3–7 апр. 1949. — Харьков, 1949. — С. 124–126.
- ¹⁰ *Бібліографічний словник учених Харківського університету*. — Харків: Бізнес-Інформ, 2001. — Т. 2. — С. 182; *Архив МАЭСУ*. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 4а, 5а, 5б, 6, 7а.
- ¹¹ *Шрамко Б. А.* Кераміка салтівської культури//УЗХУ. — 1959. — Т. 100. — С. 241–267.
- ¹² *Шрамко Б. А.* Отчет о работе Скифо-славянской экспедиции Харьковского университета в 1959 г. — Харьков, 1960. — Л. 3–4, Табл. I. (*Архив МАЭСУ*, ф. 1, оп. 1, д. 10а).
- ¹³ *Михеев В. К.* Краткий отчет об археологических разведках Кочетокской арх. экспедиции АН УССР в 1959 г. — Харьков, 1959. — 6 л. (*Архив МАЭСУ*, ф. 1, оп. 2, д. 1); *Володимир Кузьмич Міхеев* — професор Харківського університету: Бібліогр. покажч. — Харків, 1997. — С. 4.
- ¹⁴ *Михеев В. К.* Отчет об археологических разведках и раскопках в 1961 году. — Харьков, 1962. — 21 л. (*Архив МАЭСУ*, ф. 1, оп. 2, д. 2); *Михеев В. К.* Отчет об археологических разведках в 1962 г. — Харьков, 1963. — 14 л. (*Архив МАЭСУ*, ф. 1, оп. 2, д. 3а)
- ¹⁵ *Скирда В. В.* Дослідження пам'яток салтівської культури археологами Харківського університету//Сьомі Сумцовські читання. — Харків, 2002. — С. 35.
- ¹⁶ *Михеев В. К.* Результаты археологических работ в 1963 году. — Харьков, 1964. — 8 л. (*Архив МАЭСУ*, ф. 1, оп. 2, д. 4)
- ¹⁷ *Там же*. — Л. 7; *Михеев В. К.* Клад железных изделий с селища салтовской культуры//СА. — 1968. — № 2. — С. 297–300.
- ¹⁸ *Михеев В. К.* Новые данные для изучения хозяйства и ремесел салтовской культуры VIII–X вв. (по раскопкам городища у с. Маяки на Северном Донце)//Материалы

- сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. (Тез. докл.). — Баку, 1965. — С. 139–140.
- ¹⁹ Михеев В. К. Отчет об археологических исследованиях поселений салтовской культуры у с. Маяки в 1968 г. — Харьков, 1969. — 30 л. (Архив МАЭСУ, ф. 1, оп. 2, д. 8)
- ²⁰ Шрамко Б. А., Михеев К. До питання про виробництва заліза у болгаро-аланських племен салтівської культури//ВХУ. — 1969. — № 35: Іст. сер. — Вип. 3. — С. 74–81.
- ²¹ Михеев В. К. До питання про ремісниче виробництво салтівської культури //ВХУ. — 1966. — № 17: Іст. сер. — Вип. 1. — С. 91–98.
- ²² Михеев В. К., Степанська Р. Б., Фомін Л. Д. Зброя салтівської культури та її виробництво (списи)//Питання історії народів СРСР. — Харків, 1967. — Вип. 4. — С. 163–171.
- ²³ Михеев В. К. Досягнення радянських археологів у вивченні господарства алано-болгарських племен Подоння VIII—X вв.//ВХУ. — 1967. — № 22: Іст. сер. — Вип. 2. — С. 119–124.
- ²⁴ Михеев В. К. Достижения ремесленников салтовской культуры. — Харьков: Изд-во ХГУ, 1968. — 27 с.
- ²⁵ Михеев В. К. Основные ремесленные производства болгаро-аланского населения Подонья в VIII—X вв. — Харьков, 1968. — 19 с.
- ²⁶ Шрамко Б. А. Отчет о раскопках и разведках у села Большое Городище Белгородской области в 1969 г. — Харьков, 1970. — 10 л. (Архив МАЭСУ, ф. 1, оп. 1, д. 206).
- ²⁷ Михеев В. К., Дяченко О. Г. Дослідження ранньосередньовічного поселення поблизу с. Суха Гомольша//АДУ в 1969 р. — К., 1972. — Вип. 4. — С. 275–280; Михеев В. К. Отчет об археологических раскопках на территории Харьковской обл. в 1969 г. — Харьков, 1970. — Л. 1–14. (Архив МАЭСУ, ф. 1, оп. 2, д. 9а).
- ²⁸ Там же. — Л. 15–16.
- ²⁹ Кадеєва Є. М., Михеев В. К. Роботи на Балаклійському могильнику//АДУ в 1969 р. — К., 1972. — Вип. 4. — С. 280–284.

Душоуболеваний Владимир Иванович!
Желаю Вам, чтобы из книжки Вашей
исходили не только дремлющие семечки, а крики -
интимные, дружные, оживающие крики -
не лишней и в следящее, не забывающее никак
подобное колесиво, время
С колесом Нави

Дорогому Владимиру Ивановичу
с пожеланиями здоровья, энтузиазма,
сохранения интереса к жизни и
стремления к научным исследованиям
от благодарного студента, аспиранта,
коллеги по кафедре и учителя.
(проф. И.П. Сергеев)

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

История факультета - это,
прежде всего, история тех людей,
чьими усилиями он создавался
и развивался. В этой истории,
дорогой Владимир Иванович,
Вам уже сегодня отведена
отдельная глава. Вместе с
тем, я надеюсь, что в неё
будет вписана еще не одна
новая страница.

Многие Вам лета!

Поссов

Щиро Вітано
з новітнім!
Поссов

А. Д. Каплин

**В. К. Надлер и его труды
на ниве исторического просвещения**

Несмотря на трагическую в определенной степени судьбу Харьковского университета в советский период, тем не менее, историческое образование в нем оказалось связанным со временем дореволюционным. И главная заслуга здесь принадлежит, пожалуй, преподавателям древней истории. В этом контексте нельзя не обратить внимание на то, что В. И. Кадеев, как и его дореволюционные коллеги не только не замыкался в границах узкой научной проблематики, но и обращался к историографическим и историческим проблемам более позднего времени, отдавая должное своим предшественникам. Как не вспомнить здесь многолетний интерес Владимира Ивановича к судьбе и творческому наследию В. П. Бузескула, Е. Г. Кагарова и др.

В настоящем юбилейном сборнике не только уместно, но даже необходимо вспомнить и заслуженного профессора Василия Карловича Надлера (1840–1894), проработавшего более четверти века на кафедре всеобщей истории * и свыше пятнадцати лет возглавлявшего историко-филологический факультет Императорского Харьковского университета. В. К. Надлер сыграл большую роль как в определении направлений факультетских исследований в области всемирной истории, так и в подборе кадров для решения научных задач.

О вкладе В. К. Надлера в науку, человеческих качествах было сказано немало добрых слов после его кончины, в том числе его учениками В. П. Бузескулом и А. С. Вязигиным¹. Но затянувшееся революционное лихолетье не способствовало сохранению добрых чувств и трезвости сознания. «Советская историческая энциклопедия» даже не посчитала нужным упомянуть о том, кто немало потрудились на поприще исторической науки и образования.

Харьковские ученые все же находили возможности для объективной оценки трудов своего предшественника². В данной статье мы продолжаем эту традицию, предлагая обзор жизни и творческого наследия В. К. Надлера.

15 декабря ** 1840 г. (В. П. Бузескул называет годом рождения — 1841)³ в семье Карла Надлера — провизора, управлявшего аптекой при богоугодных заведениях Харьковского приказа общественного призрения — родился сын Василий. «Получив домашнее воспитание у родителя своего», а затем в учеб-

* Где читал лекции от «римской истории преимущественно во времена империи» до европейской истории XIX в.

** Здесь и в дальнейшем все даты приводятся по старому стилю.

ном заведении Цобеля, он выдержал вступительный экзамен в Харьковский университет и в 1857 г. стал студентом историко-филологического факультета⁴. Именно здесь весьма быстро возросли, укрепились и проявились способности одаренного многими талантами молодого историка.

Закончив в 1862 г. университет, уже через два года, в возрасте 23 лет В. К. Надлер защищает в Петербурге магистерскую диссертацию и единогласно избирается доцентом всеобщей истории в родном университете. Через три года он защищает уже докторскую диссертацию, а в 28 лет становится ординарным профессором. Для сегодняшнего времени в области исторических наук — это почти немыслимое явление. В XIX столетии такое бывало. Вспомним хотя бы старшего коллегу и наставника В. К. Надлера — харьковского профессора П. А. Лавровского (1827–1886), удостоенного докторской степени в 1854 г., а впоследствии (1869 г.) назначенного первым ректором Варшавского университета.

Если научная ценность магистерского сочинения В. К. Надлера «Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в XIV и начале XV в.» вызвала противоречивые отзывы, то докторская диссертация «Адальберт Бременский, правитель Германии в молодые годы Генриха IV» была единодушно признана значительным вкладом в науку. И спустя более чем столетие высоко оценивают это сочинение и современные историки⁵.

С 1869 г. Василий Карлович становится секретарем, а с 1875 г. деканом историко-филологического факультета Харьковского университета. Этот пост он занимал до самого своего отъезда в Одессу в 1891 г. Кроме этого временно исполнял и обязанности ректора. Был В. К. Надлер и одним из инициаторов создания и первым председателем Харьковского историко-филологического общества.

Большая часть собственно научных трудов В. К. Надлера до начала 80-х гг. XIX в. главным образом была посвящена средневековой истории. Хотя и здесь поражает диапазон интересов и широта охвата материалов: от «императора Оттона III и его времени» до «Османских турок и балканских славян во второй половине XIV века». Его интересует и «Каннибализм в греческих мифах», и «Состояние Западной Европы в конце IX и начале X столетия», и «Культурная жизнь арабов...», и Юстиниан, и мн. др.

Но с конца 70-х гг. XIX в. занятия Василия Карловича постепенно сосредоточиваются преимущественно на новейшей истории (для того времени), как всеобщей, так и русской. Главным трудом этих усилий явилось фундаментальное 5-томное (более чем 2300-страничное) сочинение «Император Александр I и идея Священного союза», где была представлена живописнейшая картина российско-европейской истории 1812–1815 гг. с экскурсами в предшествовавшие и последующие времена и события⁶.

С 1884 г. благодаря усилиям и окормлению одного из знаменитых православных издателей (ранее одного из основателей «Душеполезного чтения») архиепископа Харьковского и Ахтырского Амвросия (Ключарева) начал выпускаться сразу приобретший широкую известность журнал «Вера и Разум». Его сотрудником и стал В. К. Надлер, именно здесь печатая впервые свой самый значительный труд, который тут же стал известен далеко за пределами Харькова.

Вот что сообщал обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев Государю Императору Александру III в письме из Ораниенбаума (24 июня 1884 г.): «Рассчитывая, что покуда длится путешествие, у Вашего Величества может быть более досуга, нежели в обыкновенное время, позволяю себе с последним курьером переслать прилагаемые три книжки харьковского журнала «Вера и Разум» и обратить Ваше внимание на помещенные здесь статьи проф. Надлера «О религиозном развитии Императора Александра I». Статьи хорошо написаны и очень интересны и поучительны. Они содержат в себе печальную повесть о роковых недоразумениях высшего правящего сословия, о народе и его потребностях, — недоразумениях, коими наполнена новая история России с XVIII столетия»⁷.

С выходом уже отдельных томов сочинения В. К. Надлера интерес широкой публики и специалистов все более возрастал. Не замедлили появиться и рецензии. Характер их был различен и скорее больше свидетельствовал не о разбираемом труде, а о собственном мировоззрении критиков, почему-то пожелавших укрыться за литерами «П.М.», «Р.Г.Д.», «Р.Д.»⁸. Так, П. Н. Милюкову («П.М.»), только что ставшему приват-доцентом Московского университета явно не понравился провиденциализм «нового историка двенадцатого года», его объяснения исторических событий, где определяющее значение отводилось Промыслу Божию.

Чуть позже, исследуя воззрения А. С. Хомякова, профессор Киевской Духовной Академии В. З. Завитневич подчеркивал, что идея провиденциализма «всегда неразлучно связана бывает с идеей телеологизма»⁹. «И нужно заметить, — продолжал он, — что надлежаще понимаемая, это есть единственно возможная точка зрения, с которою может примириться историк-христианин»¹⁰. Последнее вполне согласовывается и с тем, что святитель Филарет (Дроздов) советовал «изыскателям истины бытописаний человеческих»: «Не попусти себе тупым взором видеть в бытиях человечества только нестройную игру случаев и борьбу страстей или слепую судьбу, изощри свое око и примечай следы провидения Божия, премудрого, благого и праведного»¹¹.

Не мог согласиться молодой либерал П. Н. Милюков с выводом В. К. Надлера о том, что идея Священного союза была единственной до начала XIX в. «серьезной и искренней попыткой организовать международные отношения

на чистых началах христианской нравственности»¹². Правда, такая попытка Александра I вызвала «лишь всеобщее противодействие и глумление и прошла почти бесследно для человечества». На «печальную историю этой попытки» и обращал внимание В. К. Надлер (и эту «печальную повесть» так глубоко прочувствовал К. П. Победоносцев!).

Надо отдать должное не только эрудиции автора (хотя П. Н. Милюков пытался поправлять русского немца В. К. Надлера даже в переводе с немецкого¹³), но и его смелости. Ибо он открыто выступил против господствовавших уже тогда «либеральных представителей исторической традиции».

По его мнению, «всякий современный газетчик и кропатель передовых статей считает своим долгом глумиться и над идеей Священного союза, и над попыткой его осуществления». Понимание В. К. Надлером главных причин победы русских в Отечественной войне 1812 г. (а он писал: «Помощь Всемогущего спасла их (народ и царя — А. К.) вопреки всем громадным преимуществам противника, вопреки их собственной розни, их временному ослеплению и малодушию»¹⁴), значения Священного союза не могло быть принято и «умеренными историками и публицистами». И от их лица было заявлено: «...провиденциализм в той форме, в какой он является у проф. Надлера, вряд ли может быть допущен в строго историческом, научном труде»¹⁵.

Свой труд харьковский профессор посвятил «Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу» (будущему Государю Императору Николаю II). Видимо, и это не располагало некоторых критиков к объективному содержанию сочинения.

Традиция искажения неугодного смысла, неприятия его, приобрела в последующее столетие еще больший размах. Неудивительно поэтому, что не только широкому читателю, но и многим профессиональным историкам до сих пор неизвестны например «Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне. 1813 год» святителя (тогда архимандрита) Филарета (Дроздова) или многочисленные труды А. И. Михайловского-Данилевского (7-томное собрание сочинений, 4-х томное описание Отечественной войны 1812 г. и т. д.).

В. К. Надлер писал свое сочинение значительно позже А. И. Михайловского-Данилевского, в другой общественной атмосфере и иного отношения к событиям начала XIX в. Но его равнодушие и последовательность в обосновании принятого направления в оценках, манера изложения материала (о слоге В. К. Надлера даже идеологические оппоненты вынуждены были неоднократно повторять «превосходный», «увлекательный и живой рассказ» и т. д.) обеспечили В. К. Надлеру всероссийскую известность и признание широких читательских кругов (пятитомник практически параллельно издавался и в Риге).

Надо заметить, что и преподавателем, лектором, рассказчиком В. К. Надлер был удивительным. Тексты своих многочисленных лекций он никогда не записывал (за исключением первой пробной в университете)¹⁶. И только благодаря своим ревностным слушателям увидели свет его обширные курсы по русской истории (общий объем литографии около 1500 страниц) и средних веков.

Кроме службы в университете В. К. Надлер преподавал историю и географию в харьковских женских гимназиях (Первой и Филиппс) в специальном классе. Произносил публичные речи, которые впоследствии становились и самостоятельными научными сочинениями. Его чтение привлекало массу публики. В Харькове долго помнили целый лекционный публичный курс по истории XIX в., который впоследствии лег в основу изданной им книги «Меттерних и европейская реакция» (Харьков, 1882).

Но харьковцам было любопытно послушать не только о политике, но и например о «мифическом элементе в истории». Читал В. К. Надлер лекции и в пользу народных школ Харьковской губернии. Сотрудничал помимо «Веры и Разума» в других харьковских, столичных повременных изданиях — газете «Южный край», «Духовном Вестнике», «Журнале Министерства Народного Просвещения». Знали и уважали его в Петербурге, Москве, Риге, Одессе, Киеве.

Василий Карлович обладал редкой памятью, умел работать чрезвычайно быстро и основательно даже по меркам того трудолюбивого времени. По воспоминаниям В. П. Бузескула, писал он обыкновенно сразу, не переделывая написанного, не подбирая выражений, без всякого видимого труда¹⁷. Никогда не делал заранее выписок или каких-либо заметок: громадная память удерживала все необходимое и существенное. В этом находили причину свободы и увлекательности изложения даже строго научных сочинений В. К. Надлера.

Но в то же время: и в трудах, и в жизни он никогда не гнался за эффектом. И его поведение, и его красноречие было простым и естественным. И что чрезвычайно важно, по мнению коллег — педантизм и сухой формализм (при его-то многолетних административных заботах!) были ему совершенно чужды, равно как и мелочное самолюбие и мстительность¹⁸.

Как отмечалось выше, магистерскую диссертацию В. К. Надлер защищал в столице, в том числе и по причине разногласий со своим старшим коллегой М. Н. Петровым. Но это не сделало их врагами или недоброжелателями. И никто иной, как Василий Карлович, подготовил и выпустил в свет под своей общей редакцией известные «Лекции по всемирной истории» покойного М. Н. Петрова.

Причем 2-й том он обработал и дополнил, перевел и отрывки из всемирной истории Ранке. (В 1906–1908 гг. ученик В. К. Надлера — профессор А. С. Вязигин еще раз переработал, дополнил и издал второй том в 2-х частях. Как подчеркивал профессор Я. А. Денисов, «обработка чужого труда

является делом неблагодарным и невидным и требует известного самопожертвования от того, кто за него берется. И эту жертву А. С. Вязигин принес и, несмотря на исключительно неблагоприятные обстоятельства... справился со своей задачей блистательно»^{19.})

Жизнь В. К. Надлера была насыщенной и напряженной, но крепкое здоровье позволяло совершать трудновыполнимые дела. В 48 лет он заслуженный профессор. Однако обстоятельства вынуждают его оставить родной город и переехать в январе 1891 г. в Одессу, где он возглавил историко-филологический факультет Новороссийского университета.

Тревоги и заботы, случившиеся с ним во время переезда и на новом месте привели к болезни сердца и легких. Но В. К. Надлер по-прежнему неустанно продолжает трудиться. Одна за другой появляются его статьи по одесской старине, о Дюке де-Решилье и др. В 1892 г. завершается печатание труда об Александре I — выходит самый обширный 5-й том. Новому декану поручают написать к юбилею Одессы историю города. Но смертельный недуг останавливает столь благотворную деятельность. 31 марта 1894 г. 53 лет от роду В. К. Надлер завершает свой земной путь. О чем на следующий день, ссылаясь на «частные сведения», сообщила харьковская пресса^{20.}

Похороны Василия Карловича состоялись в Одессе 2 апреля. В университете отменили занятия. Панихида была отслужена в университетской церкви. За гробом шел городской голова Г. Г. Маразли. Несли гроб студенты, для которых В. К. Надлер «был всегдашним и искренним печальником и заступником». В часовне старого христианского кладбища гроб находился до получения особого разрешения об отправке его в Харьков.

Спустя почти полтора месяца в газете «Южный край» от 15 мая в разделе «Местная хроника» сообщалось: «...Вчера же утром прах покойного профессора после панихиды, отслуженной священником университетской церкви о. Феодором Кианицыным в сослужении с священником кафедрального собора о. Григорием Виноградовым, при пении хора певчих университетской церкви под управлением И. М. Туроверова, был перенесен на Городское кладбище, где, по желанию покойного, и предано земле»^{21.} Так завершился земной путь истинно университетского ученого.

Университет, по слову святителя Филарета (Дроздова), «как обитель высших учений» должен искать не просто какую-то «естественную» истину. Истина одна, и если исторгнуть истину Божию и Христову из человечества (и наук человеческих), то «с ним будет то же, что с телом без сердца, что с миром без солнца»^{22.} И нужно не только прийти к истине, но и путем истины стремиться к истинной жизни.

Таков духовный идеал единения университетской науки и истинной веры. И есть немало оснований утверждать, что Василий Карлович Надлер является достойным примером служения на ниве исторического просвещения.

Примечания

- ¹ Бузескул В. П. В. К. Надлер (некролог)//ЖМНП. — 1894. — № 5; Вязигин А. С. Воспоминания о В. К. Надлере//Харьковские губернские ведомости. — 1894. — № 86.
- ² Митряев А. И., Голубкин Ю. А., Лиман С. И. Медиевистика в Харьковском университете//Вестник Харьк. ун-та. — 1991. — № 357. — Вып. 24; Лиман С. И. З історії німецької діаспори в Харкові у ХІХ столітті: професор Харківського університету Василь Карлович Надлер (1840–1894)//Схід—Захід: Історико-культурологічний збірник. — Харьков, 1999.
- ³ Бузескул В. П. Указ. соч. — С. 40.
- ⁴ Вязигин А. С. Надлер Василий Карлович//Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). — Харьков, 1908. — С. 283.
- ⁵ Митряев А. И., Голубкин Ю. А., Лиман С. И. Указ соч. — С.73; Лиман С. И. Указ. соч. — С. 137–138.
- ⁶ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. — Т. 1–5. — Харьков, 1886–1892.
- ⁷ Цит. по.: Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. — М., 1993. — С. 395.
- ⁸ П. М. Новый историк двенадцатого года//Русская мысль. — 1887. — № 2; Р.Г.Д. Рец.: В. К. Надлер. Император Александр I и идея Священного союза. Томы I и II. Харьков, 1886//ЖМНП. — 1887. — № 5; Р.Д. Рец.: В. К. Надлер. Император Александр I и идея Священного союза. Томы III и IV. Харьков, 1887–1888 //ЖМНП. — 1889. — № 9.
- ⁹ Завитневич В. З. Алексей Степанович Хомяков. — Т. I. — Кн. 2. — К., 1902. — С. 869.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. — М., 1994. — С. 298.
- ¹² Надлер В. К. Указ. соч. — Т.1. — С. 3.
- ¹³ П. М. Указ. соч. — С. 147.
- ¹⁴ Надлер В. К. Указ. соч. — Т. 2. — С.383.
- ¹⁵ Р. Г. Д. Указ. соч. — С. 167.
- ¹⁶ Бузескул В. П. Указ. соч. — С. 44.
- ¹⁷ Там же. — С. 42.
- ¹⁸ Там же. — С. 44.
- ¹⁹ Денисов Я. А. А. С. Вязигин: По поводу 25-летия научно-педагогической деятельности. — Харьков, 1917. — С. 8.
- ²⁰ Южный край. — 1894. — 1 апреля.
- ²¹ Южный край. — 1894. — 15 мая.
- ²² Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. — С. 293, 297, 299.

Університетська корпорація: історіографічні аспекти

Вислів про те, що університет — це не будівля, а, перш за все, люди звучить аксіоматично. Поряд із цим часто-густо йдеться про «університетський дух», «університетський світ», «університетську корпорацію». Останнє поняття, на якому зосереджували увагу не одне покоління людей, є далеко не однозначним. Для розуміння ситуації зупинимося лише на деяких аспектах історіографії університетів Російської імперії другої половини XIX—початку XX ст.

Палка дискусія щодо розуміння сутності університетської корпорації розгорнулася вже під час обговорення проекту університетського статуту на початку 60-х рр. XIX ст. Тоді пролунали не просто різні, а часто протилежні думки з цього приводу.

Характерне для свого часу визначення терміну «корпорація» навів А. М. Бекетов. На його думку, громада перетворюється на корпорацію, коли отримує від держави особливі права та привілеї, які захищають її корисну для держави діяльність від інших (більш чисельних та сильних) громад тієї ж держави¹. Але дехто бачив корпорацію не лише через призму юридичного підходу. Зокрема зазначалося, що сутність корпорації полягає у «збереженні переказів», в «асиміляції», яка здійснюється через вплив старших членів корпорації на молодших². М. І. Пирогов шкодував, що університети лише по назві корпорація, бо вони позбавлені традицій та переказів. Тобто у такому варіанті корпорація ставала скоріше моральною категорією. Відповідно, більше уваги на формальний бік справи приділяли ті, хто хотів розширення прав як університетів, так і політичної свободи взагалі. За збереження й розвиток духовної єдності університетської корпорації здебільшого виступали прихильники існуючого ладу. І хоча зазначені погляди будуть існувати впродовж всієї другої половини XIX—початку XX ст., поступово, в ході дискусії, визначиться панування першої із позицій, тобто «корпорації прав». В основі підходу — ворожість до «зовнішньої сили» — держави, намагання досягти повної екстериторіальності у стосунках із нею.

Були розбіжності й щодо розуміння складових університетської корпорації та її походження: чи є вона єдиною, чи розпадається на професорську та студентську; чи можна взагалі казати про студентську корпорацію; чи має університетська корпорація корені в місцевому середовищі, чи є штучним явищем, тощо.

Зрозуміло, що прихильники концепції «корпорації прав», як правило, бачили в кожному університеті дві корпорації (професорську та студентську³),

а прихильники «університетського духу», відповідно, спільну університетську корпорацію (звичайно, не урівнюючи професорів та студентів, але розмірковуючи про спільні перекази та корпоративний зв'язок⁴; останній при цьому ставав показником слабкості чи сили університетської корпорації⁵). Ці два погляди на корпорацію, так або інакше, відображалися в публіцистиці, хоч автори далеко не завжди були послідовними у своїй позиції. З часом, характерним явищем стало відокремлення, а то й протиставлення викладацької та студентської корпорацій. Таке протиставлення було більш притаманне радикально налаштованим авторам. Примітним моментом також стає тенденція виокремлювати групи всередині і студентського, і викладацького середовища, виявляти «старого університету» протиріччя між ними. Такий стан думок фіксував не лише пошук університаріями власної ідентичності, а й певну кризу свідомості в університетському середовищі.

Радянська публіцистика та історіографія 20–40-х рр. XX ст. відрізняється вельми критичним ставленням не лише до організаційних форм, традицій та правил університетського життя, а й до носіїв цих традицій. Для багатьох радянських авторів уже саме слово «корпорація» стало синонімом чогось віджитого, напівфеодального. Так, зазначалося, що «жерці науки» професори та слухачі-студенти виокремлювалися «в особливу корпорацію або касту з особливими традиціями, почестями та привілеями», що для вступу до такої корпорації вимагався «окрім родових та станових умов, цілий церемоніал»⁶. Відповідним був висновок про те, що «університет був особливим світом, світом феодално-дворянських привілеїв та відживаючих традицій»⁷. Цікаво відзначити, що у цьому випадку, як ми бачимо, негативно оцінювалися не лише станові обмеження та привілеї, а й «традиції». Заступник наркома освіти України Я. Ряппо в іншій своїй праці писав, що задля переходу до соціалізму «конче потрібно подолати й усунути старий побут, перекази й ідеологію минувшини»⁸. Таким чином, «університетська корпорація» зазнала негативної оцінки і в юридичному значенні, і в моральному. Цей автор був переконаний, що ані радянське студентство, ані радянські професори не повинні складати «особливу касту або корпорацію», вони мають стати «невід'ємною частиною організованого в профспілки робітничого класу та трудового селянства, вони мають складати невід'ємну частину радянської громадськості»⁹.

Таким чином, у радянській літературі цього періоду було відкинуто поняття «університетська корпорація» як таке (або вживали його як синонім замкненості, кастовості), лише інколи застосовувався термін «корпорація» щодо дореволюційного студентства (розуміючи під ним не стільки наявність певних прав, скільки позначаючи спільність дій та інтересів, заборонені студентські організації). Типовим для зазначеного часу став негативний образ «старої професури», а також протиставлення студентів професорам. Заперечення

викликала не тільки система «особливих прав» університетів, а й університетська культура взагалі. Лише наприкінці 30—на початку 40-х рр. XX ст. почали висловлюватися більш зважені оцінки щодо «старого університету». Тоді ж почне відроджуватися образ університетського середовища, як такого, що протистояло самодержавству. Відповідно, університет поступово почали переводити з реакційного до прогресивного «табору».

Поняття «корпорація» й у післявоєнний період здебільшого використовувалося авторами мимохідь, часто без будь-яких пояснень. Однак прикметою часу стало застосування слова в позитивному контексті. Тезу про те, що студентство прагнуло до корпоративного устрою можна неодноразово зустріти в наукових працях, присвячених історії університетів Російської імперії. Проте, далеко не завжди можна легко з'ясувати, що мається на увазі під терміном «корпоративний устрій». В деяких випадках, очевидно, так як і раніше, мова йде про право студентів на створення власних організацій. Зокрема, зауваження про те, що «студенти були позбавлені будь-яких корпоративних прав», яке доволі часто зустрічається в літературі, слід розуміти саме в такому плані (бо студенти все ж таки мали певні права як окрема соціально-професійна група). Радянські дослідники другої половини XX ст. почали згадувати як позитивний факт «корпоративні інтереси» (які виявлялися незалежно від різноманітності складу студентства), «почуття корпоративної солідарності» (як передумову та причину студентського руху), врешті-решт інколи визначати «студентський рух як рух корпоративний» (вважалося, що Лютнева революція стала «останнім акордом» такого руху)¹⁰.

Наприкінці радянського історіографічного періоду й професорська корпорація дореволюційного часу все більше набувала позитивних ознак. Принаймні, при згадуванні слова «корпорація» почали акцентувати увагу на її професійних, а не політичних ознаках: «Служіння науці, постійний науковий пошук лежав в основі діяльності корпорації вчених»¹¹, «специфіка наукового знання, схожі умови науково-педагогічної праці й більш-менш рівні можливості академічної кар'єри професорів та викладачів перетворювали їх на безстанову професійно-корпоративну групу буржуазної інтелігенції й стимулювали опозиційні настрої, які панували в російському академічному корпусі»¹². Як ми бачимо, класовий підхід, принаймні відповідну риторику, збережено, але акцент дещо змінився — визнається як професорська, так і студентська спільність із своїми особливими ознаками, настроями та прагненнями. Здебільшого згадка про «корпорацію» супроводжується позитивним контекстом. Спостерігаються моменти, коли професорська та студентська корпорації де-факто визнаються складовими університетської корпорації, з рештою пішло у минуле пряме їх протиставлення. І все ж, невизначеність змісту такого поняття як «корпорація» свідчить про те, що відповідний історіографічний процес не набув завершеності.

У сучасній історичній літературі, яка присвячена університетам Російської імперії, на перший погляд, можна зустріти безліч протиріч щодо корпорацій та корпоративності. З одного боку, йдеться про «корпоративну культуру»¹³, з іншого — про «корпоративні права»¹⁴, в одному випадку згадуються окремо «професорська корпорація»¹⁵ та «студентська корпорація»¹⁶, в іншому — використовуються такі терміни, як «університетське середовище», «університетське населення»¹⁷, «корпоративний устрій університетів»¹⁸, «університетська корпорація»¹⁹, «університетська людина»²⁰. Так само, одні автори пишуть про те, що відбувся «природний процес формування корпоративної солідарності університетів»²¹, про «корпоративну свідомість (ідентичність)»²², «університетський локус як простір існування університаріїв»²³, інші — зазначають, що, скажімо, у 1861 р. «одним махом був знищений увесь корпоративний дух в університетах»²⁴. Відповідно, в першому випадку корпоративність виглядає як щось іманентно притаманне університетам, у другому, — як щось обумовлене зовнішніми факторами. Хтось, як і раніше, асоціює «корпорації» та «корпоративні права» з реальними студентськими організаціями²⁵ чи органами професорського самоврядування²⁶, а хтось робить висновок, що корпорації — це одночасно й «видиме» й «уявне» співтовариство²⁷, наголошує на тому, що «в організації корпорації є сильними неформальні зв'язки»²⁸.

Як же пояснити ці суперечливі, а часом взаємовиключні, твердження? По-перше, це пов'язано з багатозначністю поняття «корпорація». По-друге, «корпоративність» можна поєднувати з різними, а то й протилежними за суттю, суспільними явищами. У певному розумінні «корпоративні права» суперечать «громадянським правам» і являють собою явище (чи залишок) станового суспільства (нагадаємо, що свого часу фактично так вважали М. І. Костомаров, М. А. Корф та ін.). Не дивно, що американський історик С. Кессоу пише про «традиційні принципи становості та корпоративності»²⁹. У зв'язку з цим вимоги надати особливі корпоративні права не можна без обмовок називати «прогресивними». Саме тому І. В. Ружицька зазначає, що лише враховуючи політичні реалії російського життя того часу, «треба визнати, що корпоративність гарантувала університетам більшу самостійність й незалежність від центральної влади»³⁰. Корпоративність у вільному від станових ознак суспільстві виявляється у дотриманні «певних корпоративних правил», часто на рівні форми. Цікавими в даному відношенні є міркування Л. І. Добровольської: «Однією з відмінних рис, які були характерними для розвитку країни на цьому етапі [друга половина XIX—початок XX ст. — С. П.] було виникнення й розвиток значної кількості громадських організацій різноманітної орієнтації: наукових, благодійних, релігійних, професійних, спортивних та ін. Природнім бажанням членів таких об'єднань, вступ до яких не залежав від класової чи національної приналежності, було виділитися з загальної

маси, показавши при цьому свою приналежність до даного колективу... Ту ж ідею корпоративності, те ж бажання об'єднатися ми знаходимо у людей, які не перебували в будь-яких товариствах, а пов'язані теперішньою чи колишньою службою, навчанням тощо»³¹.

До певної міри зазначені суперечності, про які йшлося вище, пояснює й та еволюція поглядів на корпоративність, що останніми роками спостерігається в літературі. Все частіше дослідники ведуть мову про традиції, символи, ритуали, групові інтереси тощо. Від міркувань про права професорів та студентів автори поступово перейшли до аналізу внутрішніх доволі складних стосунків в університетському середовищі.

Так, А. Є. Іванов у своїй праці «Студенческая корпорация России конца XIX—начала XX вв.: опыт культурной и политической самоорганизации» (М., 2004) визначає студентство як «корпоративно-академічне співтовариство». При цьому він виокремлює не лише «вузько педагогічний та навчально-організаційний сенс» поняття, а й «корпоративно-соціокультурний», під яким він розуміє, в першу чергу, «соціально-творчі форми колективної самоорганізації молоді». Трохи нижче він пише про «субкультуру студентського співтовариства», «світосприйняття учнів вищої школи», «духовні цінності та ідейні орієнтири, ментальні життєві психологічні настанови, загальнокультурні запити», «корпоративно-духовні устремління інтелігентної молоді»³². Останнє тлумачення демонструє підвищення уваги саме до «культурного компоненту».

Очевидно, що подібним чином можна визначити й «професорську корпорацію». Дехто вже поставив проблему «критеріїв цієї корпоративної культури» («корпоративної субкультури») ³³. Зокрема, Д. Г. Горін зазначає, що однією з найбільш значущих цінностей у професорському середовищі була людська особистість, індивідуальність, вільна від догм, забобонів та традицій станового суспільства ³⁴.

У цьому ж ключі можна міркувати й стосовно «університетської корпорації» взагалі. Тим більше, що в деяких працях зустрічаються твердження про те, що «університет був особливим світом зі своєю системою стосунків, цінностей, традиціями», а «глибина та міцність духовного та морального впливу породжувалися особливими стосунками всередині університетської корпорації — стосунками як в студентському середовищі, так і між викладачами та студентами, між вчителями та учнями» ³⁵. Можна йти ще далі. О. А. Вішленкова зазначає, що наприкінці XIX ст. «вихованці та викладачі Казанського університету трактували свою корпорацію як органічну частину єдиної університетської культури світу» ³⁶.

Звичайно, переведення проблеми «корпоративності» з організаційно-правової площини в культурну не знімає старі проблеми, а ще й додає нових.

Зокрема, виникають питання про те, як формувалося таке корпоративне середовище (тобто про форми соціалізації), як з часом засвоювався корпоративною новий соціокультурний дискурс, чи можемо ми навести приклади конфлікту «старої» та «нової» університетських культур (конфлікт ідентичності), у чому виявлялися корпоративні протиріччя? Не менш цікавими є питання щодо «ступеню» корпоративності університетів, внутрішньої структури університетської корпорації (скажімо, дехто додає до неї й «університетських служителів»³⁷) тощо.

Свій внесок у дослідження університетської корпорації здійснила О. А. Вішленкова. Серед тих висновків та міркувань, які заслуговують на особливу увагу, на нашу думку, слід назвати тези про те, що «статuti університету, декларуючи соціальні привілеї вихованців і професорів, не захищали їхньої корпоративної честі; право на такий захист доводилося обстоювати в різних інцидентах, у зіткненнях із зовнішнім світом, у конфліктах із владою»³⁸. Взагалі вельми важливим показано момент протиставлення як фактор формування корпорації: «Корпоративна свідомість виявлялася в протиставленні себе іншим. Якщо спочатку студенти гуртувалися в суперечках з викладачами, а в середині століття — у конфліктах з поліцією та офіцерами, то в 60-х рр. XIX ст. студентське «ми» формувалося в інтелектуальних диспутах із собі подібними»³⁹. Важливими є спостереження про те, що «поліетнічність не завадила формуванню університетської корпоративності», про «паралельні процеси творення етнічної та корпоративної ідентичності в університеті»⁴⁰.

Таким чином, при розгляді проблем університетської корпорації в літературі останніх років очевидним є акцент на стані свідомості, на тих аспектах повсякденності, які виводять у русло культурної історії. Втім, зазначений історіографічний процес лише розпочався. Яскравим прикладом такої нової університетської історії стала книга, що вийшла друком у 2005 р. у Казані⁴¹. У ній не лише розглядаються такі аспекти як особливості формування та існування університетської корпорації в Казані, культура стосунків університетських людей, якість життя університетської людини, характерні риси університетського стилю життя, університетські ритуали, символи, міфи, а й історія університету як історія пам'яті корпорації (при цьому зазначається, що колективна пам'ять складається з суми персональних історій, відчуттів й оцінок⁴²). Тим самим показано як норми університетської повсякденності «входили в плоть та кров» університетської людини, впливали на форми його мислення та поведінки. Завдання дослідження формулюється так: «дати узагальнений антропологічний образ корпорації»⁴³. Звичайно, можна сперечатися щодо ступеню «імпровізації» в межах такого підходу, але, на нашу думку, задеклароване авторами завдання значною мірою реалізовано, а книга

стане зразком для проведення аналогічної роботи на матеріалах інших університетів. Серед важливих висновків, які мають місце в зазначеній праці, є й такий: «На формування університетської корпорації впливало багато факторів: сприйняття університету в суспільстві, нестабільні принципи вибору закладу для навчання дітей й для служби університетських випускників. Вплив також здійснювали інтереси держави в справі освіти. Але ще більший вплив на формування корпорації здійснювало уявлення про ідеальних учнів та тих, хто вчить, прийняті в даний момент норми поведінки університетської людини, очікування студентів та викладачів»⁴⁴. Відповідно, корпорація визначається як така, що «об'єднана не лише офіційним статусом, функціями та повноваженнями, але й спільною свідомістю, спільною гордістю за своє колективне минуле»⁴⁵.

Звідси можна сформулювати й деякі практичні завдання для сучасних університетів. Що являє сьогодні собою «університетський простір», які ми можемо сьогодні назвати в університеті «місця пам'яті», які університетські ритуали чи символи ми можемо вважати усталеними, а які ще слід ввести, як розвинути потужні університетські традиції, як укріпити в університеті «університетський дух»? Від відповіді на ці питання значною мірою залежить майбутнє нашої університетської корпорації.

Примітки

- ¹ *Замечания на проект общего устава императорских российских университетов.* — СПб., 1862. — Ч. 2. — С. 189.
- ² *Там само.* — С. 289.
- ³ *Там само.* — С. 197.
- ⁴ *Там само.* — С. 289.
- ⁵ *Там само.* — С. 297.
- ⁶ *Ряппо Я.* Об управлении высшей школой//Путь просвещения. — 1924. — № 4–5. — С. 18.
- ⁷ *Там само.*
- ⁸ *Ряппо Я. П.* Короткий нарис розвитку української системи народної освіти. — Харків, 1926. — С. 3.
- ⁹ *Ряппо Я.* Реформа высшей школы на Украине в годы революции (1920–1924): Сб. ст. — Харьков, 1925. — С. 6.
- ¹⁰ *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России, 1899–1907 гг. — М., 1971. — С. 17, 22, 211.
- ¹¹ *Щетинина Г. И.* Университеты в России и устав 1884 года. — М., 1976. — С. 52.
- ¹² *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX—начале XX века. — М., 1991. — С. 227.

- ¹³ Горин Д. Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX—начало XX вв. //Отечественная культура и историческая наука XVIII—XX веков. — Брянск, 1996. — С. 47.
- ¹⁴ Иванов А. Е. Университетская политика царского правительства накануне революции 1905–1907 годов//Отечественная история. — 1995. — № 6. — С. 100; Щетинина Г. И. Идеинная жизнь русской интеллигенции: конец XIX—начало XX века. — М., 1995. — С. 149; Антощенко А. В. История одной отставки//Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. — М., 2002. — Вып. 4. — С. 248.
- ¹⁵ Горин Д. Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX—начало XX вв. //Отечественная культура и историческая наука XVIII—XX веков. — Брянск, 1996. — С. 46.
- ¹⁶ Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX—начала XX века: социально-историческая судьба. — М., 1999. — С. 255; Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX—начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. — М., 2004.
- ¹⁷ Иванов А. Е. Эхо японской кампании в университетах Российской империи //Российские университеты в XVIII—XX веках. — Воронеж, 1998. — Вып. 3. — С. 102.
- ¹⁸ Ружицкая И. В. М. А. Корф в государственной и культурной жизни России //Отечественная история. — 1998. — № 2. — С. 57.
- ¹⁹ Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Конфликт университетских культур в 1917–1920-е годы//Историки в поиске новых смыслов. — Казань, 2003. — С. 378.
- ²⁰ Камышанченко Н. В., Бердник А. Н. Университетский город в России и его традиции (середина XVIII—начало XX века)//Университетский город в России и его традиции. — Белгород, 2001. — С. 28.
- ²¹ Иванов А. Е. Студенческая корпорация: законодательно-правовая диспозиция //Уроки Вульфсона. — Казань, 2003. — С. 175.
- ²² Вишленкова Є. Корпоративність і етнічна ідентичність Казанського імператорського університету//Схід—Захід. Історико-культурологічний збірник. Вип. 7. Університети та нації в Російській імперії. — Харків; К., 2005. — С. 178; Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis. Два века университетской культуры в Казани. — Казань, 2005. — С. 10.
- ²³ Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Конфликт университетских культур в 1917–1920-е годы//Историки в поиске новых смыслов. — Казань, 2003. — С. 379.
- ²⁴ Олесич Н. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. — СПб., 1999. — С. 101.
- ²⁵ Иванов А. Е. Университетская политика царского правительства накануне революции 1905–1907 годов//Отечественная история. — 1995. — № 6. — С. 100.
- ²⁶ Косінова Г. О. Харківський університет наприкінці XIX—на початку XX ст. — Автореф. ... дис. канд. іст. наук. — Х., 2004. — С. 2.

- ²⁷ Вишленкова Е. Университетские ритуалы (на материалах Императорского Казанского университета)//Харківський історіографічний збірник. — Х., 2004. — Вип. 7. — С. 4.
- ²⁸ Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis. — С. 85.
- ²⁹ Кэссоу С. Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения//Великие реформы в России, 1856–1878. — М., 1992. — С. 327.
- ³⁰ Ружицкая И. В. М. А. Корф в государственной и культурной жизни России//Отечественная история. — 1998. — № 2. — С. 57.
- ³¹ Добровольская Л. И. Знаки и жетоны Петербургского университета//Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. — СПб., 2000. — Т. 8. — С. 142.
- ³² Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX—начала XX века. — С. 8–9.
- ³³ Горин Д. Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX—начале XX вв. //Отечественная культура и историческая наука XVIII—XX веков. — Брянск, 1996. — С. 42, 47; Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis. — С. 93 і далі.
- ³⁴ Там само.
- ³⁵ Краснова Ю. В. Идеал преподавания: преподавание на историко-филологических факультетах Московского и Санкт-Петербургского университетов в воспоминаниях современников (70-е гг. XIX—начало XX в.)//Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История, 2002. — № 2. — С. 101, 103.
- ³⁶ Вишленкова Е. Корпоративність і етнічна ідентичність Казанського імператорського університету//Схід—Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. 7. Університети та нації в Російській імперії. — Харків; К., 2005. — С. 184.
- ³⁷ Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis. — С. 117.
- ³⁸ Вишленкова Е. Корпоративність і етнічна ідентичність Казанського імператорського університету//Схід—Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. 7. Університети та нації в Російській імперії. — Харків; К., 2005. — С. 176–177.
- ³⁹ Там само. — С. 178.
- ⁴⁰ Там само. — С. 180.
- ⁴¹ Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis. — Казань, 2005.
- ⁴² Там само. — С. 8.
- ⁴³ Там само. — С. 10.
- ⁴⁴ Там само. — С. 86.
- ⁴⁵ Там само. — С. 121.

Л. Ю. Посохова

Андрій Прокопович.

Доля українського інтелектуала на рубежі XVIII—XIX століть

еред досліджень з історії української культури та освіти очевидно бракує генеалогічних, біографічних, просопографічних студій, у центрі уваги яких опинялися б українські інтелектуали XVIII—першої половини XIX ст., особливо ті, хто все життя провів у провінційному суспільстві, хто навчав покоління й покоління учнів. Втім, життєві долі цих людей вельми цікаві для розуміння подій, які відбувалися у ті часи, а їх діяльність відображає розуміння ними сенсу існування, ідеалів, яких вони прагнули і які вони передавали нащадкам, навчаючи в стінах аудиторій та за їх межами прикладом свого життя. У зламні моменти історії суспільства біографія людини дає змогу побачити, й навіть відчувти, гостроту, трагізм, розчарування, яке супроводжувало життя людини у ці часи. Розмірковуючи над життєвими стратегіями й типами людей XVIII—першої половини XIX ст., варто звернути увагу на зауваження відомого українського дослідника Я. М. Стратія, який пише, що у XVIII ст. існував тип «українських інтелектуалів — вихідців із шляхетської верстви і духівництва», «значно змодифікований ранньопросвітницькою ідеологією і соціально-політичними обставинами тип сильної, гордої, дещо свавільної української людини барокової доби... Згодом він відродився у так званій шевченківській людині, яка сформувалася у XIX ст.»¹.

Як відомо, у другій половині XVIII ст. Слобідська Україна, втративши козацьке самоврядування, все більше включалася у структури Російської імперії. Сприйняття нових політичних, культурних, церковних традицій часто тривало не одне десятиліття й відбувалося не без боротьби. Те, що активне незадоволення й виступи слобідського козацтва припинилися через короткий час після скасування полкового устрою в Слобідській Україні, зовсім не означало, що відбулася чи завершилася культурна інтеграція. Навпаки, зіткнення культур, які мали свої цінності, традиції, практики, репрезентації, продовжувалося на рівні повсякденного життя. Це можна прослідкувати на прикладі біографій різних людей. Інколи такі конфлікти без перебільшення ставали визначальними для долі цих людей.

У даному випадку ми обрали для прикладу життєвий шлях Андрія Прокоповича. Наш герой — достатньо відома людина в Харкові на межі XVIII—XIX ст. Його можна визначити як педагога, філолога, філософа, богослова. Для того, щоб одразу окреслити зазначений конфлікт цінностей, який затмарив останні роки його життя, назвемо «об'єктивні» дані його біографії

й обвинувачення, яке було висунуте йому наприкінці його діяльності, що, ймовірно, й виявилось для нього фатальним. Більше сорока років Андрій Прокопович ніс службу на освітянській ниві, почав викладати у Харківському колегіумі у 23-річному віці, згодом став ректором колегіуму й обіймав цю посаду більше двадцяти років. Однак під кінець життя він був усунутий від усіх справ та посад, звинувачений у гордині, непокорі, у тому, що «вільнотодумно й для інших спокусливо трактував правила Кормчої книги, ставлячи вище них звичаї України».

Андрій Семенович Прокопович народився у 1757 р., за походженням «малоросійської природи», з старшинського роду Полтавського полку. Встановлюючи рівень його освіти, ми одразу зустрічаємося з розбіжностями, які існують в літературі. Так, в енциклопедичному виданні «Києво-Могилянська академія в іменах, XVII—XVIII ст.» зазначається, що Андрій Прокопович навчався спочатку в Києво-Могилянській академії, згодом, у 1770–1780 рр. — у Харківському колегіумі ². Однак, Д. І. Багалій та деякі інші дослідники XIX ст. стверджували, що А. Прокопович навчався тільки в Харківському колегіумі ³. У встановленні цих перших сторінок біографії А. Прокоповича на допомогу можуть прийти архівні матеріали. Починаючи з 1808 р., після організації Учбового комітету при Синоді, були розроблені нові формуляри, за якими збиралися відомості про вчителів та учнів духовних навчальних закладів Російської імперії. Такі відомості містять докладну інформацію про походження, національність, етапи навчання та просування по службі кожного викладача. Оскільки чернетки, які складалися в консисторіях на місцевому рівні не завжди збереглися до сьогоднішнього дня, можна звернутися до екземпляру, який надсилався до Учбового комітету Синоду. Примітно, що згідно із порядком заповнення відомостей, кожен сторінку підписував той викладач, інформація про якого на ній розташовувалася. Отже, серед відомостей про вчителів та учнів Харківського колегіуму за 1808 р., які були надіслані харківським єпископом Христофором Сулимою 27 лютого 1809 р., містяться дані й про Андрія Прокоповича, із зазначенням того, що він навчався в Харківському колегіумі, без будь-якої згадки про Києво-Могилянську академію ⁴. Зауважимо, що у випадках, коли людина навчалася в декількох закладах, це обов'язково вказувалося, з переліком прослуханих курсів. Кожний рік такі дані збиралися знову, й ми можемо переконатися, що інформація про навчання А. Прокоповича не змінюється ⁵. Отже, як зазначається у відомостях, які власноруч підписував А. Прокопович, він пройшов увесь курс навчання тільки в Харківському колегіумі. Цей курс включав граматичні класи, поетику, риторику, філософію, богослов'я. Нагадаємо, що учні вчили латинську, грецьку, німецьку мови, історію та географію, арифметику,

декілька інших дисциплін. У архіві Харківської духовної консисторії також збереглися окремі відомості про навчання Андрія Прокоповича ⁶.

По закінченні колегіуму, у 1780 р., розпочалася викладацька діяльність А. Прокоповича, яка усе його подальше життя була пов'язана з цим закладом. За традицією, яка була характерною для того часу, А. Прокопович почав викладати з нижчих класів, спочатку латинську мову та граматику (1780–1782), історію та географію (1782–1788), з 1789 р. паралельно з історією та географією він викладав поезику, а з 1790 р. став викладачем риторики. У 1791 р. він починає викладати філософію, у 1794 р. — вищий курс — богослов'я. Його академічна біографія доповнювалася церковним служінням. Спочатку Андрій Прокопович був священником харківської Миколаївської церкви, згодом він був возведений у сан протоієрея, призначений членом Харківського духовного правління. У 1796 р. Андрій Прокопович був призначений настоятелем Успенського собору Харкова. Протягом 20 років у недільні дні він публічно роз'яснював апостольські послання. Його промови з різних питань та церковні проповіді вважалися зразковими для того часу.

У 1792 р. він був внесений до першої частини «Родословної книги дворянства Харківського намісництва» ⁷. На момент здійснення цього запису йому було 38 років, його дружині Марії — 32 роки. У родині було троє дітей — Михайло, Петро та Ганна (відповідно одинадцяти, семи та трьох років). Родині належали землі в хуторі Іванівському, у якому, на час останньої ревізії значилося п'ятнадцять душ (десять чоловіків та п'ять жінок).

Говорячи про 90-ті рр. XVIII ст. в житті Прокоповича, можна стверджувати, що він став помітною фігурою у середовищі харківського духовенства. В архіві Белгородської духовної консисторії збереглися звіти про проповіді, які виголошувалися священниками міст Харкова, Валок та Золочева у 1793 р. Після розгляду звітів, белгородський єпископ Феоктист Мочульський наклав резолюцію, в якій було сказано: «Відмінно працював протоієрей Андрій Прокопович, про що повідомити в правління, щоб інші вчителі та вищих класів учні наслідували йому» ⁸. За свої проповіді, які виголошувалися у святкові дні, у 1795 р. А. Прокопович був відзначений «Високомонаршим благоволінням та подякою». Цікаво, що в Російському державному архіві давніх актів зберігся лист подяки Андрія Прокоповича на ім'я імператриці Катерини II, написаний у притаманному йому яскравому красномовному стилі ⁹. Тоді ж у Москві вперше була опублікована його промова. У 1798 р. А. Прокопович першим серед харківського духовенства й один з перших серед всього духовенства імперії був нагороджений золотим наперсним хрестом.

29 березня 1801 р. починається новий етап життя Андрія Прокоповича — він був призначений ректором Харківського колегіуму, став професором богослов'я. В указі про призначення єпископ Слобідсько-Український та Харківський Христофор Сулима писав, що Андрій Прокопович, людина, що має «абсолютно зразкові свої ознаки та поведінку, вченістю та заслугами вельми достойний бути ректором»¹⁰. Андрій Прокопович очолив колегіум в той час, коли всі інші українські колегіуми (Чернігівський, Переяславський) вже були перейменовані у семінарії, що означало зміну не тільки назви, а й всіх складових навчально-виховного процесу. Ще у 80-ті рр. XVIII ст. уряд Російської імперії зробив перші спроби реформування духовних шкіл, але масштабне реформування було проведене тільки на початку XIX ст. Відмітимо, що під час підготовки реформи Комітет при Синоді вивчав стан справ у всіх духовних закладах імперії й повсюдно виявив серйозні недоліки. Харківський колегіум був одним з небагатьох закладів, де не було зафіксовано порушень у навчально-виховному процесі, а навчання було витримане на рівні Києво-Могилянської академії. Примітно, що для діловодної документації, яка велася у Харківському колегіумі було характерним формулювання, що навчання у колегіумі відбувається «у відповідності до порядку навчання у Київській академії»¹¹.

Зрозуміло, що велика заслуга у цьому належала й ректору — Андрію Прокоповичу. Примітно, що окрім виконання своїх обов'язків, А. Прокопович активно займався популяризацією наукових знань. Ми маємо свідчення про декілька достатньо значних й успішних проектів, які втілилися у серйозні роботи. Андрій Прокопович був причетним до усіх відомих видань першої харківської друкарні, яка була створена при приказі суспільної опіки. В одних він виступав автором, в інших — перекладачем або ініціатором видання. Нерідко в цій роботі брали участь й студенти колегіуму¹². Активна діяльність А. Прокоповича не залишалася без уваги. Так, харківський єпископ Христофор Сулима у своєму донесенні до Синоду від 7 вересня 1802 р. писав про діяльність А. Прокоповича: «порівнюючи працю андесорів з його сучасною, визнаю, що подвиги його, Прокоповича... набагато більш важливі та уваги гідні»¹³. Христофор Сулима пропонував Синоду відмітити заслуги А. Прокоповича врученням йому митри. Однак, вивчення послужного списку А. Прокоповича, який направили до Синоду, призвело до прийняття іншого рішення. 4 липня 1803 р. Андрій Прокопович, єдиний серед харківського духовенства, відзначається орденом Святої Анни 2 класу. У рескрипті Олександра I, направленому на ім'я Андрія Прокоповича були й такі слова: «Ви, достойно носите звання ректора, працюючи ревно на користь церкви у просвітництві юнацтва й проповідуванні Слова Божого, набули права особливої Моеї до вас уваги»¹⁴. Як відомо, це був період ліберальних

реформ в Російській імперії, в тому числі й у галузі освіти, й просвітницькі настрої в суспільстві набули широкого розповсюдження.

Саме просвітницькі умонастрої серед іншого вплинули й на заснування в Харкові університету. Поява вищого світського навчального закладу кардинально змінила становище Харківського колегіуму, який до цього часу був єдиним закладом, який надавав вищу освіту широким верствам населення краю. На наш погляд, взаємовідносини між університетом та колегіумом дуже показові для розуміння місця колегіуму в розвитку освіти в Україні на початку XIX ст., а також для з'ясування особистого ставлення керівництва колегіуму та єпархії до заснування та розвитку університету. Як виявилося, керівництво колегіуму гаряче підтримало заснування вищого світського навчального закладу, й не тільки у форматі привітань та загальних декларацій. Відомо, що вихованці колегіуму склали основний контингент студентів університету, при чому ті 20 студентів колегіуму, яких перевели до університету, відзначалися найкращими успіхами у навчанні (загальне число студентів першого набору університету складало 57 чоловік). Колегіум направив своїх студентів для слухання лекцій на медичному факультеті, що забезпечило його функціонування в перші роки, в умовах, коли університету не вистачало достатньої кількості підготовлених слухачів, особливо тих, хто б знав латину та інші іноземні мови ¹⁵. Колегіум подарував університетській бібліотеці чимало книжок.

При відкритті університету на урочистих зборах 17 січня 1805 р. пролунали привітання від харківського єпископа Христофора Сулими, а також від ректора колегіуму Андрія Прокоповича. Ці промови вельми показові, оскільки фіксують просвітницькі погляди цих церковних діячів. Так, промова А. Прокоповича починалась словами: «Наступив світлий день бажаного благополуччя щасливої України. Запалена премудрими монархами зоря просвіти у граді цим заблищить віднині у всій своїй величі». Цікаво, що А. Прокопович відзначив важливу роль для заснування університету тих навчальних закладів, які існували в Харкові до нього. Це прозвучало так: «Переносяться плодovitі маслини із розсадників училищ в цей новоустановлений вертоград просвіти; нехай же помножать вони тут свої пізнання... Двері сього храму будуть завжди відкриті, й юнацтво притече сюди безперешкодно й просвітить розум свій та виправить серце» ¹⁶.

Співпраця Харківського колегіуму та університету знаходила прояви у різних формах, й ректор особисто показував приклад цьому. Андрієм Прокоповичем було підготоване та видано декілька латинських хрестоматій (у 1810–1811, 1817 рр.), якими користувалися студенти обох цих закладів. А. Прокопович виступив редактором учнівського перекладу праці Геллерта з риторики та поезики ¹⁷.

У перше десятиліття XIX ст. студенти та викладачі Харківського колегіуму під керівництвом А. Прокоповича підготували декілька робіт, які ставили за мету популяризацію наукових знань (наприклад, сільськогосподарських), й містили переклади праць західноєвропейських вчених¹⁸. Цікаво, що у всіх названих виданнях, починаючи з «Господарського способу пізнання погоди у 1806 році», а також у «Календарях», окрім звичайних для календарів відомостей, у другій частині містився «Короткий опис Слобідської України», який включав опис губернії, міста Харкова та Харківського колегіуму. Ці видання можна віднести до числа перших в Україні краєзнавчих праць популярного характеру, які писалися з метою ознайомлення широкого читача з особливостями та історією свого краю.

На цьому тлі зовсім не випадковим виглядає те, що А. Прокоповича було обрано почесним членом вченого товариства Харківського університету.

Існує чимало спогадів колишніх вихованців колегіуму, в яких із великою пошаною та теплом згадується Андрій Прокопович. Хоча, як відомо, характер у нього був достатньо норовливий, й він зовсім не був схильним до підкорення. Істориками описано декілька випадків, з яких зрозуміло, що А. Прокопович міг різко висловитися на адресу різних осіб, й єпископу Христофору Сулимі приходилося «смирятися» його¹⁹. Однак, Христофор Сулима сам був особистістю неординарною, яскравою та обдарованою. Як відомо, єпископ був вихідцем з відомої родини Сулим, яка дала чимало видатних діячів, в тому числі й гетьмана запорожців Івана Сулиму. Характер стосунків між Христофором Сулимою та Андрієм Прокоповичем можна визначити як плідну співпрацю, в якій, можливо, й були непорозуміння, але про них не лишилося документальних свідчень. Очевидним є те, що їх спільна позиція дозволила колегіуму плавно увійти у нове життя, яке починалося кардинальною реорганізацією всієї системи церковної освіти в Російській імперії.

У 1808 р. були прийняті основні законодавчі акти реформи церковних навчальних закладів, створено чотири духовних академії та 36 семінарій в єпархіях. Харківському колегіуму було надано статус семінарії Київського духовно-навчального округу. Однак, враховуючи багаторічні традиції та авторитет колегіуму, у відповідь на відповідні звернення з боку харківського єпископа та ректора колегіуму, за закладом було залишено його назву (вона зберігалась до 1841 р.).

У новий період історії колегіуму А. Прокопович продовжував не тільки успішно керувати ним, але й багато працював над богословськими творами. Деякі з них були опубліковані у 20-ті рр. XIX ст.²⁰. Однак, невдовзі відбулися події, які різко змінили все його життя. У основі був конфлікт, який виник між А. Прокоповичем та новим харківським єпископом Павлом Сабатовським. Для розуміння природи конфлікту, на нашу думку, варто за-

значити, що Павло Саббатовський був першим з єпископів не тільки на харківській кафедрі (яка була створена у 1799 р.), а й на белгородській кафедрі, який був вихованцем російських духовних навчальних закладів. Уся його попередня діяльність, до призначення харківським єпископом, проходила у суто російських єпархіях. Добре відомо, що практика церковного життя в українських та російських єпархіях мала значні відмінності не тільки у XVII—XVIII ст. але й у XIX ст. Можливо, на відношення Павла Саббатовського до Андрія Прокоповича впливало шляхетське походження останнього. Ще у листах Христофора Сулими є згадки про те, що російське духовенство не дуже шанувало вихідців з дворян, принаймні, він відчував це на собі ²¹. Можливо слід врахувати авторитет та вплив на місцеве середовище А. Прокоповича. Можна й далі шукати глибинні корені конфлікту, але безпосереднім приводом протистояння між Павлом Саббатовським та Андрієм Прокоповичем стало те, що у вересні 1821 р. А. Прокопович здійснив обряд вінчання о сьомій годині вечора. На вимогу єпископа пояснити причину порушення 2-ої частини Кормчої книги (розділ 50), А. Прокопович зауважив, що він спирався на «існуючу з давніх часів в Україні звичку» вінчати й у ці години доби ²². Члени консисторії не змогли на цій підставі засудити А. Прокоповича, але справа затяглася, й у 1822 р. єпископ все ж усунув А. Прокоповича з посади ректора та професора богослов'я як особу, що перебуває під судом. Харків'яни, серед яких був й міський голова, професори університету, відомі й поважні в місті люди (більше 60 підписів), звернулися до консисторії із заявою про чесноти А. Прокоповича. Однак, ця заява лише стала приводом для чергового звинувачення Прокоповича, на цей раз у пошуках заступників.

У архіві Учбового комітету при Синоді вдалося розшукати справу, яка свідчить, що проти А. Прокоповича у 1822 р. було розпочате ще одне розслідування щодо втрачених з бібліотеки Харківського колегіуму книжок ²³. Як свідчить донесення єпископа Павла, книжки були втрачені при колишньому бібліотекарі деякими вчителями колегіуму. Незважаючи на це, єпископ просив дозволу стягти вартість книжок з ректора Андрія Прокоповича. У ході слідства виявилось, що А. Прокопович у попередні роки пожертвував бібліотеці колегіуму книжок на суму 600 карбованців. Комісія духовних училищ не підтримала єпископа, натомість прийняла рішення про списання втрачених книжок, а також про те, щоб їх вартість ні з кого не стягувати ²⁴.

Втім, у березні 1825 р. члени консисторії визнали А. Прокоповича винним за декількома пунктами, в тому числі й у тому, що він «вільнодумно й для інших спокусливо трактував правила Кормчої книги, ставлячи вище них звичаї України». Однак, Андрій Прокопович не погодився з цими звинувачу-

ченнями, й переніс розгляд справи у Синод. У перших же реченнях рішення Синоду, яке було прийняте вже у липні 1825 р., йшлося про «протизаконні дії» керівництва єпархії, а сама справа проти Прокоповича названа такою, у відкритті якої не було потреби. У піддаванні суду А. Прокоповича за висунутими обвинуваченнями Синод виявив «пристрасність» до нього, й звільнив Прокоповича від усіх накладених на нього стягнень. Андрій Прокопович виграв справу, однак до колегіуму він більше не повернувся.

Після цих подій Андрій Прокопович прожив не більше півроку, 29 січня 1826 р. він помер. У цьому ж році до Астрахані був переведений Павло Саббатовський. Похований Андрій Прокопович був на Мироносицькому цвинтарі біля Хрестовоздвиженської церкви (могила не збереглася).

У статті, присвяченій внеску духовенства в розвиток просвітництва в краї, Д. І. Багалій назвав Андрія Прокоповича одним з чималого числа осіб, які повинні зайняти видатне місце в історії нашої місцевої культури²⁵. Щиро поділяємо таку оцінку.

Примітки

- ¹ *Історія української культури*: В 5 т. — К., 2003. — Т. 3. — С. 102, 104.
- ² *Серяков О. С., Хижняк З. І.* Прокопович Андрій Семенович//Києво-Могилянська академія в іменах, XVII—XVIII ст.: Енцикл. вид. — К., 2001. — С. 444.
- ³ *Багалей Д. И., Миллер Д. П.* История города Харькова за 250 лет его существования (1655–1905): В 2 т. — Харьков, 1993. — Т. 2. — С. 876.
- ⁴ *Російський державний історичний архів*, м. Санкт-Петербург (далі — РДІА). Ф. 802, оп. 1, спр. 106, арк. 2.
- ⁵ РДІА. Ф. 802. Оп. 1. Спр. 277. Арк. 2; Спр. 443. Арк. 2; Спр. 641, 863, 1077, 1678, 2112, 2682, 3120.
- ⁶ *Державний архів Харківської області* (далі — ДАХО). Ф. 40. Оп. 1. Спр. 217. Арк. 2 зв.-3; Спр. 654. Арк. 2 зв.-3.
- ⁷ Відділ рідкісних видань та рукописів Центральної наукової бібліотеки Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 1470/с. — Ч. 1.
- ⁸ *Центральний державний історичний архів* в м. Києві. Ф. 2009. Оп. 1. Т. 2. Спр. 2545. Арк. 1.
- ⁹ Російський державний архів давніх актів (м. Москва). Ф. 18. Оп. 1. Спр. 320. Арк. 1–13в.
- ¹⁰ ДАХО. Ф. 40. Оп. 1. Спр. 37. Арк. 1.
- ¹¹ ДАХО. Ф. 40. Оп. 1. Спр. 217. Арк. 18.
- ¹² *Месяцеслов* на лето господне 1797-е, которое есть простое, содержащее в себе 365 дней: Пер. с польского... в Харьковском духовном училище. — Харьков, 1797; *Месяцеслов* на лето господне 1799-е, которое есть простое, содержащее в себе 365 дней: Пер. с польского в Харьковском духовном училище. — Харьков, 1799.

- ¹³ ДАХО. Ф. 40. Оп. 2. Спр. 127. Арк. 1.
- ¹⁴ ДАХО. Ф. 40. Оп. 2. Спр. 127. Арк. 5.
- ¹⁵ Докладніше про це див: *Посохова Л. Ю.* Харківський колегіум (XVIII—перша половина XIX ст.). — Харків, 1999. — С. 136–137, 152–153.
- ¹⁶ Цит. за: *Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам).* Т. 1. (1802–1815 гг.). — Харьков, 1893–1898. — С. 197.
- ¹⁷ *Геллерт.* Рассуждения, извлеченные из сочинений Геллерта: Пер. с нем. в Харьк. колегіуме. — Харьков, 1807.
- ¹⁸ *Хозяйственный* способ узнавать погоды с прибавлением краткого исторического известия о Слободско-Украинской губернии: Пер. с польск. — Харьков, 1806; *Хозяйственный* календарь на лето господне 1808-е: Пер. с польск. — Харьков, 1808; *Хозяйственный* календарь на лето господне 1809-е: Пер. с польск. в Харьк. колегіуме. — Харьков, 1808.
- ¹⁹ *Багалей Д. И., Миллер Д. П.* История города Харькова за 250 лет его существования (1655–1905): В 2 т. — Харьков, 1993. — Т. 2. — С. 876–877.
- ²⁰ *Мысли* при чтении послания Св. Апостола Павла к колоссаем. — СПб., 1820; *Мысли* при чтении послания Св. Апостола Павла к ефессеям. — СПб., 1821.
- ²¹ *Сулимовский* архив. Фамильные бумаги Сулим, Скоруп и Войцеховичей. — К., 1884. — С. 134.
- ²² *Буткевич Т. И.* Историко-статистическое описание Харьковского кафедрального Успенского собора. — Харьков, 1894. — С. 169.
- ²³ РДІА. Ф. 802. Оп. 1. Спр. 3284. Арк. 1–4.
- ²⁴ РДІА. Ф. 802. Оп. 1. Спр. 3284. Арк. 19.
- ²⁵ *Багалей Д. И.* Два культурных деятеля из среды харьковского духовенства (Священник Василий Фотиев и Священник Андрей Самборский)//Сборник Харьковского Историко-филологического общества. — Харьков, 1912. — Т. 20. — С. 21.

А. И. Романчук

**Из истории Херсонесского музея
(Дело Л. А. Моисеева)**

рошу извинения у глубокоуважаемых читателей за несколько нетрадиционное начало небольшой заметки, посвященной событиям первой четверти XX в. Причина появления ее, во-первых, в том, что в историографических штудиях прошлого века внимание уделялось взглядам исследователей; события, свидетелями которых они были, подразумевались, однако чаще всего не освещались. Начиная с конца столетия и в начале нынешнего, благодаря обращению к архивным документам, положение начало изменяться. Интерес не только к научным идеям, но и к личности историка, обусловили появление целой серии работ, освещающих и взгляды историка, и его время¹. Во-вторых, не будучи специалистом в области истории Херсонеса римского периода, которому посвящены исследования В. И. Кадеева, пришлось искать сюжет, который все же был бы близок к его научным поискам. Таковыми являются публикации, посвященные харьковским историкам². В-третьих, хотелось сказать несколько слов о научном сотрудничестве Харьковского и Уральского университетов, которое возникло во время совместных раскопок в Херсонесе. В 1963 г. была создана Объединенная археологическая экспедиция, поставившей целью раскопки в портовом районе Херсонеса. Инициаторами появления ее стали Херсонесский музей (И. А. Антонова, С. Ф. Стржелецкий), Уральский (В. Н. Даниленко и Е. Г. Суров) и Харьковский университеты (В. И. Кадеев). Мне, тогдашней студентке, с 1964 г. запомнился готовый ответить на наивные подчас вопросы, галантный и красивый руководитель отряда харьковчан, работавших по соседству. Именно поэтому и хотелось бы сказать несколько слов в нетрадиционной для научных публикаций преамбуле. Позднее постепенно выравниваясь в должностях и званиях, приходилось встречаться с коллегой-профессором все так же готовым прийти на помощь при обращении к истории Херсонеса римского времени. И как иногда сожалелось, что такие встречи и беседы с каждым годом становились все более редкими. Потому-то участие в сборнике, посвященном юбилейной дате, по приглашению учеников и коллег В. И. Кадеева, которым передана эстафета дружбы между нашими университетами, для меня является большой честью.

Предлагаемый вниманию читателей сюжет до некоторой степени стал продолжением статьи сотрудницы Национального заповедника «Херсонес Таврический» О. Л. Гриненко, которая на основании архивных документов

изложила события, связанные с эвакуацией в Харьков и возвращением на родную землю древностей Херсонеса³. Это одно из дел, которое было предпринято первым директором Херсонесского музея Советского времени Л. А. Моисеевым. Тому, как отразилось в последующем его заведование раскопками в 1914–1920 гг., о некоторых страницах его жизни в сложнейший период становления музейного дела в Крыму и пойдет далее речь.

Но прежде несколько слов, напоминающих о событиях, предшествующих назначению Л. А. Моисеева в Херсонес.

После кончины первого заведующего раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича в Севастополь из Константинополя был переведен секретарь Императорского Русского Археологического института в Константинополе Р. Х. Лепер (1864–1918)⁴. О его раскопках кварталов вдоль главной улицы Херсонеса (1908–1914 гг.) можно судить на основании кратких записей, которые были изданы К. Э. Гриневичем (1891–1970)⁵. В начале Первой мировой войны Р. Х. Лепер вынужден был заняться подготовкой находок к эвакуации. Нелепый случай прервал эти занятия. Провожая в сыскную часть Севастопольского градоначальника сына, привлеченного из-за «неблаговидного проступка» (он не снял фуражки перед портретом Императора) Р. Х. Лепер допустил досадную оплошность — вступил в перепалку с приставом. Это столкновение послужило причиной отстранения его от руководства делами в Херсонесе.

В 1914 г. для того, чтобы составить отчеты о раскопках Р. Х. Лепера Императорская археологическая комиссия командировывает Л. А. Моисеева (1882–1946)⁶, деятельность которого приходится на годы Первой мировой войны, освобождения Крыма и ликвидации монастыря (1914–1924 гг.)⁷.

В сравнении с К. К. Косцюшко-Валюжиничем, регулярно освещавшим ход раскопок в изданиях Императорской археологической комиссии, посылавшим заметки в газеты и в сборники Одесского общества истории и древностей, публикации Л. А. Моисеева немногочисленны⁸. Среди заслуг К. К. Косцюшко-Валюжинича нельзя не отметить создание Склада древностей⁹ и борьбу за то, чтобы находки из Херсонеса оставались на месте. В научном плане — это доказательство того, что Херсонес богат памятниками не только христианской эпохи, но и сохранил существенные остатки античного времени.

Для Л. А. Моисеева научным подвигом стала борьба за сохранение уже открытого в сложнейшие годы «революционной борьбы», защита памятников и от «белых», а после освобождения Крыма и от «красных», участие в разработке плана создания археологической станции¹⁰, и, несмотря на труднейшие условия, попытка продолжить раскопки. На последние годы заведования музеем пришла и ликвидация монастыря. О необходимости «расскасиро-

вать» Херсонесский монастырь неоднократно писала Председатель Московского археологического общества П. С. Уварова. В качестве примера можно привести ее слова из обращения к императору Николаю II.

Хорошо осведомленная о делах в Херсонесе, в том числе и конфликтах К. К. Косцюшко-Валюжинича и церковных властей, она полагала, что «главное несчастье Херсонеса — существование на его развалинах монастыря, состоящего, по обыкновению, из подбора грубых и ни к чему не пригодных людей»¹¹. По высочайшему повелению монастырь этот был обречен на постепенное и правильное вымирание, так как ему запрещалось без разрешения Археологической комиссии возводить какие-либо постройки; Археологическая комиссия отнеслась к этому делу с обычным ей равнодушием, и Ваше Императорское Величество могли убедиться при обзоре Херсонеса, насколько монастырь распространился и раздвинул свои владения. <...> Таким образом, благодаря монастырю, расположенному среди древнего города и имеющему многочисленную братию, бродящую по всем развалинам, позволяющую себе по праздности и корыстолюбию производить тайные раскопки и расхищать находки Косцюшко-Валюжинича, — совершенно невозможно производить систематические раскопки, сохранять и восстанавливать находимые памятники, как то делается в более просвещенных государствах, и принимать меры к ограждению древнего города от расхищения, как монашествующей братией, так и вообще непросвещенными посетителями.

Для того, чтобы Россия могла гордиться своей Помпеей, необходимо поспешно спасти то, что еще осталось, и принять серьезные меры к охране всего находимого, но цель эта может быть достигнута только при следующих условиях: раскассировать монастырь и передать службу в соборе (имеется в виду недавно возведенный Владимирский собор. — А. Р.) белому духовенству; слить монастырский музей с главным; отдать жилые помещения монастыря под Херсонесский музей»¹².

Рекомендации П. С. Уваровой были осуществлены после установления Советской власти в Крыму¹³.

О том, в каких сложнейших условиях приходилось работать музеям, свидетельствуют материалы Первого съезда Крымского Областного Комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (Крымохриса) в г. Севастополе (октябрь 1922 г., зав. отделом музеев Главнауки была Н. И. Троцкая-Седова¹⁴; Л. А. Моисеев — зав. Севастопольским Охрисом).

В отчете отмечено: не возлагать на центр надежд, средств нет, необходимо привлекать местную инициативу¹⁵.

В выступлении Л. А. Моисеева говорилось, что Херсонесский музей нуждается в ремонте, что он сильно «страдает от грабежей»; что «положение

Херсонеса носит катастрофический характер; «...» раскопанная площадь городища приходит в хаотическое состояние, красноармейцы заваливают места раскопок». При этом докладчик подчеркнул не только общегосударственное, но и мировое значение памятников Херсонеса¹⁶.

Правда, директор Керченского музея Ю. Ю. Марти ставил вопрос о «неправильности гегемонии Херсонеса» и указал на то, что «не правильно было вывозить все лучшее в Эрмитаж и Москву. Все материалы, добываемые из мест раскопок, должны оставаться для обработки в местных музеях»¹⁷.

Стремления Л. А. Моисеева сохранить руины Херсонеса были прерваны арестом.

Выше уже упоминалось, что Л. А. Моисеев¹⁸ был послан в Херсонес в 1914 г. для составления отчетов о раскопках за 1907–1914 гг.¹⁹ и подготовки их к изданию. До него временно исполнял обязанности заведующего раскопками и Складом древностей В. В. Шкорпил (директор Керченского музея, погиб во время гражданской войны от нападения грабителей)²⁰. После возвращения В. В. Шкорпила в Керчь, Л. А. Моисеев усиленно продолжал подготовку находок к эвакуации. И после обстрела Севастополя с германотурецкого корабля «Гебен», он получил распоряжение срочно вывозить упакованные (частично еще при Р. Х. Лепере) материалы в Харьков.

После установления Советской власти в Крыму Л. А. Моисеев стал советским служащим²¹, а в 1921 г. по поручению Всероссийского Музейного отдела создал в Севастополе Комитет по охране памятников искусства, старины, народного быта и природы, привлекая к его работе различных специалистов. Одной из задач Комитета являлась оценка частных коллекций. Одновременно Л. А. Моисеев занимался реэвакуацией херсонесских находок. При осмотре ящиков в Харькове оказалось, что на некоторых из них нарушена упаковка; то, что отдельные вещи, судя по описи отсутствовали, в соответствующих документах было отмечено. Однако в последующем именно Л. А. Моисеева обвинили в небрежности хранения и хищении находок²², о чем ему сообщили спустя некоторое время после ареста²³.

Но на первом же допросе, как свидетельствуют следственные материалы, его виной стало и сотрудничество с белыми властями²⁴. В основе этого лежала история с фотографом Н. К. Клуге²⁵. Суть ее состояла в следующем: Н. К. Клуге²⁶ должен был произвести фиксацию памятников, открытых в ходе раскопок в 1917–1918 гг. По данному пункту обвиняемый сделал следующее разъяснение: «Клуге, так как не закончил последних чертежей, не был рассчитан, как остальные; ему была предоставлена отсрочка до мая. Но и после этого он не сдал чертежей и имущество музея (фотоаппарат и пластинки) перенес к себе на квартиру. Узнав о его намерении выехать при первом случае в Константинополь, вынужден был обратиться к проку-

порскому надзору в Севастополе с просьбой содействовать в возврате удержанного Клуге. Собственно в этом и состоит моя вина», — писал Л. А. Моисеев. Далее он отметил, что обращение не носило политического характера, так как «менее всего (Клуге) является красным, выехал своевременно с белями в Константинополь»²⁷.

Л. А. Моисеев обвинялся и в том, что он раздавал конфискованные предметы старины их прежним собственникам и неправильно расходовал средства. В дополнении к листу допроса он пояснял, что все «возвраты конфискованного производились не по его личной инициативе, а по распоряжению зав. музейным отделом Наркомпроса Троцкой, которой подчинялась организованная в первые годы Советской власти Секция по делам Охраны при отделе Наробраза Севастопольского Ревкома; Крымохрис, Севастопольский Комитет были в курсе того, что было сделано в период частичного возвращения Соввластью собственникам имущества и другими Крымскими организациями Охриса их бывшим владельцам, так как условий для хранения конфискованных ценностей не было»²⁸.

О том, что обвинение по данному пункту не являлось правомерным, свидетельствует Постановление Совета Народных Комиссаров Крыма от 14 октября 1924 г. г. Севастополя «О регистрации художественных ценностей в Крыму», в котором предписывалось произвести перерегистрацию всех памятников искусства и старины, находящихся на территории Крымской республики с целью выявления имеющих «исключительную музейную ценность» для передачи в музеи. «Научно-художественная экспертная комиссия Крымохриса на основании Инструкции Наркомпроса должна производить оценку и предметы, не составляющие музейного значения, вернуть прежним владельцам вместе с охранным свидетельством Наркомпроса по Крымохрису в полное распоряжение». Но при этом указывалось, что продажа и вывоз за границу возвращенного запрещались. Постановление подписано Председателем Совета Народных комиссаров Крыма Саидом-Галиевым²⁹. То, что «перемещение» поступавших находок строго документировалось, свидетельствует, например, «Акт о передаче коллекции Гидалевича от 6 марта 1924 г.», составленный Л. А. Моисеевым и научным сотрудником Дома-музея им. Толстого³⁰, в котором говорится, что первый сдал, а второй принял: «античное стекло, террактовые изделия, гипсовые и керамические поделки, античную бронзу, предметы и подвески, датируемые до XIX в.»³¹.

Объяснив, что «возвращение конфискованного прежним владельцам» возглавляемой им Секцией производилось на основании соответствующих распоряжений», Л. А. Моисеев отмечал, что о ее работе имеются «похвальные отзывы»; одновременно он сетовал, что «арест остановил работы по организации музея в самом разгаре; рабочие остаются без задания»³².

Музейные сотрудники, выступившие в защиту своего директора, также писали, что Комитет по охране памятников искусства, старины, народного быта и природы был создан по поручению Всероссийского Музейного отдела, когда «тяжелые годы 1921 и 22 г. — безденежья и голода — поставили музеи под угрозу гибели»; что «о деятельности Комитета извещены Главнаука; от лица ее Музейного отдела Н. И. Троцкая давала лестные отзывы (подчеркнуто в документе. — А. Р.) о данной работе. В октябре комитет прекратил существование. Функции свои передал Крымохрису и местным органам. Еще до этого были взяты в порядке учета и охраны (не конфискованные) вещи у проживающих в Севастополе граждан, имевшие, как казалось, художественную ценность». Но из-за отсутствия средств и помещений для размещения и охраны собранных вещей, «они были розданы прежним владельцам под расписку и обязательство выдать их по первому требованию»³³.

В октябре 1926 г. Л. А. Моисеев был освобожден, но к руководству Херсонесским музеем он уже не вернулся³⁴, более того, в скором времени у него была отобрана казенная мебель и предписано, что, «если он не уберет свои вещи из музейного помещения, то они будут вынесены на Склад»³⁵.

Незадолго до получения данного распоряжения Л. А. Моисеев сообщал в Российскую Академию истории материальной культуры о положении дел: «Не получали кредитов; один сотрудник умер от истощения; реквизированы: пролетка, телефон, фотоаппарат; исследования вести невозможно.

7.11.26 музей разграблен 6 неизвестными лицами в красноармейской форме, которые в запасном помещении, расположенном на берегу моря, выдавили окно, из трех витрин были вынесены вещи и еще два ящика с находками. Нарушен порядок размещения экспонатов. Похищенное потоптано ногами. Произведенное дознание результатов не дало»³⁶.

Необходимо заметить, что Л. А. Моисеев неоднократно писал о необходимости безотлагательных мер, иначе «от открытых в течение этих лет (с 1888 г.) памятников, оставленных на месте, из находок, собранных, в том числе в Херсонесском музее, останутся вновь одни лишь беспризорные и расхищенные стихией и человеком, потерявшие всякое научное значение, руины».

Препятствовать расхищению чрезвычайно сложно, так как «городище не изолировано; вместо Музея здесь имеется лишь развалившийся сарай, уже со времени сооружения именовавшийся Складом Древностей».

Центральная часть городища (где много важных памятников, в том числе и не раскопанных) занята монастырем с усадьбой, «со всеми имеющимися там многочисленными, первоклассного значения, античными сооружениями, находится вне ведения Херсонесской дирекции, несмотря на Декрет Крымревкома № 450». Спасти положение могла бы передача всех зданий монастыря Музею³⁷.

Но осуществлять это пришлось при сменившем Л. А. Моисеева К. Э. Гриневиче³⁸.

После проведенной по инициативе К. Э. Гриневича в 1927 г. конференции в Севастополе, на которой были подведены итоги столетнего периода раскопок и намечены новые задачи по археологическому исследованию городища, начинается новый этап в истории Херсонесского музея. Однако и К. Э. Гриневичу не удалось реализовать одну из идей, которая возникла в годы недолгого заведования Л. А. Моисеева музеем: создать в Херсонесе Археологическую станцию.

Послесловие. Свой вклад в исследование Херсонеса внесли многие люди, беззаветно преданные его древностям. Имена некоторых из них сохранили строчки официальных документов, как, например, рабочего Федорова, оставшегося в Севастополе, оккупированном в самом начале Великой Отечественной войны и вместе с А. К. Тахтаем спасавшим его находки³⁹.

Нельзя не упомянуть чертежника М. И. Скубетова⁴⁰, чья подпись стоит под многими чертежами, которые фиксируют сооружения, открытые раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича⁴¹, или архитектора Н. М. Янышева (1859–1938)⁴². Нам, сегодняшним, следует помнить слова Марка Туллия Цицерона: «Да убоится история какой бы то ни было лжи, да не убоится она какой бы то ни было правды».

Примечания

- ¹ Гриненко Л. О. Из истории Херсонесского музея (1914–1924)//Древности 1997–1998. — Харьков, 1999. — С. 187–197; Гриненко Л. О. «Керченский коллега» (Роль В. В. Шкорпила в становлении Херсонесского музея)//БИ. — 2005. — Вып. 9. — С. 330–359; Непомнящий А. А. Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX—начале XX века. — Симферополь, 1996; Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители о развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII—начало XX века)//Институт украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. — К., 1999 (Серия «Научно-справочные издания по истории Украины». — Вып. 46); Непомнящий А. А. Биобиблиография А. Б. Ашика в контексте изучения Крыма в XIX в.//БИ. — 2002. — Вып. 2. — С. 333–345; Непомнящий А. А. Подвижник изучения боспорских древностей: Ю. А. Кулаковский//БИ. — 2002. — Вып. 2. — С. 366–379; Непомнящий А. А. А. Л. Бертье-Делагард: Биобиблиографические штудии//БИ. — 2004. — Вып. 5. — С. 476–494; Непомнящий А. А. Страницы истории крымского краеведения в 30-е гг. XX века//БИ. — 2006. — Вып. 10. — С. 361–383; Непомнящий А. А. Подвижник крымского краеведения (Василий Христофорович Кондаракис)//Историческое наследие Крыма. — 2003. — № 1. — С. 27–43. Огромное

значение имеет стремление редакция журнала «Историческое наследие Крыма» не только освещать деятельность крымских историков и краеведов, но и возратить читателям ставшие библиографической редкостью работы (в № 1 за 2003 г. начато факсимильное воспроизведение книги П. И. Кепсена «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических», изданной в 1837 г.).

- ² Можно было бы привести подробный список, отражающий данное направление научных занятий В. И. Кадеева, остановлю внимание только на некоторых работах: *Кадеев В. И.* В. П. Бузескул как историк // Вестник Харьк. ун-та. — 1983. — № 238. — С. 48–52; *Кадеев В. И.* Краткий очерк научной и педагогической деятельности К. Э. Гриневича // К. Э. Гриневич — профессор Харьковского университета. Библиографический указатель. — Харьков, 1991. — С. 3–7; *Кадеев В. И.* Константин Эдуардович Гриневич // Археология. — 1991. — № 4. — С. 119–129 (на укр. яз.); *Кадеев В. И.* К. Э. Гриневич как ученый // Вестник Харьк. ун-та. — 1992. — № 362: История. — Вып. 25. — С. 129–134; *Кадеев В. И., Токарев А. Н.* (публ. и комм.) Письма профессора Харьковского университета Владислава Петровича Бузескула к профессору Софийского университета Гаврилу Илиеву Кацарову (1904–1929 гг.) // Древности 2005. — С. 310–320.
- ³ *Гриненко Л. О.* Из истории Херсонесского музея...
- ⁴ После смерти К. К. Косцюшки-Валюжинича в течение нескольких месяцев заведовал раскопками член ИАК с 1902 г. Николай Иванович Репников, во время эвакуации музейных ценностей из Крыма в начале Первой мировой войны он был секретарем археологической комиссии, в 1922 г. стал — сотрудником Археологической комиссии АН СССР.
- ⁵ *Гриневич К. Э.* Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лепера // ХСб. — 1930. — Вып. 3. — С. 5–139.
- ⁶ Выдающийся историк античности М. И. Ростовцев высоко отзывался о Л. А. Моисееве в одном из писем к Ф. И. Успенскому, отмечая, что тот хорошо знает «технику раскопок и классические вещи» (*Ростовцев М. И.* — Ф. И. Успенскому, 4.12.1911 // Письма М. И. Ростовцева С. А. Жебелеву, Ф. И. Успенскому, Н. Я. Марру / Публ. И. В. Тункиной // Скифский роман. — М., 1997. — С. 412).
- ⁷ О событиях тех лет также см.: *Гриненко Л. О.* Из истории Херсонесского музея... — С. 187–197.
- ⁸ *Моисеев Л. А.* Из истории западного побережья Тавриды. 1. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории // ИТАУАК. — 1918. — № 54. — С. 241–259; *Моисеев Л. А.* Херсонес и скифы. — Симферополь, 1918; *Моисеев Л. А.* План Херсонесского городища. — Севастополь, 1923; *Моисеев Л. А.* Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеяском полуострове: Сообщение на конференции археологов в Керчи 10 сентября 1926 г. // Зап. Крымск. общества ест.-испыт. и любителей природы. — 1926. — Т. 9. — С. 115–

122. Им было написано также несколько статей, которые относятся к истории Херсонеса.

- ⁹ При этом следует помнить, что до создания Склада древностей при монастыре уже имелось хранилище христианских древностей (см.: *Гриненко Л. О.* Предтеча археологического музея в Херсонесе: Музей архимандрита Евгения // *Восток–Запад: Межконфессиональный диалог: Тез. док.* — Севастополь, 2002. — С. 12–13 (также см.: *Восток–Запад: Межконфессиональный диалог.* — Севастополь, 2003. — С. 97–101).
- ¹⁰ Документ о создании археологической станции в Херсонесе подписан академиком Н. Я. Марром, Б. В. Фармаковским (см.: *Отношение РАИМК в Совнарком Крыма об оказании содействия в организации 1-й археологической станции в Херсонесе, 25.03.1924* // Архив НЗХТ. — Дело 1562–2. — Л. 55–56). Проект предусматривал размещение Археологической станции в зданиях монастыря. Она должна была состоять из музея, библиотеки, лапидария, предназначавшегося для хранения эпиграфических памятников и скульптуры, и городища. Планировалось также создать постоянную «рабочую общину для производства раскопок» // Архив НЗХТ. — Дело 1572. — Л. 12. Николай Яковлевич Марр (1864–1934) востоковед, лингвист, кавказовед, председатель РАИМК-ГАИМК, создатель и директор Яфетического института (1921–1934). Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928) один из создателей РАИМК-ГАИМК, профессор Петроградского-Ленинградского университета, член-корреспондент Петербургской АН (1914), хранитель Эрмитажа, историк античного искусства, организатор раскопок в Ольвии.
- ¹¹ Вероятнее всего, «никчемность и грубость монахов» полемически преувеличена.
- ¹² Ее письмо полностью приводится в публикации «Сто лет херсонесских раскопок» (Севастополь, 1927. С. 33–35); также см.: *Архив НЗХТ.* — Дело 40.
- ¹³ О Херсонесском монастыре в первой четверти XX в. см.: *Гриненко Л. О.* Херсонесский музей и монастырь: Проблемы взаимоотношений в 20-х годах XX в. // *Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе.* — Севастополь, 2001. — С. 124–129.
- ¹⁴ Наталья Ивановна Троцкая-Седова (1882–1962 гг.), вторая жена Л. Н. Троцкого, как и он, отстраненная от должности в конце 1925 г.
- ¹⁵ *Архив НЗХТ.* — Дело 1572. — Л. 23 (с. 13).
- ¹⁶ *Там же.* — Л. 38 (с. 43).
- ¹⁷ *Там же.* — Л. 35 (с. 37). Безусловно, и Керченские памятники, и Херсонесские одинаково значимы для науки. Но «гегемония» Херсонеса обусловлена, что вполне объяснимо тем, что — это хорошо сохранившееся городище, с минимальной застройкой нового времени. Раскопки города позволяют проследить особенности развития города в античной и в средневековой периоды. До настоящего времени византинисты подчеркивают уникальность Херсонеса, лучшую изученность его памятников в сравнении с другими византийскими городами, имевшими

территориальный континуитет (например, см.: *Brandes W. Die Städte in Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert.* — В., 1989. — С. 120).

- ¹⁸ В 1912 г. Л. А. Моисеев был командирован Министерством Народного Просвещения в Гейдельберг для подготовки к профессорскому званию по кафедре теории и истории искусств. По возвращении к нему обратилось руководство Императорской археологической комиссии с просьбой поехать в Херсонес с тем, чтобы помочь Б. В. Шкорпилу в приеме дел от Р. Х. Лепера, ознакомиться на месте с результатами раскопок 1912 г. и составить научный отчет (об этом см.: *Гриненко Л. О. Из истории Херсонесского музея...* — С. 189).
- ¹⁹ Р. Х. Лепер не продолжил традицию К. К. Косцюшко-Валюжинича — посылать в ИАК ежегодные отчеты о раскопках.
- ²⁰ Подробнее о В. В. Шкорпиле см.: *Гриненко Л. О. «Керченский коллега»* (Роль В. В. Шкорпила в становлении Херсонесского музея)//БИ. — 2005. — Вып. 9. — С. 330–359.
- ²¹ В декрете подчеркивалось, что он, как советский служащий, защищен от реквизиций и обысков, может быть задержан только после уведомления Отдела Севастопольского Ревкома Наробраза//Архив НЗХТ. — Дело 1518. — Л. 19.
- ²² *Объяснение* Л. А. Моисеева на обвинение//Архив НЗХТ. — Дело 1572. — Л. 155–156.
- ²³ Причина ареста была названа только через два месяца, что нарушало его права, как отмечал Л. А. Моисеев, так как «согласно декрета Совнаркома от 14.12.1918 г. как советский служащий защищен от реквизиций и обысков, <...> мог быть задержан только после уведомления Отдела Севастопольского Ревкома Наробраза (см.: *Архив НЗХТ.* — Дело 1518, л. 19). Бегло остановившись на событиях тех лет, И. В. Тункина полагает, что виновником ареста Л. А. Моисеева являлся К. Э. Гриневич, занявший пост директора после него. Она пишет, что «по непроверенным сообщениям А. Н. Щеглова и А. С. Голенцова по доносу К. Э. Гриневича Л. А. Моисеев арестован — повод нарушение финансовой отчетности; вернулся из заключения после Второй мировой войны, поселился в Ялте, прекратил заниматься наукой. Его архив хранится в Ялтинском краеведческом музее» (см.: *Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России, XVIII—середина XIX в.* — СПб., 2002. — С. 497). В документах, в которых отражен ход судебного разбирательства, имя К. Э. Гриневича не упоминается. Как автор клеветы на Л. А. Моисеева неоднократно назван некий Бирзгал — зам. зав. Кымохрисом — «невежественный в музейном деле» (см.: *Заявление* от научных работников... в Севастопольский районный комитет Всесоюзной коммунистической партии (Б)//Архив НЗХТ. — Дело 1572. — Л. 125).
- ²⁴ *Моисеев Л. А. Заявление* Народному следователю 3 участка г. Севастополя//Архив НЗХТ. — Дело 1572. — Л. 35.
- ²⁵ В данном случае следует напомнить еще один факт, не приводимый в следственных делах, о котором упоминается в статье Л. О. Гриненко. Летом 1919 г. по поручению

эмигрировавшего графа Бобринского Л. А. Моисеев принял на себя обязанности председателя Археологической Комиссии (в Петрограде в это время уже существовала Российская Государственная Академия истории материальной культуры). Полномочия Л. А. Моисеева были подтверждены во время его поездки в Ростов-на-Дону Особым Совещанием при Командовании ВСЮР (см.: *Гриненко Л. О.* Из истории Херсонесского музея... — С. 194).

²⁶ Публикатор писем М. И. Ростовцева И. В. Тункина приводит следующие данные о Николае Карловиче Клуге: «(ум. 1947), художник-копиист, фотограф. В феврале 1920 г. эмигрировал в Константинополь; в 1930 г. получил турецкое гражданство, работал в Американском археологическом институте в Стамбуле. Сведения взяты из некролога (см.: *Byzantion*. — 1948. — Т. 18. — Р. 352–353).

²⁷ *Моисеев Л. А.* Заявление Начальнику Сев. Отд. ГПУ Народному следователю 3 участка г. Севастополя//Архив НЗХТ. — Дело 1572. — Л. 79.

²⁸ *Моисеев Л. А.* Дополнение к листу допроса//Архив НЗХТ. — Дело 1572. — Л. 78. О неправомерности обвинения по данному пункту свидетельствует Постановление Совета Народных Комиссаров Крыма от 14 октября 1924 г. г. Севастополя «О регистрации художественных ценностей в Крыму», в котором предписывалось произвести перерегистрацию всех памятников искусства и старины, находящихся на территории Крымской республики, для выявления имеющих «исключительную музейную ценность». Осуществить такую работу должна была научно-художественная экспертная комиссия Кымохриса. Предметы, не составляющие музейного значения, следовало возвратить владельцам вместе с охранным свидетельством Наркомпроса по Кымохрису в полное их распоряжение. Под документом подпись Председателя Совета Народных комиссаров Крыма Саид-Галиев //Архив НЗХТ. Дело 1572, л. 52. В связи с обвинением Л. А. Моисеева в «хищении и раздаче ценностей прежним владельцам», следует вспомнить одно из *Постановлений* Совета Народных Комиссаров о составлении государственного фонда ценностей для внешней торговли, в котором говорилось: «Для создания государственного запаса предметов роскоши и старины для вывоза за границу, создать экспертные комиссии. На них возлагался отбор, классификация, оценка и учет предметов для экспорта художественных ценностей и антиквариата. Все учреждения должны допускать комиссию, предоставлять ей вещи к осмотру, кроме музеев Республики и хранилищ государственного музейного фонда, состоящих в ведении Главмузея. Подписи под Постановлением: В. Ульянов и управляющий делами Н. Горбунов. 7.02.1921». (Копия документа имеется в архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический»//Архив НЗХТ. — Дело 1563. — Л. 5). При этом, согласно Мандату Чрезвычайной Комиссии при Совете Труда и Оборон от 8.09.1921 г. № 64 предписывалось «допускать к осмотру помещений и находящихся в них ценностей, художественных и ценных предметов, <...> выдавать их под расписку». (Подлежали оценке, отбору и вывозу картины, статуи, бронза,

медали, монеты). Подпись Г. А. Бонч-Осмоловского//Архив НЗХТ. — Дело 1563. — Л. 9. При чтении документов не может не возникнуть вопросов: Кто расхищал бесценные памятники прошлого? Была ли «вина» Л. А. Моисеева, возвратившего на время некоторые памятники искусства прежним владельцам, большей в сравнении с теми лицами, кто подписывал постановления о вывозе художественных ценностей за границу?

²⁹ См.: *Архив НЗХТ*. — Дело 1572. — Л. 52.

³⁰ В одном из архивных документов говорится о том, что дом-музей Л. Н. Толстого был открыт в 1921 г. (см.: *Архив НЗХТ*. — Дело 1562/1).

³¹ *Архив НЗХТ*. — Дело 1572. — л. 66/об. Временно здесь же находились реэвакуированные из Харькова материалы, о чем Л. А. Моисеев писал: «В доме-музее Толстого все снова в одной куче. <...> И неужели Херсонесским древностям нужно было через 10 лет, вернуться из Харькова для того, чтобы здесь, не доехав до места своего прямого назначения (Херсонеса), попасть в столь гибельные условия хранения, в каких теперь предстает прекрасная сама по себе коллекция Гидалевича. Не знаю, подвинулась хоть сколько-нибудь переинвентаризация Музея Севобороны, разворачивается ли Музей Херсонеса в бывшей монастырской усадьбе или опять на мертвой точке»//Архив НЗХТ. — Дело 1572. — Л. 40об-41. В настоящее время коллекция Гидалевича находится в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический».

³² *Моисеев Л. А.* Дополнение к листу допроса//Архив НЗХТ. — Дело 1572. — Л. 78.

³³ Заявление от научных работников... В Севастопольский районный комитет Всесоюзной коммунистической партии (Б)//Архив НЗХТ. — Дело 1572. — Л. 125.

³⁴ В скором времени после освобождения Л. А. Моисеев переехал в Ялту. Последнее его выступление на одной из конференций относится к 1939 г. (см.: *Моисеев Л. А.* Иранские системы водоснабжения в Крыму//Третий Международный конгресс по иранскому искусству и археологии: Доклады. — М.; Л., 1939. — С. 135–137).

³⁵ Отношение заведующего Военно-историческим музеем и заместителем директора Херсонесским музеем Е. Шахбазян//Архив НЗХТ. — Дело 1562. — Л. 26.

³⁶ *Моисеев Л. А.* Отношение в РАИМК//Архив НЗХТ. — Дело 1572. — Л. 21.

³⁷ *Моисеев Л. А.* Отношение к Завглавнакой Наркомпроса, 22.09.22 г. № 521//Архив НЗХТ. — Дело 1572. — Л. 16. О событиях тех лет также см.: *Гриненко Л. О.* Херсонесский музей и монастырь... — С. 124–129.

³⁸ К. Э. Гриневич занимался в семинарах С. А. Жебелева и М. И. Ростовцева. В 1927 г. был заместителем заведующего музейным отделом Комитета просвещения РСФСР, ученым секретарем Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), репрессирован в 1932 г., после реабилитации преподавал в Томске, затем в Нальчике, в 1953 г. переехал в Харьков, где был избран заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков в университете (1966 г.). Кроме выше при-

веденных статей о нем В. И. Кадеева также см.: *Латышева В. А. К. Э. Гриневич как археолог*//Древности 2004. — С. 284–294.

³⁹ О нем см.: *Греб В. И., Супруненко О. Б.* Археолог Олександр Тахтай. — Полтава, 1991.

⁴⁰ М. И. Скубетов родился в 1872 г.; в 1900 г. принимал участие в строительстве броненосцев «Ростислав» и «12 Апостолов» в Николаеве; после революции его следы теряются (см.: *Архив НЗХТ.* — Дело 175. — Л. 86).

⁴¹ М. И. Скубетов обобщил материалы раскопок 1907 г., ставшего последним для К. К. Косцюшко-Валюжинича (см.: *Скубетов М. И.* Раскопки Херсонесского некрополя в 1907 году//ИТУАК. — 1918. — № 54. — С. 289–296. В статье сказано, что исследовано 21 погребение в семейных склепах, высеченных в скале, а также грунтовые погребения, датируемые II–IV вв. н. э. М. И. Скубетов высказал предположение, что ранее на данной территории существовало поселение. Близость его к Херсонесу — свидетельство, что оно было связано с ним: *Скубетов М. И.* Древнехристианские бронзовые лампадные подвески, найденные при раскопках в Херсонесе//ИТУАК. — 1910. — № 44. — С. 42–44; *Скубетов М. И.* Римский фамильный склеп II–IV вв. по Р. Хр., открытый в Херсонесе в 1907 году//ИТУАК. — 1911. — № 45. — С. 38–49 (Приведено описание и план сооружения, чертежи находок). См. также другие статьи М. И. Скубетова: *Скубетов М. И.* Закладные камни с крестами, встречающиеся в Херсоно-византийском церковном строительстве, общественных и частных зданиях//ИТУАК. — 1910. — № 44. — С. 45–50 (находки не датированы. — А. Р.); *Скубетов М. И.* Древнехристианский фамильный склеп с фресковой росписью близ Херсонеса, на земле Н. Н. Тура//ИТУАК. — 1916. — № 53. — С. 177–189. Чертежи М. И. Скубетова стали основой при рассмотрении фортификации Херсонеса для военного инженера М. И. Гарабурды, опубликовавшего статью «Оборонительная стена Херсонеса. Пояснительная записка к плану юго-западного участка оборонительной стены древнего Херсонеса» (ИТУАК. — 1909. — № 43. — С. 88–98). К ним обращались и другие исследователи (например, см.: *Маркевич А. И.* Островок в Казачьей бухте, как предполагаемое место кончины св. Климента, Папы римского//ИТУАК. — 1909. — № 43. — С. 105–114).

⁴² После окончания Академии художеств (1883 г.), работал в Херсонесе, был инспектором в реальном училище г. Севастополя, в 1928 г. преподавал в трудовой школе. По отзывам собеседников, он «был ходячей энциклопедией» (см.: *Новикова Т. А.* Воспоминания о Янышевых Н. М. и О. А.//Архив НЗХТ. — Дело 2076. — 20 л.). В 1932 г. Н. М. Янышев переехал в Херсонес, где и остался навсегда. Его прах покоится рядом с К. К. Косцюшко-Валюжиничем.

И. П. Сергеев

О периодизации развития историографии античной истории

пециальный курс по историографии античной истории, как и курс по истории любого другого раздела исторической науки, призван сыграть немаловажную роль в профессиональной подготовке историков, содействовать их умению разобраться в специальной литературе, критически подходить к ней, выбирать темы для исследовательской работы и избегать промахов как в научной, так и в педагогической работе¹. В. И. Кадеев читал данный спецкурс студентам, специализировавшимся по древней истории, на протяжении нескольких десятков лет. Хотя с тех пор, когда мне довелось слушать его лекции по истории развития антиковедения, прошло немало времени, в моей памяти сохранились высказывания В. И. Кадеева о разработке проблем истории античных государств Бартольдом Нибуром, Августом Бекон, Теодором Моммзеном, В. П. Бузескулом и другими выдающимися антиковедами.

К сожалению, я не помню, как В. И. Кадеев трактовал вопрос о периодизации развития историографии античной истории. Но я уверен, что он не мог не уделить этому вопросу внимания, поскольку выделение отдельных периодов в развитии историографии имеет большое значение и для построения самого лекционного курса по историографии и для выяснения характерных черт и особенностей развития исторической науки в отдельные временные промежутки².

Следует отметить, что при всеобщем признании важности вопроса о периодизации развития историографии специалисты в области истории исторической науки для выделения периодов этого развития применяют разные критерии периодизации. В советской историографии в основе периодизации развития исторической мысли лежало деление истории человеческого общества на социально-экономические формации. В соответствии с этим, хронологические рамки отдельных периодов развития исторической науки тесно увязывались с теми событиями, в основном социально-политического характера, которые, с точки зрения историков-марксистов, знаменовали собой начало, окончание или какой-то этап развития той или иной социально-экономической формации (английская буржуазная революция, Великая французская буржуазная революция, буржуазные революции конца 40-х гг. XIX в. в Европе и т. п.)³.

Периодизация развития историографии истории античных государств в советское время наиболее четко была изложена В. И. Кузициным

в изданном под его редакцией учебном пособии по историографии античной истории⁴. Время публикации данного пособия (1980 г.), несомненно, определило то, какими критериями руководствовался В. И. Кузищин при выделении периодов развития антиковедения. Долгое время советские историки, читавшие спецкурсы по историографии античной истории, включая и автора данной статьи, безоговорочно брали на вооружение эту, предложенную авторитетным ученым, периодизацию. Однако с позиций сегодняшнего дня нам представляется, что она нуждается в некоторой корректировке. Эта корректировка (в порядке дискуссии) и предпринимается в предлагаемой вниманию читателя публикации.

Конечно же, мы, трактуя вопрос о периодизации развития антиковедения в существенно другой идеологической обстановке в стране, не ставим перед собой цель «полного разгрома» периодизации, предложенной В. И. Кузищиным. Но поскольку спецкурсы по историографии античной истории студенты продолжают слушать, а читающим эти спецкурсы преподавателям нужно в условиях отсутствия свежих учебных пособий по этому предмету как-то трактовать вопрос о периодах развития антиковедения, мы считаем оправданной и актуальной попытку уточнения периодизации, изложенной в пособии, изданном более четверти века назад.

Итак, перейдем к существу вопроса: попробуем выяснить, в какой мере нас и сегодня могут устраивать предложенные В. И. Кузищиным периоды развития историографии античной истории и их хронологические рамки.

В истории развития историографии античной истории В. И. Кузищин выделяет семь периодов, первому из которых предшествует так называемая «предварительная стадия историографии», охватывавшая время от падения Западной Римской империи до эпохи Возрождения, т.е. время, когда история античных государств не исследовалась, а принципиально (на основании определенной историко-философской доктрины) предавалась забвению⁵.

По нашему мнению, при разработке вопроса о периодизации развития любого исторического явления необходимо определиться с критерием периодизации, т. е. с тем, что будет положено в основу выделения временных отрезков в истории этого развития. Здесь мы вполне можем согласиться с мыслями В. И. Кузищина о том, что в основе периодизации развития историографии античной истории должны лежать те условия, в которых происходило изучение истории античных государств в отдельных странах Европы или в целом в мире. Эти условия (господствующие философские концепции, источниковая база для изучения античной истории, методика работы с источниками и т. д.) определяли проблематику исследователей античной истории, глубину исследования и трактовку отдельных вопросов истории античных государств⁶.

Исходя из этих соображений, мы считаем вполне оправданным и приемлемым выделение В. И. Кузициным периода с конца V по XIII в. в качестве предварительной стадии в истории историографии античности. Действительно, в это время, в условиях господства в Западной Европе церковной христианской идеологии, антиковедение еще не начало развиваться, общественный интерес не побуждал историков к написанию специальных исследований по истории государств античности. Наоборот, чем дальше от времени гибели Западной Римской империи, тем меньше в хрониках и мировых историях, издававшихся церковными историками, уделялось места истории государств древних греков и римлян.

Не вызывает возражений и предложение В. И. Кузицина увязывать начало первого периода развития историографии античной истории с таким важным явлением в социально-культурной жизни Западной Европы, как Возрождение, которое, по его мнению, представляло собой «возрождение преданных забвению и поруганию духовных ценностей античного общества»⁷.

Однако в отношении того, как определяются В. И. Кузициным окончание первого периода и хронологические рамки трех последующих периодов развития историографии античности, на наш взгляд, можно предложить некоторые корректировки. Думается, что нет необходимости жестко увязывать продолжительность этих периодов с такими, безусловно крупными и важными событиями, как английская буржуазная революция середины XVII в., Великая французская буржуазная революция 1789 г., буржуазные революции в ряде стран Европы в конце 40-х гг. XIX в.⁸. Конечно, эти события оказали влияние на развитие европейского антиковедения. Но это влияние нашло отражение в публикациях антиковедов Европы через какое-то время. Поэтому, по нашему мнению, более правильно будет датировать окончание первого периода развития европейского антиковедения и, соответственно, начало второго не началом английской буржуазной революции, а серединой XVII в. Окончание же второго периода уместнее не увязывать с началом революции во Франции, а датировать концом XVIII в. В соответствии с этим, предлагаем считать третьим периодом развития европейского антиковедения первую половину XIX в.

Пятый период европейского антиковедения, по мнению В. И. Кузицина, начался (а четвертый, соответственно, закончился) в середине 90-х гг. XIX в., когда мировой капитализм вступил в свою высшую стадию — империализм, и продолжался до Великой Октябрьской социалистической революции в России⁹.

На наш взгляд, выделять два десятилетия (с середины 90-х гг. XIX в. до 1917 г.) в особый период в истории изучения античных государств нет

достаточных оснований. Вполне допустимо объединить их с четвертым, в соответствии с периодизацией В. И. Кузищина, охватывавшим вторую половину XIX в. периодом и считать, что этот «новый» четвертый период охватывает вторую половину XIX в. и начало XX в. (до начала Первой мировой войны и революции 1917 г. в России). По существу, такую датировку данного периода предлагает и сам В. И. Кузищин в недавно изданном учебнике по истории Древнего Рима¹⁰.

Несомненно, десятилетия между двумя мировыми войнами следует считать отдельным периодом развития антиковедения, как это и предлагалось В. И. Кузищиным в пособии 1980 г.¹¹ (только теперь его нужно называть не шестым, а пятым).

После окончания Второй мировой войны начался новый период развития мирового антиковедения. В 1980 г. В. И. Кузищин определял его как седьмой, продолжавшийся до момента издания не раз уже упомянутого учебного пособия¹². В соответствии с предлагаемой нами периодизацией, его следует считать шестым, а его продолжительность нужно ограничить началом 90-х гг. XX в. При этом мы не предлагаем свою датировку окончания данного периода, а присоединяемся к мнению на этот счет В. И. Кузищина, высказанному им в уже упомянутом учебнике по истории Древнего Рима.

По определению В. И. Кузищина, одной из особенностей изучения истории древнего мира, начиная с 90-х гг. XX в., является то, что после распада СССР в бывших странах социализма оно проходит в рамках методологического плюрализма, сменившего официальную идеологию, учение исторического материализма, в частности, учение о социально-экономических формациях¹³. Это привело к тому, что антиковеды бывших стран социалистического содружества получили возможность трактовать проблемы истории античных государств не только с марксистских позиций, расширилась проблематика их исследований по античной истории.

Второй особенностью развития антиковедения в этот период В. И. Кузищин считает усиление творческих контактов между антиковедами бывших социалистических стран и их коллегами из стран Западной Европы и США. Эти контакты «проявляются в совместных научных конференциях и симпозиумах, участии в совместных научных проектах, обучении и стажировках наших студентов и аспирантов за рубежом»¹⁴. Естественно, это усиление контактов благотворно сказалось на развитии мирового антиковедения, способствовало взаимному обогащению бывших «буржуазных» антиковедов и историков-марксистов, объединению их усилий в решении важных проблем античной истории.

Думается, что к отмеченным особенностям продолжающегося и поныне седьмого периода развития антиковедения можно отнести и примерно

совпавшее во временном отношении с ликвидацией «железного завеса» широкое применение компьютерных технологий в научной деятельности историков-антиковедов. Создание электронных версий текстов источников и научной продукции антиковедов, использование интернета, электронной почты, ксерокопирования, сканирования и т. д. облегчает и ускоряет контакты между учеными, обмен информацией, повышает производительность исследовательской деятельности, позитивно сказывается на развитии антиковедения в целом.

Таким образом, высказанные выше предложения по корректировке периодизации развития антиковедения, позволяют сделать вывод о том, что история изучения истории античных государств, как и раньше, включает в себя семь периодов и предшествующую первому из них предварительную стадию¹⁵. Предложенная нами новая версия периодизации, вероятно, не удовлетворит всех специалистов в области историографии античной истории. Если же она приведет к научной дискуссии по поднятому нами вопросу, то от такой дискуссии выиграет, прежде всего, сама историография античной истории.

Примечания

- ¹ Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Курс лекций. — Л., 1982. — С. 4.
- ² См. об этом: Ефременков Н. В. Некоторые вопросы периодизации советской исторической науки//История СССР. — 1961. — №4. — С. 98; Жуков Е. М. Очерки методологии истории. Изд. второе, испр. — М., 1987. — С. 144–145; Про А. Двенадцать уроков по истории: Пер. с фр. Ю. В. Ткаченко. — М., 2000. — С. 117–119; Попова Т. Н. Теоретические проблемы периодизации развития исторической науки и ее истории//Проблеми періодизації історії та історіографічного процесу. Харківський історіографічний збірник. Вип. 5. — Харків, 2002. — С. 5.
- ³ См.: Луцкий Е. А. Основные принципы периодизации развития советской исторической науки//История СССР. — 1961. — № 2. — С. 105; *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки*/Под ред. И. С. Галкина и др. — М., 1977. — С. 5–7; Жуков Е. М. Указ. соч. — С. 151 сл.
- ⁴ *Историография античной истории: Учеб. пособие*/Под ред. В. И. Кузищина. — М., 1980.
- ⁵ Там же. — С. 8.
- ⁶ Там же. — С. 6–8, 393.
- ⁷ Там же. — С. 19.
- ⁸ Там же. — С. 9–10.
- ⁹ Там же. — С. 10.

¹⁰ См.: *История Древнего Рима*/Под ред. В. И. Кузицина. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2001. — С. 18.

¹¹ *Историография античной истории...* — С. 11.

¹² *Там же.*

¹³ *История Древнего Рима...* — С. 32.

¹⁴ *Там же.*

¹⁵ Мы не ставим перед собой задачу характеристики каждого из этих периодов, поскольку она была сделана В. И. Кузициным (См.: *Историография античной истории...* — С. 8–12). Уместным, видимо, было бы лишь отказаться от гиперболизации кризисных явлений в развитии «буржуазной» историографии античной истории в период империализма и степени восприятия западными антиковедами идей марксизма-ленинизма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України
АМА	— Античный мир и археология
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВХУ	— Вісник Харківського університету
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДАН	— Доклады Академии наук
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	— Записки Одесского Общества истории и древностей
ИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии
ИНМВ	— Известия на Народния музей — Варна (Варна)
ИРАИК	— Известия Русского Археологического института в Константинополе
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБН	— Корпус боспорских надписей
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения института истории материальной культуры
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАЭСУ	— Музей археологии и этнографии Слободской Украины
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИАДЛ	— Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья
МКАС	— Международный конгресс археологов-славистов
НА ИА	
НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
НЗХТ	— Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
НО	— Надписи Ольвии (1917–1965)/Ред. Т. Н. Книпович, Е. И. Леви. — Л., 1968

ОИПК	— Отдел истории первобытной культуры
ОНТИ ПНЦ	
РАН	— Отдел научно-технической информации Пушкинского научного центра Российской академии наук
РА	— Российская археология
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СВ	— Советское востоковедение
УЗХУ	— Учені записки Харківського університету
ХАЭЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЮТАКЭ	— Южно-туркменская археологическая комплексная экспедиция
AJA	— American Journal of Archaeology
BCH	— Bulletin de correspondance hellenique
BRGK	— Bericht der Römisch-Germanischen Kommission
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
CQ	— Classical Quarterly
CQ	— The Classical Quarterly
ЕНВ	— The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century. Vol. 1–3. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002
IOSPE	— Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. — Vol. I. — Ed. 2. — Petropoli, 1916
JRS	— Journal of Roman Studies
l'AIHV	— l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre
ODB	— The Oxford Dictionary of Byzantium/Prepared at Dumbarton Oaks. Alexander P. Kazhdan. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1991. Vol. 1–3

АВТОРЫ СБОРНИКА

- Алексеев Николай Александрович** — доктор истории университета Сорбонна (Париж, Франция), заведующий филиалом «Чембало» Национального заповедника «Херсонес Таврический», г. Севастополь
- Бардола Константин Юрьевич** — кандидат исторических наук, доцент, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
- Буйнов Юрий Владимирович** — кандидат исторических наук, доцент, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
- Вылканова Виолета** — искусствовед, научный сотрудник Исторического музея г. Варна (Болгария)
- Домановский Андрей Николаевич** — кандидат исторических наук, Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет
- Дьячков Сергей Владимирович** — кандидат исторических наук, доцент, директор Харьковского университетского лицея
- Жиронкина Оксана Юрьевна** — руководитель информационно-аналитической группы, Европейский университет, г. Санкт-Петербург (Россия)
- Зайцев Борис Петрович** — кандидат исторических наук, доцент, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
- Ильина Ольга Михайловна** — соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
- Каплин Андрей Дмитриевич** — доктор исторических наук, профессор, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
- Литовченко Сергей Дмитриевич** — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Харьковского университетского лицея
- Любичев Михаил Васильевич** — кандидат исторических наук, доцент, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
- Скирда Валерий Владимирович** — кандидат исторических наук, доцент, директор Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
- Мартемьянов Алексей Павлович** — кандидат исторических наук, доцент, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Минчев Александр — научный сотрудник Археологического музея г. Варна (Болгария)

Монева Стела — доктор наук, главный ассистент историко-юридического факультета Университета «Св.св. Кирилл и Мефодий», г. Велико-Тырново (Болгария)

Нефедов Константин Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент, Национальный аэрокосмический университет им. Н. Е. Жуковского «ХАИ»

Посохов Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Посохова Людмила Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Романчук Алла Ильинична — доктор исторических наук, профессор, Уральский университет, г. Екатеринбург (Россия)

Ручинская Оксана Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Сергеев Иван Павлович — доктор исторических наук, профессор, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Сорочан Сергей Борисович — доктор исторических наук, профессор, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Токарев Андрей Николаевич — соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Чередниченко Андрей Геннадьевич — кандидат философских наук, старший преподаватель, Белгородский государственный университет, г. Белгород (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-летию Владимира Ивановича Кадеева	4
Список научных трудов	11
Участие в работе научных конференций	22
Диссертации, выполненные под руководством В. И. Кадеева	25
Литература о В. И. Кадееве	26
<i>Зайцев Б. П.</i> Пятьдесят шесть лет вместе в учебе и работе	29

ДРЕВНИЙ МИР

<i>Ильина О. М.</i> Культ Асклепия в официальном пантеоне полисов Западного Понта в I в. до н. э.—III в. н. э.	36
<i>Литовченко С. Д.</i> Малая Армения и каппадокийские события 90-х гг. I в. до н. э.	48
<i>Мартемьянов А. П.</i> К вопросу о романизации сельского населения фракийских земель в первых веках н. э.	57
<i>Минчев Александър, Вълканова Виолета.</i> Североафрикански глинени лампи с християнски символи и библейски сцени от България (V—VI в.)	64
<i>Монева Стела.</i> Подкупничество и наказания в условията на Атинската демокрация	77
<i>Нефедов К. Ю.</i> Боспор и держава Антигонидов в эпоху раннего эллинизма	83
<i>Ручинская О. А.</i> К вопросу о «поощрении» и «порицании» в греческой гражданской общине (по материалам Ольвии эллинского периода)	94
<i>Токарев А. Н.</i> Res publica в идеологии «оптиматов»	101
<i>Чередниченко А. Г.</i> Данайцы в трудах античных мифографов и в истории	111

СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>Алексеевко Н. А., Дьячков С. В.</i> Требюше генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.)	124
<i>Бардола К. Ю.</i> «Милостив к нам как отец», или «Демон в образе человека»? Некоторые замечания о роли императора Юстиниана I Великого в истории Византии	136

<i>Домановский А. Н.</i> О службе комитов (архонтов) проливов и авидиков в Византии V–IX вв. (в контексте государственного контроля и регулирования торговли)	147
<i>Сорочан С. Б.</i> К вопросу о датировке раннего и позднего храма Богоматери Влахернской в византийском Херсоне	158

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Буйнов Ю. В.</i> Новые данные о хронологии памятников малобудковского типа	170
<i>Жиронкина О. Ю.</i> Категория археологических находок — бусы (история изучения: основные тенденции и методы, часть 1)	177
<i>Любичев М. В.</i> Амфоры на памятниках позднеримского времени в области днепро-донецкого водораздела.....	191
<i>Скирда В. В.</i> Салтовская культура в исследованиях ученых Харьковского университета в 40–60-х годах XX века	206

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>Каплин А. Д. В. К.</i> Надлер и его труды на ниве исторического просвещения	214
<i>Посохов С. І.</i> Університетська корпорація: історіографічні аспекти.....	221
<i>Посохова Л. Ю.</i> Андрій Прокопович. Доля українського інтелектуала на рубежі XVIII—XIX століть.....	230
<i>Романчук А. И.</i> Из истории Херсонесского музея (Дело Л. А. Моисеева)	239
<i>Сергеев И. П.</i> О периодизации развития историографии античной истории	252
Список сокращений	258
Авторы сборника	260

Наукове видання

LAUREA:

До 80-річчя професора Володимира Івановича Кадєєва

Відповідальний за випуск *С. В. Д'ячков*,
художній редактор *С. Е. Кулинич*,
комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*,
коректор *І. Л. Д'яченко*

Підписано до друку 17.05.2007.
Формат 60×90/16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Гарнітура SchoolBook.
Умов. друк. арк. 16,5. Наклад 300 прим.

Харківський національний університет
імені В. Н. Каразіна,
майдан Свободи, 4, м. Харків-77, 61077, Україна